

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Иов, или Комедия справедливости

Мы имеем дело с автором абсолютно цельным от начала до конца.
Хайнлайн всегда обращался к читателю так,
будто апеллирует к нации в целом.

Олег Дивов

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Фрайди. Бездна

•

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Чужак в стране чужой

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Кукловоды. Дверь в Лето

•

Марсианка Подкейн. Гражданин галактики

•

Иов, или Комедия справедливости

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Иов,
или Комедия
справедливости**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
JOB: A COMEDY OF JUSTICE
Copyright © 1984 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Владимира Ковалевского, Нины Штутцер
под редакцией Александры Питчер

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

ISBN 978-5-389-14555-9

© В. Ковалевский, Н. Штутцер (наследники),
перевод, 2018
© С. В. Голд, послесловие, 2018
© А. Питчер, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Клиффорду Саймаку

Блажен человек, которого вразумляет Бог,
и потому наказания Вседержителя не отвергай.

Книга Иова, 5: 17

...Пойдешь... через огонь, не обожжешься,
и пламя не опалит тебя.

Книга пророка Исайи, 43: 2

Яма, доверху наполненная раскаленными углями, имела двадцать пять футов в длину, десять в ширину и, вероятно, около двух в глубину. Огонь в ней поддерживался уже много часов. От пылающих углей шел такой обжигающий жар, который казался совершенно непереносимым даже там, где сидел я, то есть в пятнадцати футах от края ямы, во втором ряду расположившихся на стульях туристов.

Свое место в первом ряду я уступил одной из наших дам, обрадовавшись возможности укрыться от жара за ее весьма пышной фигурой. Я испытывал немалое искушение отодвинуться еще дальше... но мне ужасно хотелось лучше рассмотреть тех, кто пойдет по углям. Разве часто на долю человека выпадает случай увидеть чудо собственными глазами?

— Все это грубый обман, — сказал Многоопытный Путешественник, — сами увидите.

— Нет, это не грубый обман, Джеральд, — не согласился с ним Непререкаемый Авторитет По Всему На Свете, — а просто меньше, чем... было обещано. Конечно, и речи не может быть о всех жителях деревни; вероятно, не примут участия исполнители хулы, и уж, разумеется, не будет никаких ребятишек. Выпустят одного-двух парней, у которых кожа на подошвах задубела почище выделанной коровьей шкуры и которых вдобавок накачают опиумом или каким-нибудь другим местным наркотиком; вот они-то, выйдя на арену, и пронесутся по углям в бешеном темпе. Селяне же станут оглушительно вопить, а наш друг-канак, что выполняет роль переводчика, настоятельно потребует от нас дать

на чай каждому из огнеходцев сверх того, что мы уже уплатили за луау, танцы и это представление... Конечно, его нельзя назвать грубым обманом, — продолжал он, — ведь в программе экскурсии значится «выступление огнеходцев». И мы его получим. На болтовню же насчет целой деревни таких искусников не стоит обращать внимания. Об этом в программе ничего не говорится. — Авторитет был чрезвычайно доволен собой.

— Массовый гипноз, — заявил Профессиональный Зануда.

Я хотел было попросить разъяснений насчет массового гипноза, но здесь моим мнением никто не интересовался. Я тут считался мальчишкой — если не по годам, то по стажу пребывания на круизном корабле «Конунг Кнут». Так уж ведется во всех морских круизах — каждый, кто оказался на борту в момент отплытия из порта отправления, считается важнее и старше любого пассажира, присоединившегося к круизу по пути. Такие правила возникли еще во времена древних мидян и персов, и ничто не в состоянии их изменить. Я же прилетел на «Графе фон Цеппелине», а из Папезте улечу домой на «Адмирале Моффете», так что навсегда обречен быть «мальчишкой» и не смею подавать голос, пока вещают те, кто стоит выше меня.

На круизных кораблях отличная кормежка, но зато уровень общения частенько один из наихудших в мире. Несмотря на это, острова приводили меня в телячий восторг; ни Мистик, ни Астролог-Любитель, ни Салонный Фрейдист, ни Адепт Нумерологии не могли испортить мне настроение — я просто не вслушивался в их болтовню.

— Это делают с помощью четвертого измерения, — объявил Мистик, — разве не так, Гвендолин?

— Именно так, милый, — согласилась Нумерологистка. — А вот и они. Ты увидишь, их обязательно будет нечетное число.

— Я так завидую твоим знаниям, милочка!

— Гм... гм... — хмыкнул Скептик.

Туземец, который помогал нашему корабельному руководителю экскурсии, поднял руки и обратил к нам ладони, прося тишины.

— Пожалуйста, выслушайте меня. *Maunguru roa*, большое спасибо. Сейчас великий жрец и жрица начнут возносить молитвы богам, чтобы пламя не нанесло вреда жителям деревни. Прошу вас помнить, что это религиозная церемония, и притом очень древняя, — пожалуйста, ведите себя так, будто вы присутствуете при богослужении в своей церкви. Иначе...

Какой-то невероятно дряхлый канак перебил его; старик и переводчик обменялись несколькими фразами на неизвестном мне языке, — как я решил, полинезийском, такой он был мелодичный и певучий. Канак помоложе снова повернулся к нам:

— Великий жрец говорит мне, что некоторые дети сегодня пойдут по углям впервые, в том числе и тот малыш, что сидит на руках у матери. Жрец просит вас сохранять полное молчание во время вознесения молитв, иначе безопасность детей не может быть гарантирована. Разрешите мне отметить, что лично я — католик. И в такие минуты всегда молю нашу Пресвятую Деву Марию о призрении младенцев; прошу и вас всех помолиться о том же, согласно канонам вашей веры. А кто молиться не хочет, пусть соблюдает тишину и просто в сердце своем желает добра детям. Если великий жрец не будет удовлетворен благоговейным отношением аудитории, он не позволит детям войти в огонь; бывали случаи, когда он вообще отменял церемонию.

— А, что я вам говорил, Джеральд? — театральным шепотом произнес Непререкаемый Авторитет. — Вот она, подготовочка-то. Теперь он повернет дело по-своему и во всем обвинит нас же. — Авторитет сердито засопел.

Авторитет (его фамилия была Чиверс) начал действовать мне на нервы с той самой минуты, когда я появился на корабле. Я наклонился вперед и шепнул ему прямо в ухо:

— А если ребятишки пройдут сквозь огонь, у вас хватит духу последовать их примеру?

Да послужит вам это уроком! Учитесь бесплатно на моем дурном примере. Никогда не позволяйте болванам доводить вас до потери здравого смысла. Уже через несколько секунд я обнаружил, что мой вызов обратился против

меня и что (непонятно как) все трое — Авторитет, Скептик и Многоопытный Путешественник — заключили со мной пари на сотню долларов каждый, что это я не осмелюсь прогуляться через огненную яму, если дети пройдут сквозь огонь.

Переводчик еще раз попросил нас соблюдать тишину, а жрец и жрица вышли на угли — вот тогда-то все смолкли и, как я думаю, некоторые стали молиться. Во всяком случае, я молился. Внезапно оказалось, что я раз за разом повторяю неожиданно всплывшие в памяти слова:

...Пусть уснет моя грешная плоть.

Укрепи мою душу, Господь!..

Почему-то они очень подходили к данному случаю.

Ни жрец, ни жрица через огонь не пошли: то, что они сделали, было куда удивительнее и (как мне кажется) гораздо опаснее. Они просто стояли босиком в огненной яме и молились на протяжении нескольких минут. Я явственно видел, как шевелятся их губы. Время от времени старый жрец что-то сыпал на угли. Едва соприкоснувшись с углями, это что-то взлетало снопом искр.

Я старался рассмотреть, на чем же, собственно, они стоят — на углях или на камнях, но так и не смог ответить на этот вопрос, точно так же как не могу сказать, что хуже, а что лучше. А старуха, высохшая, как давным-давно обглоданная кость, тихо и спокойно стояла среди пламени, сохраняя безмятежное выражение лица и не предпринимая никаких мер предосторожности, если не считать, что она подоткнула свою лава-лава, превратив ее в нечто вроде подгузника. Было очевидно: старуха больше боится за одежду, чем за свои пятки.

Три человека с шестами в руках растаскивали горящие поленья, стараясь разровнять поверхность угольного слоя и сделать ее плоской, упругой и удобной для тех, кто пойдет через яму. Все это безумно занимало меня, ибо я сам собирался через несколько секунд вступить в пламя — если, конечно, не струшу и не проиграю пари. Мне казалось,

что парни с шестами как бы прокладывают дорогу, которая позволит пересечь яму в длину по разбросанным там камням, а не по пышущим жаром углям. Во всяком случае, я на это надеялся.

Впрочем, затем я припомнил раскаленные солнцем тротуары, которые до пузырей обжигали мои босые ноги там, в Канзасе, в дни моего далекого детства, и подумал: «А какая, собственно, разница?» Температура в кострище достигла как минимум семисот градусов, камни же «варились» в нем в течение нескольких часов. При таких обстоятельствах нельзя сказать, что предпочтительнее — сковорода или сам огонь.

Между тем голос разума нашептывал мне на ухо, что проигрыш трех сотен не такая уж высокая плата за то, чтоб выбраться из этой ловушки... Неужели же я предпочту весь остаток жизни ползать на двух хорошо прожаренных культах?

А не принять ли мне заранее таблетку аспирина?

Три парня кончили возиться с горящими поленьями и отошли к краю ямы слева от нас. Остальные жители деревни собрались за их спинами, включая и ребятишек, чтоб им было пусто! И о чем только думают родители, позволяя детям так рисковать? И почему те не пошли в школу, где им явно надлежит быть в такие часы?

Трое костровых гуськом пошли вперед; они двигались к центру ямы не торопясь, но и не замедляя шагов. За ними так же медленно и непоколебимо потянулась процессия туземцев-мужчин. Дальше шли женщины, среди которых была и юная мать с ребенком на бедре.

Когда порыв раскаленного воздуха коснулся младенца, тот заплакал. Не сбиваясь с размеренного шага, мать подняла его и приложила к груди. Младенец умолк.

Последними шли дети — от девушек и юношей до ребятишек-дошколят. Позади всех шагала малышка (лет восьми? или девяти?), которая вела за руку совсем маленького братца с круглыми от удивления глазенками. Было ему не больше четырех, а одеждой служила лишь собственная кожа.

Я смотрел на мальчугана и проникался печальной уверенностью, что в самом ближайшем будущем меня поджарят в наилучшем виде; деваться было некуда. Один раз мальчуган споткнулся, но сестра удержала его. И он пошел дальше маленькими отважными шажками. У дальнего конца ямы кто-то нагнулся и поднял его на край.

Вот и настал мой черед.

Переводчик обратился ко мне:

— Вы понимаете, что Полинезийское туристическое бюро не берет на себя ответственности за вашу безопасность? Огонь может опалить вас, может даже убить. Эти люди способны ходить сквозь огонь без вреда для себя, ибо они веруют.

Я сообщил ему, что тоже верую, втайне удивляясь, как можно так бесстыдно врать, и подписал протянутую мне бумагу.

Время бежало стремительно, и чуть ли не в одно мгновение я, с закатанными до колен брюками, оказался стоящим у края ямы. Туфли, носки, шляпа и бумажник остались у ее дальнего конца, на скамейке. Они стали моей целью, моим будущим призом... Интересно, если я не доберусь, их разыграют в лотерею или отправят моим родственникам?

А переводчик продолжал:

— Идите прямо по центру. Не торопясь, но и не останавливаясь. — Тут его прервал великий жрец, и, выслушав его, мой наставник сказал: — Он говорит: не надо бежать, даже если вам начнет поджаривать пятки, потому что тогда вы споткнетесь и упадете. А в этом случае вам уже не встать. Он хочет сказать, что тогда вы умрете. Я же со своей стороны считаю долгом добавить, что вы вряд ли погибнете, ну разве что вдохнете пламя. Зато уж наверняка страшно обгорите. Поэтому не торопитесь и не падайте. Видите вон тот плоский камень, прямо перед вами? Вот на него первым делом и ступайте. *Que le bon Dieu vous garde*¹. Удачи вам.

— Спасибо.

¹ Да хранит вас Бог (фр.).

Я глянул на Непререкаемого Авторитета, который усмехался по-вурдалачьи, если предположить, что вурдалаки способны улыбаться. Я сделал ему ручкой этакий лихой жест и шагнул вниз.

Пожалуй, я прошел не меньше трех шагов, прежде чем осознал, что решительно ничего не ощущаю. И тут же понял, что одно чувство во мне все же сохранилось — страх. Мне было дико страшно. И хотелось оказаться где-нибудь в Пеории или даже в Филадельфии. Чтоб не торчать тут одному в этой гигантской дымящейся пустыне. Дальний конец ямы, казалось, отдалился от меня на расстояние целого городского квартала. Может, и больше. И я все еще тащился туда, молясь, чтоб паралич, лишивший меня всякой чувствительности, не заставил рухнуть, прежде чем я доберусь до своей далекой цели.

Я чувствовал, что задыхаюсь, и вдруг понял, что просто перестал дышать. И тогда я жадно вдохнул ртом, тут же пожалев о содеянном. Над гигантской огненной чашей воздух был насыщен раскаленным газом, дымом, двуокисью углерода и еще чем-то, что вполне могло быть зловонным дыханием самого Сатаны; кислорода же, в том количестве, о котором стоило говорить, тут, конечно, не было. Я выплюнул то, что вдохнул, и со слезящимися глазами и обожженной глоткой стал прикидывать, смогу ли добраться до дальнего конца, не сделав больше ни единого вдоха.

Боже, спаси и сохрани! Ибо теперь я не видел противоположного края ямы. Дым поднимался клубами, и мои глаза не могли ни открыться, ни сфокусироваться на чем бы то ни было. Я вслепую рванулся вперед, старательно восстанавливая в памяти формулу покаяния на смертном одре, чтобы попасть на небеса, проделав все необходимые формальности.

А может, такой формулы вовсе и нет? Какое-то странное ощущение в пятках, колени подгибаются...

— Вам лучше, мистер Грэхем?

Я лежал на траве и смотрел на склонившееся надо мной доброе лицо цвета темной бронзы.

— Вроде бы, — ответил я. — А что произошло? Я все-таки дошел?

— Разумеется, дошли. И просто распрекрасно дошли. Однако в самом конце потеряли сознание. Но мы уже ждали вас, подхватили и вытащили. А теперь скажите, что случилось? Вы наглотались дыма?

— Возможно. Я получил ожоги?

— Нет. Впрочем, на правой ноге, может быть, и вскочит небольшой волдырь. Держались вы все время очень браво. Буквально вплоть до обморока — но это вы, скорее всего, просто надышались дымом.

— Я тоже так думаю. — С его помощью я приподнялся и сел. — Не подадите ли мне носки и туфли? Кстати, а где же все остальные?

— Автобус уже ушел. Великий жрец измерил вам пульс и проверил дыхание, но никому не позволил вас тревожить. Если человека, чей дух временно покинул его тело, стараться привести в чувство, дух может вовсе не вернуться в свое обиталище. Жрец твердо верит в это, и никто не осмелился ему возразить.

— И я не стал бы с ним спорить; чувствую себя прекрасно. Каким-то по-особенному отдохнувшим. Однако как же мне добраться до корабля?

Пятимильное путешествие через тропический рай наверняка покажется утомительным уже после первой мили. Особенно если пешедралом. И особенно с такими опухшими ступнями. Им было с чего опухнуть.

— Автобус вернется: нужно доставить туземцев на борт парохода, который отвезет их на остров, где они живут постоянно. После этого он может отвезти вас к вашему кораблю. Впрочем, можно сделать еще лучше. У моего двоюродного брата есть автомобиль. Он с удовольствием отвезет вас.

— Отлично. Сколько он за это возьмет?

В Полинезии такси повсюду невероятно дороги, особенно если вы сдаетесь на милость водителя, а у них, как правило, ничего похожего на это чувство отродясь не бывало. Однако мне показалось, что я могу позволить себе роскошь быть ограбленным, раз уж выхожу из этой исто-

рии с некоторым профитом. Три сотни долларов минус плата за такси... Я взял со скамьи свою шляпу. — А где мой бумажник?

— Ваш что?

— Мое портмоне! Я положил его в шляпу. Где оно? Это уже не шутка! Там были мои деньги. И кредитные карточки.

— Ваши деньги? О! *Votre portefeuille*¹. Прошу прощения. Мой английский оставляет желать лучшего. Офицер корабля, руководивший вашей экскурсией, взял его на хранение.

— Очень мило с его стороны. Но как я заплачу вашему брату? У меня нет ни франка!

В общем, мы договорились. Сопровождавший экскурсию офицер, понимая, что, забрав бумажник, оставляет меня без гроша, оплатил мою доставку на корабль вперед. Мой приятель-канак проводил меня до машины своего брата и представил последнему, что оказалось весьма затруднительно, так как у брата знание английского ограничивалось словами «О'кей, шеф», а я так и не разобрал, как звали кузена переводчика.

Автомобиль был триумфом веры и упаковочной проволоки. Мы грохотали до пристани на полном газу, распутивая кур и легко обгоняя новорожденных козлят. Я почти потерял способность глядеть по сторонам, ибо был ошеломлен тем, что случилось перед самым нашим отъездом. Туземцы дожидались автобуса, который должен был приехать за ними, и нам пришлось продираться сквозь толпу. Вернее сказать, мы лишь попытались продраться. Меня зацеловали. Меня целовали все до единого. Мне уже случалось лицезреть поцелуйный обряд полинезийцев, замещающий здесь привычные нам рукопожатия, но впервые пришлось испытать его на себе.

Мой друг-переводчик пояснил:

— Вы вместе с ними прошли сквозь огонь и теперь стали почетным членом их общины. Они жаждут заколоть для вас свинью. И задать в вашу честь пир.

¹ Ваше портмоне (фр.).

Я постарался ответить сообразно обстоятельствам и одновременно объяснить им, что сначала должен вернуться домой, а дом лежит за «большой водой», а уж потом, в один прекрасный день, ежели будет на то Господня воля, я вернусь сюда. На этом мы расстались.

Но ошеломило меня не столько это. Любой непредвзятый судья должен будет признать, что я достаточно широко смотрю на вещи и прекрасно понимаю, что в мире есть места, где моральные стандарты ниже американских и где люди не почитают за бесстыдство обнажать свое тело. Знаю я и то, что полинезийские женщины ходили голыми до пояса, покуда до них не добралась цивилизация. Да что там говорить! Я же почитываю иногда журнал «Нэйшнл географик».

Однако я никак не ожидал *увидеть* это собственными глазами.

Перед тем как я прогулялся по раскаленным углям, жители деревни были одеты именно так, как вы думаете, — преимущественно в юбочках из травы, — однако груди у женщин были прикрыты.

Но когда они целовали меня на прощание — все оказалось уже не так. Я хочу сказать, что подобные свидетельства стыдливости были отброшены. Ну в точности как в «Нэйшнл географик».

Признаться, я очень ценю женскую красоту. Эти восхитительные признаки женственности — если их рассматривать в соответствующей обстановке, когда шторы добродетельно задернуты, — могут выглядеть весьма заманчиво. Но на пятом десятке (точнее, в сорок с лишком!) — это уж явно перебор. Я увидел женских бюстов больше, чем когда-либо видел за один раз, а может быть, и за всю жизнь. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы довести до коллективного умопомрачения всех членов Евангелического епископального общества содействия поддержанию целомудрия и морали.

Вот если бы меня предупредили хоть немного загодя, я наверняка с удовольствием воспринял бы сей новый для меня опыт. А в том виде, как получилось, опыт оказался

слишком нов, слишком обилен для переваривания и слишком скоротечен; извлечь из него удовольствие можно было лишь ретроспективно.

Наш тропический «роллс-ройс» наконец со скрипом остановился, благодаря совместным усилиям ножных и ручных тормозов, а также компрессора. Я с трудом очнулся от глубочайшей эйфории. Мой водитель объявил:

— О'кей, шеф!

— Это не мой корабль! — воскликнул я.

— О'кей, шеф?

— Ты привез меня не к тому причалу. Хм... причал-то вроде прежний, но корабль совсем другой!

В этом я был абсолютно уверен. Теплоход «Конунг Кнут» имел белые борта и надстройки, а также залихватски скошенную фальшивую трубу. Эта же посуда была выкрашена преимущественно в красный цвет, и на ней торчали четыре высокие черные трубы. Наверное, это не теплоход, а пароход. И стало быть, он устарел уже много-много лет назад.

— Нет! — воскликнул я. — Нет!!!

— О'кей, шеф. *Votre vapeur... voila!*¹

— *Non!*²

— О'кей, шеф.

Он вылез наружу, обошел машину, открыл дверь с той стороны, где сидят пассажиры, схватил меня за руку и сильно потянул. Хотя я был в приличной форме, но его рука оказалась отлично натренированной благодаря постоянным упражнениям в плавании, лазании за кокосовыми орехами, вытаскивании рыболовных сетей и туристов, которые не желают выходить из такси. Так что я вышел.

Он прыгнул в машину, крикнул: «О'кей, шеф! *Merci bien! Au 'voir!*»³ — и был таков.

Хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться по сходням незнакомого корабля, дабы разузнать, если удастся, о том,

¹ Ваш пароход... вот он! (*фр.*)

² Нет! (*фр.*)

³ Большое спасибо! До свидания! (*фр.*)

что случилось с «Конунгом Кнудом». Когда я поднялся на борт, вахтенный старшина, который стоял у трапа, отдал честь и произнес:

— Добрый день, мистер Грэхем. Мистер Нильсен оставил для вас пакет. Минуточку... — Он поднял крышку конторки и вытащил большой коричневый пакет из плотной бумаги. — Вот, пожалуйста, сэр.

На конверте было написано «А. Л. Грэхему, каюта С-109». Я вскрыл конверт и обнаружил в нем потрепанный бумажник.

— Все в порядке, мистер Грэхем?

— Да, благодарю вас. Передайте мистеру Нильсену, что я все получил, ладно? И заодно мою глубокую благодарность...

— Разумеется, сэр.

Я заметил, что это палуба D, и поднялся на один пролет, чтобы найти каюту С-109.

Однако в порядке было далеко не все. Моя фамилия не Грэхем.

Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Книга Екклесиаста, 1: 9

Благодарение Господу, на всех кораблях типовая система нумерации кают. Поэтому каюта С-109 находилась именно там, где и должна была находиться, — на палубе С, в начале ряда кают по правому борту, между С-107 и С-111. Я добрался до нее, не встретив никого из посторонних. Подергал дверную ручку — закрыто. Видно, мистер Грэхем прислушивался к советам судового казначея закрывать дверь на ключ, особенно во время стоянки в портах.

Ключ, подумал я мрачно, наверняка лежит в кармане штанов мистера Грэхема. А где же сам мистер Грэхем? Приготовился схватить меня при попытке залезть в его каюту? Или пытается открыть мою каюту, пока я пробую войти в его?

Имеется ничтожный, но все же не совсем нулевой шанс, что к чужому замку может подойти любой ключ. В моем кармане лежал ключ от каюты на теплоходе «Конунг Кнут». Я решил его попробовать.

Что ж, попытка не пытка. Пока я стоял, размышляя, что же делать дальше — плюнуть на все или помереть на этом самом месте, — за моей спиной раздался нежный голосок:

— Ах, мистер Грэхем!

Это была очаровательная юная особа в костюме служанки (поправка: в форме горничной). Она скользнула ко мне, взяла висевший у нее на поясе универсальный ключ и открыла дверь каюты С-109, продолжая щебетать:

— Маргрета просила меня дожидаться вашего возвращения. Она сказала, что вы забыли ключ от каюты на столи-

ке. Она там его и оставила, а мне велела вас встретить и открыть вам дверь.

— Вы очень любезны, мисс... э-э-э...

— Меня зовут Астрид. Я обслуживаю такие же каюты по левому борту, Марга и я помогаем друг другу. Она сегодня днем взяла отгул, сошла на берег. — Она распахнула дверь. — Вам больше ничего не нужно, сэр?

Я поблагодарил ее, и она ушла. Потом закрыл дверь на ключ и на задвижку и, рухнув в кресло, буквально затрясся от перенесенного ужаса.

Минут через десять я встал, прошел в ванную и умылся ледяной водой. Я все еще ничего не понимал и по-прежнему был испуган, но нервы уже не трепетали подобно флагу на сильном ветру. С того самого момента, как я стал подозревать, что происходит нечто исключительно странное, мне удалось держать себя в руках. Когда же это началось? Тогда, когда мне показалось, что все происходящее в огненной яме выглядит нереальным? Или позже? С полной уверенностью можно было утверждать, что это уже случилось, когда я увидел, что один корабль водоизмещением в двадцать тысяч тонн подменен другим.

Мой родитель, бывало, говаривал мне: «Алекс, нет ничего плохого в том, что ты трусишь... Разумеется, если ты не позволишь страху подчинить себя и ничем не выдашь боязни до тех пор, пока опасность не окажется позади. Даже истерике можно дать волю... но только потом, когда рядом уже никого не будет. Слезы вовсе не свидетельствуют об отсутствии мужества, если ты прольешь их в ванной за запертой дверью. Разница между трусом и храбрецом заключается главным образом в умении своевременно выражать свои эмоции».

Я не такой, каким был мой отец, но все же стараюсь следовать его советам. Если научиться сдерживать невольную дрожь, когда взрываются ракеты фейерверка или что-то в этом роде, то появляется неплохой шанс продержаться на плаву, пока опасность не минует.

Опасность еще не прошла, но я явно выиграл от катарсиса, вызванного хорошей порцией мандража. Теперь я мог рассуждать спокойно.

Предположения:

а) что-то умопомрачительное случилось с окружающим меня миром; или же

б) что-то умопомрачительное произошло с Алексом Хергенсхаймером, а значит, его следует держать взаперти и качать успокоительным.

Третье предположение придумать не удалось, поскольку эти два неплохо соответствовали всем основным фактам. Тратить время на второе предположение тоже не стоило. Ежели я начну разводить змей в собственной шляпе, то окружающие сразу заметят это, заявятся сюда со смиренной рубашкой и посадят меня в симпатичную комнату с обитыми войлоком стенами.

Поэтому давайте-ка предположим, что я нахожусь в здравом уме (или близко к тому — сейчас небольшая доза безумия была бы даже полезна). Если со мной все о'кей, то, значит, свихнулся весь мир. Будем разбираться по порядку.

Бумажник. Он не мой. Большинство бумажников похожи друг на друга, и этот весьма схож с тем, который был у меня раньше. Но когда носишь бумажник несколько лет, то к нему привыкаешь, и он становится действительно твоим. Я сразу же понял, что этот не мой. Только мне не хотелось противоречить вахтенному старшине, который явно признал во мне мистера Грэхема.

Я вынул бумажник Грэхема и раскрыл его.

Несколько сот франков — сколько, посчитаем потом.

Восемьдесят пять долларов купюрами — законное платежное средство в «Соединенных Штатах Северной Америки».

Водительское удостоверение, выданное А. Л. Грэхему.

Были там еще какие-то бумажки, но я наткнулся на вложенную в специальный кармашек машинописную карточку, один вид которой бросил меня в ледяной пот.

«Нашедший этот бумажник может оставить себе деньги в качестве вознаграждения, если соизволит вернуть бумажник А. Л. Грэхему, каюта С-109, пароход „Конунг Кнут“

датско-американской линии, или судовому казначею, или любому другому агенту этой линии. Заранее благодарен. А. Л. Г.».

Теперь я точно знал, что случилось с моим «Конунгом Кнудом»: он попросту превратился в совершенно другой корабль.

А может быть, изменения произошли со мной? В самом деле, действительно ли изменился мир, а вместе с ним и корабль? Или же существовали два мира, и я сквозь пламя каким-то образом проник из одного в другой? А может быть, на самом деле были два человека, которые почему-то обменялись судьбами? Или же Алекс Хергенсхаймер превратился в Алека Грэхема, а теплоход «Конунг Кнут» в пароход «Конунг Кнут»? Причем одновременно Северо-Американский Союз стал Соединенными Штатами Северной Америки!

Отличные вопросы! Как я рад, что вы их задали. Ну а теперь, дети, если у вас нет других вопросов...

Когда я учился в средней школе, то издательства выпускали уйму тонких журнальчиков, печатавших фантастические рассказы, и не только про привидения, а просто про самые загадочные случаи. Сказочные корабли, прокладывающие путь сквозь эфир к другим планетам; удивительные изобретения; путешествия к центру земли; другие «измерения»; летающие машины; энергия расщепленного атома; чудовища, выведенные в секретных лабораториях.

Я частенько покупал эти журнальчики и прятал их в обложках «Спутника юношества» и «Юного крестоносца», инстинктивно понимая, что мои родители не одобряют подобных увлечений и конфискуют мои покупки. А я такие истории просто обожал. Равно как и мой непутевый дружок Берт.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Сначала появилась передовица в «Спутнике юношества» — «Вырвать с корнем отравляющий души яд!». Потом наш пастор — брат Дрейпер — прочел проповедь, направленную против разлагающего разум «хлама», сравнивая его со зловредным влия-

нием сигарет и спиртного. Затем уж и наш штат объявил такие публикации вне закона, воспользовавшись доктриной «Поддержания высоких стандартов общественной морали» и даже не дожидаясь принятия национального закона и соответствующих административных распоряжений.

А ящик с журналами, который я, казалось, так надежно упрятал на чердаке, куда-то исчез. Хуже того, труды мистера Г. Дж. Уэллса и мсье Жюль Верна, равно как и некоторых других, были изъяты из нашей публичной библиотеки.

Следует восхищаться мотивами, подвигшими наших духовных лидеров и народных избранников на поиск путей, способных защитить умы молодежи. Как указывал доктор Дрейпер, в Писании вполне хватает увлекательнейших и захватывающих дух историй, чтобы удовлетворить интересы всех мальчишек и девчонок в мире. А потому во всей этой глупейшей макулатуре просто нет нужды. Он вовсе не призывал установить цензуру на книги для взрослых — он имел в виду лишь впечатлительную молодежь. Если человек зрелых лет желает читать какую-то фантастическую дребедень, то пусть себе читает, хотя лично он, Дрейпер, не может поверить, что кого-нибудь из взрослых подобное чтение сможет чем-то привлечь.

Думаю, я был одним из этих несчастных впечатлительных юношей, ибо мне и по сей день очень недостает таких историй.

Особенно хорошо мне запомнилось произведение мистера Уэллса под названием «Люди как боги». Там какие-то люди едут на автомобиле в тот самый момент, когда происходит взрыв, и вдруг обнаруживают, что попали в другой мир, довольно схожий с их собственным, но лучше. Они встречаются с местными жителями, которые разъясняют им что-то насчет параллельных вселенных, четвертого измерения и прочего в том же роде.

Все это содержалось в первой части романа. Сразу же после того, как она вышла из печати, в штате приняли закон о защите нашего юношества, так что продолжения я не видел.

Один из моих преподавателей английской литературы, не делавший тайны из своего неприятия цензуры, как-то сказал, что мистер Уэллс был родоначальником всех главных направлений научной фантастики. И назвал это произведение источником концепции множественных вселенных. Я хотел спросить профессора, не знает ли он, где можно найти экземпляр этого романа, но отложил разговор до конца семестра, когда я уже официально буду считаться «зрелым человеком»... Ну и опоздал: академический сенатский комитет по вопросам веры и морали провалил продление контракта с этим профессором, и он покинул нас, даже не дождавшись конца семестра.

Не случилось ли со мной чего-то похожего на то, что описано мистером Уэллсом в книге «Люди как боги»? Может быть, мистер Уэллс обладал даром святого предвидения? И может быть, люди и в самом деле когда-нибудь доберутся до Луны? Умопомрачительно!

Но разве это умопомрачительнее того, что произошло со мной?

Как там ни верти, а я находился на борту «Конунга Кнута» (хотя это и был *не мой* «Конунг Кнут»), и объявление возле сходней гласило, что корабль отплывает в шесть часов вечера. А время шло, и мне надлежало как можно скорее решить, что делать дальше.

Что же делать? Итак, мой корабль — теплоход «Конунг Кнут» — куда-то исчез. Но команда (во всяком случае, часть ее) парохода «Конунг Кнут», видимо, готова признать во мне мистера Грэхема — своего пассажира.

Остаться на борту как ни в чем не бывало? А если Грэхем появится на пароходе? (Ведь это может произойти в любую минуту.) И потребует отчета, что я делаю в его каюте?

Или же сойти на берег (это очень легко) и отправиться к местным властям со своей проблемой?

Алекс, французская колониальная администрация будет от тебя в восторге! Ни багажа, кроме той одежды, что на тебе, ни денег (ни единого су!), даже паспорта и того нет. О! Они придут в такой восторг, что обеспечат тебе и поме-

щение, и содержание до конца твоей жизни... в подземной темнице с решеткой вместо крыши!

Но в бумажнике же есть деньги!

Вот как? А не приходилось ли тебе слышать о восьмой заповеди? Это же *его* деньги!

Но ведь вполне можно предположить, что он прошел сквозь огонь в то же мгновение, что и ты — с этой стороны, из этого мира, или как там его назвать, иначе его бумажник вряд ли дождался бы тебя тут. Значит, он теперь завладел *твоим* бумажником. Кажется, логично?

Послушай, мой туповатый друг, ты думаешь, логика приложима к тому дурацкому положению, в которое мы вляпались?

Ну-у-у...

Отвечай же!

Нет, пожалуй, нет. Ну а если так... затаись в этой каюте. Если Грэхем появится до отплытия, тебя наверняка выкинут с корабля, это уж точно. Но ведь и тогда тебе будет не сколько не хуже, чем если бы ты сошел с него сам, сейчас. А если он *не появится*, ты займешь его место и доберешься, по крайней мере, до Папеете. Город большой. Твои шансы овладеть ситуацией там будут куда лучше, чем здесь. Там и консул есть, и все такое прочее.

Ладно. Уговорил.

На пассажирских судах обычно издаются для пассажиров ежедневные газеты — просто одна-две странички, заполненные такой интригующей информацией, как «Сегодня в десять утра состоится учебная шлюпочная тревога. Всех пассажиров просим...» или «Вчерашний выигрыш в соревнованиях по отгадыванию пройденного за день расстояния достался миссис Эфраим Глютц из Бетани, Айова»; иногда печатаются и кое-какие новости, почерпнутые из сообщений, перехваченных операторами беспроводной связи. Я стал искать судовую газету и буклет «Приветствуем вас на борту». Последний (возможно, здесь он называется иначе) должен дать пассажиру, только что оказавшему-

ся на корабле, представление об этом сложном маленьком мирке: фамилии офицеров, расписание трапез, местонахождение парикмахерской, прачечной, столовой, сувенирной лавки (сюрпризы для розыгрышей, журналы, зубная паста), как вызывать горничную, планы корабельных палуб, место, где находится предназначенная для вас спасательная лодка, как узнать свое место в столовой...

Место в столовой! Ох! Пассажиру, пробывшему на борту хоть один день, ни к чему расспрашивать, за каким столом он сидит. Именно на таких вот мелочах и можно погореть. Ничего. Придется идти напролом.

Буклет для прибывающих оказался в ящике письменного стола Грэхема. Я перелистал его, намереваясь запомнить все основные данные, прежде чем покинуть каюту, — если, конечно, останусь на борту, когда корабль отойдет от причала, — а затем отложил его в сторону, ибо нашлась и судовая газета.

Именовалась она «Королевский скальд», и Грэхем, благослови его Бог, сберег все номера, начиная с того дня, когда он поднялся по сходням корабля в Портленде, штат Орегон. Это я вычислил, исходя из данных о месте и времени выпуска самого раннего номера. Следовательно, Грэхем взял билет на весь круиз — обстоятельство, которое могло сыграть весьма важную роль для меня. Я-то намеревался вернуться домой тем же путем, каким и прибыл, то есть на воздушном корабле. Но если дирижабль-лайнер «Адмирал Моффет» и существовал в этом мире, или измерении, или как его там, то у меня все равно не было на него билета, равно как и денег, чтобы купить таковой. Что могут сделать французские колониальные власти с пассажиром, у которого в кармане ни гроша? Поджарить на костре? Или вздернуть, а потом четвертовать? Выяснять это я отнюдь не стремился. А грэхемовский билет на весь круиз (если допустить, что он существует) мог оградить меня от необходимости заняться подобным выяснением.

(Если, конечно, Грэхем не появится в ближайшие минуты и пинком не вышвырнет меня с корабля.)

Я не стал рассматривать возможность остаться в Полинезии. Лет сто тому назад бичкомберам на Бора-Бора или Муреа жилось неплохо, но сегодня единственная бесплатная вещь на этих островах — заразные болезни.

Конечно, в Америке я бы тоже мог попасть в положение, в котором чувствовал бы себя таким же нищим и чужим, как здесь, но мне все же казалось, что на родине было бы лучше. Точнее, на родине мистера Грэхема.

Я перечитал сводки новостей, полученные по беспроводной связи, но ничего не понял, а потому отложил их для дальнейшего изучения. То немного, что из них все же удалось извлечь, как-то не утешало. Где-то глубоко во мне, видимо, таилась совершенно лишенная логики надежда, что все случившееся со мной — просто чудовищная путаница и постепенно все как-нибудь наладится (только не спрашивайте меня — как). Однако прочитанное свело мою надежду к нулю.

Ну скажите на милость, что это за мир, где президент Германии наносит визит в Лондон? В моем мире Германской империей правит кайзер Вильгельм IV. А президент для Германии звучит так же нелепо, как король для Америки.

Может, это и неплохой мир... но это не тот мир, в котором я родился. Во всяком случае, если судить по этим загадочным сообщениям.

Отложив в сторону пачку «Королевского скальда», я заметил на листке с меню сегодняшнего ужина пометку: «Вечерний туалет».

Я не удивился: «Конунг Кнут» в своем предыдущем воплощении был в высшей степени чопорным. Если корабль находился в море, от вас ожидали появления во фраке. С черным галстуком. Без него вам ясно давали понять, что таким людям лучше обедать в своей каюте.

Ни фрака, ни смокинга у меня не было — наша церковь не поощряет суетности, — поэтому я пошел на компромисс, надевая в рейсе к ужину синий саржевый костюм с белой сорочкой и черной бабочкой на резинке. Никто не

возражал. На меня просто не обращали внимания, ибо я и без того сидел «ниже солонки», поскольку прибыл на судно только в Папезте.

Мне захотелось посмотреть, нет ли у мистера Грэхема темного костюма.

И черного галстука.

У мистера Грэхема оказалась уйма одежды, куда больше, чем у меня когда-либо. Я примерил спортивный пиджак, он пришелся мне почти впору. Брюки? Длина вроде о'кей, а вот насчет пояса я не был уверен. Примерять же пару и рисковать быть пойманным Грэхемом с ногой, сунутой в его же собственные брюки, мне не хотелось. Да и что полагается говорить в подобных случаях? «Привет! Я тут вас дожидался и решил скоротать время, примеряя ваши штаны»? Не слишком-то убедительно.

У него был не один вечерний костюм, а целых два — обычная черная фракная пара и темно-красный смокинг. Я никогда и не слыхивал об этакой экстравагантности.

А вот бабочки на резинке я так и не нашел. Черных галстуков насчитывалось несколько штук. Да только я не имел ни малейшего представления, как завязывают бабочку.

Я глубоко вздохнул и горестно задумался над этой сложной проблемой.

Раздался стук в дверь. Если я не выскочил из собственной шкуры, то только лишь по чистой случайности.

— Кто там? — (Честное слово, мистер Грэхем; я тут вашего прихода дожидался!)

— Горничная, сэр.

— О, входите, входите!

Я услышал, как она звенит ключом, и тут же вскочил, чтобы отодвинуть задвижку.

— Извините, совсем забыл, что закрыл и на задвижку. Пожалуйста, заходите.

Маргрета оказалась примерно того же возраста, что и Астрид, но выглядела моложе и привлекательнее, со светлыми, как лен, волосами и веснушками на носу. Она гово-

рила на очень правильном, явно выученном по учебнику, английском с каким-то милым акцентом. В руках Маргрета держала платяную вешалку с коротким белым пиджаком.

— Ваш обеденный китель, сэр. Карл сказал, что второй будет готов завтра.

— О, большое спасибо, Маргрета! Я о нем начисто позабыл.

— Я была уверена, что позабудете. Поэтому вернулась на борт чуть пораньше — пока прачечная не закрылась. И очень рада, что так поступила. Для темного костюма сегодня слишком жарко.

— Вам не следовало торопиться из-за меня — эдак вы меня совсем избалуете.

— А я люблю заботиться о наших гостях. И вам это хорошо известно. — Она повесила пиджак в шкаф и пошла к двери. — Я зайду попозже, чтобы завязать вам галстук. В шесть тридцать, как обычно, сэр?

— В шесть тридцать годится, а теперь который час? — (Будь оно неладно, мои часы пропали одновременно с теплоходом «Конунг Кнут»; на берег я их не брал.)

— Уже почти шесть... — Маргрета замешкалась. — Пожалуй, будет лучше, если до ухода я приготовлю вашу одежду. У вас и так мало времени.

— Моя милая девочка! Но это же не входит в ваши обязанности!

— Нет. Но я сделаю это с удовольствием. — Она выдвинула ящик комода, вынула оттуда фрачную сорочку и положила ее на мою (Грэхема) кровать. — И вы знаете почему!

С энергической компетентностью человека, точно знающего, где и что лежит, она выдвинула маленький ящик стола, до которого у меня еще руки не дошли, достала оттуда кожаный футляр, вынула из него и положила рядом с рубашкой часы, кольцо и запонки, продевала запонки в манжеты, выложила на подушку чистое нижнее белье и черные шелковые носки, поставила возле стула вечерние туфли, вложив в одну из них рожок, взяла из шкафа тот самый

обеденный китель, повесила его вместе с черными отглаженными брюками (подтяжки уже пристегнуты) и темно-красным поясом-камербандом на дверцу гардероба. Окинув взглядом это великолепие, добавила к стопочке вещей на подушке пристежной воротничок с отогнутыми уголками, черный галстук и свежий носовой платок; снова посмотрела, положила возле часов и кольца ключ от каюты и бумажник, опять оценила все острым взглядом и удовлетворенно кивнула:

— Пора бежать, иначе я пропущу ужин. Вернусь, когда надо будет завязывать галстук. — И исчезла. Но не убежала, а словно ускользнула.

Маргрета была абсолютно права. Если бы она не приготовила все, что нужно, мне пришлось бы куда как туго. Одна сорочка чего стоила — она была из тех, что застегиваются неизвестно как на спине. Я таких в жизни нешивал.

Спасибо еще, что Грэхем пользовался обыкновенной безопасной бритвой. К шести пятнадцати я соскоблил выросшую с утра щетину, принял душ (что было совершенно необходимо) и смыл копоть с волос.

Его туфли оказались мне в самый раз, как будто я сам их разнашивал. Брюки были в поясе узковаты. Датский корабль не то место, где можно сбросить вес, а я пробыл на теплоходе «Конунг Кнут» целых две недели. Я все еще сражался с проклятой рубашкой, что надевается задом наперед, когда Маргрета вошла в каюту, воспользовавшись собственным универсальным ключом.

— Стойте смирно, — сказала она и быстро застегнула все пуговицы, до которых я не мог дотянуться, затем укрепила, с помощью предназначенных для этого запонок, дьявольский воротничок и повесила мне на шею галстук. — Теперь, пожалуйста, повернитесь.

Завязывание бабочки — операция, напрямую связанная с магией, но, видно, Маргрета знала все необходимые заклинания.

Она помогла мне повязать камербанд, подала китель, осмотрела с ног до головы и объявила:

— Что ж, пожалуй, сойдет. И я горжусь вами; за обедом девчонки только и говорили что о вас. Жаль, не пришлось видеть самой. Вы очень смелый.

— Какое там смелый! Просто глупый. Начал болтать, когда следовало держать язык за зубами.

— Нет, смелый. Мне пора — Кристина сторожит мою тарталетку с вишней, и, если я задержусь, кто-нибудь обязательно слопает вишенку.

— Бегите. И огромное спасибо. Ну идите же, спасайте свою вишенку.

— А вы не хотите мне заплатить?

— О! А какая плата вас устроит?

— Ах, вы еще и дразнитесь!

Она придвинулась еще на несколько дюймов и подняла ко мне лицо. Не так-то уж много я знаю о девушках (а кто знает много?), но тут все было яснее ясного. Я взял ее за плечи, поцеловал в обе щеки, поколебался ровно столько, чтобы убедиться, что она не сердится и даже не удивлена, а затем вlepил поцелуй прямехонько посередине. Губы были теплые и мягкие.

— Вы эту плату имели в виду?

— Да, конечно. Но вы умеете целоваться и получше. Знаете ведь, что умеете. — Она выпятила нижнюю губку и скромно опустила глаза.

— Ну, держитесь!

Да, я умею целоваться и получше. Или, вернее, научился к концу следующего поцелуя. Позволив Маргрете играть роль ведущего и радостно кооперируясь с нею во всем, что, как ей казалось, повышает качество поцелуя, я за пару минут узнал о поцелуях больше, чем за всю жизнь.

В ушах у меня звенело.

После того как мы оторвались друг от друга, она на миг замерла в моих объятиях, затем невозмутимо посмотрела на меня.

— Алек, — сказала она тихонько, — ты меня еще никогда так великолепно не целовал. Божественно! Ну а теперь я побегу, а то ты из-за меня опоздаешь к ужину.

Она выскользнула из моих объятий и выскочила за дверь, как всегда, в мгновение ока.

Я внимательно рассмотрел свое отражение в зеркале. Никаких следов. А вообще-то, столь страстные поцелуи вполне могли оставить кое-какие следы!

Что же за личность этот Грэхем? Носить его одежду я могу, но осмелюсь ли я позаимствовать и его женщину? А она действительно его женщина? Кто знает?! Во всяком случае не я. Был ли он развратником и бабником? Или я вломился в совершенно невинный, хотя и несколько опрометчивый роман?

Нельзя ли мне вернуться назад тем же путем — через огненную яму?

Вопрос лишь в том — хочу ли я этого?

Идешь на корму, пока не достигнешь главного трапа, потом спускаешься на две палубы вниз и снова идешь в сторону кормы — так было указано на пароходных планах буклета.

Нет проблем! Человек у двери столовой, одетый примерно так же, как и я, но с меню под мышкой, был, вероятно, старшим официантом или главным стюардом столового салона. Он подтвердил мою догадку, улыбнувшись широко и профессионально.

— Добрый вечер, мистер Грэхем.

Я остановился:

— Добрый вечер. Что это за изменения в плане рассадки пассажиров? Где я должен сидеть? — (Хватайте быка за рога, и в худшем случае вы его хотя бы удивите.)

— Это не навсегда, сэр. Завтра вы опять будете есть за четырнадцатым столиком. А сегодня капитан просит вас пожаловать за его стол.

Он подвел меня к огромному столу, занимавшему середину салона, и начал было усаживать по правую руку капитана, но капитан встал и принялся аплодировать. Все, кто сидел за этим столом, последовали его примеру, к ним присоединились остальные, собравшиеся в большом зале,

и все они, судя по всему, приветствовали меня. Кое-где даже звучали восторженные выкрики.

За ужином я сделал два важных открытия. Вот первое: совершенно очевидно, Грэхем выкинул тот же глупый номер, что и я (тем не менее неясность, было нас двое или я был в единственном числе, все же оставалась; этот вопрос я решил отложить в самый долгий ящик).

Второе, но самое важное: не пейте ледяной ольборгский аквавит на пустой желудок, особенно если вы, подобно мне, воспитаны в духе трезвости.

Вино глумливо, сикера — буйна...

Книга притчей Соломоновых, 20 1

Я не хочу возводить напраслину на капитана Хансена. Мне приходилось слышать, что скандинавы насыщают свою кровь этанолом, поскольку он действует как своего рода антифриз и позволяет легче переносить долгие суровые зимы, а потому они плохо понимают людей, которым от крепких напитков делается дурно. Кроме того, никто за руки меня не держал, никто не зажимал мне ноздри, никто насильно не лил мне спирт в глотку. Последнее проделал я сам.

Наша церковь не придерживается взгляда, что плоть слаба, а грех по-человечески понятен и извинителен. Грех может быть прощен, но отнюдь не с легкостью. Прощение еще надо заслужить. А потому грешнику надлежит выстрадать свое искушение.

Кое-что об этих страданиях мне еще предстояло узнать. Говорят, их называют похмельем.

Во всяком случае, так их называл мой дядюшка-выпивоха. Дядя Эд утверждал, что человеку никогда не бывать трезвенником, если он не пройдет полного курса пьянства, ибо иначе, ежели соблазн встанет на его пути, он не будет знать, как с этим самым соблазном управиться.

Возможно, я личным примером доказал истинность данного положения дяди Эда. В нашем доме на него всегда смотрели как на источник неприятностей, и, если бы он не был маминым братом, отец не пустил бы его даже на порог. Да его и так никогда не уговаривали погостить подольше и не упрашивали вернуться поскорее.

Не успел я сесть за стол, как капитан предложил мне стакан аквавита. Стаканы, из которых пьют этот напиток, невелики; их, скорее, можно назвать маленькими, в этом-то и скрыта главная опасность.

Именно такой стаканчик капитан держал в руке. Он поглядел мне прямо в глаза и сказал:

— За нашего героя! *Skaal!*¹ — запрокинул голову и выплеснул содержимое стакана в рот.

По всему столу эхом разнеслось: «*Skaal!*» — и каждый из сидевших опрокинул свой стакан так же лихо, как капитан.

Ну и я тоже. Должен сказать, что положение почетного гостя налагает определенные обязанности — «если живешь в Риме...» и так далее. Но истина в том, что у меня просто не хватило настоящей силы воли, чтобы отказаться. Я сказал себе: «Такой маленький стаканчик не может повредить» — и осушил его одним глотком.

И в самом деле ничего не стряслось. Аквавит прошел отлично. Приятный, холодный как лед глоток, оставивший после себя острый привкус пряностей с ноткой лакрицы. Я не знал, что именно пью, и не был даже уверен, что это алкоголь. Во всяком случае, мне он таковым не показался.

Мы сели, кто-то поставил передо мной тарелку с едой, и личный стюард капитана налил мне еще стаканчик шнапса. Я уже собрался приняться за еду — восхитительные датские закуски из тех, что обычно входят в ассортимент *smorgasbord*, — когда кто-то дотронулся до моего плеча.

Я поднял глаза — это был Многоопытный Путешественник.

Рядом с ним стояли Авторитет и Скептик.

Имена у них теперь были другие. Некто (или нечто), превративший мою жизнь в запутанную головоломку, особо далеко в данном случае не пошел. Джеральд Фортескью, например, теперь стал Джереми Форсайтом. Несмотря на мелкие изменения, я без труда узнал каждого из них, а новые имена были достаточно сходны со старыми — показа-

¹ Ваше здоровье! (*dam*)

тель того, что кто-то или что-то продолжает свой розыгрыш.

(Но тогда почему моя новая фамилия так отличается от фамилии Хергенсхаймер? В звучании имени Хергенсхаймер есть особое достоинство, я бы сказал, в нем слышны отголоски известного величия. А Грэхем — имечко так себе.)

— Алек, — сказал мистер Форсайт, — мы недооценили вас. Дункан, и я, и Пит с радостью признаем это. Вот три тысячи, которые мы вам должны, и... — Он протянул руку, которую до сих пор держал за спиной; в ней оказалась здоровенная бутылка. — Вот самое лучшее шампанское, какое только есть на пароходе, как знак нашего уважения.

— Стюард! — крикнул капитан.

И тот же стюард, ведавший напитками, двинулся вокруг нашего стола, наполняя стаканы всех сидевших. Но еще до этого обнаружилось, что я снова стою и трижды под возгласы «*Skaal!*» опустошаю стаканчики аквавита — по одному за здоровье каждого проигравшего, — а в другом кулаке сжимаю три тысячи долларов (долларов Соединенных Штатов Северной Америки). У меня не было времени разбираться, почему три сотни вдруг превратились в три тысячи, что, впрочем, было не более странно, чем то, что случилось с «Конунгом Кнудом». Вернее, с его обоими воплощениями. Да и мои способности удивляться к этому времени почти иссякли.

Капитан Хансен приказал официантке приставить к столу стулья для Форсайта и его компании, но все трое отказались на том основании, что жены и соседи по столам ждут их возвращения. Да и у нас места маловато. Для капитана Хансена все это не имело ни малейшего значения. Он был настоящий викинг, величиной чуть меньше дома: дай ему молот, и он вполне сойдет за Тора — мышцы у него были даже там, где у обычных мужчин их отродясь не бывает. Так что с ним особенно не поспоришь.

Впрочем, он добродушно согласился на компромисс — они вернутся к своим столам и завершат ужин, но сначала присоединятся к капитану и ко мне и вознесут благодар-

ность Седраху, Мисаху и Авденаго — ангелам-хранителям нашего доброго друга Алека. И весь наш стол, как один человек, будет участвовать в этом...

— Стюард!

И все мы трижды прокричали «*Skaal!*», заливая гланды антифризом в невероятном количестве.

Вы все еще считаете? Думаю, уже стаканчиков семь. Можете перестать считать. Именно в этом месте я потерял счет выпитому. Ко мне стало возвращаться то оупение, которое я ощутил на половине пути через огненную яму.

Заведующий напитками стюард кончил разливать шампанское и, повинуясь знаку капитана, заменил опустевшую бутылку новой. Снова пришла моя очередь произносить тосты — я рассыпался в комплиментах трем проигравшим, после чего все выпили за капитана Хансена и за добрую посудину «Конунг Кнут».

Капитан поднял бокал за Соединенные Штаты, и все присутствующие встали и выпили вместе с ним; тогда я счел необходимым предложить тост за датскую королеву, что вызвало новые тосты в мою честь, и капитан потребовал, чтобы я произнес речь.

— Расскажите, как вы чувствовали себя в печи огненной.

Я попытался отговориться, но кругом оглушительно гремели крики всех присутствующих: «Речь! Речь!»

Я с трудом поднялся, стараясь припомнить, о чем говорил на последнем ужине, организованном с целью сбора средств для поддержания заморских миссий. Речь ускользала от меня. Наконец я сказал:

— А!!! Вздор! Тут и говорить не о чем. Только приклоните ухо ваше к земле, налягте плечом на штурвал, поднимите глаза к звездам, и вы с легкостью сделаете то же самое. Спасибо вам, спасибо всем, а в следующий раз мы все до единого соберемся у меня дома.

Кругом кричали, снова орали «*Skaal!*» — уж и не помню сейчас, по какому поводу, — и тут леди, сидевшая слева от капитана, подошла ко мне и расцеловала, после чего все прочие леди, сидевшие за капитанским столом, сгрудились

вокруг меня и принялись обцеловывать. Это, видимо, воодушевило остальных дам в салоне, так как из них сформировалась целая процессия, направившаяся ко мне за поцелуями, но по пути целовавшая капитана; а может быть, порядок был обратный.

Во время этого парада кто-то унес мою тарелку с бифштексом, относительно которого я строил некоторые планы. Правда, я не слишком горевал о потере, так как бесконечная оргия лобзаний ошеломила меня и погрузила в изумление, ничуть не меньшее, чем история с туземками, которые прошли по углям.

Потрясение я испытал сразу же, как только вошел в обеденный салон. Давайте скажем так: мои спутницы-пассажирки были вполне достойны того, чтобы появиться на иллюстрациях в «Нейшнл географик».

Да! Вот именно! Ну, может, не совсем так, но то, во что они были одеты, делало их куда более голыми, чем те дружелюбные туземки. Я не стану описывать их «вечерние туалеты», ибо не уверен, что смогу это сделать. Более того, я твердо убежден, что делать этого не следует. Ни у одной из них не было прикрыто более двадцати процентов того, что дамы прикрывают на торжественных приемах в том мире, где я родился. Я имею в виду — выше талии. Их юбки, длинные и часто волочащиеся по полу, скроены или разрезаны самым соблазнительным манером.

У некоторых дам верхняя часть платья вроде бы и прикрывала все, но материал был прозрачен как стекло. Ну почти как стекло.

А самые юные дамы, можно сказать почти девочки, уж точно имели все основания занять место на страницах «Нейшнл географик» — больше, чем мои деревенские подружки. Однако почему-то казалось, что девицы куда менее бесстыдны, чем их почтенные родительницы.

Этот расклад я заметил сразу же, как только вошел в столовую. Я старался не пялиться на них, а к тому же капитан и все прочие с самого начала так плотно заняли мое внимание, что у меня не осталось никакой возможности хоть краем глаза полюбоваться этой трудновообразимой

обнаженностью. Но послушайте, если дама подходит к вам, обвивает вас руками и настаивает на том, чтобы расцеловать вас, то очень трудно не заметить, что на ней надето много меньше, чем нужно для предотвращения заболевания пневмонией. Или другими легочными заболеваниями.

И все же я держал себя в узде, несмотря на растущее оцепенение и туман в глазах.

Однако даже откровенность костюмов не поразила меня так, как откровенность выражений — таких слов я не слышал в общественных местах и очень редко слышал даже там, где собирались одни мужчины. Я сказал «мужчины», поскольку джентльмены не выражаются таким образом даже в отсутствие леди... Во всяком случае, в том мире, который мне знаком.

Самое шокирующее воспоминание моего детства относится к тому дню, когда я, проходя через городскую площадь, увидел толпу, собравшуюся у места Покаяния, что возле здания суда. Присоединившись к ней, чтобы узнать, кто кается и за что именно, я вдруг увидел в колодках моего скаутского наставника. Я чуть в обморок не упал.

Его грех заключался в употреблении неприличных слов, во всяком случае именно так было написано на дощечке, висевшей у него на шее. Обвинителем оказалась собственная жена учителя; тот не отпирался и, признав себя виновным, отдался на милость суда. Судьей же был дьякон Брамби, отродясь не слыхавший слова такого — милость.

Мистер Кирк — мой скаутский наставник — через две недели покинул город, и больше его там никто не видел — такое сильное потрясение испытал человек, будучи выставленным в колодках на всеобщее обозрение. Не знаю, какие именно дурные слова употребил мистер Кирк, но вряд ли они были так ужасны, раз предписанное дьяконом Брамби наказание продолжалось только один день — с восхода до заката.

В тот вечер за капитанским столиком на «Конунге Кнуте» я слышал, как милейшая пожилая дама того сорта, из которого получают самые расчудесные бабушки, адресовалась к мужу в выражениях, исполненных богохульства

и намеков на кое-какие совершенно запретные сексуальные действия. Если бы она так заговорила в моем родном городе, ее бы выставили в колодках на максимально разрешенный срок, а потом изгнали бы из города (у нас перьями и дегтем не пользуются: это почитается за излишнюю жестокость).

Но сию милую даму на корабле даже никто не укорил. Ее муж просто ухмыльнулся и попросил не волноваться по пустякам.

Под совместным воздействием шокирующих слух речей, чудовищно неприличной обнаженности и двух обильно принятых неизвестных мне, но оказавшихся предательскими напитков я совершенно обалдел. Чужак в стране чужой, я рухнул под бременем незнакомых и повергающих в смятение обычаев. Но, невзирая на все это, я продолжал цепляться за решение выглядеть человеком опытным, ничему не удивляющимся, чувствующим себя здесь как дома. Никто не должен заподозрить, что я не Алек Грэхем — их сотоварищ по круизу, — а какой-то Александр Хергенсхаймер — личность им совершенно неизвестная... у меня было предчувствие, что в этом случае произойдут совершенно ужасные события.

Конечно, я был не прав, ибо нечто ужасное уже имело место. И я действительно оказался абсолютно чужим в этом неимоверно чужом, странном и сбивающем с толку мире... хотя даже теперь, ретроспективно рассматривая случившееся, я не думаю, что мое положение стало бы много хуже, если бы я просто выложил им, в какую ситуацию я попал.

Мне все равно не поверили бы.

А как же иначе? Я и сам-то себе не верил!

Капитан Хансен, насмешливый и не верящий ни в сон ни в чох, зашелся бы от хохота, услышав мою «шуточку», и тут же произнес бы новый тост в мою честь. А если бы я продолжал стоять на своем, он наверняка напустил бы на меня судового врача.

Так что мне легче было продержаться весь этот удивительный вечер, хватаясь за убеждение, что нужно скон-

центрировать все силы на безошибочном исполнении роли Алека Грэхема и не позволить никому даже заподозрить, что я жертва подмены, так сказать, кукушонок в чужом гнезде.

Передо мной еще лежал кусок «торта принцессы» — дивное многослойное лакомство, которое я помнил еще со времен того — другого — «Конунга Кнута», и стояла чашечка кофе, когда капитан вдруг встал:

— Пошли, Алек! Нам пора в салон: концерт вот-вот начнется — ждут только меня. Идем! Не собираешься же ты съесть всю эту сладкую липучку? Ты ж от нее обязательно заболеешь! А кофе тебе подадут и в салоне. Но до кофе надо тяпнуть чего-нибудь достойного именоваться мужским напитком, а? Не эту жижицу! Как ты насчет русской водки?

Он подхватил меня под руку. И я уразумел, что направляюсь в салон. Однако отнюдь не по собственной воле.

Концерт в салоне оказался как две капли воды похож на тот, который я в свое время имел счастье лицезреть на теплоходе «Конунг Кнут»: фокусник, производивший потрясающие манипуляции, хотя куда менее удивительные, чем те, которые совершал (или совершил) я сам; тупой остряк, которому следовало бы сидеть в своем кресле и не вставать; хорошенькая девушка-певичка и танцоры. Главные отличия этого концерта от прежних были те же, к которым я уже присмотрелся, — много голого тела и еще больше непристойных слов, но я уже так отупел от перенесенного шока и аквавита, что дополнительные свидетельства пребывания в чужом мире произвели на меня минимальное впечатление.

На девице, которая пела, из одежды почти ничего не было, а суть ее песенки принесла бы ей одни неприятности даже среди подонков Ньюарка (штат Нью-Джерси). Конечно, это только мое предположение, ибо прямого контакта с этим пресловутым вертепом разврата мне лично иметь не приходилось. Внешность девушки я постарался рассмотреть получше: тут можно было не отводить глаз, поскольку таращиться на артистов считалось *в порядке вещей*.

Если согласиться с тем, что крой и фасон платья имеет право бесконечно варьироваться и это обстоятельство не обязательно губительно воздействует на прочность общественных основ (я лично с подобным утверждением не согласен, но готов его допустить), то лучше, если человек, демонстрирующий подобное разнообразие, молод, здоров и красив.

Певичка была молода, здорова и красива. Я даже почувствовал укол сожаления, когда она вышла из-под луча прожектора.

Гвоздем вечера была группа таитянских танцоров, и меня несколько не удивило, что они оказались обнажены до пояса, если не считать цветов и ожерелий из раковин, — к тому времени я бы скорее поразился, если бы дело обстояло иначе. Но что пока еще вызывало у меня недоумение (хоть, полагаю, удивляться не следовало), так это поведение моих товарищей по круизу.

Сначала труппа — восемь девушек и двое мужчин — исполняла для нас почти те же танцы, которые предшествовали сегодняшнему хождению сквозь огонь, и почти те же, которые я видел в исполнении труппы танцоров на палубе теплохода «Конунг Кнут» в Папезте. Полагаю, вам известно, что таитянская хула отличается от медленной и изящной хулы Гавайского королевства гораздо более быстрым темпом музыкального сопровождения и куда большей энергией исполнения. Я не эксперт в области танцевального искусства, но мне приходилось видеть оба вида хулы в тех самых странах, где они родились.

Я-то лично предпочитаю гавайскую хулу, которую видел, когда «Граф фон Цеппелин» останавливался на день в Хило по пути в Папезте. Таитянская хула кажется мне скорее набором атлетических упражнений, нежели видом танцевального искусства. Но энергия и быстрота делают этот танец особенно впечатляющим благодаря тому, как одеты (или, вернее сказать, раздеты) туземные девушки.

И это еще не все. После ряда танцевальных номеров, включающих парные танцы девушек с каждым из танцоров-мужчин, когда артисты вытворяли такие вещи, кото-

рые посрамили бы даже обитателей птичьего двора (я все ждал, что капитан Хансен положит этому конец), вперед выступил судовой церемониймейстер, он же распорядитель круиза.

— Леди и джентльмены, — возгласил он, — а также те, кто, возможно, появился на свет в результате пьянящей, но не слишком законной любви (я принужден воспользоваться правом цензуры, воспроизводя его речь)... вы все, зачинатели моды и ее верные последователи, так сказать, сеттеры и пойнтеры, неплохо воспользовались четырьмя днями, которые наши танцоры провели на судне, и смогли добавить к своему репертуару таитянскую хулу. Сейчас вы получите шанс продемонстрировать результаты своего обучения и получить дипломы, такие же настоящие, как папайи в Папезте. Но вот чего вы не знаете, так это того, что на добром старом «Кнута» есть и другие, кто тоже не сидел сложа руки. Маэстро, ну-ка, вдарьте!

Из комнаты, что помещалась за сценой, вышла еще дюжина танцовщиц хулы, только уже не полинезийки, а девушки европеоидной расы. Одеты они были в туземные наряды — юбочки из травы и ожерелья да цветы в волосах, и больше ничего. А кожа не коричневая, а белая; по большей части они были блондинками, а две — огненно-рыжими.

Ну, это, знаете ли, совсем другое дело. К тому времени я уже готов был согласиться, что полинезийки в своих туземных костюмах выглядят прилично и даже скромно — в каждой стране свои обычаи. Разве праматерь Ева не выглядела целомудренно накануне грехопадения, одетая лишь в свою невинность?

Но белые девушки в нарядах женщин южных морей смотрелись донельзя непристойно.

Впрочем, это обстоятельство не заставило меня оторвать взгляд от танцовщиц. Меня поразило то, что быстрый и сложный танец девушек ничуть не отличался (на мой непросвещенный взгляд) от танца островитянок. Я даже спросил капитана:

— Они и в самом деле научились так танцевать за четыре дня?

Он хмыкнул:

— Они репетируют в каждом круизе — во всяком случае, те, кто работал у нас и раньше, да и остальные занимались от самого Сан-Диего.

Тут я узнал одну из танцовщиц — это была Астрид, та милая девочка, которая впустила меня в «мою» каюту, — и тогда я понял, почему у них было время и возможность практиковаться — все эти девчонки входили в состав судовой команды. Я посмотрел на нее — точнее, уставился — с интересом. Астрид поймала мой взгляд и улыбнулась. Будучи олухом и недоумком, я, вместо того чтобы улыбнуться в ответ, отвернулся и отчаянно покраснел, стараясь скрыть замешательство с помощью героического глотка из стакана, каким-то образом оказавшегося в моей руке.

Один из танцоров-канаков вихрем подлетел к строю белокожих девушек и пригласил одну на танец. Господи, спаси и сохрани, это была Маргрета!

Я поперхнулся и долго не мог откашляться. Она представляла собой самое ослепительно-прекрасное зрелище, когда-либо возникавшее перед моим взором.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...

Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями;

два сосца твои — как два козленка, двойни серны...

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе».

Так, не из праха выходит горе,
и не из земли вырастает беда;
Но человек рождается на страдание,
как искры, чтоб устремляться вверх.

Книга Иова, 5: 6—7

Я медленно приходил в себя, но если бы вы знали, как мне этого не хотелось: ужасный кошмар гнал за мной по пятам. Я крепко смежил веки, чтобы не видеть света, и попробовал вернуться обратно в сон.

В голове безудержно рокотали туземные барабаны. Я попробовал изгнать их оттуда и зажал уши руками.

Барабаны забили еще громче.

Я отказался от попытки избавиться от них, открыл глаза и поднял голову. Какая ошибка! Мой желудок так бешено заурчал, что даже уши, казалось, зашевелились. Глаза отказывались на чем-то сфокусироваться, а адские барабаны раскалывали голову на части.

Наконец мне удалось заставить глаза смотреть, хотя все вокруг плавало как в тумане. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь в незнакомой комнате, лежу на застеленной кровати и раздет лишь наполовину.

Память постепенно возвращалась. Вечеринка на борту корабля. Выпивка! Обильная! Шум. Какие-то голые. Капитан в травяной юбочке лихо отплясывает, а оркестр пытается не отстать от заданного им темпа. Какие-то дамы-пассажирки тоже в травяных юбочках, а какие-то даже без них... дребезжание бамбуковых трещоток, буханье барабанов...

Барабаны...

Барабаны грохотали вовсе не внутри моей головы. Это просто была самая страшная из всех когда-либо испытанных мною головных болей. Какого черта я позволил им...

Не сваливай на них! Ты сам виноват, олух!

Да, но...

«Да, но...» Всегда это самое «да, но...»! Всю жизнь от тебя только и слышишь, что «да, но...». Когда же ты обратишься и возьмешь на себя всю ответственность за собственную жизнь и за все, что с тобой происходит?

Да, но ведь в данном случае я ни в чем не виноват. Я же не А. Л. Грэхем. Это не мое имя. И корабль не мой.

Не твой? И не ты?

Разумеется, нет...

Я сел и попытался стряхнуть с себя этот дурной сон. То, что я сел, оказалось ошибкой: голова, конечно, не отвалилась, но колющая боль в основании черепа добавилась к той, что уже терзала мой мозг. На мне были черные брюки и, по-видимому, больше ничего, а сидел я в чужой комнате, которая к тому же медленно кренилась из стороны в сторону.

Штаны Грэхема. Каюта Грэхема. А это непрерывное раскачивание — результат того, что у корабля отсутствуют успокоители бортовой качки.

Нет, это не сон. А если и сон, то я все равно не способен от него отделаться. Зубы сводило, ноги казались чужими. Высохший пот пленкой стягивал кожу, кроме тех мест, где он еще был влажен и липок. Подмышки... Господи, не хочу думать о подмышках!

Рот следовало бы хорошенько прополоскать... щелочком.

Теперь я вспомнил все. Или почти все. Пылающие углы ямы. Туземцы. Разбегающиеся с дороги куры. Корабль, который не был моим кораблем... и все-таки им оказался. Маргрета...

Маргрета!

«Два сосца твоих — как два козленка... ты прекрасна, возлюбленная моя...»

Маргрета среди танцоров, с обнаженной грудью, обнаженными ногами... Маргрета, танцующая с этим мерзким канаком и трясущая своей...

Разве удивительно, что я перебрал?

А ну-ка, заткнись, приятель! Ты надрался еще до этого. А злишься на мальчишку-туземца только потому, что с ней был он, а не ты. Ты же сам жаждал с ней танцевать. Да только не умеешь.

Пляски — тенета Сатаны!

И разве не хотелось тебе уметь так танцевать?

«Как... двойня серны...»

Да. Очень хотелось!

Послышался легкий стук в дверь, затем позвякивание ключей. Дверь приоткрылась, и показалось лицо Маргреты.

— Уже проснулись? Отлично. — Она вошла, неся поднос, закрыла дверь и подошла к постели. — Вот, выпейте-ка это.

— А это что?

— Преимущественно томатный сок. Перестаньте спорить и пейте.

— Мне кажется, я не смогу...

— Сможете. Так нужно. Пейте!

Я с опаской принялся и отпил крохотный глоточек. К моему величайшему удивлению, меня не стошнило. Тогда я отпил побольше. После слабого позыва питье прошло и тихо улеглось в желудке. Маргрета протянула две таблетки:

— Примите. И запейте остатком томатного сока.

— Но я никогда не принимаю лекарств!

Она вздохнула и произнесла нечто, чего я не понял. Это был не английский язык. Во всяком случае, он не особенно напоминал английский.

— Что вы сказали?

— То, что говаривала моя бабушка, когда дедушка начинал с ней спорить. Мистер Грэхем, примите таблетки! Это всего лишь аспирин, и он вам необходим. Если не будете слушаться, я перестану с вами возиться. Я... я... передам вас Астрид, вот что я сделаю!

— Прошу вас, не надо.

— Нет! Именно так я и поступлю, если вы не будете слушаться. Астрид сменит меня. Вы ей нравитесь... она рассказывала, как вчера вечером вы любовались ее танцем.

Я схватил таблетки, запил их остатком томатного сока — холодного как лед и успокаивающего.

— Да, любовался, пока не увидел вас. После этого я уже глаз с вас не сводил.

Она впервые за все время улыбнулась:

— Да? Вам понравилось?

— Вы были прекрасны! — (А вот твой танец просто похабен, твоя непристойная одежда и твое поведение шокировали меня так, что, вероятно, я потерял год жизни. Все мне было ненавистно... И я ужасно жалею, что не могу увидеть все снова, буквально сейчас же, не теряя ни секунды.) — Вы были необычайно грациозны.

На ее щеках возникли ямочки.

— Я так надеялась, что вам понравится, сэръ!

— Так оно и было. А теперь перестаньте угрожать мне своей Астрид.

— Ладно. Не буду до тех пор, пока вы проявляете благоразумие. А сейчас вставайте — и под душ. Сначала очень горячий, потом ледяной. Как в сауне. — Она чего-то ждала. — Вставайте, я сказала. Не уйду, пока душ не будет включен и пар не пойдет клубами.

— Я приму душ... когда вы уйдете.

— И пустите еле тепленькую водичку. Знаю я вас! Вставайте, снимите брюки и под душ! Пока будете его принимать, я принесу завтрак. Скоро камбуз закроется, чтобы готовить ланч, а потому перестаньте тянуть резину... Ну пожалуйста...

— Ой, не могу я завтракать. Во всяком случае не сегодня! Ни за что! — Даже мысль о еде была мне отвратительна.

— Вам *обязательно* надо поесть. Прошлым вечером, как вам прекрасно известно, вы слишком много выпили. Если вы не поедите, будете весь день чувствовать себя разбитым. Мистер Грэхем, я уже кончила обслуживать всех осталь-

ных пассажиров и, можно сказать, от дежурства освободилась. Сейчас принесу вам поднос с завтраком, а потом сяду и прослежу, чтобы вы съели все, что на нем будет. — Она поглядела на меня. — Надо было все-таки стащить с вас брюки, когда я укладывала вас в постель, но вы весите слишком много.

— Вы укладывали меня в постель?!

— Мне помогал Ори. Тот парень, с которым я танцевала. — Вероятно, мое лицо выдало меня, так как она торопливо добавила: — О, я не разрешила ему входить в вашу каюту, сэр. Я сама раздела вас. А вот чтобы втащить вас вверх по лестнице, мне нужна была помощь.

— Я нисколько на вас не сержусь. — (А потом ты вернулась на вечеринку? И он с тобой? И ты снова с ним танцевала? «...люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные...» Нет... Нет у меня права на ревность!) — Я чрезвычайно благодарен вам обоим. Наверняка это было весьма неприятное занятие.

— Ну... смельчаки часто напиваются — после того, как минует опасность. Но вообще, конечно, это не дело.

— Верно. — Я встал с постели и направился в ванную. — Я пушу кипяток, честное слово!

Затем я прикрыл дверь и защелкнул задвижку, после чего разделся.

Значит, я был так омерзителен и бесчувственно пьян, что мальчишка-гуземец помогал тащить меня до кровати. Алекс, какая же ты позорная дрянь! И нет у тебя никаких прав ревновать эту очаровательную девушку. Она не принадлежит тебе, и в ее поведении нет ничего дурного по стандартам ее мира — какими бы эти стандарты ни были, — и все, что она делала, было сделано ради твоей же пользы и твоего комфорта. А это не дает тебе никаких прав на нее.

Я пустил горячую воду, такую горячую, что бедный старый Алекс в ней чуть не сварился. И выстоял под струями кипятка так долго, что мои нервные окончания почти потеряли чувствительность, а затем резко сменил горячий душ на ледяной... и чуть не заорал от боли.

Я стоял под ледяной водой, пока не перестал ощущать ее как холодную, затем закрыл краны и вытерся, открыв дверь, чтобы выпустить влажный воздух. Вышел в каюту... и тут внезапно обнаружил, что чувствую себя великолепно. Никакой головной боли. Никакого ощущения, что конец света должен наступить с минуты на минуту. Никаких пертурбаций в желудке. Только голод. Алекс, ты больше никогда не должен напиваться, а уж если напьешься, поступай так, как приказывает Маргрета. Тебе повезло: у нее на плечах отличная голова, и ты это обязан ценить.

Весело насвистывая, я открыл платяной шкаф Грэхема.

Услышав, как ключ поворачивается в замке, я мгновенно схватил купальный халат Грэхема и успел его накинуть как раз в ту секунду, когда Маргрета, обремененная тяжелым подносом, попыталась открыть дверь. Я тут же бросился на помощь и придержал дверь. Маргрета опустила поднос на письменный стол и принялась расставлять посуду с едой.

— Вы были совершенно правы насчет душа как в сауне, — сказал я. — Это именно то, что прописал доктор. Или, вернее сказать, медицинская сестра.

— Знаю. Такую штуку бабушка нередко устраивала моему деду.

— Гениальная женщина! Ох как вкусно пахнет! — (Омлет, бекон, щедрая порция датской выпечки, молоко, кофе, тарелка с несколькими сортами сыра, *fladbrod*¹, тонко нарезанные ломтики ветчины и неизвестные мне тропические фрукты.) — А что говорила ваша бабушка, если дедушка начинал с ней спорить?

— Знаете, она иногда излишне горячилась...

— Зато вы никогда не горячитесь. Ну, скажите же мне.

— Ладно... Она в таких случаях говорила, что мужчины созданы Богом только для того, чтобы испытывать женское долготерпение.

— Что-то в этом есть. А вы с ней согласны?

¹ Лепешка (дат.).

И снова улыбка вызвала появление ямочек.

— Я полагаю, что у них есть и кое-какие полезные умения.

Маргрета убрала мою каюту и навела порядок в ванной (о'кей, о'кей, пусть будет каюта *Грэхема* и ванная *Грэхема*. Удовлетворены?), пока я ел. Она достала пару легких спортивных брюк, спортивную рубашку островной расцветки и сандалии, убрала поднос и тарелки, оставив на столе кофе и фрукты. Я поблагодарил ее, когда она уходила, и подумал, не должен ли я предложить дополнительную «плату» и не оказывает ли она те же услуги и другим пассажирам. Это показалось мне не очень вероятным. Но мужества спросить, так ли это, я в себе не нашел.

Я закрыл за ней дверь и принялся тщательно обыскивать каюту Грэхема.

Я носил его одежду, спал в его постели, откликался на его имя, а теперь мне предстояло решить, пущусь ли я во все тяжкие и стану подлинным А. Л. Грэхемом или же отправлюсь к властям (к американскому консулу, а если нет, то к кому?) и признаюсь, что выдавал себя за другого, а теперь прошу помощи.

Время торопило меня. Сегодняшний выпуск «Королевского скальда» сообщал, что пароход «Конунг Кнут» должен прибыть в порт Папеезе в три часа дня и отплыть в Масатлан (Мексика) в шесть часов вечера. Судовой казначей известил пассажиров, желающих обменять франки на доллары, что представитель банка Папеезе будет работать на судне прямо напротив каюты казначея с момента прибытия корабля в порт и закончит операции за пятнадцать минут до отплытия. Кроме того, казначей напомнил пассажирам, что их задолженность по счетам бара и судовой лавки должна быть оплачена только в долларах, датских кронах или с помощью подтвержденных аккредитивов.

Вроде все разумно. И в то же время вызывает беспокойство. Я ожидал, что судно пробудет в Папеезе минимум часа двадцать четыре. Заход в порт на три часа казался просто дикостью — ведь получалось, что не успеет судно при-

чалить, как надо будет отплывать. И разве не придется платить за сутки, даже если они пришвартуются всего на три часа?

Однако, напомнил я себе, командование судном меня, в общем-то, не касается. Возможно, капитан просто решил воспользоваться временем между отбытием одного корабля и прибытием другого? Да и вообще, мало ли у него может найтись причин? Единственно, о чем мне следовало беспокоиться, так это о том, что предприму между тремя и шестью часами дня я сам и что мне непременно надо сделать до трех.

Сорок минут тщательных поисков выявили следующее: одежду — самую разнообразную и без всяких проблем, кроме тех, что связаны с лишней жировой складкой на моей талии;

деньги — франки в бумажнике (не забыть обменять!) и восемьдесят пять долларов там же; три тысячи долларов в ящике стола, там же лежал и футляр с часами Грэхема, с его кольцом, запонками и тому подобным. Поскольку часы и другие драгоценности вернулись в свой футляр, я логично рассудил, что Маргрета сохранила мой доход от пари, которое я (или Грэхем) выиграл у Форсайта, Дживса и Хэншо. Говорят же, что Господь заботится о дураках и пьяницах; если так, то в моем случае он действовал через Маргрету;

всевозможные мелочи, не имевшие отношения к моим сегодняшним проблемам, — книги, сувениры, зубная паста и тому подобное.

Паспорта нет.

Иногда пассажирам не хочется держать при себе паспорт, даже временно покидая корабль. Я сам предпочитаю не таскать свой, если возможно, так как потеря паспорта влечет за собой кучу неприятностей. Вот и вчера у меня не было его с собой... так что теперь он отправился туда, где вьется жимолость и простирается блаженный луг и куда канул теплоход «Конунг Кнут». А где же все это находится? Пока у меня не было времени искать ответ на этот вопрос:

уж слишком я был занят проблемами общения с чуждым новым миром.

Если Грэхем брал вчера свой паспорт с собой, стало быть, он вместе с документом провалился сквозь трещину четвертого измерения прямехонько на «блаженный луг». Похоже, так оно и произошло.

Пока я злился, кто-то подсунул под дверь моей каюты конверт.

Я поднял его и открыл. Внутри лежал мой (Грэхема) корабельный счет. Значило ли это, что Грэхем собирался покинуть судно в Папее? Только не это! Если так случится, я останусь на этих островах до конца моей жизни.

Нет, не то. Скорее, похоже на обычный расчет в конце месяца.

Счет Грэхема за выпивку в баре меня прямо потряс... пока я не обратил внимания на его отдельные пункты. Впрочем, они шокировали меня еще больше, но по другой причине. Если кока-кола стоит два доллара, это не означает, что бутылка стала больше; это значит, что доллар стал меньше.

Теперь я понял, почему триста долларов, на которые я заключил пари... гм... гм... по ту сторону, превратились *здесь* в три тысячи.

Если я собираюсь остаться в этом мире, придется привыкнуть к новому масштабу цен. Надо относиться к доллару как к иностранной валюте и мысленно переводить цены, пока к ним не привыкнешь. Например, если считать репрезентативными цены на борту, то первоклассный обед с бифштексом или ростбифом на кости в ресторане первого разряда, ну скажем, в главном ресторанном зале отеля вроде «Браун-палас» или «Марк Хопкинс», может обойтись почти в десять (!) долларов. Ничего себе!

С коктейлями же до обеда и вином к столу счет легко может перевалить и за пятнадцать долларов! А это ведь недельный заработок! Слава Богу, я не пью!

Ты... не... чего?

Послушай, но вчерашний случай — особый.

Вот как! Впрочем, так оно и было. Ведь и невинность теряют только раз. А уж раз она потеряна, то навсегда. А что такое ты пил незадолго до того, как окончательно вырубился? «Датский зомби»? А нет ли у тебя в данную минуту желания принять стаканчик? Чтоб восстановить внутреннее равновесие?

Да я до него в жизни больше не дотронусь!

Поглядим-поглядим, приятель!

А вот и еще один шанс, и, как я надеялся, неплохой. В футляре, где Грэхем хранил драгоценности, лежал ключ, ничем не примечательный, если не считать, что на нем был выбит номер «восемьдесят два». Если судьба мне улыбнется, то он может подойти к ящику сейфа в каюте казначея.

А если судьба сегодня намерена на меня скалиться, то ключ будет от сейфовой ячейки, находящейся где-то в одном из сорока шести штатов, в банке, которого я никогда не увижу. Но не будем каркать, хватит мне и тех неприятностей, которые уже есть.

Я спустился на следующую палубу и отправился на корму.

— Доброе утро, казначей.

— А, мистер Грэхем, хорошо вчера повеселились, не правда ли?

— Ну еще бы! Еще одна такая вечеринка, и из меня дух вон!

— А, бросьте, бросьте! И это говорит мужчина, шагнувший в огонь! Я уверен, вам вчера понравилось. Мне — так даже очень. Чем мы можем быть вам полезны?

Я вынул найденный ключ.

— Я захватил тот ключ? Или он от сейфа в моем банке? Не могу вспомнить.

Казначей взял ключ:

— Да, это наш. Пол! Возьми его и принеси ящичек мистера Грэхема. Мистер Грэхем, не угодно ли вам пройти сюда и присесть к столу?

— Хорошо, спасибо. Хм... а нет ли у вас какого-нибудь мешка или чего-нибудь в этом роде, чтобы положить в не-

го содержимое? Я хотел бы отнести все в свою каюту — надо кое-что проверить.

— Мешок?.. Мм... Можно взять сумку в судовой лавке... но... Сколько времени вам потребуется для писанины? К полудню кончите?

— О, разумеется.

— Тогда забирайте ящичек в каюту. Вообще-то, правила этого не позволяют, но их писал я сам, так что можно рискнуть и попробовать нарушить. Однако постарайтесь вернуть до полудня. Мы закрываемся с двенадцати до тринадцати — таковы уж требования профсоюза, — и, если я буду сидеть здесь, когда клерки уйдут на обед, вам придется поставить мне выпивку.

— Да я вам ее и без того поставлю.

— Буду ждать с нетерпением. А вот и ваш ящичек. Только не вздумайте таскать его сквозь пламя.

На самом верху лежал паспорт Грэхема. Тяжесть у меня на душе сразу рассосалась. Не знаю более неприятного чувства потери, нежели то, которое возникает, если вы оказываетесь за границами Союза без паспорта... даже если это и не тот Союз. Открыл паспорт, посмотрел на фотографию. Неужто я так выгляжу? Отправился в туалет, сравнил лицо в зеркале с лицом на фотографии.

Кажется, похож. Впрочем, чего ждать от паспортной фотографии? Попробовал поднести фотографию к зеркалу. Сходство неожиданно резко усилилось. Дружище, да у тебя физиономия кривая!

И у вас тоже, мистер Грэхем.

Приятель, если я собираюсь стать тобой навсегда — а чем дальше, тем больше к тому идет, — то, поскольку выбора у меня нет, приятно узнать, что мы с тобой так похожи. Отпечатки пальцев? Подумаем об этом, когда настанет время. Похоже, США в паспорта отпечатки пальцев не клеивают — это уже облегчение. Занятие: управляющий. Управляющий чем? Похоронной конторой? Или транснациональной сетью отелей? Ладно. Надеюсь, как-нибудь разберемся, а пока не важно. Адрес: для передачи через ад-

вокатскую контору «О'Хара, Ригсби, Крумпакер и Ригсби», офис 7000, Смит-Билдинг, Даллас. Ну просто очаровательно! Только адрес для писем — ни домашнего, ни адреса работы нет. Ах ты, фальшивка! С удовольствием врезал бы тебе по морде!

(Нет. Отвращения, должно быть, он не вызывал: Маргрета о нем хорошего мнения. Да... вот только свои лапы держал бы от нее подальше — он же явно хотел злоупотребить ее доверчивостью. А это некрасиво! Это *кто же* собирается злоупотребить ее доверчивостью? Смотри, парень, зарабатываешь раздвоение личности!)

В конверте под паспортом лежал отрывной талон пассажирского билета Грэхема: он действительно совершал круиз по маршруту Портленд—Портленд. Слушай, близнец, если ты не появишься до шести вечера, я попаду домой. А ты, возможно, воспользуешься моим билетом на «Адмирал Моффет». Желаю удачи.

Были там еще какие-то мелочи, но бо́льшую часть стальной шкатулки занимали десять пухлых заклеенных конвертов вроде тех, которыми пользуются в конторах. Один из конвертов я вскрыл.

Он был набит тысячедолларовыми банкнотами — ровно сотня. Я быстренько проверил остальные конверты. Всюду то же самое. Один миллион чистоганом!

Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним;
а праведник смел, как лев.

Книга притчей Соломоновых, 28: 1

Еле переведа дух от волнения, я отыскал в письменном столе Грэхема клейкую ленту и опять заклеил конверты. Вложил в ящичек все, что там было, кроме паспорта, который спрятал вместе с тремя тысячами долларов, каковые считал своими, в маленький ящик стола. После чего отнес стальной ящичек в каюту казначея, стараясь обращаться с ношей как можно бережнее.

За столом в приемной был кто-то другой, но из своего кабинета казначей меня заметил.

— Привет! — сказал он, выходя в приемную. — Так быстро вернулись?

— Да, — ответил я. — Это потому, что раз в кои-то веки все сошлось. — Я передал ему ящичек.

— С удовольствием взял бы вас к себе на службу. У нас тут никогда ничего не сходится. Во всяком случае, пока не просидим до полуночи. Ну, пошли поищем чего-нибудь выпить. Мне это позарез нужно.

— Мне тоже. Идем.

Казначей провел меня в бар на открытом воздухе; на плане судна я этого заведения прежде не заметил. Палуба над нами была короче, и палуба D продолжалась уже как прогулочная, по ее блестящим тиковым доскам ходить было чрезвычайно приятно. Край палубы С частично нависал над ней, образуя как бы крышу; тут же был раскинут шатер бара, о котором я говорил. Под прямым углом к стойке стояли длинные буфетные столы с разнообразными закусками для ланча; несколько пассажиров уже образовали очередь. Еще ближе к корме находился плаватель-

ный бассейн, оттуда слышались всплески, визг и радостные возгласы.

Казначей привел меня на корму к маленькому столику, занятому двумя младшими офицерами. Мы остановились.

— Эй, вы, парочка! А ну-ка, прыгайте за борт!

— Есть, казначей!

Они встали, захватили стаканы с пивом и ушли дальше на корму. Один из них улыбнулся мне и кивнул, будто мы были хорошо знакомы. Я тоже кивнул ему:

— Привет!

Часть столика находилась в тени тента. Казначей спросил:

— Желаете сидеть под солнцем и любоваться на девиц? Или отдохнуть в тенечке?

— А мне все равно. Садитесь где хотите, а я займу свободное место.

— Хм-м... Давайте-ка чуть-чуть подвинем столик, и тогда оба окажемся в тени. Вот так, достаточно.

Он сел лицом к носу корабля, а я получил вид на плавательный бассейн. Мое первоначальное впечатление подтвердилось: здесь можно было обходиться без таких безнадёжно устаревших вещей, как купальные костюмы.

Я вполне мог бы сделать такое заключение и чисто логическим путем, приложи я некоторые умственные усилия, чего, однако, не сделал. В последний раз, когда я наблюдал такое — я говорю о купании нагишом, — мне было лет двенадцать, а подобное времяпрепровождение считалось привилегией мужчин от двенадцати и моложе.

— Я спрашиваю, что вы будете пить, мистер Грэхем?

— Ох, извините, я не услышал.

— Так я и понял. Вы глядели. Так чего же мы выпьем?

— Э-э-э... «Датский зомби».

Казначей прямо глаза вылупил:

— А не рановато ли? От этого напитка черепушка может треснуть. Мм... — Он поманил пальцем кого-то стоявшего за моей спиной. — Эй, красотка! Подойди-ка к нам.

Я оторвал взгляд от бассейна как раз в ту минуту, когда официантка, которую он подозвал, подошла к столу.

Я взглянул на нее, отвел глаза, потом взглянул снова. Я уже видел ее сквозь алкогольный туман вчера вечером — это была одна из двух рыженьких танцовщиц хулы.

— Попроси Ганса сделать нам «сильвер-физ», две штуки. Кстати, а как тебя зовут, малютка?

— Мистер Хендерсон, попробуйте еще раз притвориться, что забыли мое имя, и я вылью выпивку прямо вам на лысину!

— Хорошо, мое сокровище. А теперь поторопись, дай своим толстым ножкам поработать.

Она фыркнула и ускользнула прочь — ноги были стройными и изящными.

Казначей добавил:

— Чудесная девочка! Ее родители живут прямо напротив моего дома в Оденсе. Я знаю ее чуть ли не с рождения. Она и умненькая к тому же. Бодель собирается стать ветеринаром, до окончания курса ей остался еще год.

— Вот как! Но как же она совмещает учебу с работой?

— Большинство наших девушек учатся в университете. Кое-кто работает летом, на каникулах, другие берут отпуск на семестр и отправляются в море, отдыхают и заодно зарабатывают деньги для оплаты следующего семестра. Нанимая девушек на работу, я отдаю предпочтение тем, кто сам пробивает себе дорогу в университет; они более надежны и знают больше языков. Возьмите, например, горничную, которая обслуживает вашу каюту. Астрид?

— Нет, Маргрета.

— Ах да, вы же в сто девятой. У Астрид носовые каюты по левому борту. А у Маргреты — по правому. Маргрета Свенсдаттер Гундерсон. Школьная учительница. Английский язык и история. Знает четыре языка, в двух из которых — дипломированный специалист, и это не считая скандинавских. Она взяла годичный отпуск в средней школе имени Г. Х. Андерсена. Готов побиться об заклад, туда она больше не вернется.

— Э-э... А почему?

— Выйдет замуж за богатого американца. А вы богаты?

— Я? Неужели я похож на богача?

А вдруг ему известно, что находится в ячейке сейфа? Господи Боже мой, да что же делать с миллионом долларов, который мне не принадлежит? Нельзя же выбросить деньги за борт? И почему Грэхем путешествовал с такой огромной суммой наличных? Я мог бы предложить несколько объяснений, но все одинаково плохие, то есть с примесью криминала. Любое из них ввергло бы меня в еще большие неприятности, чем те, которые я уже имел.

— Ну, богатые американцы никогда не выглядят богачами. Есть специальные курсы, где их учат не быть похожими на толстосумов. Я, конечно, говорю о североамериканцах. Южноамериканцы — это, знаете ли, совсем другой сорт. Гертруда, спасибо. Ты славная девочка.

— Ах, вы все-таки хотите, чтобы я облила вам лысину?

— А ты хочешь, чтоб я швырнул тебя в бассейн прямо в одежде? Веди себя повежливей, милочка, иначе я пожалуюсь твоей мамаше. Давай сюда выпивку и приготовь счет.

— Счета не будет: Ганс угощает мистера Грэхема. А заодно приходится угощать и вас. За компанию.

— Скажи ему, что так он скоро разорит бар, и добавь, что я вычту деньги из его жалованья.

Так получилось, что я выпил два «сильвер-физа» вместо одного и оказался бы на верном пути к катастрофе, подобной вчерашней, если бы мистер Хендерсон не решил, что нам следует закусить. А мне ужасно хотелось выпить третий. Первые два позволили мне позабыть тревоги, связанные с идиотской сейфовой ячейкой, полной денег, и одновременно повысили мою способность извлекать удовольствие из зрелища, которое преподнес нам палубный бассейн. Я обнаружил, что воспитанное в течение всей жизни может бесследно исчезнуть всего за двадцать четыре часа. Нет ничего греховного в том, чтобы любоваться женскими прелестями непредвзято. Это такое же невинное занятие, как любованье цветами или котятми, — только оно доставляет куда больше удовольствия.

И вот тут-то мне захотелось выпить еще.

Мистер Хендерсон наложил на выпивку вето, подозревал Бодель и обменялся с ней быстрыми фразами на датском языке. Она ушла и вернулась через несколько минут, неся поднос, тесно уставленный блюдами: холодные закуски, горячие мясные тефтельки, корзиночки из сладкого теста с начинкой из мороженого, крепкий кофе — и все это в невероятном большом количестве.

Минут через двадцать пять я все еще с удовольствием наблюдал за молодежью в бассейне, но уже сошел с пути, ведущего к новой алкогольной катастрофе. Я настолько отрезвел, что ясно осознавал не только невозможность решения всех своих проблем с помощью выпивки, но и необходимость отказаться от крепких напитков вообще до тех пор, пока не решу эти проблемы, ибо пить такие напитки я явно не умею. Дядюшка Эд был прав: порок нуждается в упражнении и постоянной практике, в противном случае, исходя из прагматических соображений, добродетель будет направлять нас даже в том случае, если узы морали откажутся играть роль сдерживающей силы.

Моя мораль перестала быть такой силой, иначе я не сидел бы здесь со стаканом дьявольского зелья в руке и не любовался обнаженной женской плотью.

И тут я обнаружил, что не испытываю ни малейших угрызений совести из-за своего поведения. Мое единственное сожаление было вызвано печальным открытием, что я не могу вынести ту дозу алкоголя, которую мне хотелось принять. «В ад спуститься нетрудно...»

Мистер Хендерсон встал:

— Мы причалим меньше чем через два часа, а мне предстоит подделать еще парочку цифр, пока агент компании не поднялся на борт. Спасибо за приятное общество.

— Это я *вас* должен благодарить, сэр. *Tusind tak*¹. У вас на родине так, кажется, говорят?

¹ Тысяча благодарностей (*дат.*).

Он улынулся и вышел. Я посидел еще немного и поразмышлял. Еще два часа до прибытия в порт, потом три часа на берегу. Что же делать мне с этим временем и возможностями, которые оно мне предоставляет?

Пойти к американскому консулу? И что сказать ему? Дорогой мистер консул, я не тот, за кого себя выдаю, и только что обнаружил в своем кармане целый миллион долларов...

Чудовищно!

Никому ничего не говорить? Хапнуть миллиончик? Сойти на берег и первым воздушным кораблем вылететь куда-нибудь в Патагонию?

Не выйдет. Моя мораль дала трещину, — видимо, она никогда не была особо прочной. Но предубеждение против воровства осталось. Воровать не просто плохо, это ниже человеческого достоинства.

Уж и то плохо, что я ношу чужую одежду.

Тогда возьми те три тысячи, которые по праву принадлежат тебе, подожди, пока корабль отплывет, а потом попробуй вернуться в Америку, если тебе это удастся.

Глупейшая мысль! Загремишь в тропическую тюрьму, и этот дурацкий поступок не принесет Грэхему ни малейшей пользы. Опять выбор без выбора, дурачок! Придется оставаться на борту и ждать возвращения Грэхема. Сам он, может, и не появится, передаст сообщение по беспроводной связи или что-то в этом духе... Вот и сиди, грызи ногти, пока пароход не отплывет. А когда отплывет, возблаговари Бога за возможность вернуться домой, в Божью страну. А Грэхем наверняка сделает то же со своим билетом на «Адмирал Моффет». Интересно, а нравится ему именоваться Хергенсхаймером? Больше, чем мне Грэхемом, готов поспорить. Хергенсхаймер — благородная фамилия.

Я встал, перешел на другой борт и поднялся двумя палубами выше — в библиотеку, которая оказалась пустой, если не считать женщины, решавшей кроссворд. У нас не было намерения мешать друг другу, так что покой не нарушился. Большая часть шкафов оказалась закрыта, библио-

текарь отсутствовал, но многократно читанная энциклопедия стояла на месте, а это было все, что мне требовалось для начала.

Примерно через два часа меня испугал звук сирены, означавший, что мы получили разрешение войти в порт. Итак, мы прибыли. К тому времени я уже почерпнул изрядную долю сведений из области чуждой для меня истории и чуждых идей, и переварить их было страшно трудно. Начать с того, что в этом мире Уильям Дженнингс Брайан среди президентов страны не числился. В 1896 году вместо него был избран Мак-Кинли, пробывший на этом посту два срока, а за ним место президента занял какой-то Рузвельт.

Никого из президентов двадцатого века я вообще не обнаружил.

Вместо более чем столетнего периода мира, явившегося следствием нашей незыблемой политики нейтралитета, Соединенные Штаты многократно участвовали в войнах с иностранными государствами: в 1899 году, в 1912—1917-м, в 1932-м (с Японией!), в 1950—1952-м, в 1980—1984-м и так далее, вплоть до нынешнего года или, точнее, года издания энциклопедии. О том, идет ли сейчас война, «Королевский скальд» не упоминал.

За стеклом одного из шкафов я заметил несколько книг по истории. Если через три часа я все еще буду на судне, мне стоит прочесть каждую историческую книгу, которая тут найдется, посвятив этому занятию все время длинного обратного пути в Америку.

Но знание имен президентов и дат войн не входило в число моих ближайших задач: они ведь к сегодняшнему дню прямого отношения не имели. Мне прежде всего необходимо было узнать (ибо невежество могло принести мне что угодно, начиная от мелких неудобств и кончая полным провалом) различия между моим миром и этим в том, как живут люди, как говорят, как ведут себя, едят, играют, молятся, любят. И пока я буду этому учиться, надо быть очень осторожным, не болтать лишнего и как можно больше прислушиваться к тому, что говорят другие.

У меня когда-то был сосед, чье знание истории ограничивалось двумя датами — 1492 и 1776 годами, но даже они у него путались, ибо он не был уверен до конца, что именно обозначала каждая из них. Его невежество в остальных вопросах отличалось такой же глубиной, и тем не менее он умудрялся зарабатывать очень прилично, мостя городские улицы.

Чтобы функционировать как существо общественное и экономическое, человеку не обязательно иметь широкое образование... главное — знать, в каких случаях следует втирать себе в пупок голубую глину. Однако единственная крошечная ошибочка в местных обычаях может подвести вас под суд Линча.

Интересно, а что сейчас подделывает Грэхем? И тут я понял, что ситуация, в которую он попал, куда серьезней и опасней моей... если допустить (а, видимо, это неизбежно), что мы с ним просто поменялись местами. Ведь мое воспитание может выставить меня в этом мире всего лишь несколько эксцентричной личностью, зато его привычки вполне способны вовлечь Грэхема в весьма серьезные неприятности. Случайная фраза или совершенно невинный поступок могут привести его прямехонько в колодки и даже хуже того.

А с еще большими сложностями он столкнется, если попытается сыграть мою роль... если он попытается... Разрешите мне проиллюстрировать эту мою мысль таким примером: в день рождения жены, после того как мы уже вместе прожили год, я преподнес Абигайль роскошное издание «Укрощения строптивой». Так она даже не заподозрила, что я на что-то намекаю: ее убежденность в собственной непогрешимости исключает всякую возможность предположения, что в глубине души я могу приравнять ее к Кейт. Если Грэхем займет мое место в качестве ее мужа, то супружеские отношения почти наверняка окажутся весьма интересными для обеих сторон.

Лично я, по здравом размышлении, не пожелал бы Абигайль даже врагу. Ну а поскольку моего мнения никто не спрашивал, то крокодиловых слез я лить не стану.

Интересно, а каково все-таки делить ложе с женщиной, которая не всегда будет отзываться о супружеских отношениях как о «семейной повинности»?

Итак, передо мной двадцатитомная энциклопедия, миллионы слов, упакованных в статьи, содержащие все важнейшие реалии этого мира, — реалии, которые столь критически важны для меня. Что я могу извлечь из них за такое короткое время? С чего начать? Мне ни к чему знать о греческом искусстве, об истории Древнего Египта, о геологии... но что же мне надо?

Ладно... что первым бросилось тебе в глаза в этом мире? Сам корабль. Его архаичность, если сравнивать его с изящным теплоходом «Конунг Кнут». Затем, когда ты оказался на борту, отсутствие телефона в твоей (Грэхема) каюте. Отсутствие пассажирских лифтов. Мелочи, которые придают судну атмосферу роскоши... праделовских времен.

А потому прочтем-ка статью «Корабли» в десятом томе. Да, сэр! Три страницы рисунков и фотографий... и все как будто перекочевали из «лилового десятилетия». Пароход «Британия» — самый большой североамериканский лайнер — берет две тысячи пассажиров, но делает всего лишь шестнадцать узлов. Ну и выглядит соответственно.

А теперь общая статья «Транспорт».

Ну и ну! Впрочем, мы не так уж и удивлены, не правда ли? Воздухоплавательные аппараты даже не упоминаются. Посмотрим-ка справочный том... воздухоплавательные корабли... ничего, дирижабли... ноль, авиация... смотри воздушный шар.

Ага! Да, хорошая статья о неуправляемых полетах на воздушных шарах, с упоминанием о Монгольфье и других отважных пионерах, даже о смелой и трагической попытке Соломона Андре покорить на воздушном шаре Северный полюс. Граф же фон Цеппелин в этом мире или не родился вообще, или не удосужился заняться проблемами авиации.

Возможно, после участия в американской гражданской войне он вернулся в Германию и не нашел там той благо-

приятной атмосферы для идеи воздушных полетов, которую встретил в штате Огайо в моем мире. Словом, получилось так, что *этот* мир остался без воздушного сообщения вообще. Алекс, если тебе придется тут остаться, то, может быть, ты захочешь стать «изобретателем» воздушных кораблей? Сделаться пионером воздухоплавания и капиталистом — знаменитым и богатым?

А почему ты воображаешь, что у тебя получилось бы?

Ну хотя бы потому, что свой первый полет на воздухоплавательном судне я совершил, когда мне исполнилось всего двенадцать лет! Я о них все знаю. Мог бы нарисовать план хоть сию минуту!..

Мог бы? Ну-ка, нарисуй мне производственный чертеж облегченного двигателя весом не более фунта на одну лошадиную силу. Укажи спецификацию используемых сплавов, температурный режим их обработки, составь график операционных циклов, дай характеристику топлива, смазочных масел, приведи список поставщиков...

Но все эти вещи можно рассчитать и изобрести заново!

Да, но сможешь ли это сделать *ты*? Даже зная, что такие изобретения вполне реальны? Вспомни, почему ты сбежал из технического училища, решив, что тебя тянет к карьере священнослужителя? Сравнительный анализ религий, гомилетика, критическая философия, апологетика, древнееврейский, латынь, греческий — для всего этого нужна усидчивость и хорошая память, а хитроумная техника требует еще и ума.

Так-с, значит, я к тому же и глуп?

А разве ты полез бы сквозь пламя, если бы у тебя хватило соображения, что высовывать нос слишком далеко — вредно для здоровья?

А почему же ты меня не остановил?

Останавливать тебя? А когда это ты ко мне прислушивался? Нет уж, прекрати выкручиваться — какая у тебя была последняя оценка по термодинамике?

Ладно! Признаю, что сам вряд ли сумел бы...

Как благородно с твоей стороны!

Отцепись, а? Знание, что нечто подобное может быть сделано, — уже треть успеха. Я мог бы стать директором отдела научных исследований и руководить работой нескольких по-настоящему талантливых инженеров. Они вложили бы в дело свой интеллект, а я — уникальную память о том, как выглядят дирижабли и как они работают. О'кей?

Вот это правильное разделение труда: ты вкладываешь память, они — интеллект. Да, из этого может выйти толк. Но не скоро и не дешево. Как ты собираешься финансировать предприятие?

Гм... продавать акции?

А ты вспомни то лето, когда ты продавал пылесосы!

Ну... в конце концов, ведь есть же еще миллион долларов...

Постыдился бы!

— Мистер Грэхем?

Я вынырнул из своих грандиозных замыслов и увидел, что передо мной стоит девушка-клерк из казначейства.

— Да?

Она протянула мне конверт:

— От мистера Хендерсона, сэр. Он сказал, что, возможно, вы сразу передадите ответ.

— Благодарю вас.

Записка гласила: «Дорогой мистер Грэхем! На судно явились три человека, которые якобы условились встретиться с вами. Мне не нравится ни их вид, ни манера разговаривать, да и вообще в этом порту множество темных личностей. Если вы их не ждали или не хотите видеть, велите посыльной передать, что она не смогла вас найти. А я тогда скажу им, что вы сошли на берег. А. П. Х.»

Несколько долгих и неприятных мгновений я разрывался между любопытством и осторожностью. Неведомым типам нужен был не я. Им нужен Грэхем... и что бы они ни надеялись получить от Грэхема, я все равно не смогу удовлетворить их желания.

Нет, ты *знаешь*, что им нужно!

Я подозреваю. Но даже если бы у них была расписка с подписью самого святого Петра, я не имею права передать им — или кому-либо еще — этот дурацкий миллион. И тебе это прекрасно известно.

Разумеется, известно. Но мне хотелось узнать — известно ли это тебе самому? Ладно, раз обстоятельств, при которых ты мог бы передать трем неизвестным содержимое шкатулки Грэхема, не существует, зачем тебе с ними видеться?

Потому что я хочу разобраться! А теперь заткнись! И я сказал девушке-клерку:

— Пожалуйста, передайте мистеру Хендерсону, что я сейчас спущусь. И благодарю вас за любезность.

— Для меня это было удовольствие, сэр. Э-э-э... мистер Грэхем, я видела, как вы шли через огонь. Вы были потрясающе!

— Просто нашло временное умопомрачение. Еще раз спасибо.

Я остановился на верхней площадке пассажирского трапа и попытался определить, что представляет собой неизвестная троица. В общем, они выглядели так, будто их специально создали для того, чтобы причинять неприятности ближним. Один был здоровенный громила, ростом шесть футов восемь дюймов, с руками, ногами, челюстями и ушами, которые, казалось, свидетельствовали о застарелом гигантизме; другой — этакий огрызок, ростом в четверть первого, а третий — неприметный тип с мертвыми глазами. Мускулы, мозг и «пушка» — или это мое излишне живое воображение?

Умный человек ушел бы тихонько и забился в свою нору.

Но я не блещу умом.

...Будем есть и пить, ибо завтра умрем.

Книга пророка Исайи, 22: 13

Я спустился по лестнице, не глядя на подозрительных типов, и отправился прямо к каюте казначея. Мистер Хендерсон, дождавшись, когда я подойду к столу, тихонько сказал:

— Вон они, трое. Вас ждут. Вам они знакомы?

— Нет. Пойду-ка я разужнаю, что им надо. А вы, пожалуйста, не спускайте с нас глаз, ладно?

— Договорились.

Я повернулся и пошел чуть в стороне от этого очаровательного трио. Один из них, что выглядел поумнее, громко окликнул меня:

— Грэхем! Постойте! Куда это вы намылились?

Не замедляя шага, я бросил:

— Засохни, идиот! Ты что, хочешь все погубить?

Громила загородил мне дорогу и навис надо мной как небоскреб. «Пушка» занял позицию у меня за спиной. В наилучшем псевдотюремном стиле, цедя слова углом рта, я прохрипел:

— Прекрати бардак и убери с корабля своих горилл. Мне с тобой надо поговорить.

— Вот и поговорим. *Isi*. Здесь. И сейчас же.

— Ты законченный болван, — ответил я спокойно, опасливо глядя по сторонам и на трап. — Ни в коем случае не здесь. «Жучки». Иди за мной. Но пусть эти Матт и Джефф ждут нас на берегу.

— *Non*.

— Господи, дай мне терпение! Слушай внимательно! — Я зашептал: — Сначала скажи этим скотам, чтобы духу их

не было на судне; пусть ждут внизу, у трапа. А мы отправимся на прогулочную палубу, где можно разговаривать, не опасаясь, что нас подслушают. Иначе у нас с тобой ничего не выйдет, и я доложу номеру первому, что ты запорол сделку. Понятно? А теперь выбирай, и побыстрее, — иначе мотай отсюда, доложишь, что сделка не состоялась.

Он подумал, затем быстро произнес несколько фраз по-французски, из которых я ничего не понял, поскольку в изучении этого языка не продвинулся дальше «*La plume de ma tante*»¹. Громила, по-моему, колебался, но тот, что с пушкой, пожал плечами и пошел к трапу.

— Пошли, — сказал я коротышке, которого мысленно прозвал Прыщом. — Не теряй времени. Корабль вот-вот отойдет. — И направился к корме, даже не оглядываясь, следует он за мной или нет.

Я нарочно пошел быстро, чтоб он оказался перед выбором — или бежать вприпрыжку, или потерять меня из виду. Я был настолько же крупнее его, насколько Громила — больше меня; и, чтоб не отстать, ему пришлось припустить бегом.

Я вышел на прогулочную палубу и прошел мимо бара и столиков прямо к плавательному бассейну.

Последний, как я и надеялся, оказался пуст: судно стояло в порту. Обычное в таких случаях объявление гласило: «ЗАКРЫТ НА ВРЕМЯ СТОЯНКИ». Бассейн был окружен хлипким ограждением в виде однорядного каната, воду в нем не спустили. Я остановился у самого каната, спиной к бассейну. Прыщ шел за мной. Я поднял руку:

— Стой где стоишь!

Он остановился.

— Теперь поговорим, — начал я. — Объясни, да поподробнее, какого дьявола ты надумал привлечь к себе внимание и притащил своего громилу на корабль? Да еще на датский! Босс на тебя очень, очень рассердится. Тебя как зовут?

— Не твое дело. Где пакет?

— Какой еще пакет?

¹ Писчее перо моей тетушки (фр.).

Он начал орать и брызгать слюной, но я тут же оборвал его:

— Не валяй дурака! Меня этим не возьмешь! Корабль готов к отплытию, у тебя осталось лишь несколько минут. Ну-ка, быстро объясни, что конкретно тебе надо, и убеди меня, что ты именно тот, кто должен *это* получить. Если не перестанешь надувать щеки, то окажешься в положении человека, которому предстоит вернуться к боссу и рассказать, что провалил дело. А потому выкладывай: что тебе надо?

— Пакет!

Я вздохнул:

— Что, заело, придурок? Все это мы с тобой уже проходили. Какой такой пакет? Что в нем?

Он помолчал.

— Деньги.

— Любопытно. А много?

На сей раз молчание длилось вдвое дольше, и мне снова пришлось заговорить:

— Если не скажешь, сколько там денег, я дам тебе пару франков на пиво и отправлю восвояси. Ты этого хочешь? Два франка?

Даже странно, что у такого тощего хлюпика оказалось такое высокое кровяное давление. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Американские доллары. Один миллион.

Я расхохотался ему в лицо:

— Да откуда ты взял, что у меня столько денег? А если бы и было, то неужто ты полагаешь, что я бы такие деньги вот так запросто отдал тебе? Откуда мне знать, что именно *ты* должен их получить?

— Да ты спятил, парень! Ты же знаешь, кто я такой!

— Докажи это. У тебя глаза какие-то не такие и голос звучит иначе. Я думаю, что ты мошенник.

— Мошенник?

— Фальшак. Подделка. Выдаешь себя за другого.

Он что-то злобно прошипел, надо думать, по-французски. И полагаю, в его речи начисто отсутствовали комплименты в мой адрес. Я покопался в памяти и, тщательно выговаривая, с большим чувством произнес высказывание,

брошенное прошлым вечером той самой леди, муж коей попенял ей, что она напрасно волнуется по пустякам. Фраза не полностью соответствовала данной ситуации, но в мои намерения входило лишь поиграть на его нервишках.

Видимо, это мне удалось. Он занес руку для удара, но я схватил его за кисть, намеренно поскользнулся и рухнул спиной в бассейн, увлекая его за собой. Падая, я завопил изо всех сил:

— Помогите!!!

Мы бултыхнулись в воду. Я в него крепко вцепился, вынырнул и снова потащил под воду.

— Помогите!!! Он меня хочет утопить!!!

Мы снова ушли на дно, борясь друг с другом. Я орал, требуя помощи, каждый раз, когда моя голова оказывалась над водой. А когда помощь пришла, то разом обмяк и отпустил противника.

Я не подавал признаков жизни до тех пор, пока мне не начали вдвухать воздух прямо в рот. Тут я, конечно, чихнул и открыл глаза.

— Где я?

Кто-то воскликнул:

— Он пришел в себя! Теперь все в порядке.

Я огляделся и обнаружил, что лежу на спине, рядом с бассейном. Кто-то так профессионально выдернул меня из воды, что чуть было не оторвал мне левую руку напрочь. Если не считать этого, я был в полном порядке.

— Где он? Тот, который столкнул меня в воду?

— Убежал.

Я узнал голос и повернул голову. Мой друг, мистер Хендерсон, судовой казначей.

— Убежал?

Вот и все. Пока меня вытаскивали на палубу, мой визитер с крысиной рожей выбрался из бассейна и задал стрекача. А когда меня «привели в чувство», Прыщ вместе со своими телохранителями был уже далеко.

Мистер Хендерсон заставил меня лежать до прихода судового врача. Тот приставил к моей груди стетоскоп и объ-

явил, что у меня все о'кей. Я соврал что-то, похожее на правду, и уклонился от дальнейших объяснений. Трап уже убрали, и громкий гудок возвестил, что мы покинули причал.

Разумеется, я не считал нужным сообщить, что в школе считался хорошим игроком в водное поло.

Следующие несколько дней были особенно приятны, что доказывало справедливость поговорки, будто самый сладкий виноград всегда растет на склонах действующих вулканов.

Мне удалось познакомиться (или, если угодно, возобновить знакомство) с моими компаньонами по столу, не возбудив, по-видимому, у них ни малейших подозрений на свой счет. Я узнавал их имена из общих разговоров, запоминал их — и потом пользовался этим. Все со мной были милы — теперь я не только не сидел «ниже солонки», ибо список пассажиров показывал, что я нахожусь на судне с начала круиза, но и стал знаменитостью, если не героем, потому что прошел сквозь пламя.

Плавательным бассейном я больше не пользовался. Я не знал, хорошо ли плавал Грэхем или нет, и, будучи «спасенным», не хотел рисковать, показав умение плавать, что не вписывалось в историю о спасении. Кроме того, хотя я и попривык (и даже стал получать удовольствие) к определенной степени женской обнаженности, которая в прошлой жизни меня здорово шокировала бы, я все же не был уверен, что смогу держаться в компании нудистов с апломбом.

Поскольку делать больше ничего не оставалось, я выкинул из головы таинственную историю с Крысиной Мордой и его телохранителями.

То же касалось и главной и всеобъемлющей тайны — кто я такой и как сюда попал; раз сделать ничего нельзя, то не стоит и волноваться. Подумав немного, я решил, что нахожусь примерно в том же положении, как и все на свете: мы не знаем, кто мы такие, откуда взялись и зачем тут пребываем. Моя дилемма была просто поновее, но по сути ничем не отличалась от общей.

Одна вещь (может быть, даже единственная), которую я усвоил в семинарии, заключалась в том, чтобы хладнокровно смотреть в лицо древнейшей тайне жизни и не огорчаться своей неспособностью эту тайну разгадать. Честные священники и проповедники лишены утешения религии; вместо этого им приходится жить, довольствуясь суровой наградой, даваемой философией. Я никогда не был настоящим метафизиком, но все же научился не волноваться из-за вещей, изменить которые не в силах.

Много времени я проводил в библиотеке или в шезлонге на палубе, читая, и с каждым днем почерпывал что-то новое об этом мире и ощущал себя в нем все более уверенно. Золотые счастливые дни бежали быстро, точно сны моего далекого детства.

И каждый день была Маргрета.

Я чувствовал себя мальчуганом, впервые испытавшим приступ щенячьей влюбленности.

То был очень странный роман. Мы не говорили о любви. Возможно, я не мог, а Маргрета просто молчала. Каждый день она была для меня прислугой (как и для других гостей-пассажиров)... и «мамочкой» (и для других тоже? Вряд ли... не знаю точно). Отношения наши были теплые, но не интимные. Но ежедневно, в течение нескольких минут, когда я «платил» ей за услуги типа завязывания бабочки, она превращалась в удивительно нежную и невообразимо страстную возлюбленную.

Но только на эти мгновения.

В остальное время я был для нее «мистер Грэхем», она называла меня «сэр» — дружелюбно, тепло, но не интимно. Она охотно болтала со мной, но только стоя у открытой двери; частенько делилась корабельными сплетнями. Ее манеры всегда были манерами отлично вышколенной горничной... Поправка: безукоризненными манерами члена команды, отвечающего за обслуживание пассажиров. Каждый день я узнавал о ней что-то новое. И не мог отыскать в ней ни единого изъяна.

Для меня день начинался с того момента, когда я встречал ее, — это бывало обычно, когда я шел завтракать и стал-

кивался с Маргретой либо в коридоре, либо видел ее в открытую дверь каюты, которую она прибирала... Всего лишь: «Доброе утро, Маргрета» и «Доброе утро, мистер Грэхем», — но солнце для меня вставало только после этого.

За день я виделся с ней несколько раз, но вершиной наших встреч становился ритуал завязывания галстука-бабочки.

Потом я обычно видел ее мельком после ужина. Сразу же после него я на несколько минут возвращался в каюту, чтобы освежиться перед вечерними развлечениями — танцами в салоне, концертом, игрой или очередным походом в библиотеку. В это время Маргрета нередко находилась где-то в носовой части коридора правого ряда кают палубы С: стелила постели, приводила в порядок ваннные комнаты и так далее — словом, подготавливала каюты своих «гостей» к ночному сну. И опять я говорил ей: «Привет», — а потом ждал в своей каюте, куда она приходила, чтобы постелить мне постель и спросить: «Вам что-нибудь понадобится еще вечером, сэръ?»

А я неизменно улыбался и отвечал: «Решительно ничего, Маргрета. Большое спасибо». В ответ она желала мне спокойной ночи и добрых сновидений. Этим и заканчивался мой день — чем я занимался до той минуты, когда засыпал, значения уже не имело.

Конечно, мне так и хотелось — каждый день! — сказать ей: «Ты же знаешь, что мне нужно». Но я не мог. *In primis*¹: я был женат. Правда, моя жена затерялась где-то в другом мире (или это я затерялся?), но нет освобождения от священных уз брака по сию сторону могилы. *Item*²: любовная связь Маргреты (если таковая имела место) была с Грэхемом, роль которого я лишь исполнял. Я был не в состоянии отказаться от вечернего поцелуя (не ангел же я, в конце концов), но, если я хотел остаться чистым перед моей любовью, я не имел права пойти дальше. *Item*: благородный человек не может предложить объекту своей любви

¹ Во-первых (лат.).

² Также (лат.).

нечто меньшее, чем брак, а я этого не мог сделать ни с правовой точки зрения, ни тем более с моральной.

Так что сладость золотых денечков отдавала горечью. Каждый из них приближал меня к неизбежной минуте, когда я расстанусь с Маргретой и больше ее никогда не увижу.

Я даже не имел права намекнуть ей, как велика для меня эта потеря.

И в то же время моя любовь отнюдь не была столь альтруистической, чтоб я надеялся, будто расставание со мной не принесет Маргрете особого горя. В низости своей, будучи эгоистичен, как мальчишка, я тешил себя надеждой, что она будет страдать в разлуке не меньше, чем я сам. Такова уж эта «щеньчья» влюбленность! В качестве извинения могу привести лишь тот факт, что мне лично была известна лишь «любовь» женщины, которая любила Иисуса столь сильно, что на привязанность к существу из плоти и крови у нее чувств уже не оставалось.

Ни в коем случае не связывайте себя брачными узами с женщиной, которая слишком много молится.

Прошло десять дней с тех пор, как мы покинули Папезте, и Мексика должна была вот-вот показаться из-за горизонта, когда наша зыбкая идиллия вдруг рухнула. Вот уже несколько дней Маргрета как-то отдалялась от меня. Обвинить ее ни в чем я не мог, так как не располагал никакими конкретными фактами, и, уж конечно, не было ничего такого, что дало бы мне право на нее жаловаться. Кризис наступил вечером, в тот момент, когда она, как обычно, завязывала мне бабочку.

Как всегда, я улыбнулся, сказал спасибо и поцеловал ее.

Затем отстранился, все еще продолжая держать ее в объятиях, и спросил:

— Что случилось? Я же знаю, что ты умеешь целоваться куда лучше. У меня дурно пахнет изо рта?

На что она холодно ответила:

— Мистер Грэхем, по-моему, нам лучше с этим покончить раз и навсегда.

— А, я уже «мистер Грэхем»? Маргрета, в чем я перед тобой провинился?

— Ни в чем.

— Но тогда... Моя дорогая, ты плачешь?!

— Извините. Я не смогла удержаться.

Я вынул носовой платок, промокнул ей слезы и мягко сказал:

— Я не хотел тебя обидеть. Скажи, в чем дело, и я все исправлю.

— Раз вы не понимаете этого сами, сэр, я не вижу возможности вам что-то объяснить.

— А ты попробуй. Прошу тебя! — (Может быть, это просто один из периодических приступов излишней эмоциональности, которые свойственны всем женщинам?)

— Мистер Грэхем... я знала, что это все равно может продолжаться только до конца круиза, и, поверьте, ни на что другое не рассчитывала. И все же для меня это нечто большее, чем для вас. Однако я никогда не предполагала, что вы оборвете все так просто, без всяких объяснений и гораздо раньше, чем это станет необходимо.

— Маргрета, я не понимаю...

— Но вы же все прекрасно знаете!

— Я? Я совершенно ничего не знаю!

— Нет, вы не можете не знать! Вот уже одиннадцать дней я вас каждый вечер спрашиваю, а вы отвечаете мне отказом. Мистер Грэхем, неужели вы никогда не попросите меня зайти к вам попозже?

— Ох! Так вот ты о чем! Маргрета...

— Да, сэр?

— Я не мистер Грэхем!

— Сэр?

— Моя фамилия Хергенсхаймер. И сегодня как раз одиннадцать дней с тех пор, как я увидел тебя впервые в жизни. Прости. Прости, прошу тебя. Это чистая правда.

Но прошу вас, взгляните на меня:
буду ли я говорить ложь пред лицом вашим?

Книга Иова, 6 28

Маргрета одновременно и утешение для глаз, и человек в высшей степени воспитанный. Она ни разу не раскрыла в изумлении рта, не принялась спорить, не воскликнула: «Не может быть!» или «Не верю!». Выслушав все, что я ей сказал, она помолчала, выждала, не последует ли продолжение, а потом спокойно ответила:

— Не понимаю.

— Я сам ничего не понимаю, — отозвался я. — Что-то произошло, когда я пересекал пышущую огнем яму. Мир внезапно изменился. Этот корабль... — Я стукнул по переборке. — Это совсем не тот корабль, на котором я плыл раньше! Здесь меня называют Грэхемом, тогда как я знаю, что меня зовут Александр Хергенсхаймер. И дело не только во мне или в корабле — дело в самом мире. У него другая история. Другие страны. У вас, например, нет воздухоплавательных судов.

— Алек, а что такое воздухоплавательное судно?

— Гм... Такая штука, которая летает в воздухе наподобие воздушного шара. И в некоторой степени это действительно воздушный шар. Но он движется очень быстро, со скоростью более ста узлов в час.

Маргрета спокойно обдумала сказанное.

— По-моему, это очень опасно.

— Вовсе нет. Это самый лучший способ путешествия. Я прилетел сюда на таком корабле — «Граф фон Цеппелин» Североамериканской аэрокомпании. В твоём мире воздухоплавательных кораблей не существует. Именно это и послужило для меня окончательным доказательством,

что ваш мир — иной мир и что это не хитроумный розыгрыш, который кто-то затеял ради меня. Воздушные сообщения — важная часть экономики известного мне мира, без них меняется практически все. Вот, например... Слушай, а ты мне веришь?

Она ответила медленно и задумчиво:

— Я верю, что ты говоришь мне правду — такую, какой она тебе представляется. Однако правда, которую вижу я, совсем иная.

— Я понимаю. В том-то и заключается вся трудность моего положения. Я... Ой, погоди, тебе же пора, не то пропустишь ужин.

— Это не важно.

— Нет, важно: негоже тебе голодать только потому, что я сделал дурацкую ошибку и обидел тебя. А если я не появлюсь за столом, Инга пришлет кого-нибудь выяснять, не заболел ли я, не заснул ли, не случилось ли чего, — она всегда так делает. Маргрета, моя любимая! Я так хочу тебе все рассказать! Я так долго ждал этого! Мне просто необходимо с тобой поделиться! Теперь я могу и даже обязан сделать это. Однако для такого разговора мало пяти минут, его нельзя вести, так сказать, на ходу. Когда ты вечером покончишь с постелями, у тебя найдется время выслушать меня?

— Алек, я всегда найду время, раз тебе это нужно.

— Отлично! Иди вниз и поешь. Я тоже спущусь, перехвачу чего-нибудь — отделаюсь от Инги, — а потом мы встретимся здесь же, когда ты освободишься. Ладно?

Она задумчиво посмотрела на меня:

— Хорошо, Алек... Поцелуй меня еще раз.

Вот так я понял, что она поверила мне. Или хочет поверить. Тут-то я и перестал волноваться. Я даже поуужинал с аппетитом, хоть и очень торопился.

Когда я вернулся, она уже ждала меня и при моем появлении встала. Я сжал ее в объятиях, поцеловал в нос, приподнял за локти и усадил на кровать, потом уселся на единственный стул.

— Дорогая, как ты думаешь, может быть, я спятил?

— Алек, я не знаю, что и тумать.

(«Тумать» — именно так она и выговорила слово «думать». Иногда, под влиянием эмоций, ее акцент становился более заметным, обычно же ее английский звучал куда лучше моего резкого и скрипучего, как визг заржавленной пилы, говора уроженца Кукурузного пояса.)

— Я знаю, — согласился я, — у меня та же проблема. Есть только две возможные точки зрения: либо, пока я шел через огненную яму, случилось нечто невероятное, нечто такое, что изменило мир, — либо я свихнулся, как енот в неволе. Целыми днями я перебирал в уме все известные мне факты и... пришел к выводу, что мир действительно изменился. Тут не одни воздухоплавательные корабли. Куда-то подевался кайзер Вильгельм Четвертый, а на его месте появился какой-то дурацкий президент Шмидт, ну и прочее в том же духе.

— И герр Шмидт вовсе не дурацкий, а вполне приличный президент по сравнению с прочими немецкими президентами.

— Вот об этом я и говорю. Мне любой немецкий президент представляется дурацким, ибо Германия — в моем мире — одна из последних европейских монархий, ничем не ограниченных и в то же время весьма эффективных с политической точки зрения. Даже царь и тот не обладает такими правами.

— И я говорю о том же, Алек. У нас нет ни кайзеров, ни царей. Великий князь Московский является конституционным монархом и не претендует на то, чтобы считаться сюзереном других славянских стран.

— Маргрета, мы оба говорим об одном и том же. Мир, в котором я рос, исчез. Мне приходится заново познавать совершенно другой мир... нет, не совершенно другой. География, по-видимому, не изменилась, а история — полностью. Оба мира, кажется, были идентичны до начала двадцатого века. Или, скажем, до тысяча восемьсот девяностого года. Около сотни лет назад случилось нечто непонятное, и мир раскололся надвое... А двенадцать дней

назад произошло нечто столь же странное, но уже со мной, и меня выкинуло в этот чужой мир. — Я улыбнулся ей. — Но я не жалею. И знаешь почему? Потому что в этом мире есть *ты*.

— Спасибо. А для меня бесконечно важно, что в нем есть ты.

— Тогда, значит, ты мне веришь. Вот и я вынужден поверить. Поверить так, что перестал волноваться по поводу случившегося. Беспокоит меня только одно: что стало с Алеком Грэхемом? Занял ли он мое место в моем бывшем мире? Или что?

Она не ответила мне, а когда наконец заговорила, то ее слова ошеломили меня своей бессмысленностью.

— Алек, будь добр, сними, пожалуйста, брюки.

— Что ты сказала, Маргрета?

— Будь так добр. Я вовсе не шучу и в еще меньшей степени собираюсь соблазнять тебя. Но я должна кое-что проверить. Пожалуйста, спусти брюки.

— Не понимаю... ну хорошо...

Я умолк и сделал так, как она просила, хоть это и очень нелегко, когда на тебе вечерний костюм. Пришлось сначала снять парадный китель, потом пояс-камербанд, и только после этого я смог сбросить с плеч подтяжки.

Затем, весьма неохотно, начал расстегивать ширинку. (Еще один недостаток этого мира — в нем отсутствуют «молнии». Я мало ценил их до того, как обнаружил полное отсутствие таковых.)

Наконец, тяжело вздохнув, я чуть приспустил брюки:

— Хватит?

— Еще немного, если можно... и не откажи в любезности, повернись ко мне спиной.

Я опять повиновался. Потом почувствовал, как ее руки мягко и осторожно коснулись моей правой ягодицы. Маргрета приподняла полу моей сорочки и оттянула верхний край кальсон с правой стороны.

Секунду спустя она произнесла:

— Все. Спасибо.

Я заправил рубашку в брюки, застегнул ширинку, надел подтяжки и взялся за камербанд, но тут Маргрета сказала:

— Погоди, Алек.

— Э? А я думал, что уже все.

— Да, все. Но зачем тебе сейчас вечерний костюм? Хочешь, я достану твои домашние брюки? И рубашку. Ты же не собираешься возвращаться в салон?

— Нет, конечно. Во всяком случае, если ты останешься.

— Я останусь, нам надо поговорить. — Она быстро достала рубашку и домашние брюки, положила их на кровать, сказала: — Извини, пожалуйста, — и вышла в ванную.

Не знаю — надо ей было воспользоваться туалетом или нет, но она понимала, что мне удобнее переодеться в каюте, чем в крошечной ванной комнате.

Я переоделся и сразу почувствовал себя лучше. Жилет и крахмальная сорочка лучше смиренной рубашки, но ненамного. Выйдя из ванной, Маргрета первым делом повесила на вешалку сброшенную мной одежду — все, кроме сорочки и воротничка, потом вынула и спрятала запонки, а сорочку и воротничок бросила в мешок для грязного белья. Интересно, что сказала бы Абигайль, увидев все эти действия, столь характерные для заботливых любящих жен? Абигайль никогда этим не занималась — она считала, что мужчин не следует портить чрезмерной опекой.

— К чему все это, Маргрета?

— Мне надо было кое-что проверить. Алек, ты стараешься разгадать, что произошло с Алеком Грэхемом? Теперь я знаю ответ.

— И что же?

— Он здесь. Ты и есть он.

Когда ко мне вернулся дар речи, я спросил:

— И основой для такого утверждения послужило лицемерие нескольких квадратных дюймов моей задницы? И что же ты там обнаружила, Маргрета? Родинку, которая свидетельствует о том, что я — чей-то пропавший наследник?

— Нет, Алек. Твой Южный Крест.

— Мой... что?

— Алек, ох, я тебя умоляю! Я так надеюсь, что это может восстановить твою память! Я увидела его в ту первую ночь, когда мы... — Она потупилась, а потом посмотрела мне прямо в глаза. — Когда мы занимались любовью. Ты зажег свет, а потом перевернулся на живот, посмотреть, который час. Вот тогда-то я и увидела эти родинки на правой ягодице. Я что-то сказала насчет узора, который они образуют, и мы немного пошутили на эту тему. Ты еще сказал, что это твой Южный Крест, чтобы ты не забыл, где у тебя верх, а где низ. — Маргрета слегка покраснела, но не отвела взгляда. — А я показала тебе несколько своих родинок. Алек, мне ужасно жаль, что ты этого не помнишь, но, прошу тебя, верь мне. К тому времени мы уже были так близки, что вполне могли шутить на подобные темы, и я нисколько не боялась, что ты сочтешь меня нескромной или бесцеремонной.

— Маргрета, я вообще не могу представить тебя нескромной или бесцеремонной, но ты придаешь слишком большое значение дурацкому узору, в который случайно сложились родинки. У меня их уйма, и я нисколько не удивляюсь тому, что там, где мне их не разглядеть, образуют что-то вроде креста... Не удивляюсь я и тому, что и у Грэхема был похожий узор.

— Не похожий, а точно такой же!

— Ну... есть же лучшая возможность проверить. В столе лежит мой бумажник. Вернее, бумажник Грэхема. Там его водительское удостоверение. С отпечатком большого пальца. Я не сверял его, поскольку полностью уверен, что он — Грэхем, а я — Хергенсхаймер и что мы вовсе не один и тот же человек. Вот мы с тобой сейчас и проверим. Достань бумажник, дорогая. Убедись сама. Я поставлю свой отпечаток на зеркале в ванной. А ты их сравни. И тогда ты все поймешь.

— Алек, но я *точно* знаю. Раз ты не веришь — вот и проверяй.

— Что ж...

Предложение Маргреты показалось мне разумным, я согласился.

Я достал водительское удостоверение Грэхема, затем прижал большой палец к зеркалу в ванной, сначала потерев им нос, ибо на поверхности носа естественных жировых выделений больше, чем на подушечке пальца. Оказалось, что отпечаток на зеркале плохо различим, поэтому я отсыпал на ладонь немного талька и сдунул его на стекло.

Стало еще хуже. Порошок, которым пользуются сыщики, должно быть, гораздо мельче, чем тальк для бритья. А может, я просто не умею с ним обращаться. Я сделал еще один отпечаток, на сей раз без талька, поглядел на оба, потом на свой правый большой палец, потом на отпечаток на удостоверении, затем попытался проверить, действительно ли на удостоверении помещен именно правый отпечаток. Мне показалось, что так оно и есть.

— Маргрета, будь добра, пойдی сюда.

Она вошла в ванную.

— Вот, взгляни, — сказал я. — Посмотри внимательно на все четыре вещи — на мой большой палец и на эти три отпечатка. Главным элементом всех четырех являются дуги, но это, вообще-то говоря, характерно для половины отпечатков больших пальцев во всем мире. Готов поспорить на любую сумму, что и на твоих больших пальцах преобладает дуговой рисунок. Положа руку на сердце, можешь ли ты утверждать, что отпечаток на удостоверении сделан моим правым или даже левым пальцем? Те, кто брал отпечатки у Грэхема, могли ведь и ошибиться.

— Ничего не могу сказать, Алек. В таких делах я не знаток.

— Что ж... Я думаю, даже знаток ничего не разберет при таком плохом освещении. Отложим-ка все до утра: нам нужен яркий солнечный день. А еще нам понадобится хорошая белая бумага с блестящей поверхностью, чернильная подушечка и большая лупа. Больше чем уверен, что первое, второе и третье найдется у мистера Хендерсона. Ну что, подождем до завтра?

— Разумеется. Но мне эта проверка ни к чему. Алек, я чувствую правду сердцем. А еще я видела твой Южный Крест. У тебя что-то произошло с памятью, но все равно ты — это ты... и когда-нибудь память к тебе вернется.

— Все не так просто, дорогая. Я твердо знаю, что я не Грэхем. Маргрета, нет ли у тебя хоть каких-то предположений о том, чем занимался Грэхем? Или почему он оказался на этом корабле?

— А мне обязательно говорить «он»? Я не спрашивала тебя о делах, Алек, а ты никогда не выражал желания обсуждать их со мной.

— Да, по-моему, тебе лучше говорить «он», во всяком случае до тех пор, пока мы не сверим отпечатки пальцев. Он был женат?

— Опять-таки я не спрашивала, а он ничего не говорил.

— Но ты намекнула... нет, даже прямо сказала, что занималась любовью с человеком, которого ты считаешь мной, и что ты спала с ним.

— Алек, ты меня осуждаешь?

— Нет, что ты! — (Но я осуждал, и она это понимала.) — С кем ты спишь — твое дело. Но я должен предупредить: я женат.

— Алек, я и не помышляла о брачном союзе с тобой, — с каменным лицом заявила она.

— То есть с Грэхемом? Меня тут не было.

— Хорошо, пусть с Грэхемом. Я не ловила Алека Грэхема. Мы занимались любовью только потому, что это дарило радость нам обоим, мы были счастливы. О браке никто из нас не упоминал.

— Извини. Зря я завел этот разговор. Я думал, что это поможет прояснить всю эту загадочную историю. Маргрета, поверь, я, скорее, отсеку себе руку или вырву глаз и брошу от себя, чем причиню тебе боль, хотя бы и самую малую.

— Спасибо, Алек. Я тебе верю.

— Еще Иисус сказал: «Иди и впредь не греши». Надеюсь, ты не думаешь, будто я так много о себе возомнил, что способен судить кого-либо строже, чем Иисус? Я вообще

тебя не осуждаю, я просто пытаюсь разузнать что-нибудь о Грэхеме. В особенности о его делах. Гм... у тебя случайно не было оснований заподозрить его в каких-либо незаконных делишках?

На ее губах мелькнула чуть заметная улыбка.

— Если бы я даже что-то и заподозрила, то никогда не высказала бы свое подозрение вслух. Я ему доверяю. И хотя ты настаиваешь, что ты не он, я могу повторить то же самое и в отношении тебя.

— *Touche!*¹ — Я глуповато усмехнулся.

Сказать ей о ячейке в сейфе? Да, конечно. Нужно во всем честно признаться и убедить Маргрету в том, что и ее откровенность со мной не будет предательством по отношению к Грэхему (или ко мне).

— Послушай, Маргрета, я спрашиваю не из праздного любопытства, не потому, что сую нос в дела, которые меня не касаются. У меня возникли проблемы, и мне необходим твой совет.

Ее встревожили мои слова.

— Алек... Я редко даю советы, потому что не люблю этого делать.

— А можно, я просто расскажу тебе о своих неприятностях? Совет ты мне давать не обязана, но, возможно, поможешь мне разобраться в ситуации. — Я вкратце изложил ей все, что касалось проклятого миллиона долларов. — Маргрета, тебе не приходит в голову хоть какая-нибудь вполне невинная причина, по которой честный человек стал бы таскать с собой миллион долларов наличными? Дорожные чеки, кредитные письма или аккредитивы, даже бонусы на предъявителя — да! Но наличность! Да еще в таком количестве! По-моему, психологически это невозможно точно так же, как физиологически невозможно то, что произошло со мной в яме с горящими углями. Можешь ли ты предложить мало-мальски убедительное объяснение? Ради какой законной цели человек возьмет с собой в круиз этукую уймащу наличных?

¹ Задет! (*фр.*) — восклицание при фехтовании.

— Не мне об этом судить.

— А я и не прошу тебя судить. Просто напряги воображение и скажи, зачем человек взял с собой миллион долларов чистоганом? Ты можешь придумать хоть какую-нибудь причину? Ну хоть самую маловероятную. Лишь бы резонную.

— Причин может быть сколько угодно.

— Назови хоть одну.

Я ждал, она молчала. Я вздохнул и сказал:

— Вот и я не могу. Криминальных, разумеется, сколько угодно, ибо так называемые «паленые деньги» всегда перевозят наличными. Это настолько распространено, что почти во всех странах — нет, пожалуй, даже в любой стране — всякий перевод наличности в сколь-либо значительных размерах, который осуществляется без участия банков или государственных организаций, правительство считает заведомо криминальным, пока не будет доказано обратное. Если же банкноты фальшивые, то все это выглядит еще хуже. Поэтому, Маргрета, мне и нужен совет: что мне делать с деньгами? Они не мои, я не могу забрать их с корабля. По той же причине не могу и оставить. Я не вправе даже выбросить их за борт. Так что же мне с ними делать?

Мой вопрос был отнюдь не риторическим: следовало найти ответ, который не привел бы меня за тюремную решетку в наказание за преступление, совершенное Грэхемом. Пока единственное, до чего я додумался, — отправиться к высшей власти на корабле, то есть к капитану, рассказать ему о моих затруднениях и попросить взять этот несчастный миллион на хранение.

Какой вздор! Это породило бы новый поток пренеприятнейших вопросов, характер которых зависел бы от того, поверит мне капитан или нет, честен ли он или нет, и от множества других обстоятельств. Вдобавок я не предвидел никаких иных последствий от беседы с капитаном, кроме того, что меня запрут — либо в тюремную камеру, либо в сумасшедший дом.

Простейшее решение такой запутанной проблемы заключалось в том, чтобы выбросить эту дрянь за борт!

Увы, это шло вразрез с моими моральными устоями. Да, я нарушил одни заповеди и обошел другие, но в финансовых вопросах всегда был честен. Признаюсь, в последнее время мои моральные устои были уже не так прочны, как раньше, однако кража чужих денег, даже с целью уничтожения, меня не соблазняла.

Существовало и еще одно, более важное обстоятельство: кто, держа в руках миллион долларов, сможет его уничтожить? Может, вам такие люди известны, а вот мне — нет. Без всяких усилий над собой я мог передать деньги капитану, а вот выбросить был не в состоянии.

Тайком вынести на берег? Алекс, как только ты заберешь его из сейфа, это будет кража. Ты готов пожертвовать самоуважением ради миллиона долларов? А ради десяти миллионов? А ради пяти долларов?

— Ну, Маргрета?

— Алек, по-моему, решение очевидно.

— Э?

— Просто ты пытаешься решать свои проблемы не с того конца. Сначала ты должен вернуть память. Тогда ты узнаешь, зачем взял с собой деньги. И окажется, что по какой-то совершенно невинной и вполне логичной причине. — Она улыбнулась. — Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты хороший человек, Алек, ты не преступник.

Мои ощущения были весьма сумбурны: с одной стороны, я чувствовал раздражение, а с другой — гордость от столь лестной оценки моей персоны — раздражения было больше, чем гордости.

— К черту! Милая моя, я не терял память! Я не Алек Грэхем, я — Александр Хергенсхаймер. Это имя я носил всю жизнь, и память у меня в полном порядке. Знаешь, как звали мою учительницу во втором классе? Мисс Эндрюс. А как я совершил свой первый полет на воздухоплавательном корабле, когда мне было двенадцать лет? Да, я действительно явился из мира, где воздушные корабли пересекают океаны и летают даже над Северным полюсом, где

Германия — монархия, где Северо-Американский Союз вот уже сто лет пожинает плоды мира и процветания, а корабль, на котором мы сейчас плывем, считался бы устаревшим и настолько скверно оборудованным и тихоходным, что никто на него не купил бы билета. Да, я просил помощи, но не психиатрической. Если ты думаешь, что я спятил, — так и скажи, и мы прекратим этот бесполезный разговор.

— Прости, я тебя рассердила.

— Моя дорогая! Ты меня не рассердила, просто я выплеснул на тебя свое беспокойство и раздражение, чего делать не следовало. Извини. Но, видишь ли, мои невзгоды вполне реальны и никуда не денутся, сколько ни тверди, что у меня проблемы с памятью. Даже если бы мне действительно отказала память, то и тогда говорить об этом не имеет смысла, ведь проблемы все равно останутся. Зря я на тебя взъелся, Маргрета, ты — единственное, что есть у меня в этом чужом и страшном мире. Прости меня.

Она встала с кровати.

— Ты ни в чем не виноват, Алек. Но продолжать разговор сегодня не стоит. А вот завтра... Завтра мы сверим отпечатки пальцев, сверим тщательно, при ярком солнечном свете. И тогда ты увидишь... Может быть, это мгновенно вернет тебе память.

— Или столь же мгновенно сокрушит твоё упрямство, моя драгоценная девочка.

Она улыбнулась:

— Увидим. Завтра. А теперь пойду-ка я спать. Какой смысл повторять одни и те же доводы... и попусту расстраивать друг друга? Мне этого совсем не хочется, Алек. Ничего хорошего это не принесет.

Она повернулась и пошла к двери, даже не попросив поцеловать ее на ночь.

— Маргрета!

— Да, Алек?

— Вернись и поцелуй меня.

— А зачем, Алек? Ты же женатый человек.

— Гм... Ну, ради Бога... ведь поцелуй еще не измена.

Она грустно покачала головой:

— Знаешь ли, Алек, есть разные поцелуи. Я бы не целовала тебя так, как целовала раньше, если бы не была готова с радостью заняться любовью. Для меня это счастливое и вполне невинное занятие... а для тебя — измена. Ты даже напомнил мне, что сказал Христос женщине, уличенной в прелюбодеянии. А я не грешила... и не собираюсь вовлекать тебя во грех. — Она снова повернулась к выходу.

— Маргрета!

— Да, Алек?

— Ты спрашивала, не собираюсь ли я снова пригласить тебя зайти ко мне попозже. Так вот, я прошу. Сегодня. Ты придешь ко мне попозже?

— Это грешно, Алек. Для тебя это грех, а стало быть, он превратит все в грех и для меня — ведь я буду знать, как ты это расцениваешь.

— Грех! Я не знаю, что такое грех. Знаю только, что ты мне нужна... и думаю, что нужен тебе.

— Спокойной ночи, Алек. — И она быстро вышла из каюты.

Прошло немало времени, прежде чем я решил почистить зубы, умыться, а затем еще раз принять душ. Я пустил еле теплую воду и слегка успокоился. Но когда я улегся в постель, то долго не мог заснуть, предаваясь тому, что считал размышлениями, хотя на самом деле это занятие таковым не являлось.

Я вспоминал многочисленные серьезные ошибки, совершенные мною за все годы жизни, перебирал их одну за другой, сметая с них пыль и подвергая тщательному изучению, чтоб понять, как я превратился в тупого, неуклюжего, безмозглого, самодовольного, упрямого как осел идиота и как, добившись успеха в этом похвальном начинании, унизил и ранил самую лучшую и самую милую женщину на свете.

Подобным никчемным самобичеванием я могу заниматься чуть ли не всю ночь, особенно если перед этим наговорил неимоверное количество глупостей. Мое сего-

дняшнее поведение было вполне достойно того, чтоб я неделями таращился в потолок.

Было уже за полночь, когда меня разбудил звук ключа, вставляемого в замок. Я нашарил кнопку прикроватного ночника как раз в тот миг, когда Маргрета сбросила халат и улеглась рядом со мной. Я тут же выключил свет.

Она была теплая и нежная. Она дрожала и плакала. Я ласково обнял ее и попытался успокоить. Ни она, ни я не произнесли ни единого слова. Слишком уж много слов было сказано раньше, и большая часть их, к сожалению, принадлежала мне. Пришло время, когда нужно было только крепко обняться и говорить без слов.

Наконец бившая ее дрожь стала стихать, а потом прошла совсем. Дыхание выровнялось. Она вздохнула и еле слышно произнесла:

- Я не могла оставаться одна.
- Маргрета, я люблю тебя.
- Ах, и я люблю тебя, да так, что сердце щемит.

Столкновение произошло, когда мы оба уснули. Поначалу я и вовсе думал, что не засну, но все-таки расслабился — впервые после хождения по углям — и, конечно же, задремал.

Первым был невероятной силы толчок, который едва не сбросил нас с кровати, затем послышался пронзающий барабанные перепонки визг гнущегося, разрывающегося металла. Я включил ночник и увидел, как переборка в изножье кровати медленно выгибается вовнутрь.

Раздался сигнал общей тревоги, что усилило и без того оглушительный шум. Стальной борт корабля вздулся и с треском лопнул; в дыру просунулось нечто белесое и очень холодное. Свет погас.

Уже не помню, как я выбрался из кровати и выволок Маргрету. Корабль тяжело накренился на левый борт, мы покатались к внутренней переборке. Я ударился о дверную скобу, уцепился за нее правой рукой и повис, а левой рукой изо всех сил прижимал к себе Маргрету. Теперь корабль завалился на правый борт. В каюту через пробоину ворвался

холодный ветер и хлынула вода — мы все это чувствовали, но ничего не видели. Корабль выпрямился, потом снова резко лег на правый борт, и я выпустил скобу.

То, что произошло потом, — мои догадки; кругом стояла кромешная тьма и раздавалась безумная какофония звуков. Мы упали — я крепко держал Маргрету — и вдруг оказались в воде.

Видимо, когда судно завалилось на правый борт, нас вышвырнуло в пробоину. Повторяю, это лишь догадки. Мне точно известно лишь то, что мы упали вместе и довольно глубоко ушли под воду.

Когда мы вынырнули, я все еще прижимал к себе Маргрету левой рукой, почти как настоящий спасатель на водах. Мне удалось оглядеться и набрать в легкие воздуха, а потом нас снова накрыло волной.

Корабль шел где-то совсем рядом. Дул холодный ветер, раздавался непонятный скрежет, рядом с бортом виднелась какая-то темная громада. Больше всего меня пугал корабль, точнее, его двигатель, гребной винт за кормой. Каюта С-109 была ближе к носу, однако, если не удастся отплыть подальше от судна, нас с Маргретой смелет в фарш. Я еще крепче прижал ее к себе и, изо всех сил загребая одной рукой и колотя ногами, устремился прочь от корабля. Я уже торжествовал победу, ощущая, что грозящая нам опасность почти миновала... и вдруг с размаху врезался головой в отвердевшую мглу.

И взяли Иону и бросили его в море;
и утихло море от ярости своей.

Книга пророка Ионы, 1: 15

Мне было удобно и не хотелось просыпаться. Но дергающая боль в голове раздражала, и хочешь не хочешь, а проснуться пришлось. Я потрянул головой, словно отгоняя назойливую боль, и тут же набрал полный рот воды. Я откашлялся.

— Алек? — раздался голос Маргреты где-то совсем рядом.

Я лежал на спине в соленой, теплой, как кровь, воде; меня окружала беспросветная тьма — я как будто вернулся в материнское чрево, если такое возможно по сию сторону смерти. А может быть, это и есть смерть?

— Маргрета?

— Ах! Ох, Алек! Какое счастье. Ты так долго спал! Как ты себя чувствуешь?

Я пошарил вокруг, проверил одно, другое, подвигал третьим и четвертым и понял наконец, что завис в воде рядом с Маргретой, которая тоже лежит на спине, поддерживая мою голову руками — классическая поза спасателей из Красного Креста. Она делала медленные лягушачьи движения ногами, чтобы удержаться на поверхности.

— По-моему, со мной все в порядке. А как ты?

— Все хорошо, дорогой, особенно теперь, когда ты проснулся.

— Что случилось?

— Ты врезался головой в гору.

— В какую гору?

— В ледяную. В айсберг.

(Айсберг? Я старался припомнить все, что произошло.)

— Что еще за айсберг?

— Да тот, который налетел на корабль.

Кое-что припоминалось, но ясной картины пока не возникало. Ужасный толчок, будто судно с ходу наткнулось на риф, а затем мы оказались в воде... Попытка отплыть подальше, удар обо что-то головой...

— Маргрета! Мы же в тропиках, почти на широте Гаванских островов. Откуда тут взяться айсбергу?

— Не знаю, Алек.

— Но это... — Я хотел сказать «невозможно», а потом подумал, что из моих уст это прозвучит глупо. — Вода здесь слишком теплая для айсбергов. Послушай, да не напрягайся ты так, в соленой воде я плаваю не хуже мыла «Айвори».

— Ладно. Но я все равно тебя придержу. В темноте я тебя уже чуть не потеряла и ужасно боюсь, как бы это не повторилось. Мы упали в довольно холодную воду, а теперь она теплая. Значит, айсберг уже далеко.

— Конечно, держись за меня. Я тоже не хочу тебя потерять.

Я вспомнил, что поначалу вода и впрямь была холодна. Или это просто показалось после чудесной теплой постели? И ветер был студеным.

— А что случилось с айсбергом?

— Не знаю, Алек. В воду мы упали вместе. Ты схватил меня и оттащил подальше от корабля. Именно это нас и спасло. Однако было так темно, как бывает только в декабрьские ночи, поднялся сильный ветер, и в непроглядной тьме ты врезался головой в лед. Вот тогда я тебя чуть не потеряла. От удара ты лишился чувств и выпустил меня. Я ушла под воду, нахлебалась, потом всплываю, отплываюсь, а тебя не нахожу. Алек, я никогда в жизни так не пугалась! Тебя нигде не было. Я ничего не вижу, шарю вокруг, а тебя нет; зову тебя, а ты не откликаешься.

— Прости меня.

— И тут я запаниковала, решила, что ты утонул. Или тонешь, а я ничем не могу помочь. Я заметалась в воде то туда, то сюда и случайно наткнулась на тебя... И как только

я к тебе прикоснулась, и все стало хорошо... хоть ты и не подавал признаков жизни. Но я проверила, сердце у тебя билось сильно и ровно, значит в конце концов все должно было обойтись. Тогда я перевернула тебя на спину и приподняла тебе голову над водой. Ты долго не приходил в себя, но теперь все в полном порядке.

— Нет, ты не запаниковала, иначе я бы давно утонул. А ты сделала то, что удалось бы немногим.

— Ничего особенного: два летних сезона подряд я работала спасателем на пляже к северу от Копенгагена, а по пятницам даже проводила инструктаж. Обучила множество девочек и мальчишек.

— Не терять головы в кромешной тьме — этому не научишься. Так что не скромничай. А что с кораблем? И с айсбергом?

— Алек, я же говорю — не знаю. Я огляделась только после того, как нашла тебя, убедилась, что ты жив, и потащила тебя за собой, как на буксире. Все уже было так, как сейчас. Одна черная пустота.

— Может быть, корабль затонул? Ведь удар был хоть и один, но очень сильный. А не было ли взрыва? Ты ничего не слышала?

— Никакого взрыва я не слышала. Только свист ветра и грохот — ну, ты это тоже слышал, — а потом какие-то крики, но уже после того, как мы упали за борт. Если корабль и потонул, то я этого не видела. Алек, последние полчаса у меня под головой не то подушка, не то матрас. Может быть, корабль действительно пошел ко дну, и это обломок кораблекрушения?

— Не обязательно. Но особой радости не вызывает. А зачем тебе эта штука?

— Она может пригодиться. Если это подушка или подстилка с шезлонга на палубе, то они набиты капоком и послужат своего рода спасательным средством.

— Вот и я о том же. Если это спасательная подушка, то почему она только под головой? На нее лучше залезть.

— Для этого мне придется тебя отпустить.

— Маргрета, когда мы выпутаемся из этой истории, будь так добра, дай мне хорошего пинка. Ну вот, похоже, я уже совсем пришел в себя; давай-ка проверим, что ты нашла. Методом Брайля.

— Хорошо. Но я не хочу отпускать тебя в такой темноте.

— Любимая, я не меньше тебя заинтересован в том, чтобы не потеряться. О'кей! Сделаем так: держись за меня одной рукой, а другую закинь назад и покрепче ухватись за подушку, или как ее там... Я же повернусь и, не отпуская тебя, попробую по твоей руке дотянуться до подушки. А потом посмотрим, то есть пощупаем то, что нам досталось, и решим, как с ним поступить.

Это оказалось не подушкой и даже не подстилкой; это был (как удалось выяснить на ощупь) матрасик для солнечных ванн, примерно футов шесть в ширину и немного больше в длину. На нем вполне хватало места для двоих — и даже для троих, если они хорошо знакомы. Да, это почти так же великолепно, как если бы нам подвернулась спасательная шлюпка. Нет, даже лучше! Плавающий матрас в придачу к Маргрете! Я вспомнил малопристойный стишок, который украдкой декламировали семинаристы: «Если чашу красotka наполнит вином и возляжет со мной на ковре травяном...»

Взобраться на матрас, верткий, как червяк на крючке, да еще в ночь, что чернее угольной кучи, не просто трудно — невозможно. Однако же мы совершили невозможное: я обеими руками вцепился в матрас, а Маргрета медленно соскользнула с меня на него. Потом она помогала мне, пока я дюйм за дюймом заползал на прогибающуюся поверхность.

Я неловко оперся на локоть, слетел в воду и тут же потерял матрас из виду. Пришлось, ориентируясь на голос Маргреты, снова добраться до матраса и медленно, с превеликой осторожностью карабкаться на него.

Опытным путем мы обнаружили, как лучше всего использовать пространство и удобства, предоставляемые

матрасом: надо улечься рядом навзничь, распластавшись, подобно морской звезде, то есть широко раскинуть руки и ноги, как человек с рисунка Леонардо да Винчи, чтобы занять как можно большую площадь.

— Ты как, родная? — спросил я.

— Все в полном порядке.

— Чего-нибудь хочешь?

— Ничего. Кроме того, что у нас уже есть. Мне удобно, я отдыхаю, и ты со мной.

— Присоединяюсь. Но чего бы ты хотела, если бы можно было получить все что угодно.

— Что ж... Горячий пломбир.

Я обдумал эту идею.

— Нет. Шоколадный пломбир с зефирным кремом и коктейльной вишенкой. И чашку кофе.

— Чашку шоколада. Но я настаиваю на горячем пломбире. Я полюбила его, когда была в Америке. Мы, датчане, готовим множество всяких десертов с мороженым, но заливать мороженое горячим шоколадным соусом нам в голову еще не приходило. Горячий пломбир. И лучше сразу двойную порцию.

— Договорились! Плачу за двойную порцию, раз тебе так хочется. Пойду на риск, я ведь заядлый игрок... А ты спасла мне жизнь.

Она ласково погладила меня по руке:

— Алек, ты смешной... и я счастлива. Как думаешь, мы выберемся отсюда живыми?

— Не знаю, родная. Парадокс жизни в том и заключается, что из нее практически никто не выбирается живым. Но твердо обещаю одно: я сделаю все, что в моих силах, чтобы раздобыть для тебя горячий пломбир.

Нас разбудил свет дня. Да, я заснул, и Маргрета тоже. Когда я проснулся, она еще спала, тихонько посапывая. Я лежал тихо, пока не увидел, как она открывает глаза. Я не думал, что смогу заснуть, но не удивляюсь (теперь), что нам это удалось, — отличная постель, полная тишина, чудесная температура воздуха, усталость... и абсолютное

отсутствие каких-либо причин для незамедлительного беспокойства, ибо решить наши проблемы мы не могли — во всяком случае, до рассвета. По-моему, я заснул с мыслью, что Маргрета права: горячий пломбир лучше шоколадного с зефирным кремом. Помню, что мне приснился псевдо-кошмарный сон, в котором я зачерпывал щедрую порцию пломбира, подносил ложку ко рту... и обнаруживал, что она пуста. Наверное, от этого я и проснулся.

Маргрета повернулась ко мне и улыбнулась; она выглядела лет на шестнадцать, и вид у нее был самый ангельский (*«...как двойни молодой серны. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе...»*).

— Доброе утро, красавица.

Она хихикнула:

— Доброе утро, прекрасный принц! Хорошо ли почивали?

— Если по правде, Маргрета, то я уже месяц так хорошо не спал. Странно. И все, что мне нужно сейчас, так это завтрак в постель.

— Сию минуту, сэр. Бегу!

— Вас понял. Не следовало мне упоминать еду. Пожалуй, удовольствуюсь поцелуем. Как думаешь, мы сумеем поцеловаться и при этом не свалиться в воду?

— Сумеем. Но будем осторожны. Поверни голову ко мне, но не вздумай поворачиваться всем телом.

Поцелуй получился скорее символическим, чем одним из сногшибательных трюков, которые так удавались Маргрете. Мы оба приняли все меры, чтобы не нарушить драгоценное равновесие импровизированного спасательного плота. Нас — во всяком случае, меня — волновало нечто большее, чем просто падение в океан.

Я решил, что о предмете моего беспокойства необходимо упомянуть, поскольку он заслуживает тщательного совместного рассмотрения и всестороннего обсуждения.

— Маргрета, судя по карте, что висела на стене у салона, мексиканское побережье и Масатлан находятся где-то к востоку от нас. В котором часу затонуло наше судно?

Если, конечно, оно затонуло. То есть в котором часу произошло столкновение?

— Понятия не имею.

— И я — тоже. Наверняка известно одно: это случилось после полуночи. «Конунг Кнут» должен был прибыть в порт в восемь утра. Так что берег предположительно где-то в ста милях к востоку. А может, и ближе. Горы должны быть вон там. Когда туманная дымка рассеется, может быть, мы их увидим. Так было вчера, значит есть вероятность, что они покажутся и сегодня. Любимая, как у тебя с плаванием на дальние дистанции? Если увидим горы, то не рискнуть ли нам?

— Алек, если ты настаиваешь, можно попытаться.

— Это не совсем то, о чем я спрашиваю.

— Верно. В теплой воде я проплыву, сколько понадобится. Как-то раз я переплыла Большой Бельт, а вода там похолоднее. Но, Алек, в Бельте нет акул. А здесь они есть. Я своими глазами видела.

Я тяжело вздохнул:

— Рад, что ты заговорила об акулах сама: мне не хотелось упоминать о них первым. Родная, придется торчать тут, да еще и не рыпаться, чтоб не привлекать к себе внимания. Утренний завтрак я готов пропустить, особенно если это завтрак для акул.

— От голода быстро не умирают.

— Мы не умрем от голода. А если бы ты могла выбирать, на чем бы ты остановилась? Смерть от солнечных ожогов? Голодная смерть? В акульей пасти? От жажды? В робинзонадах и в романах о потерпевших кораблекрушение героям всегда есть чем заняться, а у меня нет даже зубочистки. Поправка: у меня есть ты, а это все меняет. Маргрета, как ты думаешь, что с нами будет?

— По-моему, нас подберут.

Я думал точно так же, но по ряду соображений не хотел говорить Маргрете об этом.

— Рад слышать, что ты так считаешь. А почему ты в этом уверена?

— Алек, ты бывал в Масатлане?

— Нет.

— Это рыбацкий порт, где собираются как промысловые рыболовецкие суда, так и рыболовы-любители. С рассветом сотни лодок и кораблей выходят в океан. Самые большие и быстроходные уплывают на сотни километров от берега. Если подождать, нас обязательно найдут.

— Точнее, могут найти. Океан, знаешь ли, довольно большая штука. Но ты права. Плыть к берегу — самоубийство. Лучше уж остаться тут.

— Алек, нас будут искать.

— Будут? Почему?

— Если «Конунг Кнут» не затонул, то капитан знает, где и когда мы упали за борт. Как только судно придет в порт — если уже не пришло, — он потребует немедленно начать поиски. А если корабль затонул, то обыщут весь район.

— Звучит логично. — (Правда, у меня была другая идея и совсем не такая логичная.)

— Наша задача — остаться в живых до того, как нас найдут, по возможности избежав акул, жажды и солнечных ожогов. А значит, надо двигаться как можно меньше. Лежать неподвижно, и только лежать. А когда солнце поднимется выше, чаще поворачиваться с боку на бок, чтобы кожа обгорала равномерно.

— И молиться о ниспослании облачной погоды. Да, все правильно. Кстати, наверное, нам лучше не разговаривать. Меньше шансов, что начнем страдать от жажды. А?

Она умолкла надолго, будто последовала моему совету, однако наконец произнесла:

— Любимый, может быть, мы не выживем.

— Знаю.

— А если нам предстоит умереть, то я предпочту умереть, слыша твой голос. И не хочу, чтоб у меня отняли право говорить, как я люблю тебя, говорить, когда хочется, а не молчать ради тщетной надежды прожить несколько лишних минут.

— Да, моя возлюбленная, да!

Несмотря на наше решение, мы говорили мало. Мне было достаточно касаться ее руки; Маргрете, как оказалось, тоже.

Спустя долгое время — часа три, по моим расчетам, — она ахнула.

— Что случилось?

— Алек! Смотри!

Она показала пальцем. Я взглянул.

Я тоже чуть не ахнул, но сдержался, потому что был к этому готов: высоко над нами летело нечто в форме креста, чем-то похожее на планирующую птицу, только гораздо крупнее и явно искусственного происхождения. Летательная машина...

Я-то знал, что летательных машин быть не может. В инженерном колледже мы изучали знаменитое математическое доказательство профессора Саймона Ньюкома, что попытки профессора Лэнгли и других построить аэродинамический аппарат тяжелее воздуха, который сможет нести человека, обречены на неудачу и бесполезны. Ведь согласно теории масштабов, машина столь крупная, чтобы поднять человека, должна еще нести и мотор, достаточно мощный, чтобы оторвать ее от земли, а уж о пассажире и говорить нечего.

Это было последнее слово науки, разоблачившее явную глупость и полностью прекратившее попытки тратить общественные средства на подобные эфемерные идеи. Деньги, ассигнованные на научные и опытные разработки, пошли на воздухоплавание, то есть куда следовало, что дало великолепный результат.

Однако за последние несколько дней я приобрел иную точку зрения на «невозможное». И когда невероятная летательная машина появилась в небе, я как-то не слишком удивился.

По-моему, Маргрета перевела дух, только когда машина, пролетев над нами, устремилась к горизонту. Я тоже затаил было дыхание, но заставил себя дышать ровно. Машина была прекрасна — серебристая, изящная и стремительная. Я не мог определить ее величину, но если черные точки на ней — окна, она была огромной.

Я не понимал, как она движется.

— Алек, это воздухоплавательный корабль?

— Нет. Во всяком случае, это не то, что я имел в виду, говоря о воздухоплавательных кораблях. Я назвал бы это летательной машиной. Могу сказать только одно: таких я никогда не видел. Но знаешь, я должен сообщить тебе одну вещь, очень-очень важную.

— Да?

— Мы не умрем... И теперь я знаю, почему затонул корабль.

— Почему, Алек?

— Чтобы помешать мне сверить отпечатки пальцев.

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть;
жаждал, и вы напоили Меня;
был странником, и вы приняли Меня.

Евангелие от Матфея, 25: 35

— Или, говоря точнее, айсберг появился в том месте и столкнулся с кораблем для того, чтобы не дать мне сверить свой отпечаток пальца с отпечатком на водительском удостоверении Грэхема. Возможно, корабль не затонул, поскольку в этом не было необходимости.

Маргрета ничего не ответила.

Поэтому я мягко сказал:

— Давай, дорогая, говори, что хочешь. Облегчи душу, я не возражаю. Ну, я — псих! Параноик.

— Алек, я этого не говорила. И не думала. И не собираюсь говорить.

— Да, не говорила. Но на сей раз то, что со мной произошло, невозможно объяснить «потерей памяти». Разумеется, если мы с тобой видели одно и то же. Что видела ты?

— Что-то непонятное в небе. И не только видела, но и слышала. Ты сказал мне, что это летательный аппарат.

— Ну-у, я только предполагаю, что он так называется, но ты, если хочешь, можешь называть его хоть э-э-э... драндулетом, мне все едино. Нечто новое и незнакомое. Так каков же этот драндулет? Опиши его.

— Что-то двигалось по небу. Появилось вон оттуда, потом пролетело почти над нами и исчезло вон там. — (Указанное ею направление я определил как север.) — По форме оно напоминало крест, распятие. На перекладине креста виднелись выступы — по-моему, четыре. Спереди что-то вроде глаз, как у кита, а на заднем конце нечто напоминающее хвостовой плавник. Алек, больше всего это походила на крылатого кита — на кита, летящего по небу.

— Ты решила, что это живое существо?

— Хм... не знаю. Нет, не думаю. Впрочем, не знаю, что и думать.

— По-моему, это не живое существо, а машина. Летательная машина. Лодка с крыльями. Но что бы там ни было, машина или летающий кит, ты хоть когда-нибудь видела нечто похожее?

— Алек, эта такая странная штука, что даже не верится, будто она на самом деле существует.

— Понимаю. Но ты увидела ее первой и указала мне на нее, значит я не хитрил и не убеждал тебя в том, что ты ее видишь.

— Ты никогда бы такого не сделал!

— Верно, не сделал бы. Но я, любимая, все же рад, что ты увидела ее первой. Значит, она реально существует, а не является порождением кошмара, зародившегося в моем горячечном уме. Однако в том мире, к которому ты привыкла, подобной машины не существует. И поверь, она не из тех воздухоплавательных кораблей, о которых я рассказывал. Этот аппарат не из того мира, где вырос я. Значит, мы попали в какой-то третий мир. — Я вздохнул. — В первый раз убедительным доказательством моего пребывания в чужом мире стал океанский лайнер водоизмещением в двадцать тысяч тонн. А сейчас при виде того, что никак не может существовать в моем мире, я понял: они снова взялись за свое. Миры поменяли в тот момент, когда я потерял сознание, — наверняка именно тогда. Как бы то ни было, по-моему, это сделано для того, чтобы помешать мне сверить отпечатки пальцев. Паранойя! Бредовое представление, что Вселенная вступила против меня в заговор. Только это не бред. — Я внимательно следил за выражением глаз Маргреты. — Ну, что скажешь?

— Алек... А не могло случиться, что нам обоим просто привиделась эта штука? Может, мы оба бредим? Мы с тобой измотаны до предела, а ты еще и головой ударился. Меня тоже наверняка обо что-то стукнуло, когда корабль налетел на айсберг.

— Маргрета... но и в таком случае нас не могла посетить одна и та же бредовая галлюцинация. Вот если ты про-

снешься и обнаружишь, что я исчез, то это многое объяснит. Но пока ведь я не исчез — вот он я. И кстати, откуда бы взяться айсбергу в тропических широтах? Нет уж! Параноидное расстройство — куда более подходящее объяснение! Причем заговор направлен именно против меня. А тебе, увы, не повезло, ты случайно вляпалась в эту историю. О чем я очень сожалею. — (На самом деле я нисколько не сожалел. Мало радости в одиночку оказаться на плоту посреди океана, а вместе с Маргретой «я не стану и думать о рае ином».)

— А по-моему, один и тот же сон... Алек, вон она, опять... — Маргрета указала в небо.

Сначала я ничего не увидел. Но тут крохотная точка вдаль постепенно начала обретать форму креста, ту самую, которую я теперь соотносил с летательной машиной. Я наблюдал, как она растет.

— Маргрета, должно быть, она вернулась. Может быть, она нас заметила? Или, вернее, они нас заметили. Или он. Ну, кто-то там.

— Все может быть.

Когда машина приблизилась, я сообразил, что она пролетит не прямо над нами, а правее. Внезапно Маргрета воскликнула:

— Это не та же самая! Они разные.

— Да, это не летающий кит. Хотя вполне возможно, что у здешних летающих китов широкие красные полосы на боках.

— Это не кит. То есть это не живое существо. Ты прав, Алек, это машина. Дорогой, ты в самом деле считаешь, что в ней сидят люди? Мне страшно это представить.

— Если бы в ней никого не оказалось, я бы испугался больше. — (Я припомнил фантастический рассказ, переведенный с немецкого, о мире, населенном одними машинами, — довольно неприятная история.) — Но это превосходная новость! Теперь мы оба знаем, что увиденное нами — не сон и не галлюцинация. А это, в свою очередь, свидетельствует, что мы попали в другой мир. Стало быть, нас обязательно спасут.

— Не вижу логики, — с сомнением произнесла Маргрета.

— Просто тебе очень не хочется называть меня параноиком, за что я тебе премного благодарен, дорогая. Но мое параноидное расстройство — самое простое и логичное предположение. Если шутник, который все это подстроил, действительно жаждет моей смерти, то он упустил великолепный шанс во время столкновения с айсбергом. Или еще раньше, в пылающей яме. Следовательно, он не намерен меня убивать, во всяком случае сейчас. Он играет со мной, как кошка с мышью. Значит, меня спасут. И тебя — тоже, ибо мы вместе. Когда корабль столкнулся с айсбергом, ты была со мной, тут тебе не повезло. Но ты все еще со мной, и, значит, тебя тоже спасут — а это уже везение. Не противься, родная. У меня было время к этому привыкнуть. Оказывается, если внутренне расслабиться, все будет в порядке. Параноя — единственный рациональный подход к миру, который плетет против нас интриги.

— Но, Алек, мир не должен быть таким.

— Понятие «должен» к миру неприменимо, любимая. Суть философии состоит в том, чтобы принимать Вселенную такой, какая она есть, а не в том, чтобы насильно втискивать ее в какие-то выдуманные рамки, — сказал я. — Ой, не перекачивайся на бок! Или тебе хочется угодить в акулю пасть именно сейчас, когда у нас есть все основания полагать, что нас вот-вот спасут?

В течение ближайшего часа или около того ничего не произошло, если не считать появления двух величественных рыб-парусников. Дымка над океаном растаяла, и я нетерпеливо ждал спасения. Причем скорейшего — уж его-то я точно заслужил. И желательно до того, как я получу ожоги третьей степени. Маргрета могла пробыть на солнце немного дольше: она хоть и блондинка, но с головы до ног была покрыта чудесным загаром золотистого цвета поджаренной корочки — дивное зрелище! А вот я, за исключением рук и лица, был бледнее лягушачьего брюха, так что длительное пребывание на тропическом солнце грозило, как минимум, больницей.

В восточной части горизонта появились какие-то сероватые очертания — наверное, горы, с надеждой думал я, однако мало что удастся хорошенько рассмотреть, если точка обзора приподнята всего лишь дюймов на семь над поверхностью океана. Если это и впрямь горы или холмы, значит до земли не так уж и далеко. В любую минуту могут появиться рыбацкие суда из Масатлана... если, конечно, Масатлан в этом мире существует. Если...

Тут мы увидели еще одну летательную машину.

Она лишь отдаленно напоминала первые две. Те двигались почти параллельно берегу — первая с юга, вторая с севера. Эта же шла прямо от берега в западном направлении, к тому же выделявала какие-то зигзаги.

Она пролетела севернее нас, потом повернула обратно и принялась кружить у нас над головой. Она спустилась достаточно низко, и я разобрал, что в ней действительно сидят люди. Двое.

Внешний вид машины описать нелегко. Прежде всего вообразите огромный коробчатый воздушный змей, примерно сорока футов в длину, четырех — в ширину и с расстоянием между плоскостями около трех футов.

Теперь представьте себе, что эта коробка укреплена под прямым углом на лодке, несколько напоминающей эскимосский каяк, только больше, гораздо больше — примерно такой величины, как сама коробка воздушного змея.

Еще ниже находились два меньших каяка, параллельных главному корпусу лодки.

В одном конце каяка находился двигатель (это я узнал потом), а впереди был укреплен пропеллер, похожий на пароходный винт (и это я тоже увидел позже). Когда я впервые столкнулся с этим невероятным сооружением, воздушный винт крутился с такой скоростью, что его нельзя было рассмотреть. Зато слышать — сколько угодно! Это приспособление непрерывно издавало оглушительный шум.

Машина развернулась в нашу сторону и наклонила нос так, будто хотела в нас врезаться — точно пеликан, несущийся вниз, чтобы схватить рыбу.

А рыба — это мы. Стало страшно. Во всяком случае, мне. Маргрета даже не пискнула, только изо всех сил сжала мне

пальцы. То, что мы все же не рыбешки и что машина не намерена нас глотать, ничуть не делало ее приближение менее устрашающим.

Несмотря на испуг (а может быть, именно из-за него), я сообразил, что летательный аппарат по крайней мере вдвое больше, чем казалось с первого взгляда. За окном в передней части машины виднелись два водителя, бок о бок друг с другом. Теперь стало заметно, что и двигателей тоже два и что установлены они между крыльями коробчатого змея: один — справа от водителей, другой — слева.

В самый последний момент машина вздыбилась как лошадь, берущая барьер, и лишь чудом не задела нас. Поднятый ею порыв ветра едва не сбросил нас с плота, а от грохота зазвенело в ушах.

Машина поднялась повыше, описала дугу в нашем направлении и снова скользнула вниз, но уже не прямо на нас. Два нижних каяка коснулись воды, подняв фонтаны брызг, похожие на сверкающий хвост кометы. Машина замедлила ход и наконец замерла, покачиваясь на воде и не думая тонуть.

Воздушные винты по-прежнему вращались, но очень медленно. Я видел их впервые... и поразился оригинальности создавшей их инженерной мысли. Возможно, они менее эффективны, чем туннельные воздушные винты, используемые на наших дирижаблях, но все равно это очень элегантное решение проблемы в условиях, когда туннельный двигатель применить затруднительно, а может быть, и просто невозможно.

Но эти моторы, воюющие как грешники в аду! И как мало-мальски опытный инженер мог с ними смириться — просто ума не приложу. Как говаривал один из моих профессоров (это было еще до того, как термодинамика подтолкнула меня к духовной стезе), шум есть побочный продукт нерационального изобретения. Хорошо сконструированный двигатель нем как могила.

Машина развернулась и направилась к нам, только теперь очень медленно. Водители ловко провели ее в нескольких футах от нас, почти остановившись. Один из них

вылез и левой рукой ухватился за одну из распорок, соединявших плоскости коробчатых крыльев. В другой руке он держал бухту каната.

Когда летательная машина поравнялась с нами, он бросил нам конец. Я поймал канат, крепко схватил обеими руками и не упал в воду только потому, что Маргрета вцепилась в меня изо всех сил.

Я передал конец Маргрете:

— Пусть они тебя втянут. А я поплыву за тобой.

— Нет!

— Как это так — нет? Не упрямясь. Делай как сказано!

— Алек, помолчи. Он пытается нам что-то объяснить.

Я заткнулся, обиженный до глубины души. Маргрета внимательно вслушивалась. Мне-то слушать смысла не было: мой испанский ограничивался «gracias» и «por favor»¹. Зато я прочел надпись на борту машины: «El Guardacostas Real de Mexico»².

— Алек, он предупреждает, чтоб мы были предельно осторожны. Тут акулы.

— Ой!

— Да. Так что мы останемся на матрасе, а нас остороженько подтянут к летательной машине, причем так, чтобы не окупуть.

— Вот человек, который мне воистину по душе!

Мы испытали предложенный способ — но ничего не вышло. Ветер посвежел, и это куда больше мешало летательной машине, чем нам; промокший набивной матрас стал так тяжел, что ни о какой парусности речи не шло. Вместо того чтобы выбирать канат, нашему спасателю приходилось его травить, иначе нас бы просто сволокло с матраса в воду.

Он что-то крикнул, Маргрета ответила. Переключка продолжалась некоторое время. Наконец Маргрета повернулась ко мне:

— Он просит, чтобы мы отпустили конец. Они отплывут, а потом вернутся, но на этот раз машина пойдет прямо

¹ Спасибо... прошу вас (*исп.*).

² Береговая охрана Мексиканского королевства (*исп.*).

на наш плот, только очень медленно. А как приблизятся вплотную, мы попробуем влезть в *aeroplano*. Так называется машина.

— Хорошо.

Машина отплыла подальше и, заложив дугу, снова направилась к нам. Тем временем мы не скучали, любясь акульим спинным плавником, что возник совсем рядом с нами. Акула пока набрасываться не собиралась — видно, еще не сообразила — было бы чем, — годимся ли мы ей на закуску. Да и вообще, ей была видна только нижняя сторона матраса.

Летательная машина двинулась прямо на нас, словно какая-то чудовищная стрекоза, зависшая над самой поверхностью океана. Я сказал:

— Дорогая, как только она приблизится, хватайся за ближайшую распорку. Я тебя подсажу и сам заберусь следом.

— Нет, Алек.

— Что значит нет?

Я рассердился. Маргрета — великолепный товарищ, и вдруг такое упрямство. Да еще в такую минуту!

— Ты не сможешь меня посадить, тебе не на что опереться. И встать не сможешь, тут сесть и то нельзя. Я скачусь с матраса налево, ты — направо. Если кто-то из нас промахнется — тут же обратно на матрас. *Aeroplano* сделает еще один заход.

— Но...

— Так он велел.

Времени терять было нельзя: машина уже почти наехала на нас. Ее растопыренные «ноги» — вернее, распорки, соединяющие нижние каяки с основным телом машины, — двигались по обе стороны матраса, едва не задевая меня и Маргрету.

— Давай! — крикнула она.

Я соскользнул вбок и вцепился в распорку. Руку чуть не выдернуло из плечевого сустава, но я по-обезьяньи вскарабкался на перекладину, обеими руками ухватился за что-то на днище, уперся ногой в нижний каяк и повернул голову.

Кто-то протянул руку Маргрете, втянул ее на коробчатое крыло — и вдруг она исчезла. Я полуобернулся, намереваясь залезть повыше, и внезапно буквально взлетел на крыло. Вообще-то, я летать не умею, но обрел неожиданную способность к левитации по веской причине: прямо у моих ног взрезал воду белесый плавник — слишком большой для благонравной рыбыны.

Я оказался рядом с крохотной клетушкой, в которой сидели водители странной машины. Второй — не тот, который вылезал нам помогать, — выглянул из окна, улыбнулся, протянул руку и открыл дверцу. Я забрался вовнутрь, головой вперед; Маргрета уже была там.

Внутри было четыре сиденья: два водительских — впереди, два сзади — для нас.

Водитель передо мной повернулся и что-то сказал, продолжая — я заметил это! — пялиться на Маргрету. Конечно, она была голая, но ведь не по своей вине, и настоящий джентльмен на его месте так не поступил бы.

— Он просит нас застегнуть ремни, — объяснила Маргрета. — Наверно, он имеет в виду вот эти. — Она показала на пряжку ремня, одним концом прикрепленного к корпусу машины.

Оказалось, что я сижу на такой же пряжке, которая уже пребольно впечаталась в мою обожженную солнцем задницу. До сих пор я не замечал боли — мое внимание отвлекали другие вещи.

(Ну что он таращит свои бесстыжие глаза? Еще миг — и я прикрикну на этого нахала. В эту минуту я даже не вспомнил, что совсем недавно он, рискуя жизнью, спас меня и Маргрету; я взбесился от того, как нагло он пользуется беспомощностью дамы.)

Пришлось вернуться к изучению дурацкого ремня, на время забыв о боли. Водитель что-то сказал своему напарнику, а тот начал горячо возражать. Потом в их разговор вмешалась Маргрета.

— О чем они? — спросил я.

— Бедняга хочет отдать мне свою рубашку. А я отказываюсь... но не очень решительно... а так, чтоб оставить ему

возможность настоять на своем. Это очень мило с его стороны, дорогой. И хотя я не придаю подобным вещам большого значения, все же чувствую себя среди посторонних лучше, когда на мне что-то надето. — Она прислушалась и добавила: — Они спорят между собой, кому достанется эта честь.

Я промолчал. И мысленно принес ему извинения. Наверняка даже папа римский украдкой поглядывает на женщин.

В споре победил тот, кто сидел справа. Он повозился на кресле, так как встать не мог, снял рубашку и передал ее Маргрете.

— *Señorita, por favor.*

Он добавил что-то еще, но это оказалось за пределами моих познаний в испанском.

Маргрета ответила с достоинством и изяществом и продолжала болтать с ними, пока натягивала рубашку, которая более или менее прикрыла ее наготу.

— Дорогой, командир — *teniente*¹ Анибал Санс Гарсиа — и его помощник — *sargento*² Роберто Домингес Джонс — оба из береговой охраны мексиканского королевства, хотели отдать мне свои рубашки, но сержант победил в игре «чет-нечет», и я получила его рубашку.

— В высшей степени благородный поступок. Спроси его, нет ли в этой машине чего-нибудь, что можно было бы надеть на меня.

— Попробую. — Она произнесла несколько фраз, я собрал свое имя. Потом она снова перешла на английский: — Джентльмены, я имею честь представить вам моего мужа, сеньора Александро Грэхема Хергенсхаймера, — и опять затараторила по-испански.

Ответ прозвучал тут же:

— Лейтенант очень сожалеет, но он вынужден сказать, что у них нет ничего, что можно было бы предложить тебе. Однако он клянется честью матери, что, как только мы доберемся до Масатлана и тамошнего офиса береговой охра-

¹ Лейтенант (*исп.*).

² Сержант (*исп.*).

ны, тебе что-нибудь обязательно подберут. А теперь лейтенант просит нас обоих пристегнуть ремни и затянуть их как можно туже, так как нам предстоит взлет. Алек, мне страшно.

— Не бойся. Я буду держать тебя за руку.

Сержант Домингес опять обернулся и протянул фляжку:

— *Aqua?*¹

— Боже мой, конечно! — вскричала Маргрета. — *Si! Si!*

Никогда еще вода не казалась мне такой вкусной.

Лейтенант оглянулся, взял у нас фляжку, широко улыбнулся и показал большой палец — жест, восходящий еще ко временам Колизея, — потом сделал что-то, заставившее моторы его машины заработать в более быстром темпе. Только что они работали медленно-медленно. И вдруг раздался страшный грохот. Машина развернулась, и лейтенант направил ее навстречу ветру, который свежел с самого утра и теперь уже взбил в пену верхушки волн. Моторы заработали напряженней, будто в припадке неодолимой ярости, и летательная машина, сотрясаясь всем корпусом, скачками понеслась по воде.

Затем мы стали с невероятной силой ударяться примерно о каждую десятую волну. Не знаю почему, но машина все-таки не развалилась.

И вдруг мы оказались в двадцати футах над поверхностью океана. Скачки прекратились, но вибрация и рев не утихали. Мы резко набрали высоту, потом повернули, и машина так же резко пошла вниз. Я чуть было не расстался с несколькими драгоценными глотками воды, которыми только что наслаждался.

Прямо перед нами отвесной стеной вздыбился океан. Лейтенант повернулся к нам и что-то крикнул. Мне очень хотелось сказать ему, что лучше бы он смотрел вперед, но я промолчал.

— О чем это он?

— Просит посмотреть в том направлении, куда он показывает. Прямо туда, куда летит машина. *El tiburón blanco*

¹ Воды? (исп.)

grande — та самая большая белая акула, которая чуть нас не слопала.

(Я прекрасно обошелся бы и без этого.) И в самом деле, как раз в середине стены океана виднелась серая тень, режущая воду плавником. Как раз в ту минуту, когда я понял, что сейчас мы неминуемо впечатаемся в чудовищную рыбину, стена воды качнулась назад, мою задницу с силой вдавило в сиденье, в ушах заревело, и лишь благодаря моей железной выдержке меня не вытошнило на наших новых знакомцев.

Машина выравнилась, и неожиданно стало почти удобно, если, конечно, позабыть о вибрации и реве.

И все же воздухоплавательные корабли куда приятнее.

Как только мы поднялись в воздух, стали хорошо видны далекие горные вершины, которые почти невозможно было разглядеть с нашего импровизированного плота, и побережье с великолепными пляжами, за которыми раскинулся город, куда мы и направлялись. Сержант обернулся и что-то сказал, указывая на город.

— О чем он?

— Сержант Роберто говорит, что будем дома как раз к ланчу. *Almuerzo*, сказал он, но заметил, что для нас это будет завтрак — *desayuno*.

Мой желудок вдруг стал проявлять признаки жизни.

— Не важно, как он там называется. Ты их предупреди, что быка можно и не жарить. Я его живьем съем.

Маргрета перевела. Наши новые знакомые расхохотались, и лейтенант повел машину на снижение. Он посадил ее на воду, то и дело оглядываясь на Маргрету и не прекращая болтать с ней, а та мило улыбалась ему, хотя ее ногти больно вонзались мне в правую ладонь.

Мы долетели. Никто не пострадал. Но все равно воздушные корабли гораздо лучше.

Ланч! Наше будущее утопало в розах.

В поте лица твоего будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю...

Бытие, 3 19

Через полчаса после того, как летательная машина, вздымая брызги, опустилась в гавани Масатлана, Маргрета и я сидели с сержантом Домингесом в столовой для рядового состава службы береговой охраны. Мы опоздали к дневной трапезе, но нас все же обслужили. Я был одет. Во всяком случае на мне были парусиновые брюки. Кстати сказать, разница между тем, в чем мать родила, и парой штанов куда больше, чем между дешевыми брюками и горностаевой мантией. Попробуйте и убедитесь сами.

С летательной машины, пришвартовавшейся на якорной стоянке, нас забрала небольшая лодка и отвезла на пирс. Оттуда пришлось идти в управление береговой охраны, и там дожидаться, пока мне не отыщут брюки. Все это время на меня глазели незнакомые люди, среди которых было немало женщин. Ужас! Такого стыда я не испытывал никогда в жизни, если не считать печального инцидента в воскресной школе, когда мне было пять лет.

Но теперь все было позади, перед нами стояло угощение и питье, и какое-то время я чувствовал себя безмерно счастливым. Разумеется, поданные нам блюда были мне незнакомы, но недаром говорят, что голод — лучший повар. Это на самом деле так; ланч был великолепен! Тонкие лепешки из кукурузной муки, сдобренные густой подливкой, тушеные бобы, горячая как огонь похлебка, миска маленьких желтых помидоров и кофе — крепкий, черный и горький — что еще нужно человеку? Нехитрым завтраком я наслаждался больше, чем гурман, смакующий изысканные блюда.

Поначалу меня смутило, что нас отправили в столовую для рядового состава, а не в офицерский зал, куда ушел лейтенант Санс. Лишь впоследствии мне объяснили, что это распространенное заблуждение среди штатских: люди, не имеющие опыта военной службы, подсознательно всегда приравнивают себя к офицерам и никогда — к рядовым. По зрелом размышлении приходится признать, что подобная самооценка смехотворна, однако же она распространена повсеместно. Ну, может быть, и не повсеместно, но для Америки она в высшей степени характерна, ибо здесь каждый человек «ничем не хуже других, а зачастую лучше прочих».

Сержанту Домингесу уже вернули рубашку. Пока мне искали штаны, какую-то женщину из управления (скорее всего, уборщицу — в мексиканской береговой охране женского контингента не было), отправили на поиски чего-нибудь для Маргреты, и это что-то оказалось блузкой и длинной юбкой — все хлопчатобумажное и ярких тонов. Простой и явно дешевый наряд, но Маргрета выглядела в нем красавицей.

Правда, мы остались без обуви. Впрочем, это не имело значения: в сухую, теплую погоду можно обойтись и без туфель. Мы были сыты, нам ничего не грозило, а оказанные нам помощь и радушный прием убеждали, что мексиканцы — лучшие люди на свете.

После второй чашки кофе я сказал:

— Любимая, как бы нам извиниться и уйти, никого не обижая? Нам нужно как можно скорее найти американского консула.

— Сначала нам предстоит вернуться в управление.

— Опять какая-то бюрократическая волокита?

— Ну, можно сказать и так. Скорее всего, от нас хотят получить подробные сведения о том, как мы оказались в открытом океане. Согласись, наша история звучит несколько странно.

— Да, наверное.

Наше первое собеседование с команданте трудно назвать удовлетворительным. Будь я один, он обвинил бы ме-

ня во лжи... но человек, которого переполняет осознание своего мужеского превосходства, просто не способен разговаривать с Маргретой в таком тоне.

Главной проблемой был пароход «Конунг Кнут». Он не затонул, но и в порт не пришел. По той простой причине, что такого корабля вообще никогда не существовало.

Меня-то это мало удивило. Даже если бы наше судно вдруг превратилось в парусник или в многовесельную пентеру, я бы тоже не слишком поразился. И все же я ожидал, что в новом для меня мире найдется какой-нибудь корабль с тем же названием. По моим представлениям этого требовали правила игры. Теперь стало ясно, что никаких правил я не знаю. Если, конечно, допустить, что они все же существуют.

Маргрета указала мне еще на одно обстоятельство, подтверждающее мою мысль: здешний Масатлан оказался совсем не похож на тот, в котором ей приходилось бывать. Этот был куда меньше, туристы сюда не заглядывали; здесь не было даже длинного причала, где обычно швартовался «Конунг Кнут». По-моему, это не меньше, чем летательная машина, убедило ее в том, что предположение о моем «параноидном расстройстве» фактически является наименее безумным из всех возможных. Маргрета бывала тут раньше — причал, большой и прочный, исчез. Это ее потрясло.

На команданте впечатление произвести было труднее. Он дольше расспрашивал лейтенанта Санса, чем нас. Рассказ лейтенанта его не удовлетворил.

Был еще один фактор, которого я в то время не понимал, да и потом до конца уяснить не смог. Непосредственный начальник Санса был в чине капитана. То же звание носил и команданте, но равными по рангу они не были.

В службе береговой охраны пользовались флотскими званиями, а личный состав в подразделении летательных машин носил армейские. По-моему, это незначительное различие объяснялось какими-то историческими причинами. Как бы то ни было, на практике это создавало определенные неудобства: капитан с четырьмя нашивками, то

есть капитан морского флота, вовсе не собиравшись принимать на веру то, что ему докладывал какой-то там офицеришка с летательной машины.

Лейтенант Санс приволок двоих голых людей, якобы потерпевших кораблекрушение, которые рассказывают какие-то сказки; капитан с четырьмя нашивками, видимо, страстно желал возложить вину за все это неправдоподобное происшествие на самого Санса.

Впрочем, запугать Санса не удалось. Похоже, он не испытывал никакого почтения к офицеру, который никогда не поднимался над поверхностью океана выше «вороньего гнезда» на мачте. (Поскольку я уже поднялся в небеса на его летающей скорлупке, то прекрасно понимал, почему он не намерен повиноваться какому-то мореходу. Между прочим, пилоты дирижаблей тоже склонны делить мир на две неравные части — на тех, кто летает, и на тех, кто не летает.)

Через какое-то время, выяснив, что Санс упрямо стоит на своем, что опровергнуть показания Маргреты нельзя, а беседовать со мной можно только с ее помощью, команданте пожал плечами, отдал какие-то распоряжения, и мы пошли кормиться. Я думал, этим все и кончится, однако, как выяснилось, нам следовало вернуться и получить еще порцию каких-то неизбежных неприятностей.

Против ожидания вторая встреча с команданте оказалась весьма короткой. Он буркнул, что ровно в четыре часа нам надлежит явиться к иммиграционному судье, точнее, в суд, обладающий полномочиями рассматривать подобные дела, поскольку отдельного иммиграционного суда не было. И затем вручил нам список наших долгов, порядок выплаты которых следует утрясти с судьей.

Маргрета встревоженно смотрела на листок, и я потребовал, чтобы она перевела, что сказал команданте. Затем и я взглянул на общую сумму долга.

Больше восьми тысяч песо!

Чтобы прочесть счет, глубокого знания испанского не требовалось, почти все слова были родственны англий-

ским. «Tres horas» — «три часа», следовательно, нам надлежало оплатить три часа пользования «aeroplano» — слово, которое я уже слышал от Маргреты; оно означало летательную машину. Подлежало оплате и время, затраченное на нас лейтенантом Сансом и сержантом Домингесом. Был там и какой-то коэффициент, означавший, как я решил, накладные расходы или что-то вроде того.

Кроме того, топливо для *aeroplano* и эксплуатация последнего.

«Pantalones» — это штаны; прилагался чек за ту пару, что была на мне.

«Falda» — юбка, и «camisa» — блузка; костюм для Маргреты оказался весьма дорогим.

Один пункт меня особенно поразил — не суммой, а тем, что его вообще включили: я-то думал, что мы гости, но в счете фигурировали два ланча по двенадцать песо каждый.

Была даже плата за время самого команданте.

Я хотел спросить, сколько долларов в восьми тысячах песо, но промолчал, сообразив, что не имею ни малейшего представления о покупательной силе доллара в мире, куда нас забросило.

Маргрета обсудила счет с лейтенантом Сансом, которому явно было очень неловко. Последовали смущенные протестующие восклицания, сопровождавшиеся бурной жестикуляцией. Маргрета все выслушала и сказала мне:

— Алек, это придумал не Анибал и даже не команданте. Тариф на этот вид услуг — спасение на море, использование *aeroplano* и так далее — установлен *el Distrito Real*, то есть Королевским округом, иначе говоря, самим Мехико. Лейтенант Санс говорит, что государственные власти руководствуются экономическими соображениями и оказывают давление на нижестоящих чиновников, с тем чтобы сделать платные общественные услуги самокупаемыми. Он говорит, что если команданте не взыщет с нас плату за спасение, то королевский инспектор, обнаружив это, вычтет деньги из жалованья самого команданте. А вдобавок наложит штраф, размер которого королевская комиссия определит в зависимости от обстоятельств. Анибал хочет,

чтобы ты понял, как ему неловко. Если бы *aeroplano* принадлежал лично ему, мы стали бы просто его гостями. Он всегда будет считать тебя братом, а меня сестрой.

— Скажи ему, что мои чувства к нему столь же горячи, и сделай это, по меньшей мере, так же цветисто, как он.

— С радостью. И Роберто говорит, что испытывает то же самое.

— Значит, все сказанное относится и к сержанту. Но выясни, пожалуйста, где и как найти американского консула. Похоже, у нас неприятности.

Лейтенант Санс получил приказ обеспечить нашу явку в суд в четыре часа, после чего нас отпустили. Санс велел сержанту Роберто проводить нас к консулу, а потом обратно в суд, выразив сожаление, что его служебное положение не позволяет ему сопровождать нас лично, щелкнул каблуками, склонился над рукой Маргреты и поцеловал ее. Простой учтивый жест превратился в целое представление. Впрочем, я видел, что Маргрете это понравилось. Увы, у нас в Канзасе такому не обучают. Я много потерял.

Масатлан лежит на полуострове. Казарма береговой охраны находится на его южном берегу, неподалеку от маяка (он самый высокий в мире, что весьма впечатляет). Американское консульство расположено примерно в миле оттуда, на северном берегу, куда ведет *avenida* Мигеля Алемана — очаровательная улица, примерно на полпути украшенная прелестным фонтаном.

Вот только нам с Маргретой пришлось идти босиком.

Сержант Домингес не предложил взять такси, а мне напрашиваться было, конечно же, неудобно.

Сначала ходьба босиком не казалась мне делом первостепенной важности — на улице было немало босых ног, и далеко не все они принадлежали детишкам (и без рубашки был отнюдь не я один). В детстве я расценивал возможность побегать босиком как сказочную роскошь, как редкостную привилегию. Я бегал босиком все лето и с огромным сожалением надевал ботинки, когда приходило время снова идти в школу.

Но уже после первого квартала я стал удивляться, почему в детстве я с таким нетерпением ждал момента, когда можно будет побегать без ботинок. Вскоре я попросил Маргрету сказать сержанту Роберто, чтобы он, если можно, не спешил так, ибо я хочу выбирать затененные участки пути — этот проклятый тротуар прямо-таки поджаривает мне пятки!

(Сама Маргрета ни на что не жаловалась, и меня это очень задевало. Ангельское спокойствие Маргреты меня вдохновляло... но следовать ее примеру мне было не под силу.)

В общем, я уделял состоянию моих бедных, нежных, розовых, незаслуженно оскорбленных пяток все больше внимания, страшно жалел себя и все время удивлялся, как мне пришлось в голову расстаться с богоданной страной.

«Я плакал, что бос, пока не встретил безногого». Не помню, кто первый это сказал, но данная сентенция безусловно является частью нашего культурного наследия и должна остаться в веках.

Именно это произошло со мной.

Примерно на полпути, у фонтана, там, где *avenida* Мигеля Алемана пересекается с *calle* Акила Сердана, мы встречали нищего. Он поглядел на нас снизу вверх и с улыбкой протянул несколько карандашей. А смотрел он снизу вверх потому, что сидел в тележке на колесиках; ног у него не было.

Сержант Роберто окликнул нищего по имени и бросил ему монетку. Тот ловко поймал ее зубами, опустил в карман, сказал сержанту «Gracias» и переключил внимание на меня.

— Маргрета, — торопливо попросил я, — объясни ему, пожалуйста, что у меня совершенно нет денег.

— Хорошо, Алек. — Она присела на корточки, чтобы видеть глаза нищего. Потом встала: — Пепе говорит, что ничего страшного. Он подождет, пока ты не разбогатеешь.

— Будь добра, передай ему, что я непременно вернусь. Обещаю.

Она так и сделала. Пепе широко улыбнулся, послал Маргрете воздушный поцелуй и отдал честь нам с сержантом. Мы пошли дальше.

А я перестал волноваться о своих несчастных ступнях. Пепе заставил меня пересмотреть свои взгляды. Когда выяснилось, что мексиканское правительство считает наше спасение не почетной обязанностью, а источником дохода, я проникся глубоким сожалением к своей участи, чувствуя себя обиженным, задетым и оскорбленным до глубины души. Я бормотал под нос, что мои соотечественники абсолютно правы, называя всех мексиканцев пиявками, живущими за счет туристов-гринго! Ну, к Роберто и лейтенанту это не относится, а вот другие... Проклятые лентяи, все они только и ждут подходящего случая, чтобы заграбастать американские доллары!

Как Пепе.

Я перебрал в памяти всех встреченных сегодня мексиканцев и мысленно попросил у каждого прощения за свои подлые, гаденькие мысли. Мексиканцы — наши попутчики на долгом пути от сумрака к вечной тьме. Одни смиренно несут свое бремя, другие с ним не справляются. А те, кому выпадает особо тяжкая ноша, принимают ее безропотно и с кротким достоинством.

Как Пепе.

Еще вчера я купался в роскоши — сегодня я нищ и весь в долгах. Но у меня есть силы, ум, здоровые руки... и есть Маргрета. Моя ноша легка; и я приму ее с радостью. Спасибо тебе, Пепе.

Над дверью консульства развевался американский флаг, а на двери красовалось бронзовое изображение большой государственной печати. Я дернул висячий звонок.

После долгого ожидания дверь приоткрылась, и женский голос велел нам убираться прочь. (Перевод не требовался, тон говорил сам за себя.) Дверь стала закрываться. Сержант Роберто громко свистнул и что-то крикнул. Дверь снова приоткрылась, начался диалог.

— Он требует передать дону Амброзио, что тут находятся два американских гражданина, которым нужно с ним

немедленно повидаться, так как в четыре часа их будут судить, — сказала Маргрета.

Нам опять пришлось ждать. Минут через двадцать горничная впустила нас и провела в сумрачный кабинет. Вошел консул, уставился на меня и холодно осведомился, как я посмел нарушить его сиесту.

Впрочем, при виде Маргреты он оттаял и учтиво спросил:

— Чем могу служить? Не окажете ли честь моей скромной обители, выпив стаканчик вина или чашечку кофе?

Даже босая, даже в нелепом наряде, Маргрета выглядела настоящей леди... А меня принимали за бродягу. И не спрашивайте меня почему — это факт, и все тут. Как правило, подобное впечатление создается не только у мужчин, но и у женщин тоже. Любая попытка его объяснить сводится к таким выражениям, как «королевский», «благородный», «аристократичный», «врожденные манеры» — то есть к словам, кои суть анафема с точки зрения американского демократического идеала. Что это говорит о Маргрете и об американском идеале — пусть разбираются школьники, пишущие сочинения на заданную тему.

Дон Амброзио оказался помпезным ничтожеством, но тем не менее с ним было легче: он говорил на американском языке — настоящем американском, а не на английском, — поскольку родился в Браунсвилле, штат Техас. Его родители наверняка были «мокроспинниками». Свой талант к политическим дебатам с соотечественниками-чиканосами он обменял на синекуру, и теперь с удовольствием разъяснял туристам-гринго, почему в стране Монтесумы они не могут получить того, что им позарез необходимо.

Именно это он нам в конце концов и озвучил.

Я дал возможность Маргрете вести бóльшую часть переговоров, ибо у нее это получалось куда лучше, чем у меня. Она называла нас «мистером и миссис Грэхем» — так мы договорились еще по пути сюда. Когда нас спасли, она воспользовалась именем «Грэхем Хергенсхаймер», а потом объяснила мне, что это оставляет нам выбор. Я могу остаться Хергенсхаймером, просто сказав, что у тех, кто слышал

мое имя, память дала небольшой сбой, — на самом деле я назвался Хергенсхаймером Грэхемом. Нет? Значит, виноват я — ошибся, о чем и сожалею.

Я решил все же остаться Грэхемом Хергенсхаймером, но пользоваться преимущественно фамилией Грэхем, так как это упрощало дело. Для Маргреты я всегда был Грэхемом, да и сам эксплуатировал это имя больше двух недель. Прежде чем мы покинули консульство, мне пришлось солгать еще раз десять, чтобы наша история хоть как-то походила на правду. Мне не хотелось создавать новых осложнений, а «мистер и миссис Грэхем» были самым простым выходом.

(Небольшое теологическое отступление: некоторые, по-видимому, склонны верить, что десять заповедей воспрещают ложь. Ничего подобного! Запрещено лжесвидетельствовать против соседей — это особая, ограниченная и подлая ложь. Однако нигде в Библии не упоминается о запрете на обычную неправду. Многие теологи считают, что ни одно организованное человеческое сообщество не выдержит абсолютной правдивости. Если вы думаете, что их опасения безосновательны, попробуйте сообщить своим друзьям чистую правду о том, что вы думаете об их отпрысках — если вы, конечно, осмелитесь на подобный поступок!)

После очередного витка объяснений. (к этому времени «Конунг Кнут» превратился в нашу личную яхту) дон Амброзио сказал:

— Увы, я ничем вам помочь не могу, мистер Грэхем. Я не имею права даже выдать вам временное удостоверение личности взамен утерянного паспорта, поскольку вы не представили мне никаких доказательств того, что вы действительно американский гражданин.

— Дон Амброзио, вы меня поражаете, — ответил я. — Да, миссис Грэхем говорит с небольшим акцентом; вам объяснили, что она родилась в Дании. Но неужели вы считаете, что тот, кто родился и вырос за пределами Кукурузного пояса, способен воспроизвести мое произношение?

Он с латиноамериканской экспрессивностью пожал плечами:

— Я не эксперт по наречиям Среднего Запада. На мой слух, вы вполне можете быть англичанином, уроженцем одного из тех мест на Британских островах, где выговор жестче, да еще и человеком, обученным актерскому мастерству, ибо всем известно, что хороший актер при необходимости способен имитировать любой акцент. Народная республика Англия всеми силами старается внедрить своих шпионов в Штаты. Кто знает, может, вы родом из английского Линкольна, а не из того, что в штате Небраска.

— Вы сами-то себе верите?

— Мало ли во что я верю. Однако же без убедительных доказательств того, что вы американские граждане, я никаких документов подписывать не стану, уж простите. Итак, чем еще я могу быть вам полезен?

(Как можно говорить «еще», если ты ничего не сделал?)

— Может быть, вы дадите нам совет?

— Может быть, но я не адвокат.

Я показал ему врученный нам счет и объяснил его происхождение.

— Уместно ли это и являются ли эти требования законными?

Он внимательно прочел бумагу.

— Безусловно, эти требования законны с точки зрения местного законодательства и американских властей. Уместны ли они? Помнится, вы сказали, что вам спасли жизнь.

— Да, это так. Конечно, был шанс, что нас подберут рыбаки, но так уж вышло, что береговая охрана обнаружила нас первой. Нас действительно нашли и спасли бойцы береговой охраны.

— Ну и как по-вашему, ваша жизнь, точнее, ваши две жизни стоят восьми тысяч песо? К примеру, моя стоит много больше, уверяю вас.

— Не в этом дело, сэр. У нас нет денег. Ни единого цента. Все утонуло вместе с яхтой.

— Тогда пошлите за деньгами. Я не возражаю, если их отправят на адрес консульства.

— Благодарю вас, но это займет какое-то время. А что нам предпринять сейчас? Меня предупредили, что судья требует немедленной уплаты долга, и при этом наличными.

— Ну, все не так уж плохо. Действительно, мексиканцы не признают банкротства в том виде, в котором это практикуется у нас, а по их старинным законам несостоятельным должникам грозит долговая тюрьма. Правда, на практике к такому наказанию прибегают редко. Вместо этого суд обеспечит вас работой, которая позволит вам выплатить долг. Дон Клементе очень гуманный судья, он о вас позаботится.

Если оставить в стороне велеречивые цветистые излияния, обращенные к Маргрете, на этом все и закончилось. Мы прервали сержанта Роберто, который наслаждался радужным гостеприимством горничной и поварихи, и отправились в суд.

Дон Клементе (судья Ибаньес) был очень мил, как и обещал нам дон Амброзио. Поскольку мы сразу же уведомили секретаря суда, что признаем долг, но не имеем средств для его оплаты, процесс над нами не состоялся. Нас просто посадили в полупустом зале и велели ждать, пока судья не рассмотрит дела, вынесенные на сегодняшнее слушание. С этими делами было быстро покончено: одни касались мелких правонарушений, наказуемых штрафами, другие — долгов, кое-что было отложено до следующего заседания суда. Я понимал не все из происходившего, но, поскольку перешептывания не одобрялись, Маргрета не смогла объяснить мне всех подробностей процедуры. Впрочем, судья явно не принадлежал к числу «вешателей».

Когда с делами покончили, секретарь суда велел нам присоединиться к «правонарушителям» — главным образом крестьянам, — которых судили за долги или оштрафовали. Все мы стояли на низком помосте, лицом к лицу с группой мужчин. Маргрета поинтересовалась, что происходит, ей ответили: «La subasta»¹.

¹ Торги, аукцион (*исп.*).

— Что это? — спросил я.

— Не могу понять, — ответила она. — Я не знаю этого слова.

Со всеми, кроме нас, разобрались довольно быстро, — похоже, эти люди были здесь уже не первый раз. Из мужчин перед помостом остался только один. Он с улыбкой обратился ко мне. Маргрета ему что-то ответила.

— Что он говорит? — спросил я.

— Спрашивает, умеешь ли ты мыть посуду. Я объяснила, что ты не знаешь испанского.

— Скажи ему, что я, конечно же, умею мыть посуду. Но хотелось бы работы поинтереснее.

Через несколько минут наш долг был уплачен наличными секретарю суда, а мы поступили в распоряжение патрона, сеньора Хайме Валера Гусмана. Он обязался платить Маргрете шестьдесят песо в день, а мне — тридцать плюс возможные чаевые. Судебные издержки составили еще две с половиной тысячи песо, плюс плата за два разрешения на временную работу, плюс налоговый сбор военного времени. Секретарь подсчитал нашу суммарную задолженность, а затем, разделив ее на заработок, объявил, что через сто двадцать один день — то есть через четыре месяца — наши обязательства перед патроном будут удовлетворены. Если, конечно, у нас не будет сторонних расходов...

Секретарь объяснил нам, как пройти к заведению нашего патрона — ресторану «Панчо Вилья». Сам патрон уже отбыл в своей машине. Патроны разъезжают на машинах, пеоны — на своих двоих.

И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.

Бытие, 29: 20

Иногда за мытьем грязной посуды я забавлялся, высчитывая, какой высоты стопку тарелок я вымыл с тех пор, как начал работать на нашего патрона дона Хайме. Стопка из двадцати обычных для «Панчо Вилья» тарелок составляла около фута. Чашку с блюдцем или два стакана я решил считать за одну тарелку, ведь в стопку их никак не уложишь. Ну, или как-то так...

Высота маяка в Масатлане составляла пятьсот пятнадцать футов, то есть он был всего на сорок футов ниже памятника Вашингтону. Я прекрасно помню тот день, когда закончил мыть первую стопку тарелок высотой с маяк. Я загодя сказал Маргрете, что скоро достигну своей цели и что это произойдет, вероятно, либо вечером в четверг, либо утром в пятницу.

Это случилось вечером в четверг. Я выскочил из подсобки, встал в дверях из кухни в обеденный зал, поймал взгляд Маргреты и вскинул над головой руки, сцепленные в боксерском приветствии.

Маргрета бросила принимать заказ у какой-то семьи и заплодировала. Потом она объяснила посетителям, что произошло, а через несколько минут появилась на пороге подсобки и передала мне банкноту в десять песо — подарок от главы семейства. Я попросил поблагодарить его от моего имени и сказать, что только что заложил фундамент нового «маяка», который посвящаю ему и его семье.

В свою очередь сеньора Валера отправила мужа, дона Хайме, выяснить, почему Маргрета отлынивает от работы и устраивает дурацкие представления... Дон Хайме захотел

узнать, сколько я получил на чай, — и подарил мне еще столько же.

У сеньоры не было причин жаловаться — Маргрета была не только лучшей официанткой, но и единственной, говорившей на нескольких языках. В тот день, когда мы начали работать на сеньора и сеньору Валера, в кафе пригласили маляра, поручив ему написать броское объявление: «Англиски говорит тут», после чего Маргрета стала не только обслуживать англоговорящих гостей, но и составляла меню на этом языке (цены в котором были на сорок процентов выше, чем в меню на испанском).

Дон Хайме оказался неплохим хозяином. Он славился добрым нравом и в целом справедливо относился к слугам. После того как мы проработали около месяца, он объяснил мне, что не выкупил бы меня, если бы не судья, который выставил нас с Маргретой на торги с условием совместного выкупа, поскольку мы супружеская пара. (Иначе я оказался бы батраком на плантациях и виделся бы с женой чрезвычайно редко — да, дон Амброзио был прав, назвав дона Клементе добрым судьей.)

Я ответил, что сознаю свое счастье, однако, решив нанять Маргрету, дон Хайме просто продемонстрировал свою дальновидность.

Дон Хайме признал правоту моего замечания. Оказывается, вот уже несколько недель он по средам посещал торги в поисках женщины или девушки, говорящей на двух языках и умеющей обслуживать посетителей, и меня выкупил только ради Маргреты, однако теперь нисколько не жалел об этом, поскольку подсобные помещения, тарелки и столовое серебро блистали невиданной прежде чистотой.

Я заверил его, что считаю большой честью внести свою скромную лепту в поддержание престижа и доброго имени ресторана «Панчо Вилья» и его многоуважаемого патрона дона Хайме.

По правде говоря, я просто не мог удержаться, чтобы не отдраить подсобку. Сначала я думал, что пол в ней земляной — на нем было впору выращивать картошку, —

однако под полудюймовым слоем грязи оказался весьма приличный цементный. Я его отскоблил, а затем тщательно поддерживал чистоту — мои ноги все еще были босы. А еще я потребовал порошок против тараканов.

Каждое утро я истреблял тараканов и дочиста мыл пол. Каждый вечер после работы я посыпал все вокруг отравой. По-моему, полностью избавиться от тараканов невозможно, но их можно оттеснить, заключить с ними своего рода перемирие, но оставаться в постоянной боевой готовности.

Что же до качества мытья посуды, то иначе и быть не могло. Моя мать страдала грязебоязнью в острой форме, и я, выросший в большой семье, с семи до тринадцати лет мыл и вытирал посуду под зорким материнским присмотром (затем я стал разносчиком газет, что уже не оставляло времени для мытья тарелок).

Однако не думайте, что мытье посуды — мое любимое занятие. Я терпеть не мог этого в детстве — не могу терпеть и теперь.

Тогда почему я делал это? Почему не сбежал?

Разве трудно понять? Мытье тарелок позволяло мне быть рядом с Маргретой. Бегство, может быть, и заманчиво для некоторых должников — вряд ли здесь рьяно преследовали тех, кто бежал под покровом ночи. Однако для супругов, один из которых яркая блондинка (да еще в стране, где блондинки особенно привлекают внимание), а другой ни слова не говорит по-испански, бегство вряд ли возможно.

Мы оба работали как проклятые — с одиннадцати до одиннадцати, за исключением вторника, с номинальными перерывами на сиесту (два часа) и на ланч и обед (по полчаса), зато оставшиеся в сутках двенадцать часов безраздельно принадлежали нам. Да еще целые сутки по вторникам!

Такого чудесного медового месяца мы не провели бы даже на Ниагарском водопаде! У нас была крошечная комнатка на чердаке в задней части здания, которое занимал ресторан. Там было жарко, но мы редко появлялись дома днем, а к одиннадцати вечера там уже становилось вполне

терпимо, независимо от того, насколько жарким выдался день. В Масатлане жители того общественного слоя, к которому мы теперь принадлежали (то есть самого низшего), по большей части обходятся без канализации. Но мы жили в здании ресторана, где был сливной туалет с проточной водой; днем мы пользовались им вместе с прочими работниками, а остальные двенадцать часов в сутки он был в нашем полном распоряжении. (Во дворе был дощатый сортир, к услугам которого я иногда прибегал в рабочие часы, но Маргрета им никогда не пользовалась.)

Душ находился на первом этаже, рядом с туалетом для служащих, а поскольку горячей воды в подсобке требовалось много, в доме стояла большая газовая колонка. Сеньора Валера регулярно отчитывала нас за перерасход горячей воды («Газ тоже стоит денег!»). Мы молча выслушивали ее и продолжали брать столько кипятка, сколько нам было нужно.

По закону патрон был обязан обеспечивать нас кровом и едой (еще и одеждой, но об этом я узнал много позже), поэтому мы ели в ресторане — разумеется, не фирменные блюда, но вполне приличную еду — и комнату нам отвели там же.

«Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык и при нем ненависть!» Мы были вместе, и этого нам хватало.

Маргрета иногда получала на чай, особенно от гринго, и мало-помалу копила наличные. Мы старались тратить как можно меньше денег — Маргрета купила только обувь себе и мне. Она откладывала деньги, думая о том дне, когда мы перестанем быть рабами и сможем уехать на север. Я не питал иллюзий насчет того, что страна к северу от нас — та самая, где я родился... но все же это был ее аналог. Там говорили по-английски, а ее уклад и культура наверняка были сходны с образом жизни, привычным нам обоим.

В первую же неделю из-за чаевых Маргреты у нас возникли трения с сеньорой Валера. По закону нашим патроном был дон Хайме, но ресторан принадлежал ей, — во всяком случае, так нам объяснила повариха Аманда. Когда-

то Хайме служил в этом ресторане старшим официантом, а потом женился на дочке хозяина, что позволило ему занять пост метрдотеля. Когда тесть умер, Хайме, как считали окружающие, стал владельцем ресторана, но его супруга крепко держала в руках кошелёк и занимала почетное место кассирши.

(Может быть, следует добавить, что *доном* Хайме был только для нас, ибо являлся нашим патроном, а в сущности таковым не был. Почтительное обращение «дон» невозможно перевести на английский. То, что человек владеет рестораном, еще не делает его доном, тогда как, например, судья, несомненно, дон.)

В первый же раз, заметив, что Маргрете дали чаевые, сеньора велела сдать деньги в кассу, — мол, в конце каждой недели Маргрета будет получать определенный процент.

Маргрета напрямик отправилась в подсобку.

— Алек, что делать? Чаевые были моим главным доходом на «Конунге Кнута», и никто никогда не требовал, чтобы я ими делилась. Имеет ли она на это право?

Я велел ей не отдавать чаевые сеньоре, а сказать, что мы обсудим с ней все в конце дня.

В положении пеона было одно преимущество: нас нельзя было уволить из-за разногласий с хозяином. Конечно, нас могли выгнать... но тогда Валера потеряла бы уплаченные за нас десять тысяч песо.

К концу дня я точно знал, что и как сказать, вернее, как это должна говорить Маргрета, потому что вести самый примитивный разговор на испанском я обучился только через месяц.

— Сэр и мадам, мы не понимаем вашего распоряжения насчет моих чаевых. Нам хотелось бы поговорить с судьей и узнать у него, требует ли этого наш контракт.

Как я и подозревал, им вовсе не хотелось разговаривать с судьей на эту тему. По закону им принадлежал труд Маргреты, но они не имели никакого права на деньги, данные ей третьими лицами.

На этом, однако, дело не кончилось. Сеньора Валера, разозлившись, что ей перечит простая официантка, выве-

сила объявление: «NO PROPINAS — ЧАЕВЫХ НЕ БЕРЕМ». Такое же уведомление появилось и в меню.

Пеоны не бастуют. Но в ресторане работали еще пять официанток, две из них — дочери Аманды. В день, когда сеньора Валера запретила брать чаевые, она обнаружила, что в ресторане осталась одна-единственная официантка (Маргрета), а кухня вообще пуста. Так что хозяйке пришлось капитулировать. И она нам этого не простила.

Дон Хайме обращался с нами как с наемными работниками, его жена — как с невольниками. Разница между этими понятиями огромна, несмотря на затасканное клише «подневольный труженик». Поскольку мы готовы были трудиться на совесть, пока не выплатим весь свой долг, но совершенно не желали признавать себя рабами, то волей-неволей вступили в конфликт с сеньорой.

Вскоре после разногласий по поводу чаевых Маргрета заподозрила, что сеньора Валера время от времени обыскивает нашу каморку. Впрочем, предотвратить это мы не могли, так как дверь не запиралась, и, пока мы оба работали, хозяйка могла беспрепятственно, когда вздумается, входить в нашу комнату.

Я предложил соорудить какую-нибудь ловушку, но Маргрета с этой идеей не согласилась и стала носить деньги с собой. Можете себе представить, какого мнения мы были о нашей патронессе, коль скоро Маргрете приходилось остерегаться вороватой хозяйки.

Мы не позволили придирам сеньоры Валера разрушить наше счастье. И даже сомнительный статус «супругов» не омрачил наш весьма необычный медовый месяц. Разумеется, я мог омрачить его и сам, ибо меня вечно подмывало анализировать вопросы, в которых я ничего не понимал и даже не знал, как следует приступить к их анализу. Но Маргрета была куда практичнее меня и не поощряла подобных умствований. Я, например, пытался хоть как-то обосновать наши отношения, сообщив, что полигамия во все не запрещается Священным Писанием и ее отвергают лишь современные законы и обычаи, но Маргрета резко оборвала меня, заметив, что ее совершенно не интересует,

сколько жен и наложниц было у царя Соломона, и что ни он, ни кто другой из ветхозаветных персонажей не станет для нее примером для подражания. Если я не хочу жить с ней, то так и должен сказать! Ну же!

Я заткнулся. Некоторых проблем лучше вообще не касаться, а тем более не обсуждать. Новейшая тенденция по всякому поводу выяснять отношения приводит к новым недоразумениям ничуть не реже, чем помогает решить саму проблему.

Однако Маргрета столь резко отрицала авторитет Библии в части права мужчины на двоеженство, что спустя некоторое время я снова спросил ее об этом (разумеется, не упоминая о полигамии — этого щекотливого вопроса я больше не затрагивал). Я осведомился, в какой степени она признает авторитет Священного Писания вообще. Объяснил, что Церковь, в лоне которой я воспитан, исповедует буквальное толкование Библии: «Библия чиста, но не подчищена», то есть Священное Писание есть истинное Слово Божие, хотя есть и другие Церкви, считающие, что дух важнее буквы, причем некоторые столь либеральны, что вообще отказываются руководствоваться Библией. И тем не менее называют себя христианскими.

— Маргрета, любовь моя, как заместитель директора Церковного альянса за пристойность, я ежедневно общался с членами всех протестантских сект и поддерживал связи с римско-католическими священниками по вопросам, в которых мы могли бы выступать единым фронтом. Благодаря этому я узнал, что наша Церковь отнюдь не обладает монополией на истину. Человек может путаться в основах веры и одновременно быть прекрасным гражданином и истинным христианином. — Я усмехнулся, припомнив кое-что, и продолжал: — А с другой стороны, один из моих друзей-католиков отец Махаффи как-то сказал мне, что, пожалуй, даже я смогу пролезть в рай, ибо Господь в своей бесконечной милости сделал определенную скидку невежественным протестантам, упорствующим в своих заблуждениях.

Наш разговор с Маргретой происходил во вторник, то есть в наш выходной день, в единственный день недели,

когда ресторан был закрыт, а посему мы сидели сейчас на вершине *el Cerro de la Neveria* — Ледникового холма, что по-испански звучит куда красивее, — и приканчивали принесенный с собой завтрак. Холм находился в центре города, почти рядом с «Панчо Вилья», но представлял собой своеобразный буколический оазис: горожане следовали прекрасному мексиканскому обычаю превращать холмы в парки, а не застраивать их домами. Чудесное местечко...

— Родная, я никогда не стал бы уговаривать тебя принять взгляды моей Церкви. Но мне хочется знать о тебе как можно больше. Я обнаружил, например, что мне очень мало известно о религии в Дании. По-моему, датчане в основном придерживаются лютеранского вероучения, но не знаю, есть ли у вас государственная Церковь, как в других европейских странах. Иначе говоря, какова твоя Церковь, сурова она или либеральна, но какова бы она ни была — как ты к ней относишься? И помни, что сказал отец Махаффи, — я с ним полностью согласен. Я не верю, что только Церковь владеет дверью, ведущей в рай.

Я распростерся на траве. Маргрета сидела, обняв колени, и смотрела на запад, в океан. Ее лица я не видел. Она не ответила на мой вопрос.

— Дорогая, ты слушаешь? — негромко окликнул я.

— Да, слушаю.

Я снова подождал, а потом добавил:

— Если я сую нос не в свое дело, то прошу прощения и беру свой вопрос обратно.

— Нет. Я знала, что когда-нибудь мне придется дать на него ответ. Алек, я не христианка. — Она разжала руки, обернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза. — Ты можешь развестись со мной так же просто, как и женился. Только скажи, и все. Я не стану противиться. Уйду, не споря, и делу конец. Но, Алек, когда ты говорил, что любишь меня, и потом, когда сказал, что мы муж и жена перед Богом, ты не спрашивал меня о моей вере.

— Маргрета...

— Да, Алек.

— Прежде всего пополоши рот. А потом попроси у меня прощения.

— В бутылке еще, должно быть, осталось вино, чтобы прополоскать рот. Однако я не могу просить прощения за то, что не сказала тебе об этом раньше. Я ответила бы правдиво в любое время, но ты меня не спрашивал.

— Так, быстро положи рот и впредь не смей упоминать о разводе. А еще проси прощения за то, что подумала, будто я могу тебя бросить. Если будешь и дальше озорничать, я могу тебя отшлепать, для вразумления, но никогда не прогоню. В богатстве и в бедности, в болезни и во здравии, ныне и присно... Женщина, я люблю тебя. Затверди это накрепко.

Внезапно она оказалась в моих объятиях, плача во второй раз за время нашей совместной жизни. А я делал единственно возможное в такой ситуации — утешал ее поцелуями.

Услышав за спиной одобрительные возгласы, я обернулся. До этого на вершине холма не было никого, кроме нас, поскольку вторник был рабочим днем. Оказалось, что на нас глазят два уличных сорванца, такие юные, что не разобрать, мальчишки это или девчонки. Поймав мой взгляд, один из них радостно заулюлюкал и громко изобразил звук поцелуя.

— Валите отсюда! — закричал я. — Прочь! *Vaya con Dios!*¹ Я правильно говорю, Марга?

Она что-то им сказала; они убежали, звонко хихикая. Я обрадовался этой передышке. Я сказал Маргрете все, что надо было сказать, чтобы уверить ее в том, что я по достоинству оценил ее отчаянное, хотя и весьма нелепое заявление. Однако же, признаюсь, я был потрясен до глубины души.

Я хотел что-то сказать, но решил, что для одного дня наговорил вполне достаточно. Маргрета тоже молчала. Тишина стала невыносимой. Я чувствовал, что нельзя оставлять затронутый вопрос в таком подвешенном состоянии.

— Так во что же ты веришь, дорогая? Помнится, в Дании живут и евреи. Вряд ли все датчане исповедуют лютеранскую веру.

¹ Шли бы вы с Богом! (исп.)

— Есть и евреи, но не много, примерно один на тысячу. Нет, Алек... Существуют и более древние боги.

— Древнее Иеговы? Быть того не может!

Маргрета ничего не ответила, что было для нее характерно. Если она с чем-либо не соглашалась, то обычно молчала. Похоже, решающие аргументы ее совершенно не интересовали, в отличие от девяноста девяти процентов представителей человеческой расы, согласных вытерпеть любые муки, лишь бы одержать верх в споре.

Итак, мне пришлось выступать за обе стороны, чтобы наши прения не истощились.

— Беру свои слова обратно. Мне не следовало говорить: «Быть того не может». Я ведь исходил из общепринятой хронологии епископа Ашера. Согласно его датировке, в октябре этого года будет ровно пять тысяч девятьсот девяносто восемь лет с Сотворения мира. Разумеется, в Священном Писании этого не говорится; к примеру, Хейлс пришел к другим результатам... Гм... семь тысяч четыреста пять лет, если не ошибаюсь — надо будет потом написать эти цифры, тогда я вспомню точнее. Другие ученые предлагают свои даты, рассчитанные с большей или меньшей степенью точности. Однако все приходят к выводу, что за четыре или пять тысяч лет до Рождества Христова имело место уникальное событие — Сотворение мира, когда Иегова создал мир, а вместе с миром — и время. Время само по себе существовать не может. Следовательно, ничто, и никто, и никакой бог не может быть древнее Иеговы, поскольку Иегова сотворил время. Понимаешь?

— Лучше бы я промолчала!

— Моя дорогая, я же всего-навсего веду интеллектуальную беседу и вовсе не хотел — никогда не собирался и не буду — тебя обижать. Я просто упомянул о результатах традиционных методов исчисления. А ты, очевидно, пользуешься какой-то иной системой. Может быть, объяснишь? И не надо пинать бедного Алекса всякий раз, как он раскрывает рот. Меня наставляли на путь служения Господу в церкви, которая очень ценит искусство проповеди. В дискуссиях я как рыба в воде. Ну а теперь твоя очередь про-

поведовать, а я буду слушать. Расскажи мне о своих древних богах.

— Тебе они известны. Самого великого из них мы будем чествовать завтра. Средний день недели принадлежит ему.

— Сегодня вторник, завтра среда. *Вотан?! Твой бог — Вотан?!*

— Один. Вотан — германское искажение древненорвежского имени. Отец Один и два его брата сотворили мир. В начале была пустота, ничто — все остальное очень сходно с Книгой Бытия, даже включая Адама и Еву, только у нас их зовут Аск и Эмбла.

— Но может быть, это и в самом деле Книга Бытия?

— Что ты имеешь в виду, Алек?

— Библия — Слово Божие, особенно ее английский перевод, известный как «версия короля Иакова», ибо каждое слово этого перевода отбиралось с молитвой, благочестивыми усилиями самых блестящих ученых. Каждое расхождение во мнениях в молитвах передавалось самому Господу. Так что «Библия короля Иакова» — воистину Слово Божие. Однако нигде не сказано, что Слово должно быть одно. Священные Писания других народов, сделанные в другое время и на других языках, могут точно так же отражать историю... если они не противоречат Библии. А ведь, судя по твоему рассказу, именно так и обстоит дело.

— Да, но это касается только Сотворения мира и Адама с Евой, Алек. Хронология совершенно не совпадает. По твоему, мир сотворен около шести тысяч лет назад?

— Около того. У Хейлса чуть побольше. Библия не содержит дат: даты — новейшее изобретение.

— Даже срок, приведенный этим... как его... — Хейлсом? — слишком мал. Куда вероятнее, что мир был сотворен сто тысяч лет тому назад.

Я было запротестовал — в конце концов, есть же вещи, которые невозможно слушать без возражений, — но вовремя вспомнил, что мои возражения заставят Маргрету умолкнуть.

— Продолжай, родная. А рассказывают ли твои религиозные писания, что случилось в эти тысячелетия?

— По большей части все происходило в те времена, когда еще не изобрели письменность. Кое-что сохранилось в эпических сказаниях скальдов, но даже это началось позднее, когда люди объединились в племена и Один научил их петь. Очень долго мир был под властью йотунов, «инеистых великанов», а люди мало чем отличались от диких зверей. Но главное различие в хронологии таково, Алек: Библия охватывает период от Сотворения мира до Судного дня, затем следует Тысячелетнее Царство Божие на Земле, потом Война на Небе и конец света. После этого — Град Небесный и Вечность — время остановится. Верно?

— Ну да. Профессиональный знаток эсхатологии сказал бы, что ты слишком упрощаешь, но основные события названы верно. Подробности приведены в Откровениях, точнее — в Откровении святого Иоанна Богослова. Многим пророкам были ниспосланы видения о конце света, но только святой Иоанн изложил эту историю связно, так как Откровение было дано ему самим Христом, дабы спасти избранных от обмана лжепророков. Сотворение мира, грехопадение, долгие столетия борьбы и испытаний, затем Последняя битва, за которой последует Судный день и Царство Божие. Твоя вера о том же, любимая?

— Последнюю битву мы зовем Рагнарёк, а не Армагеддон.

— Ну, терминология не имеет значения.

— Прошу тебя, не перебивай, милый. Названия ничего не значат, а вот что произойдет — важно. В твой Судный день козлица будут отделены от агнцев. Спасенные вкусят вечное блаженство; проклятые нечестивцы обречены на вечные муки. Так?

— Верно. Но для научной точности следует заметить, что некоторые богословы считают, будто, поскольку блаженствоечно, Бог так любит мир, что в конечном счете спасутся даже нечестивцы: нет душ, которым будет отказано в спасении. Другие же называют такой взгляд ересью. Но мне он по душе. Мне никогда не нравилась идея вечного проклятия. Я, вообще-то, романтик, любимая.

— Знаю. За это я тебя и люблю. Поэтому тебе может понравиться моя древняя религия... В ней отсутствует вечное проклятие.

— Правда?

— Чистая правда. При Рагнарёке известный нам мир будет уничтожен, но это не конец. Спустя долгое время, время оздоровления, будет создана новая вселенная, лучше, чище и свободней от зла, чем этот мир. Она просуществует бесчисленные тысячелетия, пока опять силы зла и холода не поднимутся против сил добра и света. И опять наступит время покоя, за которыми последует новое сотворение, и появится новый шанс для человечества. Ничто не кончается. Ничто не может быть совершенным. Род человеческий раз за разом получает шанс стать лучше, чем был в прошлом... И снова, и снова, и так без конца.

— И ты в это веришь, Маргрета?

— Я нахожу, что в это поверить легче, чем в христианство с его самодовольным благодушием праведников и неизбывными страданиями грешников. А если Иегова всемогущ, то проклятые души нечестивцев в аду существуют лишь потому, что Бог запланировал все это до мельчайших деталей. Разве не так?

Я помолчал. Логически объяснить единство всемогущества, всеведения и всеблагости — самая заковыристая задача теологии, которая даже иезуитам не по зубам.

— Маргрета, подыскать объяснение некоторым таинствам Всевышнего очень и очень трудно. Мы, смертные, должны принимать на веру благие намерения нашего Отца по отношению к нам, независимо от того, понимаем мы их или нет.

— А поймет ли благие намерения Господа ребенок, которому разбивают голову о камни? И отправится ли он в ад, вознося благодарение Богу за его бесконечную мудрость и доброту?

— Маргрета, ради всего святого, ты о чем?!

— Я говорю о тех местах Ветхого Завета, где Иегова отдает прямые приказы убивать детей, иногда указывая, что им следует разбить головы о камни. Прочти-ка псалом,

который начинается словами: «При реках Вавилона...» — или слова Господа Бога, обращенные к Осии: «...Младенцы их будут разбиты, и беременные их будут рассечены». А еще там есть история о пророке Елисее и медведицах. Алек, веришь ли ты сердцем своим, что твой Бог велел медведицам разорвать маленьких детей только за то, что они насмеялись над плешивой головой старика? — Она умолкла.

И я молчал. Наконец Маргрета сказала:

— Значит, рассказ о медведицах и сорока двух ребят — истинное Слово Господне?

— Разумеется, это Слово Господне. Но я не стану притворяться, что понимаю его полностью. Маргрета, если тебе нужны подробные объяснения всего, что сделал Господь, молись о том, чтобы он просветил тебя. А меня шпынять не надо.

— А я тебя и не шпыняю, Алек. Извини.

— Можешь не извиняться. Насчет медведиц я никогда не понимал, но я не позволю сомнению поколебать свою веру. Может, это своего рода притча, иносказание. Но послушай, дорогая, ведь, по-моему, у Отца Одина тоже довольно кровавая история?

— Не тот масштаб. Иегова разрушает города, уничтожает в них всех мужчин, женщин и детей, вплоть до грудных младенцев. Один же убивает только в сражениях и только тех, кто, так сказать, равны ему мощью и силой. Однако главная разница состоит в том, что Один отнюдь не всемогущ и не претендует на всеведение.

(Надо же, теологическая система, которая успешно избавляется от сложнейшей проблемы... Но как называть его Богом, если он не всемогущ?)

— Алек, моя единственная любовь, — продолжала Маргрета, — я не собираюсь нападать на твою веру. Мне она не нравится, я никогда ее не приму и надеюсь, что разговор, подобный сегодняшнему, больше не повторится. Но ты спросил меня напрямую, принимаю ли я авторитет Священного Писания, под которым ты понимаешь Библию. Я должна ответить тебе так же прямо: нет, не принимаю.

Для меня Иегова, или Яхве Ветхого Завета, — садист и кровавый злодей, склонный к геноциду. Не могу понять, как его совместить с кротким Христом Нового Завета, пусть даже в таинстве Троицы. Не понимаю.

Я хотел ответить, но она поспешно добавила:

— Милый, прежде чем мы оставим эту тему, хочу спросить у тебя кое-что, над чем я с некоторых пор размышляю. Дает ли твоя религия объяснение тому, что загадочным образом происходит с нами — один раз со мной, дважды с тобой? К чему все эти меняющиеся миры?

(Я и сам без конца об этом думал!)

— Нет. Должен признаться, нет. Жаль, что со мной нет Библии, я бы искал объяснение в ней. Покамест я лишь неустанно перебираю в памяти, все, что мне известно, и не нахожу ничего, что помогло бы подготовиться к подобным событиям. — Я вздохнул. — Очень неприятное ощущение. Но... — я улыбнулся, — промысел Господень свел нас с тобой. И нет для меня чужой земли, если там есть Маргрета.

— Милый Алек! Я спрашиваю потому, что моя древняя религия такое объяснение предлагает.

— *Что?!*

— Но в нем радости мало. В начале нынешнего цикла Локи был повержен. Знаешь, кто такой Локи?

— Немного. Проказник.

— Проказник — это очень мягко сказано. Он вершит зло. Многие тысячи лет он находился в плену, прикованный к огромной скале. Алек, конец каждого цикла в истории человечества начинается одинаково: Локи удается освободиться — и наступает хаос. — Она посмотрела на меня с глубокой печалью. — Увы... я верю, что Локи уже вырвался на свободу. Об этом свидетельствуют знамения. Теперь может произойти *все что угодно*. Мы вошли в «сумерки богов». Приближается Рагнарёк. Грядет конец света.

И в тот же час произошло великое землетрясение,
и десятая часть города пала,
и погибло при землетрясении семь тысяч
имен человеческих;
и прочие объаты были страхом,
и воздали славу Богу Небесному.

Откровение Иоанна, 11: 13

Я вымыл еще одну стопку тарелок высотой с маяк, беспрестанно размышляя о том, что сказала Маргрета мне в тот прекрасный день на Ледниковом холме. С тех пор я ее об этом не расспрашивал, а она со мной на эту тему не заговаривала: ведь Маргрета никогда не спорила, если у нее была возможность уклониться от спора.

Поверил ли я в ее теорию насчет Локи и Рагнарёка? Конечно нет. Я несколько не возражал против того, чтобы называть Армагеддон Рагнарёком, Иисуса — Иешуа или Джезу, Марию — Мэри, Мириам или Марьям, Иегову — Яхве... Сгодится любой словесный символ, если собеседники заранее оговаривают значение слов. Но Локи? Неужели я должен поверить, что мифологический полубог невежественных варваров сумел изменить всю Вселенную? Ну знаете!

Я человек современный, мой ум свободен от предрассудков, но в то же время моя голова не настолько пуста, чтобы в ней гуляли сквозняки. Где-то в Священном Писании наверняка можно найти объяснение тех печальных событий, которые произошли с нами. И мне нет нужды искать объяснений в страшных сказках давно исчезнувших языческих племен.

Жаль, что у меня нет под рукой Библии. О, конечно, в соборе всего лишь в нескольких кварталах отсюда можно получить католическую Библию... на латыни или на

испанском. Но мне нужна версия короля Иакова. Наверное, в этом городе такую можно отыскать, но я не знал, где именно. Впервые в жизни я позавидовал идеальной памяти Пола Поучателя (достопочтенного Пола Балониуса), который в середине прошлого столетия проповедовал Слово Божие во всех центральных штатах и знал Библию наизусть, поэтому даже с собой ее не брал. Говорят, что брат Пол мог цитировать по памяти любой стих, если ему называли книгу, главу и номер стиха, или, наоборот, мог по одному стиху назвать книгу, главу и его номер.

Я родился много позже и Пола Поучателя в живых не застал. Но абсолютная память — особый дар, которым Господь наделяет не так уж и редко. У меня нет причин сомневаться, что брат Пол обладал таким даром. Смерть Пола была внезапной и загадочной, и, может статься, он умер во грехе. Наставник, руководивший моими занятиями, говорил, что следует соблюдать величайшую осторожность, молясь наедине с замужней женщиной.

У меня нет дара Пола. Я могу процитировать первые главы Книги Бытия, несколько псалмов, а также рассказ о рождении Иисуса по Евангелию от Луки и еще кое-какие отрывки. Но для решения теперешней проблемы мне необходимо тщательно изучить все книги пророческие и особенно Откровение Иоанна Богослова.

Действительно ли приближается Армагеддон? Неужели вот-вот наступит Страшный суд? И буду ли я еще жив во плоти, когда раздастся глас трубный?

Волнующая мысль. Одна из тех, от которых легко не отделаешься. В этот великий день будут живы миллионы, и в их числе может оказаться и Александр Хергенсхаймер. Услышу ли я возвешение и глас Архангела, увижу ли мертвых, что во Христе воскреснут прежде, и буду ли я, живой, вместе с ними восхищен на облаках в сретение Господу на воздухе, чтобы остаться с ним навечно, как и обещано Словом Господним? О, это самый великолепный пассаж во всей Библии!

Конечно, у меня не было никакой уверенности, что я окажусь среди праведников в этот великий день, даже если доживу до него во плоти. Быть рукоположенным свя-

щенником евангелической церкви еще не означает автоматического повышения шансов на спасение. Служители церкви сознают эту горькую истину (если, конечно, не лгут себе), но миряне нередко считают, что у духовенства в этом деле имеется бла́т.

Ничего подобного! Никаких привилегий у священнослужителей не существует. Тем более что священник не может сказать: «Я же не знал, что это запрещено» — или сослаться на молодость или неопытность, как на обстоятельства, заслуживающие снисхождения, он не может заявить о незнании закона или привести какие-нибудь другие причины, которыми мирянин может прикрыть недостаточно безупречную нравственность и все-таки спастись.

Зная это, я должен сознаться, что мой собственный список деяний, особенно за последнее время, отнюдь не дает оснований надеяться, что я окажусь среди спасенных. Конечно, в свое время я был заново крещен. Некоторые, однако же, склонны считать, что это постоянное состояние, нечто вроде ученой степени, полученной в колледже. Брат мой, не рассчитывай на это! Я-то прекрасно понимал, что за последние дни совершил целую кучу грехов. Греховная гордыня. Невоздержанность. Алчность. Сластолюбие. Блуд. Сомнение в вере. И прочее в том же духе. И что еще хуже — я не чувствовал ни малейшего раскаяния за самые худшие из них.

Если окажется, что Маргрета не внесена в списки спасенных и допущенных на небеса, то и мне там делать нечего. Господи, помоги мне, ибо это чистая правда!

Бессмертие души Маргреты меня очень беспокоило.

Она не могла претендовать на второй шанс, который получают все души, рожденные в дохристианскую эпоху. Маргрета родилась в лоне Лютеранской церкви, той самой, что была предшественницей не только моей Церкви, но и вообще всех протестантских Церквей, первым плодом Вормсского рейхстага. (Когда я мальчишкой посещал воскресную школу, то слова «Вормсский рейхстаг» преобразились у меня в уме в нечто, весьма далекое от теологии.)

Чтобы спасти Маргрету, необходимо заставить ее отказаться от ереси и возродиться во Господе заново. Однако сделать это могла только она сама — я тут был бессилён.

Я мог лишь подтолкнуть ее к мысли о необходимости искать спасения. Но делать это следовало с большой осторожностью. Размахивая мечом, бабочку на ладонь не приманишь. Маргрета была не язычницей, не ведавшей Христа, которой требуется лишь разъяснить истину. Нет, она родилась христианкой и отринула эту религию сознательно. Она цитировала Писание с той же легкостью, что и я, то есть в свое время она его изучала, причем куда старательнее других мирян. Я не спрашивал, зачем ей это понадобилось, но, судя по всему, это произошло, когда она стала подумывать о том, чтобы покинуть христианскую веру. Маргрета была столь серьезна и столь честна, что, по-моему, вряд ли решилась бы на такой отчаянный шаг без долгих и мучительных размышлений.

Насколько неотложна проблема Маргреты? Имел ли я тридцать или около того лет в запасе, чтоб досконально изучить ее душу и отыскать к ней наилучший подход? Или Армагеддон уже так близок, что каждый потерянный день мог обречь ее на мучения во веки веков?

У языческого Рагнарёка и христианского Армагеддона была общая черта: последней, решающей битве должны предшествовать знамения и чудеса. Может быть, мы стали их свидетелями? Именно так думала Маргрета. Тем временем мысль о смене миров как предвестнике Армагеддона стала для меня намного привлекательнее мысли о параноидном расстройстве. Может ли судно потерпеть крушение, а мир измениться только для того, чтобы не дать мне сверить отпечатки пальцев? Да, одно время я именно так и думал... но... слушай, Алекс, ты чересчур о себе возомнил.

(Или все-таки не возомнил?)

Я никогда не был приверженцем миллениаризма. В Библии, особенно в пророческих книгах, часто упоминается число «тысяча», но я не верю, что труды Всевышнего ограничены строгими рамками тысячелетних циклов или ка-

кими-то другими численными пределами, исключительно для того, чтобы ублажить нумерологов.

Однако же многие здравомыслящие и глубоко верующие люди придают колоссальное значение приближающемуся концу второго тысячелетия, связывая его с Судным днем, Армагеддоном и с обещанными последствиями. Они находят доказательства своей правоты в Библии, в размерах Великой пирамиды и в различных апокрифах.

Существует немало разногласий и в том, что именно считать концом тысячелетия. Двухтысячный год после Рождества Христова или две тысячи первый? Или конец наступит в три часа пополудни (по иерусалимскому времени) седьмого апреля две тысячи тридцатого года после Рождества Христова? Если, конечно, ученые верно определили дату Распятия Христа — а также время землетрясения в момент Его смерти — по общепринятому летосчислению. А может быть, выбор должен пасть на дату Страстной пятницы две тысячи тридцатого года после Рождества Христова, вычисленную по лунному календарю? Все это отнюдь не пустяки, если учитывать, сколь важный факт мы пытаемся установить.

Если же за точку отсчета тысячелетия принять не дату Распятия Христа, а дату Его Рождения, то станет очевидным, что ни двухтысячный год, ошибочно признаваемый началом нового тысячелетия, ни две тысячи первый, который собственно этим началом и является, не могут считаться надежными датами, так как *Иисус родился в Вифлееме в пятом году до Рождества Христова*.

Однако же об этом факте, известном каждому образованному человеку, почти никто не задумывается.

Каким образом величайшее событие в истории — рождение богочеловека — определили с ошибкой в пять лет? Это же непостижимо!

Очень даже просто! В шестом веке нашей эры монах-летописец допустил элементарную арифметическую ошибку. Современная система летосчисления (до Рождества Христова) стала применяться только спустя несколько столетий после Рождения Христа. Любой, кто когда-либо

пытался расшифровать даты на могильных плитах, написанные римскими цифрами, может только посочувствовать Дионисию Малому. В шестом столетии грамотных людей почти не было, и ошибку заметили лишь много лет спустя, но было уже поздно исправлять летописи. Таким образом, возникла нелепая ситуация: получается, что Христос рожден в пятом году до Рождества Христова, — этот ирландизм можно исправить лишь признанием того, что одна часть этого утверждения является фактом, а другая — результатом неверной системы летосчисления.

В течение двух тысяч лет ошибка доброго монаха не имела особого значения. Однако теперь она становится невероятно важной. Если миллениаристы правы, то конец мира может наступить *в день Рождества нынешнего года!*

Прошу заметить, что я не говорю «двадцать пятого декабря». День и месяц Рождества Христова точно не известны. Матфей пишет, что в те времена царем был Ирод. Лука утверждает, что кесарем был Август, а правителем Сирии — Квириний, и еще известно, что Иосиф с Марией отправились из Назарета в Вифлеем, чтобы принять участие в переписи и уплатить налоги.

Ни Священное Писание, ни римские летописи других дат не упоминают.

Получается, что, согласно взглядам миллениаристов, Страшный суд грянет либо через тридцать пять лет, либо... сегодня вечером.

Если бы не Маргрета, я бы особо не волновался, и не терял бы покой и сон. Но как можно спать, когда моя возлюбленная вот-вот угодит в преисподнюю, где ей уготованы вечные муки?

И как бы вы поступили на моем месте?

Вот и представьте себе, как я, босоногий, стою на осклизлом полу, перебиваю грязные тарелки, чтобы выплатить свои долги, и сосредоточенно размышляю о Сотворении мира и конце света. Зрелище, достойное осмеяния! Но ведь мытье тарелок не занимает голову — я, пожалуй, чувствовал себя даже лучше, мысленно грызя теологический сухарь.

Иногда я сравнивал свое жалкое положение с тем, в котором я находился еще недавно, и гадал — удастся ли мне отыскать через этот лабиринт путь назад — в те места, которые не так давно были моим домом?

А хочу ли я обратно? Там была Абигайль, и, хотя Ветхий Завет не порицает многоженство, в наших сорока шести штатах оно запрещено — с тех самых пор, как артиллерия армии Союза уничтожила оплот Антихриста в Солт-Лейк-Сити и под надзором той же армии с аморальными семейными отношениями было покончено.

Отказаться от Маргреты ради Абигайль — слишком высокая цена за то, чтобы вернуть себе положение уважаемого и достойного человека. И все-таки я любил свою прежнюю работу и наслаждался плодами своих трудов. В этом году наш фонд — некоммерческий Церковный альянс за пристойность — добился огромных успехов. Определение «некоммерческая» вовсе не означает, что такая организация не в состоянии платить своим сотрудникам приличное жалование и даже премиальные; в заслуженный отпуск я отправился, завершив самый успешный в нашей истории сбор пожертвований — мое личное достижение, ведь как заместитель директора я прежде всего отвечал за то, чтобы наша казна была полна.

Однако еще большее удовлетворение я испытал от возделывания нашего общего виноградника, ибо сбор пожертвований — пустое дело, если программы морального оздоровления общества не достигают поставленных целей.

В прошлом году нами были получены следующие положительные результаты:

а) принят федеральный закон, который признал аборты особо тяжким преступлением, караемым смертной казнью;

б) другой федеральный закон признал изготовление, продажу, хранение, импорт, перевозку и (или) использование любых противозачаточных средств преступлением, влекущим за собой обязательное тюремное заключение на срок не менее одного года и одного дня, но не больше двадцати лет за каждый из этих проступков в отдельности; он

же исключил ханжескую хитроумную статью, разрешавшую все перечисленные выше ради «предохранения от заблуждений»;

в) принят федеральный закон об азартных играх, который, хотя и не запретил их полностью, передал в ведение федеральных властей как осуществление надзора над ними, так и выдачу лицензий. И на заложенном нами основании мы постепенно, шаг за шагом, исцелим губительные язвы Невады и Нью-Джерси. Разделяй и властвуй!

г) принято решение Верховного суда по иску, в котором мы выступали *amicus curiae*¹, согласно которому моральные и нравственные устои, типичные для среднестатистических населенных пунктов распространялись на все города во всех штатах («Томкинс против „Союза агентов по распространению новостей“»);

д) достигнут реальный прогресс в наших усилиях отнести табак к лекарственным препаратам, отпускаемым по рецептам; наши искусные маневры привели к учреждению особой категории «веществ, предназначенных для сжигания и вдыхания», что исключило из нее жевательный и нюхательный табак;

е) достигнут прогресс на общегосударственном ежегодном молитвенном собрании в отношении некоторых вопросов, представляющих для меня личный интерес. Один из них — как лишить права на освобождение от налогов частные учебные заведения, не находящиеся в ведении каких-либо христианских сект. Программа этих мер пока находится в процессе разработки из-за весьма деликатной ситуации с католическими школами. Следует ли нам взять их под свое покровительство? Или уже пришло время нанести им решительный удар? Вопрос о том, кто для нас католики — союзники или враги, — до сих пор остается важной проблемой, особенно для тех, кто находится, так сказать, на линии огня.

Не менее острой была и еврейская проблема. Возможно ли ее гуманное решение? Если нет — то как быть? Не

¹ Здесь: в качестве организации, поддерживающей иск (лат.).

пора ли взять быка за рога? Впрочем, эту тему обсуждали только *in camera*¹.

Другим важным делом являлся мой собственный любимый проект: сокрушение астрономов. Мало кто из мирян понимает, какой огромный вред наносят астрономы. Я впервые понял это, еще когда учился в инженерном колледже, где мне пришлось прослушать курс описательной астрономии, введенный в учебную программу для всестороннего расширения кругозора студентов. Дайте астроному телескоп побольше, предоставьте полную свободу действий, оставьте его без должного надзора, и первое, что он сделает, — выступит перед вами с глительными и нелепыми предположениями, отвергающими древние истины Книги Бытия.

Есть только один способ борьбы с этим видом заразы — ударить по карману! Пересмотреть понятие «учебно-просветительской деятельности», с тем чтобы избавиться от совершенно ненужных и бесполезных астрономических обсерваторий. Придать лишь одной Военно-морской обсерватории статус свободной от налогообложения, сократить ее штат, ограничить деятельность исключительно навигацией (самые богохульные и подрывные теории сочиняют государственные чиновники, подвизавшиеся на постоянных штатных должностях, что оставляет им слишком много свободного времени).

Ученые самозванцы вообще любят мутить воду, а уж астрономы — просто беда.

Еще один вопрос, который поднимается регулярно на каждом ежегодном молитвенном собрании и на который мне не хочется терять ни времени, ни денег, — вопрос о «правах женщин». Истерички, именующие себе суфражистками, никакой опасности не представляют, так как победу они никогда одержать не смогут, но именно данное обстоятельство дает им основание чувствовать себя важными шишками и требовать к себе особого внимания. Сажать их в тюрьмы не надо. Не надо и выставлять в колодках. Ни

¹ При закрытых дверях (*лат.*).

в коем случае нельзя позволять им обрести личину мучениц. Их следует просто игнорировать.

Были и другие в высшей степени привлекательные проблемы, которые я не считал нужным включить в повестку собрания и отвергал их выдвижение с мест на тех заседаниях, где я выступал председателем. Вместо этого я внес их в список «возможных тем для обсуждения в будущем году». Вот они.

Раздельное школьное образование для мальчиков и девочек.

Восстановление смертной казни за колдовство и сатанизм.

Аляска как решение негритянской проблемы.

Федеральный контроль проституции.

Как решить проблему гомосексуализма? Наказаниями? Операциями? Или как?

Хранителей общественной морали и нравственности дожидается бесчисленное количество добрых начинаний — вопрос лишь в том, в какой очередности их брать и как решать, к вящей славе Господней.

Увы, похоже, что всеми этими проблемами, как бы увлекательны они ни были, я, скорее всего, уже никогда не займусь. Подсобный рабочий, который только начинает овладевать местным языком (уверен, что в форме, крайне далекой от грамматического изящества), вряд ли сможет приобрести политическое влияние. Поэтому я перестал беспокоиться об этой стороне жизни и сконцентрировался на проблемах насущных: на ереси Маргреты и на еще более актуальном, хотя и менее важном вопросе — как нам покончить с положением пеонов и отправиться на север.

Мы прослужили уже более ста дней, когда я попросил дону Хайме помочь мне вычислить точную дату нашего освобождения от контрактных обязательств... иными словами, в вежливой форме сказал ему следующее: уважаемый босс, как только наше время истечет, мы драпанем отсюда быстрее вспугнутого зайца. Исходите из этого в своих дальнейших планах.

По моим расчетам в подневольном труде мы должны были провести ровно сто двадцать один день... но дон Хайме нанес мне такой удар, что я чуть было не позабыл все вызубренные испанские слова — он насчитал сто пятьдесят восемь дней!

То есть нам оставалось больше пяти недель, а я-то думал, что мы освободимся от своей повинности уже на следующей неделе!

Я запротестовал, заметив, что наши совокупные обязательства, определенные судом, исходя из суммы, уплаченной за нас на торгах (шестьдесят песо в день Маргрете и половина этой суммы мне), в пересчете на время дают сто двадцать один день... из которых мы уже отработали сто пятнадцать.

— Нет, не сто пятнадцать, а девяносто девять. — Он протянул мне календарь, предложив проверить самому. Тут-то и выяснилось, что наши чудесные вторники никак не содействовали сокращению сроков рабства. Во всяком случае, так сказал патрон. — А кроме того, Алехандро, — добавил он, — ты забыл учесть проценты на еще невыплаченный долг, инфляционный фактор, взысканные с меня налоги, а также ваши добровольные пожертвования в больницу при церкви Богоматери Всех Печалей. Если бы ты заболел, я же должен о тебе заботиться, а?

(И в самом деле. Разумеется, обо всем вышеперечисленном я не задумывался, хотя и считал, что патрон и впрямь должен заботиться о своих пеонах.)

— Дон Хайме, в тот день, когда вы выкупили наши долговые обязательства, секретарь суда объяснил мне смысл моего контракта и сказал, что его срок составляет сто двадцать один день. Он так мне и сказал!

— Тогда иди к секретарю и разбирайся с ним. — Дон Хайме повернулся ко мне спиной.

Я несколько поостыл. Сейчас дон Хайме ничуть не пугала моя возможная беседа с секретарем суда, хотя до этого он явно не желал, чтобы Маргрета обращалась в суд по поводу чаевых. Я сообразил, что он хорошо разбирается в контрактном праве, а потому не боится, что судья или секретарь уличат его в каких-то махинациях.

С Маргретой мы обсудили это только поздно ночью, оставшись наедине.

— Марга, как я мог так ошибиться? Я думал, что секретарь суда все точно подсчитал, прежде чем завизировать наше долговое обязательство. Сто двадцать один день. Верно?

Она ответила не сразу. Я не унимался:

— Ты же сама мне это сказала!

— Алек, несмотря на то что теперь я думаю на английском, а в последнее время — на испанском, при счете я обычно перехожу на датский. По-датски число шестьдесят звучит «tres», а то же слово в испанском значит «три». Понимаешь, как легко мне было ошибиться. Я не помню, что именно я тебе сказала: «ciento y veintiuno» или «ciento y sesentiuno»¹ — так как помню числа по-датски, а не по-английски или по-испански. Но я думала, что ты сам все проверил.

— Да, конечно. Разумеется, секретарь суда не сказал: «сто двадцать один день», — насколько я помню, он вообще не пользовался английским языком. Я же в то время совсем не знал испанского. Сеньор Муньес все объяснил тебе, ты перевела мне, а позже я сделал арифметический подсчет, который, видимо, подтвердил то, что сказал секретарь... или то, что ты сказала... Тьфу ты! Совершенно запутался!

— Тогда почему бы нам не отложить все это до разговора с сеньором Муньесом?

— Марга! Неужели тебя не огорчает перспектива рабски вкалывать в этой дыре еще целых пять недель?

— Конечно огорчает, но не так сильно, как тебя. Алек, я ведь работала всю жизнь. Работать на пароходе было тяжелее, чем учительствовать, но зато я путешествовала и видела чужие страны. Работать здесь официанткой немного тяжелее, чем убирать каюты на «Конунге Кнуте», но зато мы с тобой вместе, и это с лихвой компенсирует все остальное. Да, я хочу уехать отсюда к тебе на родину, но, поскольку там не моя родина, я не так жажду покинуть этот город, как ты. Сейчас для меня родина там, где ты.

¹ Сто двадцать один; сто шестьдесят один (*исп.*).

— Дорогая, ты рассуждаешь так логично и резонно, что мне впору на стену лезть.

— Алек, прости, я не нарочно. Я просто хочу, чтобы мы об этом больше не волновались — во всяком случае, до встречи с сеньором Муньесом. А сейчас я разотру твою бедную спину, чтобы ты расслабился как следует.

— Мадам, вы меня убедили. Но только если прежде вы разрешите мне растереть ваши бедные усталые ножки.

Мы сделали и то и другое. Ах, «я не стану и думать о рае ином».

Нищие не выбирают. Утром следующего дня я встал пораньше, повидал судебного курьера и узнал, что не смогу встретиться с секретарем суда, пока не кончится сегодняшнее заседание. Пришлось предварительно договориться о встрече во вторник, в конце рабочего дня. «Предварительно» — то есть мы обязательно подойдем к зданию суда, а секретарь на себя подобного обязательства не берет (возможно, все же он там будет, *Deus volent*¹).

Так что во вторник мы, как всегда, отправились на пикник, ибо увидеться с сеньором Муньесом можно было не раньше четырех. Однако мы обулись и оделись как для воскресного богослужения, а не для пикника, а вдобавок утром приняли душ, я сбрил шетину и облачился в костюм — подарок дона Хайме, — хоть и ношенный, но чистый и отглаженный, что в целом выглядело намного лучше, чем обтрепанные штаны из запасов береговой охраны, в которых я обычно стоял у мойки. Маргрета надела свой яркий наряд, полученный в первый день пребывания в Массатлане.

Мы очень старались не вспотеть и не запылиться. Трудно сказать, почему мы считали это столь важным. Видимо, мы оба полагали, что неприлично появляться в суде в обносках.

Как обычно, сначала мы отправились к фонтану, повидаться с нашим приятелем Пепе, а потом собирались сделать крюк и подняться на холм. Пепе приветствовал нас,

¹ Если захочет Бог (лат.).

как приветствуют близких друзей, и мы обменялись вежливыми фразами, которые восхитительно звучат по-испански, но практически непереводимы на английский. Ежедневный визит к Пепе по существу заменял нам светскую жизнь. Мы многое о нем узнали — от Аманды, не от него, — и я проникся к нему еще большим уважением.

Поначалу я думал, что Пепе безногий от рождения. Оказалось, что когда-то он был водителем грузовика, перевозил товары через горы, в Дуранго и дальше. Затем случилась авария, и Пепе пролежал больше двух суток, придавленный тяжелой фурой. Когда его вытащили из-под колес, он не подавал признаков жизни. В больницу Богоматери Всех Печалей его доставили при смерти.

Однако Пепе оказался крепким малым. Через четыре месяца его выписали из больницы. Местные жители собрали деньги на инвалидную колясочку. Пепе получил лицензию бродячего торговца, обосновался у фонтана, где быстро стал другом всех проституток и всех «донов», и с заразной улыбкой принимал все удары судьбы.

Как водится, мы поговорили о самочувствии, о делах и о знакомых, а когда собрались уходить, я протянул приятелю бумажку в одно песо.

Он, однако, тут же вернул ее:

— Двадцать пять сентаво, мой друг. У вас нет мелочи? Хотите, я вам разменяю?

— Пепе, друг мой, прошу вас, примите от нас этот скромный подарок.

— Нет, нет, нет! У туристов я с удовольствием выманию даже золотые зубы, а потом выпрошу еще что-нибудь. С вас, мой друг, только двадцать пять сентаво.

Я не посмел настаивать. В Мексике у мужчин есть гордость; ее нет только у покойников.

Высота *el Cerro de la Neveria* — около ста футов. Мы поднимались медленно, я шел не спеша, чтобы Маргрета не устала. По некоторым признакам я заподозрил, что она ждет ребенка, но, поскольку сама она меня об этом пока не известила, я не считал возможным об этом заговаривать.

Мы отыскиали наше излюбленное местечко, где можно было расположиться в тени небольшого деревца и откуда открывалась великолепная круговая панорама: на северо-западе — Калифорнийский залив, на западе — Тихий океан, а вдаль, на горизонте, — облака, венчавшие горную вершину на мысе Баха-Калифорния, в двухстах милях отсюда. На юго-западном побережье дивный пляж *Playa de las Olas Atlas* тянулся к *Cerro Vigia* (Сторожевому холму) и дальше, к *Cerro Creston* на оконечности полуострова, где высился гигантский маяк «el Faro». За южной окраиной города виднелся причал береговой охраны.

На востоке и северо-востоке вздымались горы, а в ста пятидесяти милях за ними притаился Дуранго. Сегодня стояла такая ясная погода, что, казалось, протяни руку — и коснешься горных склонов.

Масатлан раскинулся у подножья холма, как модель игрушечного городка. Величественный собор выглядел архитектурным макетом, и я в который раз поразился тому, что католики с их нищей паствой ухитряются возводить столь чудесные храмы, а вот протестанты, которых ничуть не меньше, с трудом собирают средства на постройку куда более скромных зданий.

— Смотри, Алек! — воскликнула Маргрета. — У Анибала и Роберто новый *aeroplano*! — Она показала рукой вдаль.

Действительно, у причала береговой охраны стояли два *aeroplanos*. Один из них — та самая огромная гротескная стрекоза, которая спасла нам жизнь; новый же — совсем другой. Сначала мне показалось, что он тонет у причала: поплавки, на которых садилась на воду первая машина, у второй начисто отсутствовали.

Потом я понял, что новый аппарат — в полном смысле слова летающая лодка. Корпус *aeroplano* сам по себе был поплавком или лодкой водонепроницаемой конструкции. Моторы с пропеллерами крепились над крыльями.

Я с недоверием отнесся к столь радикальным изменениям. Скромная надежность аппарата, в котором мы уже летали, нравилась мне гораздо больше.

— Алек, давай навестим их в следующий вторник.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, Анибал предложит нам полетать на новом *aeroplano*?

— Только если об этом не будет знать команданте. — Я не стал говорить, что новый аппарат показался мне не слишком надежным; Маргрета отличалась редким бесстрашием. — Но мы зайдем к Анибалу, попросим показать нам новую машину. Лейтенанту это понравится. Роберто тоже. Ну, доставай еду.

— Ах ты, поросенок, — ответила она, разостлала *servi-letta*¹ и начала выгружать еду из корзины.

Вторники давали Маргрете возможность разнообразить великолепную мексиканскую кухню Аманды своими датскими или другими заграничными блюдами. Сегодня она приготовила датские бутерброды, которые обожают и сами датчане, и все, кому выпало счастье отведать это угощение. Аманда разрешила Маргрете хозяйничать на кухне, а сеньора Валера не вмешивалась, да и вообще не заходила на кухню — судя по всему, они с поварихой заключили вооруженное перемирие задолго до того, как в ресторане появились мы. Аманда была женщиной с характером.

Сегодня бутерброды были с вкуснейшими креветками, которыми славится Масатлан, но креветки оказались лишь началом... Помнится, была еще ветчина, индейка, хрустящий бекон, майонез, три сорта сыра, несколько видов солений, крохотные перчики, какая-то неизвестная мне рыба, тончайшие ломтики говядины, свежие помидоры, томатная паста, три сорта зеленого салата и что-то наподобие баклажанов во фритюре. Уф! К счастью, для того, чтобы наслаждаться едой, вовсе незначает знать, как именно это приготовлено. Маргрета выкладывала передо мной бутерброды, а я с восторгом поглощал все подряд, независимо от того, знал я, что ем, или нет.

Часом позже у меня началась сытая отрыжка, которую я старательно пытался скрыть.

— Маргрета, я сегодня уже говорил, что люблю тебя?

¹ Салфетка (*исп.*).

— Говорил, но уже давно.

— Обожаю. Ты не только прекрасна, очаровательна и отличаешься весьма привлекательными пропорциями, ты еще и дивно готовишь.

— Благодарю вас, сэр.

— Не угодно ли вам, чтобы я восхитился еще и вашим интеллектуальным совершенством?

— Пожалуй, нет. Это необязательно.

— Как вам будет угодно. Если передумаешь, скажи. Перестань возиться с остатками — я все потом уберу. Лучше ложись рядышком и объясни, почему ты продолжаешь жить со мной? Уж точно не из-за моих кулинарных способностей. Неужели все-таки потому, что я лучший судомой на всем западном побережье Мексики?

— Именно поэтому.

Она привела место нашего пикника в первозданное состояние, а все остатки еды сложила в корзинку, чтобы потом отдать Аманде.

После этого Маргрета легла рядом со мной, положила мне под шею руку и вдруг с тревогой подняла голову:

— Что это?

— Что...

Я прислушался. Отдаленный гул нарастал, будто откуда-то из-за поворота на полном ходу приближался тяжелый грузовой состав. Однако же ближайшая ветка железной дороги проходила с севера на юг, от Чиуауа к Гвадалахаре, то есть очень-очень далеко от полуострова Масатлан.

Гул нарастал. Вздрыгнула земля. Маргрета села.

— Алек, мне страшно.

— Не бойся, родная. Я с тобой.

Я притянул ее к себе и прижал крепко-крепко. Земля ходила под нами ходуном, а глухой гул превратился в невообразимый рев.

Тот, кто хоть однажды испытал землетрясение, пусть даже слабенькое, поймет наши чувства лучше всяких описаний. А тот, кто землетрясения не испытывал, не поверит никаким словам, и чем точнее я попытаюсь описать слу-

чившееся, тем больше вероятности, что все это примут за выдумку.

Самое худшее в землетрясении то, что ухватиться совершенно не за что... а самое пугающее — шум, адская какофония чудовищных звуков: треск разламывающихся камней, какой-то хруст и скрежет, грохот обвалов, испуганные крики, вопли, плач, стоны раненых и жуткие завывания животных, обезумевших в буйстве стихии.

И все это безостановочно.

Это длилось целую вечность. А потом нас потрянул главный толчок, и город рухнул.

Я все это слышал. Оглушительный шум многократно усилился. Я с трудом приподнялся на локте и взглянул на город. Купол собора лопнул как мыльный пузырь.

— Ох, Марга! Ты только глянь! Нет, не смотри — это слишком страшно!

Она привстала, не проронив ни слова; ее лицо было лишено всякого выражения. Я покрепче обнял ее и бросил взгляд на полуостров — туда, за *Cerro Vigia* — на маяк.

Маяк лениво кренился.

Потом он надломился, почти посередине, и медленно, с каким-то странным достоинством, обрушился на землю.

Стоящие на якорях *aeroplanos* береговой охраны отплясывали неистовый танец на волнах. Новый черпнул воду крылом, его захлестнуло... и тут я потерял его из виду. Над городом повисло густое пылевое облако — тысячи тонн обломков кирпичей и бетона смолело в порошок.

Я отыскал взглядом наш ресторан: «El Restaurante Pancho Villa». Стена, на которой красовалась вывеска, растрескалась и обвалилась, засыпав обломками улицу. Облако пыли застлало все вокруг.

— Маргрета! Ресторан! «Панчо Вилья»! Его больше нет.

— Ничего не вижу.

— Его больше не существует, говорю тебе! Разрушен! Ох, слава богу, ни Аманды, ни девочек там сегодня не было.

— Да, Алек, это когда-нибудь прекратится?

Внезапно все прекратилось — внезапнее, чем началось. Пыль чудом исчезла; не было ни шума, ни криков раненых и умирающих, ни завываний животных.

Маяк стоял на месте. Я взглянул влево от него, надеясь увидеть пришвартованные *aeroplanos*, — и ничего не увидел. Не было даже вбитых в дно свай, к которым они крепились. Я взглянул на город — все спокойно. Собор цел и по-прежнему прекрасен.

Я поискал глазами вывеску «Панчо Вилья».

Ее не было. Знакомое здание на углу выглядело чуть иначе: его форма изменилась, окна тоже были другими.

— Марга, где же ресторан?

— Не знаю. Алек, что происходит?

— Снова они, — с горечью сказал я. — Те, кто меняют миры. Землетрясение кончилось, но это не тот город, где мы жили. Он похож на него, но другой.

Я был прав лишь отчасти. Мы еще не решили, спуститься ли нам, как вдруг снова послышался гул. Все качнулось. Гул многократно возрос, земля задрожала — и этот город *тоже* рухнул. Снова надломился и упал высокий маяк. Снова рассыпался, оседая, величественный собор. Снова взметнулись к небу клубы пыли, снова раздались крики и вой.

Я поднял сжатые кулаки и погрозил небесам:

— Проклятие Господне! Ну сколько можно?! Два раза подряд — это уже перебор!

И гром не убил меня.

Видел я все дела, какие делаются под солнцем,
и вот, все — суета и томление духа!

Книга Екклесиаста, 1: 14

Следующие три дня я опишу вкратце — в них не было ничего хорошего. «И была кровь на улицах, и прах». Оставшиеся в живых — те, кто не был изувечен, не потерял рассудок от горя, не впал в апатию или в истерику, не обессилел, короче говоря, горсточка — бродили среди развалин, стараясь отыскать уцелевших под грудами кирпичей, камней и известки. Но можно ли голыми руками разгрести тонны обломков?

И что делать, когда, добравшись до них, вдруг обнаруживаешь, что опоздал, что поздно было уже в тот самый миг, когда ты принялся за дело? Мы услышали жалобный писк, тихий, как мяуканье котенка, и стали осторожно разбирать завал, оттаскивать в сторону камни, чтобы не причинять лишних страданий засыпанному существу. В конце концов мы добрались до источника звука. Младенец, только что испутивший дух. Позвоночник перебит, голова проломлена. «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень». Я отвернулся, и меня вырвало. Никогда больше не стану читать псалом сто тридцать седьмой.

Ночь мы провели на склоне Ледникового холма. После захода солнца пришлось прекратить работу — в темноте это было бесполезно. К тому же повсюду рыскали мародеры. Я глубоко убежден, что каждый мародер — потенциальный насильник и убийца. Я был готов умереть за Маргрету, если нужно, однако не имел ни малейшего желания умирать храбро, но без толку, в схватке, которой можно избежать.

На следующее утро прибыла мексиканская армия. Перед ее приходом мы снова разгребали руины. Не стану говорить, что мы там находили. Солдаты положили этому конец. Все гражданское население согнали на полуостров, подальше от разрушенного города, к железнодорожной станции за рекой. Там мы и ждали — новоиспеченные вдовы, мужья, только что лишившиеся жен, осиротевшие дети, раненые на самодельных носилках, люди с увечьями, но не потерявшие способности двигаться, люди без видимых ранений, но с пустым взором и безмолвные. Маргрете и мне повезло; мы мучились голодом и жаждой, перепачкались, и во время землетрясения набили себе синяков. Поправка: во время двух землетрясений.

Интересно, кто-нибудь испытал *два землетрясения подряд*?

Я не рисковал расспрашивать об этом. Похоже, я был уникальным свидетелем смены миров; Маргрета дважды переносилась со мной, потому что оба раза я крепко прижимал ее к себе. Были ли еще свидетели? А вдруг на «Конунге Кнута» тоже были те, кто, как и я, старательно держал язык за зубами? Как спросить? «Извините, амиго, это тот самый город, что был тут вчера?»

Мы прождали на железнодорожной станции часа два; потом подъехала армейская цистерна, и каждому беженцу выдали по жестяной кружке воды. Солдат с примкнутым штыком наводил в очереди порядок.

На закате снова приехала машина с водой и буханками хлеба. Маргрета и я получили четверть буханки на двоих. Чуть позже же на станцию задним ходом подали состав; солдаты загоняли людей в вагоны, из которых одновременно что-то выгружали. Марге и мне повезло: нас втолкнули в пассажирский вагон — большинство остальных попали в товарные.

Поезд пошел на север. Нас не спрашивали, хотим мы туда ехать или нет; у нас не требовали денег за проезд; Масатлан эвакуировали целиком. До тех пор, пока не восстановят систему водоснабжения, Масатлан будет принадлежать только крысам и мертвецам.

Нет смысла описывать наше путешествие. Поезд шел, мы страдали. В Гуаймаса железнодорожная ветка круто сворачивала с побережья вглубь материка, а потом тянулась через Сонору до Аризоны, по местности необыкновенной красоты, но у нас не было сил любоваться чудесными видами. Мы спали, сколько могли, а остальное время притворялись спящими. На остановках люди покидали поезд, хотя полиция старалась загонять их обратно. В Ногалес (Сонора) состав пришел полупустым. Остальные, в том числе и мы, решили ехать до того Ногалеса, что в Аризоне.

На третьи сутки после землетрясения, чуть позже полудня, состав подошел к пограничной заставе.

Нас согнали в здание контрольно-пропускного пункта, расположенного сразу же за линией границы, и человек в мундире произнес речь по-испански:

— Добро пожаловать, амигос! Соединенные Штаты рады помочь своему соседу в дни испытаний. Иммиграционная служба США упростила процедуру, так что с вами быстро разберутся. Сначала вам предлагается пройти дезинсекцию, затем вы получите грин-карты сверх квоты — вид на жительство, дающий право работать на территории Соединенных Штатов. Найти работу вам помогут агенты по найму, они ждут вас за воротами контрольно-пропускного пункта. Там же развернуты походные кухни. Если вы голодны, подходите, дядя Сэм вас угостит! Добро пожаловать в *Los Estados Unidos*!¹

Некоторые стали задавать вопросы, а мы с Маргретой сразу же поспешили к дверям «вошебойки». Мне было отвлечительно само название этой санитарной процедуры. Требование пройти дезинсекцию подразумевало, что мы завшивели. Да, мы были немывтыми оборванцами, вдобавок у меня отросла трехдневная щетина... Но вши?!

Вполне возможно, что вши тоже были. После суток в развалинах и двух суток среди немывтых тел, в вагоне, не

¹ Соединенные Штаты (*исп.*).

блиставшем чистотой, можно ли поручиться, что на мне нет паразитов?

«Вошебойка» оказалась не такой уж ужасной. Процедура представляла собой мытье в душе под наблюдением санитаров, которые по-испански требовали, чтобы волосяной покров тщательно обрабатывали специальным жидким мылом. В это время наша одежда проходила нечто вроде стерилизации или окуливания — по-моему, в автоклаве; с четверть часа я нагишом дождался, пока мне ее вернут, и с каждой минутой злился все больше.

Однако, одевшись, я перестал сердиться, так как понял, что никто меня намеренно не унижал, просто когда приходится в спешке разбираться с толпами народа, любая процедура почти наверняка задевает человеческое достоинство. (Мексиканские беженцы тоже восприняли ее как оскорбительную: до меня доносились возмущенные перешептывания.)

Затем мне опять пришлось ждать — на сей раз Маргрету.

Она вышла из двери женского отделения, увидела меня, улыбнулась, и все вокруг изменилось как по волшебству. И как ей удалось, выйдя из «вошебойки», выглядеть одетой с иголочки?

Она подошла ко мне и сказала:

— Ох, ты меня давно ждешь, дорогой? Извини, пожалуйста. Там нашлись утюг и гладильная доска, и я привела одежду в порядок. А то из стирки ее вернули какой-то пожеванной.

— Нет, недолго, — соврал я. — Ты очаровательна! — (А вот это уже правда!) — Пойдем обедать? Правда, боюсь, что это еда, приготовленная в полевой кухне.

— По-моему, сначала надо заполнить какие-то документы.

— А давай сначала воздадим должное благотворительному обеду. Грин-карты нам не нужны — их выдают только мексиканцам. А мне надо будет объяснить отсутствие паспортов.

Еще в поезде я все продумал и согласовал с Маргретой. Вот что я предложил сообщить властям о нашей судьбе: мы туристы, жили в *Hotel de las Olas Atras*, на побережье. Когда началось землетрясение, мы были на пляже. ОТЕЛЬ разрушился, мы потеряли одежду, деньги, паспорта — короче говоря, все. Нам повезло, мы остались живы. Та одежда, что на нас, выдана мексиканским Красным Крестом.

У этой истории было два преимущества: *Hotel de las Olas Atras* действительно был разрушен, а остальную часть рассказа проверить было трудно.

Вскоре выяснилось, что для получения обеда необходимо выстоять в очереди за «зелеными картами». В конце концов мы добрались до стола. Человек, сидевший за столом, сунул мне под нос анкету и сказал по-испански:

— Сначала напишите печатными буквами фамилию и имя, потом адрес. Если дом разрушен землетрясением, укажите это и дайте адрес брата, отца, священника, кого угодно, чей дом сохранился.

Тут я завел свою песню. Человек поднял на меня глаза и сказал:

— Амиго, вы задерживаете очередь.

— Но мне не нужна грин-карта, — ответил я. — Я не хочу ее получать. Я американский гражданин, возвращаюсь из-за границы и пытаюсь втолковать вам, почему у меня нет паспорта. То же самое относится и к моей жене.

Он побарабанил пальцами по столу и сказал:

— Послушайте, по вашей манере говорить видно, что вы настоящий американец. Вернуть вам пропавший паспорт я не могу. У меня на очереди еще триста пятьдесят беженцев, вот-вот прибудет еще один состав. Так что мне здесь торчать до двух часов ночи? Сделайте мне одолжение, получите грин-карту. Она не кусается, зато позволят въехать в страну. А завтра начнете бодаться с государственным департаментом относительно паспорта, а со мной не надо. О'кей?

Я глуп, но не упрям.

— О'кей.

В качестве своего мексиканского поручителя я назвал дона Хайме. Мне кажется, он нам много задолжал. Его адрес имел еще то преимущество, что находился совсем в другой вселенной.

В походной кухне и кормили по-походному, но мы проголодались, а вдобавок впервые за несколько месяцев я снова ел американские блюда. Сочное красное яблоко на десерт показалось мне необычайно вкусным. Незадолго до заката мы очутились на улицах Ногалеса — свободные, чистые, сытые и в Соединенных Штатах на законных — или почти законных — основаниях. Нам было на тысячу процентов лучше, чем той голой парочке, которую подбирали в океане семнадцать недель назад.

И все же мы были пасынками судьбы — без денег, без пристанища, без личных вещей; вдобавок трехдневная щетина на щеках и одежда, пропущенная через автоклав — или как его там? — придавали мне облик типичного обитателя трущоб.

Больше всего досаждало безденежье, ведь у нас были накоплены деньги — чаевые, припрятанные Маргретой. Но на банкнотах, там, где должно быть написано «*Republica*»¹, стояло слово «*Reino*»², а на монетах — вовсе не те лица, которым полагалось быть. Возможно, монеты и представляли какую-то ценность из-за содержания серебра, но на местную валюту их все равно не обменяют. Да и вообще, любая попытка пустить эти деньги в ход чревата большими неприятностями.

Сколько мы потеряли? Увы, обменного курса между вселенными не существует. Конечно, можно сравнить покупательную способность денег — столько-то дюжин яиц или столько-то кило сахара. Но какой в этом смысл? Сколько бы там ни было, мы все равно лишились своих денег.

Такие расчеты были бы ничуть не лучше той ерунды, которой я развлекался в Масатлане. Там, будучи владыкой

¹ Республика (*исп.*).

² Королевство (*исп.*).

подсобки, я писал письма: а) боссу Алекса Хергенсхаймера, преподобному Дэнди Дэнни Доверу, доктору богословия, директору Церковного альянса за пристойность; б) адвокатам Алека Грэхема в Далласе.

Ни на одно письмо ответа не последовало, ни одно из них ко мне не вернулось. Именно этого я и ожидал, так как ни Алек, ни Александр не происходили из мира, где существуют летательные машины — *aeroplanos*.

Попробую сделать то же самое, но надежды мало: я уже знал, что новый мир чужд нам обоим — и Хергенсхаймеру, и Грэхему. Откуда мне это известно? До прибытия в Ногалес особых отличий я не замечал, но здесь, в пропускном пункте, был — только не падайте со стула! — *телевизор*! Красивый большой ящик со стеклянным окошком в передней стенке, а в окошке — движущиеся изображения людей... и живая речь.

Либо в вашем мире есть такое изобретение и вы считаете его чем-то обыденным, либо живете в мире, который ничего подобного не знает, и тогда вы мне не поверите. Так вот, узнайте же из моих уст — ведь меня тоже заставили поверить в нечто такое, во что, вообще-то, поверить невозможно, — такое изобретение существует. Есть мир, в котором оно столь же обычно, как велосипед, и называется «телевидение», а иногда «телек», или «видео», или даже «ящик для идиотов». И если бы вы знали, для каких целей подчас используется это великое чудо, вы бы тут же поняли, какой глубокий смысл имеет последнее название.

Если вы окажетесь совершенно без денег в чужом городе, где у вас нет ни одной знакомой души, и вы не хотите обращаться в полицию, равно как и не желаете быть избитым и ограбленным, есть только одно заведение, где можно получить столь необходимую вам помощь. Обычно оно соседствует со значными местами на окраине городских трущоб.

Армия спасения.

Заполучив телефонный справочник, я моментально нашел номер телефона Армии спасения. (Однако пришлось

пошевелить мозгами, чтобы понять, как обращаться со здешними телефонными аппаратами. Предупреждение путешественникам между мирами: мелкие изменения зачастую обескураживают сильнее, чем большие.)

Через двадцать минут, разок повернув не в ту сторону, мы с Маргретой добрались до миссии. Прямо на тротуаре стояли четверо: один с валторной, другой с большим барабаном и двое с тамбуринами — и вокруг уже собиралась толпа. Музыканты исполняли «Благодатную скалу», и получалось совсем неплохо, но чувствовалось, что им не хватает баритона, и у меня возник соблазн к ним присоединиться.

За несколько шагов до дверей миссии Маргрета вдруг остановилась и потянула меня за рукав:

— Алек... может, не надо?

— А? В чем дело, родная? Мы же договорились...

— Нет, сэр. Вы сами изволили все решить.

— Мм... Да, возможно. Тебе не хочется идти в Армию спасения?

Она тяжело вздохнула:

— Алек... я не была в церкви с тех пор... с тех пор, как покинула лютеранскую веру. По-моему, сейчас мне туда идти грешно.

(Господи, да что же мне делать с этим ребенком? Она отступница не потому, что язычница... но потому, что живет по заповедям строже Твоих. Вразуми, Господи, и, умоляю, поспеши!)

— Любимая, если ты считаешь, что это грешно, мы не пойдем. Но скажи, что нам делать? Других предложений у меня нет.

— А... Алек, нет ли здесь других заведений, куда могут обратиться те, кто попал в беду?

— Есть, конечно. В таком большом городе обязательно найдутся несколько приютов Католической церкви. Должны быть и протестантские. Возможно, найдется и иудейский. И...

— Нет, я имею в виду те, что никак не связаны с религией.

— Ах вот как. Маргрета, поскольку это вовсе не моя родина, тебе об этом месте известно ровно то же, что и мне. Возможно, тут и существуют ночлежки для бездомных, не имеющие отношения к церкви. Правда, особой уверенности в этом нет, так как церкви стремятся монополизировать это поле деятельности, тем более что никто другой им особо не интересуется. Если б сейчас было утро, а не вечер, я бы искал какой-нибудь благотворительный фонд или учреждение, где оказывают помощь на общественных началах, или что-то в этом роде, — и что-нибудь из этого мы непременно обнаружили бы. Но сейчас... В это время суток за помощью можно обращаться только к полицейскому... Но я знаю заранее, как поступит коп вот в этой части города, когда услышит, что тебе негде переночевать. Он укажет тебе дорогу в эту же самую миссию. В добрую старую Армию.

— В Копенгагене, Стокгольме или Осло я бы пошла прямо в главное полицейское управление. Там всегда помогают в беде, а если попросить, то примут на ночлег.

— Придется напомнить тебе, что это не Дания, не Швеция и не Норвегия. Здесь полицейские нас тоже приютят: меня запрут в вытрезвителе, а тебя — в камеру с проститутками. А наутро могут обвинить в бродяжничестве. Или отпустят. Это уж как повезет.

— Неужели в твоей Америке все так сурово?

— Не знаю, любимая, это не моя Америка. Но я не хотел бы выяснять различия столь рискованным путем. Любимая... а грешно ли заночевать в Армии спасения, если я отработаю все, что нам тут дадут?

Маргрета добросовестно обдумала сказанное: главный ее недостаток — полное отсутствие чувства юмора. Чудесный характер — есть. Детская способность с восторгом включаться в любую игру — сколько угодно. Чувство юмора? «Жизнь не грезы, жизнь есть подвиг...»

— Алек, ты прав: в таком случае мне не будет грешно переступить порог этого заведения. И я тоже все отработаю.

— Это не обязательно, милая. Я выступлю в своем профессиональном качестве. После кормежки бездомных оста-

нется уйма грязной посуды — а ты имеешь честь лицезреть чемпиона всей Мексики и *los Estados Unidos* по мытью тарелок.

Итак, я мыл посуду. Кроме того, помог разложить сборники гимнов и подготовить все для вечерней службы. А еще я выпросил у брата Эдди Маккоу — адъютанта Армии спасения — безопасную бритву и лезвие. Я рассказал ему, как мы тут очутились: отдых на мексиканской Ривьере, солнечные ванны на берегу океана, и вдруг — гул мощного толчка... короче, вывалил на него всю ту кучу вранья, которую приготовил для иммиграционной службы и не успел использовать.

— Пропало все: деньги, дорожные чеки, паспорта, одежда, билеты домой и все прочее. Нет, нам повезло, конечно, — мы живы.

— Господь укрыл вас в своих объятиях. Ты говорил, что заново крещен?

— Много лет назад.

— Нашим заблудшим овцам было бы неплохо пообщаться с тобой. Когда придет время свидетельствовать, не согласишься ли ты рассказать о том, что с вами произошло? Ведь ты первый очевидец из тех мест. Нас тоже потрянуло, но легонько, только тарелки зазвякали.

— Буду очень рад.

— Заметано. Сейчас я дам тебе бритву.

И я выступил со свидетельством, и нарисовал правдивую и страшную картину землетрясения, но все же не такую жуткую, какой она была на самом деле — не дай Бог еще раз увидеть крысу... или труп младенца, — и я вслух возблагодарил Господа за то, что ни я, ни Маргрета не пострадали, и понял, что это самая искренняя из моих молитв за последние годы.

Преподобный Эдди воззвал к своей дурнопахнущей пастве, и все они вознесли благодарственную молитву о чудесном спасении брата и сестры Грэхем, после чего он произнес зажигательную проповедь, коснувшись всех, от Ионы до сотой овцы, чем вызвал восклицания «аминь» из

разных концов помещения. Потом какой-то старый пропойца вылез вперед и сообщил, что он наконец узрел славу Господню и Господне милосердие и теперь готов вручить свою жизнь Христу.

Брат Эдди помолился за него и спросил, нет ли еще желающих покаяться, — и двое вышли вперед. Эдди, будучи прирожденным проповедником, увидел в нашей истории отличную тему для вечернего поучения и немедленно ею воспользовался, подкрепив ее десятым стихом пятнадцатой главы Евангелия от Луки и девятнадцатым стихом шестой главы Евангелия от Матфея. Не знаю, были ли у него домашние заготовки по этим стихам — возможно, и нет, поскольку хороший проповедник способен часами говорить на эту тему. Так или иначе, брат Эдди явно умел ориентироваться по ходу дела и удачно воспользовался нашим случайным появлением.

Он был нами очень доволен, а когда мы закончили уборку после ужина, последовавшего за вечерней службой, он сказал мне, что хоть у них нет комнат для супружеских пар — им не часто приходится принимать супружеские пары, — но поскольку сегодня сестра Грэхем будет единственной обитательницей женской спальни, то почему бы и мне не расположиться там же, вместо того чтобы спать в мужской? К сожалению, двуспальных кроватей у них нет, только двухъярусные койки, но, по крайней мере, мы сможем побыть вместе.

Я горячо поблагодарил его, и мы, счастливые, отправились спать. Двое уместятся даже на очень узком ложе, если хотят спать вместе.

На следующее утро Маргрета вызвалась приготовить завтрак для бездомных. На кухне она тотчас принялась за дело, поскольку повариха никогда не готовила по утрам — обычно этим занимался кто-нибудь из постояльцев. Кулинарного искусства тут не требовалось — овсянка, хлеб, маргарин, мелкие апельсины (некондиционный товар?), кофе. Я оставил ее мыть посуду и ждать моего возвращения.

А сам пошел искать работу.

Вчера вечером, когда я перемывал гору грязных тарелок, по аппарату беспроводной связи (тут его называют «радио») передавали новости; выяснилось, что в Соединенных Штатах безработица превратилась в политическую и социальную проблему.

На юго-западе страны всегда нужны сельскохозяйственные работники, но я еще вчера исключил для себя такую возможность. Нет, я вовсе не считал подобный труд ниже своего достоинства, ведь я помогал убирать урожай с тех самых пор, как научился держать в руках вилы. Однако мне очень не хотелось, чтобы в поле трудилась и Маргрета.

На должность священника я даже не надеялся и не стал говорить брату Эдди, что рукоположен. Безработица — вечная проблема проповедников. О, конечно, пустующая кафедра всегда найдется, но, как правило, там, где даже церковные мыши дохнут с голоду.

Однако у меня была и вторая профессия.

Мойщика посуды.

Сколько бы людей ни осталось без работы, мойщики посуды всегда нужны. Вчера, пока мы шли от контрольно-пропускного пункта к миссии Армии спасения, я заметил три ресторана с объявлениями в окнах: «Требуется мойщик посуды». Я высматривал их потому, что за долгую поездку из Масатлана у меня было вдоволь времени, чтобы признаться самому себе: я не обладаю иными востребованными талантами.

Точнее, талантами, которые были бы востребованы в этом мире. Здесь я не был рукоположен, да и не мог бы добиться рукоположения без диплома об окончании семинарии или факультета богословия — или без поддержки какой-нибудь захудалой секты, которая не обращает внимания на образование и доверяет только озарению, полученному от Духа Святого.

И уж конечно, я не был инженером.

Преподавать изученные мною предметы я тоже не мог, поскольку не имел никаких документов о своей подготовке — у меня не было даже свидетельства об окончании средней школы!

Вряд ли я годился в продавцы. Правда, я умел весьма успешно собирать пожертвования, однако в этом мире у меня не было ни репутации, ни знакомств. Возможно, в один прекрасный день... но деньги-то нужны сегодня...

Что же оставалось? Я проглядел страничку объявлений о найме в ногоалесской «Таймс», забытой кем-то в миссии. Я не специалист по налогообложению. Я не механик, это уж точно. Не знаю, кто такие программисты, но я явно не из их числа, как и не из числа тех, кто занимается какими-то компьютерами. Я не медбрат и ничего не смыслю в делах здравоохранения.

Я мог бы без конца перечислять занятия, которые мне незнакомы и которым нельзя обучиться за один вечер. Но это лишено всякого смысла. Единственное, что я умел и что могло прокормить Маргрету и меня, пока мы не оглядимся в этом новом мире и не поймем, что к чему, — это то же самое, чем я занимался в бытность свою пеоном.

Опытный и надежный мойщик посуды никогда не померет с голоду. (Зато у него сколько угодно возможностей помереть со скуки.)

В первом ресторане дурно пахло, а на кухне было грязно. Я и обращаться туда не стал. Второй находился в крупном отеле, и в подсобке работало несколько мойщиков. Босс поглядел на меня и сказал:

— Это работа для чиканос, тут тебе не понравится.

Я попробовал спорить. Но мне приказали убраться.

Третий ресторанчик мне явно подходил: чуть больше «Панчо Вилья», с чистенькой кухней и не слишком желчным директором.

Он предупредил:

— Оплата почасовая, по минимуму, никаких надбавок не будет. Кормежка бесплатная, раз в день. Если прикарманишь хоть зубочистку, выгоню в ту же секунду, без объяснений. Работать столько, сколько скажу, и в удобное для меня время. Сейчас ты мне нужен с полудня до четырех и с шести до десяти пять дней в неделю. Или если хочешь, работай шесть дней, но без доплаты за сверхурочные. Сверх-

урочные — это если я заставлю тебя работать больше восьми часов в день или сорока восьми часов в неделю.

— О'кей.

— Ладно, давай сюда карточку социального страхования.

Я вручил ему грин-карту.

Он мне ее тут же вернул.

— Нет, с грин-картой двенадцати с половиной долларов в час тебе не видать! Ты не чикано. Хочешь, чтоб у меня были неприятности с властями? Откуда она у тебя?

Ну, я тут же изобразил ему в лицах историю, заготовленную для иммиграционной службы.

— Мы лишились всего. Я не могу даже позвонить по телефону и попросить, чтобы мне переслали деньги. Мне необходимо сначала добраться до дому, а уж потом я смогу воспользоваться своим счетом в банке.

— Обратись за государственным пособием.

— Мистер, этого не допустит моя проклятушая гордость! — (Я даже не представляю, как доказать, что я — это я. Оставь меня в покое, лучше возьми меня мыть посуду!)

— Рад слышать. В смысле, о «проклятушей гордости». Нашей стране такие люди ой как нужны! Отправляйтесь в отдел социального страхования и потребуйте новую карточку. Ее обязательно выдадут, даже если вы не помните номер прежней. Потом возвращайтесь и приступайте к работе. Мм... я зачислю вас на работу с этой самой минуты, но за это вы отработаете полный рабочий день.

— Это более чем справедливо. Где находится отдел социального страхования?

Итак, я отправился в федеральную службу, где снова лгал, приукрашивая ложь сообразно обстоятельствам. Серьезная юная леди, которая выдала мне карточку, прочла мне целую лекцию о социальном страховании и о том, как оно действует, — каковую, видимо, недавно заучила наизусть. Я больше чем уверен, что среди ее клиентов (именно так она меня называла) никогда прежде не было столь внимательного слушателя. А для меня все было в новинку.

Я назвался именем Алека Грэхема. Это не было осознанным решением. Я пользовался этим именем уже несколько недель, привычно отзывался на него, а потому уже не мог спохватиться и сказать: «Извините, мисс, запамятовал, на самом деле меня зовут Александр Хергенсхаймер».

Я начал работать. В перерыв (с четырех до шести) я сбегал в миссию и узнал, что Маргрета тоже поступила на работу.

Работа у нее была временная, на три недели, что нас вполне устраивало. Повариха миссии уже больше года не была в отпуске, а потому решила съездить во Флагстаф, навестить дочку, которая только что родила. Поэтому Маргрете предложили временно занять ее место... и ее спальню (тоже на время).

Так что брат и сестра Грэхем неплохо устроились... временно, конечно.

И обратился я, и видел под солнцем,
 что не проворным достается успешный бег,
 не храбрым — победа, не мудрым — хлеб,
 и не у разумных — богатство, и не искусным —
 благорасположение,
 но время и случай для всех их.

Книга Екклесиаста, 9: 11

А вот скажите мне, пожалуйста, почему на свете не существует философской школы мойщиков посуды? Ведь это занятие создает самые что ни на есть благоприятные условия для извлечения невинных радостей, связанных с попытками раскрыть нераскрываемое. Работа механическая, тело в непрерывном движении, зато от мозга почти ничего не требуется. Каждый день у меня было по восемь часов для того, чтобы подыскивать ответы на множество вопросов.

Какие вопросы? Да любые! Пять месяцев назад я был процветающим и уважаемым специалистом, подвизавшимся в одной из самых респектабельных профессий в мире, который я знал досконально — ну, мне так казалось. Сегодня же я ни в чем не уверен и у меня нет ничего за душой.

Поправка: у меня есть Маргрета. Вот оно, истинное сокровище, которое удовлетворило бы любого мужчину. Ее я не променял бы на все богатства Китая. Но, думая о Маргрете, я прежде всего размышлял о своем священном, но еще не выполненном долге. Перед ликом Господа моего я взял ее в жены... но достойно содержать не мог.

Да, у меня была работа, но, по правде говоря, Маргрета сама себя обеспечивала. Когда я нанимался к мистеру Каугерлу, меня не смутили его условия: «оплата почасовая, по минимуму, и никаких надбавок». Двенадцать с половиной

долларов в час показались мне в высшей степени заманчивой цифрой — в конце концов, женатый человек в Уичито (в моем Уичито, в другой вселенной) на эти двенадцать с половиной долларов мог содержать семью в течение целой недели.

Чего я не знал, так это что за двенадцать с половиной долларов нельзя купить даже сэндвич с тунцом в нашем же ресторане — заметьте, совсем не фешенебельном, а очень дешевом. Мне было бы куда легче приспособиться к экономике этого странного, но чем-то отдаленно знакомого мира, если бы здешние деньги назывались как-нибудь иначе — шиллингами, шекелями или солями — как угодно, только не долларами. Я ведь был воспитан на том, что доллар — весьма крупная сумма. Мысль, что сто долларов в день — минимальная ставка, способная лишь удержать вас на грани нищеты, мне было усвоить нелегко.

Двенадцать с половиной долларов в час, сто долларов в день, пятьсот в неделю, двадцать шесть тысяч в год — и это прожиточный минимум?! Ну так слушайте внимательно. В мире, где я жил раньше, эта сумма представляла собой целое состояние, превышавшее самые смелые мечты алчных.

Привыкнуть к ценам и оплате труда в долларах, которые вовсе и не доллары — обычное требование любой незнакомой прежде экономической системы. Главное — справиться, удержаться на плаву, обеспечить нормальное существование себе, жене и детям (а по моим подсчетам до рождения нашего первенца осталось не так уж и долго) в мире, где у меня не было ни дипломов, ни знакомств, ни рекомендаций, ни справок с прежних мест работы. Алекс, скажи, ради Бога, на что ты годишься?.. Кроме мытья грязной посуды, разумеется!

Я мог влегкую перемыть стопку посуды высотой с маяк, бесконечно размышляя над этим важным вопросом. Его просто необходимо решить, и как можно скорее! Сегодня я радостно мою тарелки... а завтра мне придется ради своей любимой найти нечто куда более высокооплачиваемое. Минимальной почасовой ставки нам никак не хватит!

Вот наконец мы и добрались до главного вопроса: Господи Боже мой Иегова, что означают все эти знамения и чудеса, которые ты ниспослал рабу твоему?

Приходит время, когда каждый истинно верующий должен встать с колен своих и поговорить с Господом открыто и начистоту. Боже, скажи, чему мне верить? Неужели это и есть те лживые великие знамения и чудеса, о которых Ты предупреждал, что посланы они Антихристом, дабы прельстить, если возможно, даже и избранных?

Или же то правдивые приметы наступления последних дней? И услышим мы Глас Твой?

Или безумен я, как Навуходоносор, и все это лишь порождение моего расстроенного воображения?

Если одно из этих предположений верно, значит остальные два — ложны. Так что же мне делать? Господь Саваоф, чем согрешил я против Тебя?!

Как-то вечером, возвращаясь в миссию, я увидел плакат, который можно было истолковать как прямой ответ на мои моления: «МИЛЛИОНЫ НЫНЕ ЖИВУЩИХ НЕ УМУРЮТ НИКОГДА». Плакат нес мужчина, а рядом с ним шел ребенок и раздавал прохожим памфлеты.

Я постарался незаметно проскользнуть мимо них. Я и прежде видел этот плакат, но всегда старательно избегал общения со свидетелями Иеговы. Они так непреклонны и упрямы, что поладить с ними невозможно, в то время как Церковный альянс за пристойность является, по определению, организацией экуменической. В деле сбора пожертвований, как и в чисто политических акциях, необходимо (разумеется, не впадая в ересь) всячески избегать обсуждения наиболее щекотливых вопросов нашей доктрины. Богословская софистика фактически убивает любую эффективную организаторскую деятельность. Как привлечь сектантов к полезному труду на винограднике Господнем, если они убеждены, что только их секте ведома истина, вся истина и ничего, кроме истины, и все, кто с ними не согласен, — еретики, идущие прямой дорогой в ад?

Невозможно! Поэтому мы и не стали их приглашать в ЦАП.

И все же... вдруг они на сей раз правы?..

А это подводит меня к важнейшему из всех вопросов: как вернуть Маргрету к Богу, прежде чем трубы вострубят и раздастся глас Божий?

Но вопрос «как» связан с вопросом «когда». Теологи-премиллениаристы сильно расходятся во мнениях, когда именно должна вострубить последняя труба.

Я полагаюсь на научный метод. На каждый спорный вопрос всегда можно дать точный ответ: обратитесь к Книге. Так я и поступил, поскольку в миссии Армии спасения экземпляр Святой Библии всегда был под рукой. Я изучал ее снова и снова... и наконец понял, почему премиллениаристы так разнятся в датировках.

Библия — подлинное Слово Господне. В этом у нас не должно быть ни малейшего сомнения. Но Господь не обещал, что читать ее будет легко.

Снова и снова наш Господь и Его воплощение, Сын Божий, Иисус из Назарета и Мессия, обещал апостолам, что их поколение (то есть те, кто жил в первом столетии новой эры) будет свидетелем пришествия. Кроме того, он многожды обещал, что вернется через тысячу лет... или две тысячи лет, или... еще какое-то время, когда Евангелие овладеет сердцами всего человечества в каждой стране.

Так что же истинно?

А истинно все, если читать правильно. Иисус действительно вернулся при жизни поколения двенадцати апостолов; это свершилось в первую Пасху, в день его Воскресения. Это было Первое пришествие, совершенно необходимое, ибо доказало всем, что он действительно Сын Божий и сам Бог. Он вернулся и через тысячу лет и в своем бесконечном милосердии пожаловал детям своим еще один дар — отодвинул час испытаний, вместо того чтобы тут же низвергнуть грешников в геенну огненную. Божественное милосердие бесконечно.

Эти даты трудно уяснить, что вполне понятно, поскольку, отложив день расплаты, Он не намеревался поощрять

грешников грешить и дальше. Потому-то многократно и повторяются четкие, ясные и внятные слова, что Он хочет, чтобы каждый из Его детей воспринимал каждый день, каждый час, каждое биение сердца как последнее. Так когда же наступит конец света? Когда же раздастся Глас Трубный? Когда придет день Страшного суда? СЕЙЧАС! Без всякого предупреждения. Не будет вам дано времени на предсмертное покаяние. Вы должны жить в состоянии благодати постоянно... Иначе, когда наступит час, участь ваша будет в озере огненном, горящем серою, и в муках будете гореть там вечно.

Так гласит Слово Господне.

И для меня оно звучало как голос рока. Не дано мне привести Маргрету обратно к Богу, ибо глас Его может раздаться в любой день.

Что же делать? Что же делать?

Для смертного, встретившегося с неразрешимой проблемой, есть только один путь — с молитвой обратиться к Господу.

Так я и сделал; так и поступал день за днем. Молитвы никогда не остаются без ответа. Надо лишь суметь его понять... да и оказаться он может совсем не таким, какого вы ожидаете.

А между тем следовало отдавать кесарю кесарево. Конечно, я стал работать шесть дней в неделю, а не пять (тридцать одна тысяча двести долларов в год!), поскольку каждый шекель был на счету. Ведь Маргрете буквально нечего надеть! И мне тоже. Особенно нужна обувь. Та обувь, которую мы носили, когда грянуло землетрясение в Масатлане, была хороша... для масатланских крестьян. Увы, мы сносили ее до дыр, два дня раскапывая развалины, да и с тех пор таскали ее, можно сказать, не снимая. Теперь наша обувь годилась разве что для мусорного ящика. Итак, нам необходимы туфли — по меньшей мере две пары каждому: одна — для работы, другая — для воскресных собраний.

Да мало ли еще что! Я не знаю точно, что нужно женщине, но определенно гораздо больше, чем мужчине. Приходилось насильно вручать Маргрете деньги и всячески по-

ощрять ее траты на предметы первой необходимости. Сам я вполне обходился парой ботинок и парусиновыми штанами (свой единственный выходной костюм я берег). Тем не менее пришлось купить бритву и даже подстричься в парикмахерском училище около миссии, где стрижка стоила всего два доллара, если вы готовы подставить голову совершенно неопытному мальчишке. Я рискнул. Маргрета взглянула на результат и мягко сказала, что наверняка могла бы сделать не хуже, что сэкономило бы нам два доллара. Она взяла ножницы и подравняла те места, где бездарный подмастерье обкорнал меня особенно жутко... С тех пор я больше не тратил денег на парикмахерскую.

Однако сэкономленные два доллара отнюдь не компенсировали нам куда более крупные потери. Нанимаясь к мистеру Каугерлу, я, честно говоря, полагал, что буду получать сто долларов в конце каждого рабочего дня.

Вот только платил он мне гораздо меньше, но это не значит, что меня обжулили. Сейчас я вам все объясню.

В первый день, закончив работу, я чувствовал себя усталым, но счастливым. То есть счастливее, чем все это время после землетрясения: счастье — понятие относительное. Уходя, я остановился у конторки кассира, где мистер Каугерл проверял счета, так как «Гриль Рона» уже закрывался. Хозяин взглянул на меня:

— Ну как дела, Алек?

— Отлично, сэр.

— Люк сказал, что ты неплохой работник.

Люк, огромный негр, был главным поваром и моим номинальным начальником. По правде говоря, он за мной не присматривал, а лишь показал, где что лежит, и убедился, что я знаю свои обязанности.

— Приятно слышать. Люк — отличный повар.

Обед, он же завтрак, я съел в четыре часа пополудни — одноразовая кормежка была единственным дополнением к моей минимальной зарплате, — и к концу дня мой желудок о еде давно позабыл. Люк объяснил, что поденщики могут заказывать из меню что угодно, кроме бифштексов и отбивных, и что сегодня я могу получить на второе рагу или кусок мясного рулета.

Я выбрал мясной рулет, так как на кухне пахло хорошо и выглядела она чистой. По мясному рулету о поваре можно судить даже лучше, чем по его бифштексам. Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы расправиться со своей порцией, даже без кетчупа.

Люк отрезал мне щедрый кусок вишневого пирога, а потом добавил еще черпачок ванильного мороженого, которого я не просил, поскольку и то и другое не полагалось.

— Люк редко хвалит белых, — продолжал мой хозяин, — и никогда — чиканос. Так что ты наверняка работал хорошо.

— Надеюсь.

Во мне понемногу вскипало раздражение. Все мы дети Господа, но впервые в жизни о моей работе судил какой-то негр. Я хотел, чтоб мне заплатили за работу, потому что спешил домой, к Маргрете... то есть в миссию Армии спасения.

Мистер Каутерл сложил руки на животе и покрутил большими пальцами:

— Хочешь, чтоб я тебе заплатил, да?

Я сдержанно ответил:

— Да, сэр.

— Алек, с мойщиками посуды я предпочитаю расплачиваться раз в неделю.

Заметив мою растерянность, он продолжил:

— Пойми меня правильно. Ты на почасовой оплате, так что, если хочешь, я буду платить тебе в конце каждого дня...

— Да, хочу. Мне очень нужны деньги.

— Не перебивай. Так вот, я предпочитаю платить мойщикам посуды раз в неделю, а не каждый день, потому что часто, получив деньги в конце смены, поденщик бежит в ближайшую лавку, покупает галлон дешевого мускателя, после чего дня два не выходит на работу. Я его увольняю, а он злится и готов жаловаться в комиссию по труду. Самое смешное, что приходится брать его на работу еще на один день, так как бродяга, которого я нанял на место первого, поступает точно так же, как его предшественник. С чика-

нос такое случается реже: они откладывают деньги, чтобы отсылать в Мексику. Но ни один чикано не наводит в подсобке той чистоты, которой требует Люк... а Люк для меня важнее какого-то мойщика посуды. Негры... Люк разбирается в черномазых, знает, из кого выйдет толк... они работники всяко лучше белых. Одна беда — негры хотят расти по службе... и если я не возведу их в ранг помощника буфетчика или поваренка, они тут же уходят туда, где им это пообещают. Так что проблема с мойщиками не решается. Если мойщик работает целую неделю — я уже в выигрыше. Если две — я ликую. Как-то раз мойщик продержался целый месяц. Но такое счастье может выпасть лишь раз в жизни.

— Я вам гарантирую его на целых три недели, — сказал я. — А теперь — могу я получить свои деньги?

— Погоди. Если ты согласишься получать зарплату раз в неделю, я накину доллар к твоей почасовой ставке. Это на целых сорок долларов в неделю больше. Что скажешь?

(Нет, это больше на сорок восемь долларов, подумал я. Почти тридцать четыре тысячи в год за мытье тарелок! Ого!)

— Это на сорок восемь долларов больше, — ответил я, — а не на сорок. Ведь я собираюсь работать шесть дней в неделю. Мне очень нужны деньги.

— О'кей. Значит, я буду платить тебе раз в неделю.

— Минутку. Не можем ли мы начать работать по этой системе с завтрашнего дня? Сегодня мне деньги просто необходимы. У меня и у жены нет ничего. Абсолютно ничего. У меня только та одежда, что на мне, и ничего больше. То же самое у жены. Я-то могу потерпеть еще несколько дней, но есть вещи, без которых женщина обойтись не может.

Он пожал плечами:

— Как хочешь. Но тогда сегодня ты не получишь премиального доллара за час. А если завтра опоздаешь хоть на минуту, я буду считать, что ты проспал, и снова вывешу на окно объявление.

— Я не алкаш, мистер Каугерл.

— Посмотрим. — Он повернулся к кассовому аппарату и что-то сыграл на его клавиатуре. Не знаю, что именно,

так как в таких аппаратах ничего не смыслу. Это счетная машина, но она не похожа на нумератор Бэббиджа. У нее клавиши как у пишущей машинки. А наверху окошечко, где, как по волшебству, появляются буквы и цифры.

Машина застрекотала, зазвенела, потом мистер Каугерл вынул из нее карточку и подал мне:

— Вот, пожалуйста.

Это была картонка около трех дюймов в ширину и семи в длину, со множеством маленьких дырочек и надписью, гласившей, что это чек в Ногалесский коммерческий и сберегательный банк, которым «Гриль Рона» поручает выплатить Алеку Л. Грэхему... Думаете, сто долларов? А вот и нет!

Пятьдесят один доллар и двадцать семь центов.

— Что-то не так? — спросил Каугерл.

— Хм... Я ожидал получить по двенадцать пятьдесят за час.

— Именно столько я тебе и заплатил. Восемь часов по минимальной ставке. Вычеты можешь проверить сам. Это, знаешь ли, не я рассчитывал, это машина Ай-би-эм образца тысяча девятьсот девяностого года, и считает она по программе «Кассир плюс», разработанной все той же Ай-би-эм. Фирма Ай-би-эм готова выплатить десять тысяч долларов любому работнику, если он докажет, что эта модель и эта программа сделали хоть малейшую ошибку при расчете заработной платы. Вот посмотри-ка. Общий заработок сто долларов. Далее перечислены все вычеты. Сложи их. Вычти из общей суммы. Сверь с распечаткой. Но никаких претензий ко мне. Эти законы не я сочинил — мне они противны еще больше, чем тебе. Ты пойми, каждый посудомой, который сюда нанимается — будь он мокроспинник или гражданин этой страны, — мечтает, чтоб я платил ему наличными, без вычетов. А ты знаешь, на сколько меня оштрафуют, если поймают? А что будет, если меня застукают во второй раз? И нечего так кисло на меня смотреть... иди и разговаривай с властями.

— Я просто ничего не понимаю. Мне это все внове. Вот что означают эти вычеты? Например, вот этот — «адм.»?

— Это означает «административный сбор», но не спрашивай меня, почему ты должен его платить, поскольку я вынужден вести всю бухгалтерию и, конечно, никаких гонораров за это не получаю.

Я попробовал сверить другие вычеты с пояснениями, напечатанными мельчайшим шрифтом на карточке. Выяснилось, что «соц. стр.» означает «социальное страхование». Не далее как сегодня утром юная леди мне о нем говорила, и я ей тогда ответил, что, хоть и не сомневаюсь в великолепии самой идеи, подпишусь под ней чуть попозже — сейчас у меня слишком мало денег. «Мед. стр.», «бол. стр.» и «дант. стр.» было нетрудно разгадать, но сейчас я не мог позволить себе и эту роскошь. А вот что такое «ПЛ-217»? Мелкий шрифт содержал лишь ссылку на дату и страницу в «гос. реестр.». А что это еще за «мин. обр.» и «ЮНЕСКО»?

И что такое «подходный налог»?

— Все равно ничего не понимаю. Слишком ново для меня.

— Алек, ты не один такой непонятливый. Но почему ты говоришь, что это ново для тебя? Так было заведено еще до твоего рождения... Во всяком случае, уже при жизни твоего папаши и даже деда.

— Извините. А что такое подходный налог?

Он так и выпучил глаза:

— А ты уверен, что тебе не надо обратиться в дурдом?

— А что такое дурдом?

Он вздохнул:

— Похоже, мне нужно туда обратиться. Слушай, Алек, забирай все это и ругайся насчет вычетов с властями, а не со мной. Ты говоришь так искренне, — наверное, тебя и впрямь переклинило после масатланского землетрясения. А я пойду домой и приму успокоительное. Давай бери свой чек.

— Ладно. Только не знаю никого, кто бы заплатил мне по чеку.

— Нет проблем. Сделай передаточную надпись на обороте, и я выплачу тебе наличные. А корешок оставь себе, потому что федеральная налоговая служба потребует все

корешки чеков и проверит все вычеты, прежде чем оформит возврат налоговой переплаты.

Этого я тоже не понял, но корешок спрятал.

Невзирая на такое вопиющее безобразие — половина моего заработка испарялась до того, как мне его выдавали, — наше положение с каждым днем улучшалось. Мы с Маргретой в совокупности зарабатывали более четырехсот долларов в неделю, которых хватало не только на хлеб насущный, но и на покупку одежды и других столь же необходимых вещей. Теоретически Маргрета получала столько же, сколько повариха, которую она заменила, то есть двадцать два доллара в час при двадцатичетырехчасовой рабочей неделе, или пятьсот двадцать восемь долларов в неделю.

Фактически же с нее удерживали столько же, сколько с меня, поэтому на руки она получала лишь двести девяносто долларов в неделю. Но это тоже в теории, так как пятьдесят четыре доллара вычитали за жилье. По-божески, подумал я, когда узнал, каковы тут цены на квартиры. Нет, это было более чем приемлемо. Затем с нас брали сто пять долларов в неделю за еду. Брат Маккоу сначала назначил сто сорок долларов и даже предлагал показать бухгалтерские книги в доказательство того, что миссис Оуэнс (постоянная кухарка) платила именно столько, то есть десять долларов в день, а потому нам вдвоем следует вносить сто сорок долларов.

Я согласился, что это справедливо (поскольку видел цены в меню «Гриль Рона»), но лишь в теории, поскольку обедал я на рабочем месте. В общем, мы сошлись на десяти долларах в день для Маргреты и половине этой суммы для меня.

Итак, из пятисот двадцати восьми долларов в неделю Маргрете оставался сто тридцать один.

Хорошо еще, что она получала деньги регулярно, ведь подобно многим другим церквям Армия спасения не только перебивалась с хлеба на воду, но иногда и хлеба-то не хватало.

И все-таки нам было неплохо и с каждой неделей становилось все лучше. Уже в конце первой недели мы купили Маргрете новые туфли — отличного качества, очень красивые — всего за двести семьдесят девять долларов и девяносто центов на распродаже в универмаге «Джей-Си Пенни», раньше стоившие триста пятьдесят долларов.

Конечно, она подняла шум из-за того, что новую обувь покупают первой ей, а не мне. Но я сказал, что на мои ботинки уже скоплено более ста долларов и что лучше припрятать деньги до следующей недели так, чтоб у меня не возник соблазн пустить их на ветер. Она серьезно обдумала мое предложение и согласилась.

Итак, в следующий понедельник мы купили башмаки мне, и гораздо дешевле, в магазине по продаже армейских излишков, — хорошие, крепкие, удобные, которые наверняка переживут любую обувь, купленную в обычном обувном магазине. (О выходных туфлях буду думать после того, как мы решим остальные проблемы. Чтобы выработать правильную шкалу ценностей, нет ничего лучше, чем побыть некоторое время нищим и босым.) Потом мы отправились в магазин благотворительной организации «Гудвилл», где приобрели платье и летний костюм для Маргреты и парусиновые штаны для меня.

Маргрета хотела купить мне еще что-нибудь из одежды — у нас оставалось еще долларов шестьдесят, — но я запретил.

— Ну почему нет, Алек? Тебе нужна одежда ничуть не меньше, чем мне, а мы взяли да истратили почти все заработанные тобой деньги на меня. Это несправедливо.

— Мы истратили их на то, что было нужно в первую очередь, — ответил я. — На следующей неделе, если миссис Оуэнс вернется, ты окажешься без работы и нам надо будет переезжать. Да и вообще, засиделись мы здесь. Так что давай лучше потратим эти деньги на автобусные билеты.

— А куда мы поедем, дорогой?

— В Канзас. Этот мир одинаково чужд нам обоим. Правда, в каком-то смысле он все же знаком — тот же язык, та же география и отчасти та же история. Здесь я всего

лишь мойщик посуды, который слишком мало зарабатывает и не в состоянии обеспечить свою жену всем необходимым. По-моему, Канзас — здешний Канзас — все же больше похож на Канзас, в котором я родился, так что там мне будет легче устроиться.

— Куда ты пойдешь, туда и я пойду.

Миссия находилась в миле от «Гриля Рона». Вместо того чтобы в обеденный перерыв, с четырех до шести, уходить домой, я обычно проводил свободное время в местном отделении общественной библиотеки, стремясь поскорее адаптироваться к новым условиям. Библиотека и газеты, которые посетители иногда оставляли на столиках ресторана, были главными источниками моего переобучения.

В этом мире мистер Уильям Дженнингс Брайан действительно занимал пост президента, и его благотворное влияние удержало нас от участия в Великой европейской войне. Затем он предложил свои услуги для проведения мирных переговоров. Договор, подписанный в Филадельфии, более или менее возвратил Европу к тому положению, в котором она находилась до тысяча девятьсот тринадцатого года.

Ни одного из президентов после Брайана, известных мне по истории моего мира, а Маргрете — по ее истории, я не встретил. Зато у меня буквально закружилась голова, когда я наткнулся на имя и титул нынешнего президента: Его Высокохристианское Величество Иоанн Эдуард Второй, Наследный Президент Соединенных Штатов и Канады, Герцог Хианниспортский, Граф Квебекский, Защитник Веры, Покровитель Неимущих, Главный Маршал Сил Мира.

Я внимательно изучил фотографию, на которой он закладывает краеугольный камень в основание какого-то здания в Альберте. Наследный президент был высок, широкоплеч, банально красив и статен; ордена на его парадном мундире могли служить надежной защитой от воспаления легких. Я внимательно рассмотрел его лицо и решил, что у такого прохвоста не стал бы покупать даже подержанный автомобиль.

Но чем больше я думал об этом, тем более логичной представлялась мне вся ситуация. Американцы, более двух с четвертью столетий будучи самостоятельной нацией, должно быть, истосковались по монархии, игу которой когда-то сбросили. При любой возможности они заискивали перед европейскими монархами. Богатейшие граждане нашей страны выдавали своих дочерей за любых аристократов, даже за грузинских князей, а князем в Грузии считается крестьянин, владеющий самой большой кучей навоза во всей округе.

Я не знаю, где они нашли этого царственного пижона. Возможно, посылали за ним в Эшторил или привезли с Балкан. Как говорил один из моих преподавателей истории, всегда найдется какой-нибудь безработный отпрыск королевской семьи, который не откажется от любого мало-мальски выгодного дельца. Когда человек без работы, он не имеет права привередничать — это-то я хорошо знаю по себе. Закладывать здания, возможно, ничуть не скучнее, чем мыть тарелки. Только рабочий день подлиннее. Так я, во всяком случае, считаю. Правда, королем я не бывал. И не уверен, что взялся бы за это дело, если б мне предложили: кроме ненормированного рабочего дня, в нем небось есть и другие неприятные моменты.

Однако с другой стороны...

Отказываться от короны, которую тебе никто не собирается предлагать... очень похоже на «зелен виноград». Я пораскинул мозгами и решил, что, возможно, мне без особого труда удалось бы убедить себя, что это именно та жертва, которую я просто обязан принести ради блага своих сограждан. Наверняка я молился бы до тех пор, пока не уговорил себя, что сам Господь хочет, чтобы я взвалил на себя эту ношу.

Честное слово, я вовсе не циник. Я знаю, как слаб человек и как легко он уговаривает себя, будто Бог хочет, чтоб он (человек) сделал нечто такое, о чем мечтает уже давным-давно; а я в этом отношении ничуть не лучше своих собратьев.

Но больше всего меня поразило то, что Канада объединилась с нами. Большинство американцев (и я тоже) не знают, почему канадцы нас не любят, но они действительно нас недолюбливают. Мысль о том, что канадцы проголосуют за объединение с нами, просто не умещается в голове.

У библиотечной стойки я попросил дать мне что-нибудь по новейшей истории Соединенных Штатов. И только начал перелистывать страницы, как заметил на стене часы, которые показывали почти шесть. Мне пришлось в темпе сдать книгу и мчаться во весь опор, чтобы вовремя успеть в свою подсобку. Я не имел права брать книги домой, поскольку пока еще не мог внести залог, взимаемый с приезжих.

Однако культурные и технические изменения были даже важнее политических. Я очень быстро узнал, что в физических науках и технологии этот мир продвинулся дальше, чем мой. Фактически я понял это сразу же, как только увидел изобретение, называемое тут телевизионным экраном.

Как действует телевидение, я так и не уяснил. Попытался узнать об этом в общественной библиотеке и обнаружил область науки, именуемую электроникой (не электротехникой, а именно что электроникой). Я попробовал разобраться в этой самой электронике, но столкнулся с удивительнейшей математической абракадаброй. Признаюсь, что, после того как термодинамика направила меня на духовную стезю, я не видывал столь непонятных и бессмысленных уравнений. Не думаю, чтобы весь Ролла-Тех справился с таким чудовищным набором нелепостей — во всяком случае, не Ролла тех времен, когда я там учился.

Превосходство технологии этого мира проявлялось и во многом другом, помимо телевидения. Возьмите, например, «световые дорожные сигналы». Без сомнения, вам знакомы улицы городов, настолько забитые транспортом, что перейти главные городские магистрали без помощи полиции практически невозможно. И вы, конечно, возмущаетесь, если регулировщик вдруг прекрывает движение прямо

перед вашим носом ради какой-то важной шишки из городской управы или еще откуда-нибудь.

Можете ли вы вообразить ситуацию, когда транспортными потоками управляют не регулировщики, а бездушные световые сигналы?

Честное слово, именно так обстояло дело в Ногалесе.

Вот как действует эта система: на каждом оживленном уличном перекрестке размещают четыре группы разноцветных сигнальных фонарей. Каждая группа «смотрит» в одном из четырех главных направлений перекрестка, причем расположены они так, что видны только с одной стороны. В каждой группе по три фонаря: красный, зеленый и желтый. Они подключены к электрической сети, а яркость их такова, что свет заметен с расстояния в милю или около того даже в самый солнечный день. Это не дуговые фонари, а скорее всего очень сильные лампы Эдисона, что весьма важно, так как их можно зажигать и гасить очень быстро, и работают они круглосуточно, по многу часов и даже дней.

Фонари подвешивают высоко на телеграфных столбах или над перекрестками, так что водители и велосипедисты видят их издалека. Когда зеленый свет указывает, скажем, на юг и север, а красный — на запад и восток, то машины движутся в южном и северном направлениях, а транспорт, идущий на запад и восток, останавливается и ждет точно так же, как если бы регулировщик засвистел в свисток и поднял руку, разрешая движение на север и юг и запрещая ехать на запад и восток!

Понятно ли вам? Зеленые и красные фонари заменяют жесты регулировщика; желтые же — как полицейский свисток — предупреждают, что направление движения скоро изменится. В чем же преимущество? — спросите вы. Ведь кто-то, надо думать, сам полицейский, по мере надобности переключает цветные огни. А вот в чем: переключение осуществляется автоматически, на центральном пульте, удаленном от перекрестка на несколько миль!

В этой системе много других чудес, в том числе электрические приспособления, определяющие продолжитель-

ность работы каждого сигнала при данной напряженности движения, специальные указатели для левых поворотов или для пропуска пешеходов, желающих перейти улицу... Но главное чудо вот в чем: люди повинуются этим сигналам.

Вы только подумайте! Нигде ни одного полицейского регулировщика, а люди послушны слепым и немым устройствам, как будто они и есть полицейские!

Может, местные жители кротки и послушны, как овцы, поэтому ими можно с легкостью управлять? Отнюдь нет. Из обнаруженных в библиотеке статистических сведений выяснилось, что в этом мире уровень преступности и насилия куда выше, чем в том, где родился я. Может быть, это как-то связано с разноцветными огоньками? Вряд ли. Помоему, обитатели этого мира, хотя и предрасположены к насилию по отношению друг к другу, подчиняются световым транспортным сигналам, поскольку считают их логически обусловленным явлением. Все может быть.

В любом случае это очень странно.

Другие заметные различия в технологии связаны с воздушным транспортом. Нет здесь уютных, чистых, безопасных и бесшумных дирижаблей моего мира. Нет их! Нет! Здешние большие воздушные корабли похожи на виденные нами *aeroplanos* в том мексиканском мире, где мы с Маргретой трудились в поте лица, чтобы заплатить долги, пока великое землетрясение не разрушило Масатлан. Только тут они куда больше, быстроходнее, громче шумят и летают гораздо выше, чем те, что мы видели раньше; так что можно сказать, что здешние *aeroplanos* относятся к совершенно иному классу, поскольку называют их «реактивными самолетами». Можете ли вы представить себе гигантский автомобиль, несущийся со сверхзвуковой скоростью? Можете ли вообразить экипаж, летящий в восьми милях над землей? Удастся ли вам представить рев мотора столь громкий, что от него ноют зубы?

Они называют это прогрессом. А я тоскую по комфорту и изяществу «Графа фон Цеппелина». Потому что скрыться от здешних левиафанов просто невозможно. Несколько

раз в день одна из таких реактивных штукосов с ревом проносится над миссией — очень низко, поскольку направляется на посадку к летному полю севернее города. Этот рев мне мешает, а Маргрета нервничает.

И все-таки многие достижения в технологии действительно можно рассматривать как прогресс: более совершенная канализация, отличное освещение в домах и на улицах, великолепные дороги, прекрасные здания, множество различных механических приспособлений, облегчающих труд и делающих его более производительным. Я не отношусь к тем дурням, что орут: «Назад к природе!» — и с омерзением смотрят на технику; возможно, я просто немного больше знаю о технике, чем другие, а потому с почтением отношусь к ней. Те, кто презирает технологию, давно померли бы с голоду, если бы современная инженерная инфраструктура перестала существовать.

Мы прожили в Ногалесе почти три недели, прежде чем я наконец смог воплотить в жизнь план, который вынашивал более пяти месяцев... и активно готовился исполнить задуманное с тех пор, как мы приехали в Ногалес (впрочем, выполнение плана пришлось отложить до тех пор, пока я не скопил необходимые средства). Для осуществления плана я выбрал понедельник, мой выходной день. Я попросил Маргрету надеть новое платье, потому что собирался повести свою ненаглядную на прогулку, и сам надел свой единственный костюм, новые ботинки и чистую рубашку... Побрился, принял ванну и тщательно вычистил и подстриг ногти.

День выдался чудесный: солнечный и не слишком жаркий. Мы чувствовали себя прекрасно, ибо, во-первых, миссис Оуэнс прислала брату Маккоу письмо, в котором извещала, что хотела бы, если возможно, остаться у дочки еще на недельку. А во-вторых, мы уже накопили на билет до Уичито в Канзасе. Денег было в обрез, но сегодняшнее письмо миссис Оуэнс означало, что мы сможем отложить еще четыреста долларов на еду и, возможно, доберемся до Канзаса не совсем разоренными.

Я привел Маргрету в кафе, которое высмотрел еще в тот день, когда искал место мойщика посуды. Это было маленькое уютное заведение, расположенное довольно далеко от значных мест, — типичное старомодное кафе-мороженое.

Мы остановились у входа.

— Самая лучшая женушка в мире, посмотри-ка на это заведение. Ты помнишь разговор, который мы вели, бороздя простор Тихого океана на подстилке для солнечных ванн и здорово сомневаясь в том, удастся ли нам остаться в живых? Во всяком случае, я сомневался.

— Любимый мой, такое не забывается!

— Я тогда спросил тебя, что бы ты хотела, если б у тебя была возможность получить все, что душе угодно. Помнишь, что ты мне ответила?

— Еще бы! Горячий пломбир!

— Верно. Сегодня твой не-день рождения, дорогая, но ты получишь горячий пломбир.

— Ах, Алек!

— Не хлюпай! Терпеть не могу зареванных женщин. А хочешь, закажи шоколадный пломбир с солодовым сиропом или с солодовым порошком — словом, все что угодно. Прежде чем привести тебя сюда, я специально узнавал — здесь всегда бывает горячий пломбир.

— Но мы же не можем себе этого позволить! Нам нужны деньги на дорогу!

— Мы можем себе это позволить! Горячий пломбир стоит пять долларов. А на двоих — десять. И я собираюсь стать транжирой и дать официантке на чай целый доллар. Не хлебом единым жив человек, в том числе и женщина. Женщина, следуй за мной.

К столику нас проводила хорошенькая девушка (но не такая хорошенькая, как моя женушка). Я посадил Маргрету спиной к улице и уселся напротив.

— Меня зовут Тамми, — сказала официантка, протягивая меню. — Что желаете, друзья, в такой прекрасный день?

— Не надо меню, — ответил я. — Принесите нам, пожалуйста, горячий пломбир. Две порции.

Тамми задумалась.

— Хорошо, только вам придется чуть-чуть подождать, пока не приготовят горячий шоколадный соус.

— Чуть-чуть мы подождать не против. Мы ждали гораздо дольше.

Она улыбнулась и отошла. Я взглянул на Маргу и повторил:

— Да уж, мы ждали гораздо дольше!

— Алек, ты сентиментален. И вероятно, отчасти за это я тебя и люблю.

— Я вообще сентиментальный дурень, а сейчас при мысли о горячем пломбире еще и слюни распустил. Кстати, я тебя сюда привел не просто так. Марга, тебе не хотелось бы стать хозяйкой такого заведения? Вернее, чтоб мы стали хозяевами вместе? Ты была бы боссом, а я посудомойкой, уборщиком, подсобным рабочим, охранником, рассыльным и всем, что потребуется.

Она задумалась.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Конечно, начать такой бизнес сегодня же мы не сможем: сначала надо поднакопить денег. Но не так уж много, если все пойдет, как я планирую. Маленькое помещение, зато уютное и светлое — я его сам покрашу. Сатуратор для газировки, небольшое меню. Ну, там, хот-доги, гамбургеры. Датские бутерброды. И больше ничего. Может, супы. Ведь консервированные супы не проблема. И особого оборудования не потребуется.

Маргрета возмутилась:

— Никаких консервированных супов! Настоящие супы дешевле и лучше тех, что в жестянках. А готовить я умею.

— Полагаюсь на ваше профессиональное чутье, мэм. В Канзасе наберется не меньше полдюжины маленьких университетских городков, любой из них будет счастлив заполучить такое заведение. Возможно, мы найдем действующее кафе, где хозяева — пожилые супруги, поработаем на них с годик, а потом выкупим его. Изменим название на «Горячий пломбир» или «Сэндвичи Марги».

— «Горячий пломбир». Алек, как по-твоему, мы это осилим?

Я склонился к ней и взял за руку:

— Уверен, моя дорогая. И даже не придется чересчур напрягаться. — Я повернул голову. — Эти сигнальные фонари меня слепят.

— Я знаю. Каждый раз, когда свет меняется, я вижу его отражение в твоих глазах. Давай ты сядешь на мое место? Мне он не будет мешать.

— Да мне особо и не мешает. Просто у него какой-то гипнотический эффект. — Я посмотрел на стол, потом снова на сигнальные фонари. — Ой, он погас.

Маргрета повернула голову:

— Я его не вижу. Где он?

— Гм... эта штуковина куда-то исчезла. Вроде бы.

За моим плечом раздался мужской голос:

— Что вам угодно, милая парочка? Пиво или вино? Крепкими алкогольными напитками мы не торгуем.

Я оглянулся и увидел официанта.

— А где Тамми?

— Какая Тамми?

Я глубоко вздохнул, пытаюсь унять сердцебиение, а потом сказал:

— Прошу прощения, дружище. Зря мы сюда пришли. Я бумажник дома забыл. — Я встал. — Пойдем, дорогая.

Маргрета, удивленно распахнув глаза, молча последовала за мной. Я шагал к выходу и оглядывался, отыскивая видимые изменения. Пивная была вполне приличной. Но она не имела ничего общего с нашим кафе-мороженым.

И с нашим миром тоже.

Не хвались завтрашним днем; потому что не знаешь, что родит тот день.

Книга Притчей, 27: 1

Выйдя на улицу, я машинально двинулся в сторону миссии Армии спасения. Маргрета притихла как мышка и крепко держалась за мою руку. Страх я не ощущал, во мне клубился гнев.

— Будь они прокляты! Будь они прокляты! — пробормотал я.

— Кого ты проклинаешь, Алек?

— Не знаю. И это самое скверное. Того, кто творит с нами такое. Может быть, твоего дружка Локи.

— Он мне не друг. Во всяком случае не больше, чем тебе Сатана. Меня пугает то, что Локи делает с нашим миром.

— А мне ни капельки не страшно. Я зол. Кто бы он ни был, Локи, или Сатана, или кто-то еще, но последняя проделка — уже чересчур. Какой в ней смысл? Что, нельзя было подождать каких-нибудь полчаса? Горячий пломбир, можно сказать, был перед нами, а его увели прямо у нас из-под носа! Марга, это нечестно. Несправедливо! Отвратительная, чистейшая жестокость. Причем бессмысленная. Как отрывать крылья у мух. Не знаю, кто все это подстраивает, но мне все это просто омерзительно.

Не желая продолжать разговор о том, что было нам неподвластно, Маргрета спросила:

— Дорогой, а куда мы идем?

— А? — Я остановился как вкопанный. — В миссию, разумеется.

— А ты не заблудился?

— Нет, конечно... — Я огляделся. — Впрочем, не знаю. — Охваченный праведным гневом, я шел автомати-

чески и лишь теперь заметил, что район мне совершенно незнаком. — Не понимаю, где мы...

— Вот и я тоже.

Нам понадобилось еще полчаса, чтобы выяснить, где мы находимся. Все вокруг выглядело смутно знакомым и в то же время каким-то не таким. В квартале, где должен был находиться «Гриль Рона», такого ресторанчика не оказалось. Полицейский объяснил нам, как пройти к миссии... но она теперь располагалась совсем в другом доме. К моему удивлению, брат Маккоу оказался там, но нас не узнал. Теперь его звали Макнаб. Мы ушли, изо всех сил пытаясь сохранить достоинство. Вряд ли это нам удалось.

Обратно мы отправились той же дорогой, но очень медленно; торопиться было некуда.

— Марга, мы снова в том же положении, что и три недели назад. Только обувь получше, вот и вся разница. Деньги есть, но их не потратишь, наверняка здесь их объявят фальшивыми... и если я попробую пустить их в ход, отдых за решеткой мне обеспечен.

— Наверное, ты прав, милый.

— Глянь, вон там банк, впереди, на углу. Пожалуй, я зайду туда и спрошу, стоят ли наши деньги чего-нибудь или нет.

— Что ж, хуже не будет. Верно?

— Не должно быть. Но наш друг Локи, возможно, припас в рукаве еще одного козырного туза. Хм... все равно придется выяснять. Вот, держи все деньги, а я возьму одну банкноту. Если меня арестуют, сделай вид, что мы незнакомы.

— Нет!

— Что значит «нет»? По-твоему, лучше, если мы оба попадем за решетку?

Она упрямо молчала. Как спорить с женщиной, если она молчит? Я вздохнул:

— Родная, единственное, что я могу придумать, — это поискать работу мойщика посуды. Может быть, брат Макнаб пустит нас в миссию переночевать?

— Я тоже начну искать работу. Я умею мыть тарелки. И стряпать. Или еще что-нибудь.

— Посмотрим. Ладно, вместе так вместе, Марга, — и в банк, и в тюрьму. Впрочем, я придумал, как выяснить то, что нам надо, не опасаясь попасть за решетку.

Я взял одну банкноту, смял ее и оторвал уголок. Мы вошли в банк: я держал банкноту так, будто только что подобрали ее с земли. К окошечку кассира я подходить не стал, а направился к огороженному барьером отделению, где за конторками сидели служащие.

Я облокотился о барьер и обратился к служащему, сидевшему поближе. Табличка на его столе гласила: «Помощник управляющего».

— Извините, сэр. Не можете ли вы ответить мне на один вопрос?

Он с досадой поморщился, но вежливо ответил:

— Попробую. Что вам угодно?

— Скажите, это настоящие деньги? Или фальшивые?

Он взглянул на банкноту, потом присмотрелся повнимательнее:

— Любопытно. Где вы их взяли?

— Жена нашла на тротуаре. Это деньги?

— Нет, конечно. Двадцатидолларовых купюр не бывает. Наверное, это банкноты для какой-нибудь театральной постановки. Или для рекламных целей.

— Значит, они ничего не стоят?

— Они не дороже бумаги, на которой напечатаны, вот и все. Фальшивыми их тоже не назовешь, они ничуть не похожи на настоящие. И все же эта банкнота наверняка заинтересует инспекторов казначейства.

— Прекрасно. Оставить ее вам?

— Да. Кстати, с вами тоже захотят побеседовать. Оставьте мне ваше имя и адрес. И вашей жены, разумеется, раз именно она нашла деньги.

— О'кей, а вы мне дайте расписку.

Я назвал нас мистером и миссис Александр Хергенсхаймер, дал адрес ресторанчика «Гриль Рона» и с нарочитой серьезностью принял выданную мне расписку.

Когда мы снова очутились на улице, я сказал:

— Что ж, мы не стали беднее, чем были. Пожалуй, время поискать, где у них тут грязные тарелки...

— Алек...

— Да, ненаглядная?

— Мы собирались в Канзас.

— Да, собирались. Но деньги, собранные на билеты, стоят меньше бумаги, на которой отпечатаны. Придется подзаработать на поездку. Еще раз.

— Алек, давай отправимся в Канзас. Прямо сейчас.

Спустя полчаса мы уже шагали по шоссе в сторону Тусона. Когда кто-нибудь проезжал мимо, я голосовал, надеясь, что нас подвезут.

До Тусона мы добирались тремя попутными машинами. От Тусона можно было двигаться на восток, в направлении Эль-Пасо, Техас, или держаться того же 89-го шоссе, которое тут сворачивало на запад, а уж потом шло на север, к Фениксу. Вопрос, куда ехать, решил случай: первой машиной, которую нам удалось подцепить в Тусоне, оказался грузовик, шедший с грузом на север.

В эту машину мы напросились на стоянке для грузовиков у пересечения 89-го и 80-го шоссе. Надо сознаться, что водитель согласился выполнить нашу просьбу только потому, что Маргрета такая красotka — будь я один, то наверняка загорал бы до сих пор. Если по правде, то все наше путешествие в той же степени заслуга Маргреты, ее прелести и женского обаяния, как и моей готовности выполнять любую работу, какой бы непрестижной, грязной и тяжелой она ни была.

С этим фактом мне было трудно смириться. На ум невольно приходили дурацкие мысли о жене Потифара и Сусанне и старцах. Вскоре я обнаружил, что злюсь на Маргрету, хотя виновата она была лишь в том, что вела себя естественно, мило и дружелюбно, как всегда. Я готов был отчитать ее и потребовать, чтоб она не улыбалась постоянным, а глаза опускала долгу.

Соблазн поступить именно так стал почти невыносим, когда на закате солнца наш благодетель-водитель остановил машину в крохотном придорожном оазисе, центром которого были ресторан и заправочная станция.

— Хочу пропустить парочку пивка и филейный бифштекс, — объявил водитель. — А как ты, Мэгги, девочка? Осилишь бифштекс с кровью? Здесь, знаешь ли, их прямо от живых коров отрезают.

Она улыбнулась:

— Нет, спасибо, Стив. Я не голодна.

Моя любимая солгала. Она знала это, и я знал... и Стив наверняка тоже. Последний раз мы завтракали в миссии, часов этак одиннадцать и целую вселенную тому назад. На стоянке грузовиков в Тусоне я предложил вымыть посуду в обмен на еду, но мне бесцеремонно отказали. В общем, за весь день мы только напились воды из общественного фонтанчика.

— Мэгги, не пытайся меня задурить. Мы уже четыре часа в дороге. Ты наверняка умираешь с голоду.

Я поспешно вмешался, чтобы Маргрете снова не пришлось лгать — явно ради меня:

— Стив, видишь ли, она не принимает приглашений от посторонних мужчин. По ее мнению, обед ей должен обеспечить муж. — И тут же добавил: — Но я благодарю тебя от ее имени. А от нас обоих спасибо тебе за помощь. Отличная была поездка.

Мы сидели в кабине его грузовика, Маргрета посередине. Он наклонился вперед и посмотрел на меня:

— Алек, по-твоему, мне хочется залезть Мэгги под юбку? Да?

Я сухо ответил, что ничего подобного не считаю, хотя про себя подумал, что это именно так и что он всю дорогу только этого и добивается... и что мне отвратительны не только его неджентльменские поползновения, но и грубость, с которой он только что высказался. Однако мне уже пришлось убедиться на горьком опыте, что правила хорошего тона, соблюдаемые в том мире, где я родился, могут и не действовать в других вселенных.

— Так я тебе и поверил! Я же не вчера родился, и большая часть моей жизни прошла на дорогах, так что никаких иллюзий у меня нет — вышибли. По-твоему, я обязательно попытаюсь уговорить твою жену переспать со мной, потому что каждый встречный кобель именно так и поступит. Но видишь ли, сынок, я не стучусь в двери домов, где никто не живет. И кое в чем разбираюсь. Мэгги не такая. Я это понял уже несколько часов назад. С чем тебя и поздравляю. Верная жена — это удача. Разве не так?

— Да, конечно, — сдержанно кивнул я.

— Тогда перестань ерепениться. Сейчас ты накормишь жену обедом. Меня ты только что поблагодарил, а теперь еще и пригласишь на обед. В знак благодарности. Чтобы мне не пришлось есть в одиночестве.

Надеюсь, что я не выглядел обескураженным и мое мгновенное замешательство осталось незамеченным.

— Разумеется, Стив. Мы у тебя в долгу. Хм... Извини, мне придется отлучиться, чтобы договориться кое о чем. — И я начал вылезать из кабины.

— Алек, ты врешь несколько не лучше Мэгги.

— Извини, не понял.

— Ты думаешь, я не вижу? Ты же гол как сокол. А если и не как сокол, то очень близко к тому... и купить мне бифштекс не сможешь. И даже комплексным обедом не угостишь.

— Это правда, — сказал я (надеюсь, с достоинством). — Я хотел договориться с хозяином заведения и предложить помыть посуду в обмен на три обеда.

— Я так и думал. Если бы ты просто разорился, вы бы ехали на «Грейхаунде» и у вас был бы багаж. Если бы вы были бедны, но еще не голодны, вы бы голосовали на шоссе, сэкономили деньги на еду, но какой-то багаж у вас все-таки имелся бы... саквояж или котомка с вещами. Но у вас багажа нет, кроме того, вы оба носите костюмы — и это в жаркой пустыне, помилуй Бог. Это признак недавней катастрофы.

Я молчал.

— Ну, слушай же, — продолжал он, — возможно, владелец этого заведения и позволит тебе заняться посудой, но, скорее всего, у него уже есть парочка «мокроспинников», которые в эту самую минуту полощутся в грязных лоханях, а еще минимум трем он сегодня уже дал от ворот поворот: это же главная дорога для «туристов», путешествующих с юга на север через дыры в пограничном заборе. В любом случае я не могу ждать, пока ты помоешь посуду. Мне, знаешь ли, сегодня еще эту фуру гнать и гнать. А потому давай договоримся так: ты приглашаешь меня на обед, а я одалживаю тебе деньги.

— Знаешь, Стив, для тебя это верный убыток.

— А может, прибыль. Это то, что банкиры называют оправданным риском, то есть почти верный выигрыш. Когда-нибудь — в этом году или лет через двадцать — ты встретишь такую же голодную и обнищавшую юную парочку. И угостишь их обедом на тех же условиях. И так вернешь мне долг. А когда они сделают то же самое в свою очередь — ты внакладе не останешься. Понял?

— Я отплачу тебе всемеро.

— Хватит и одного раза. А потом делай это ради собственного удовольствия. Ну, пошли пожую.

Ресторан «Отдохни в Римроке» был простым и без изысков, чем весьма походил на «Гриль Рона» в том, другом мире. Здесь были и стойка, и столики. Мы со Стивом уселись за стол, и вскоре к нам подошла довольно молодая хорошенькая официантка.

— Приветик, Стив. Давненько не видались.

— Как жизнь, детка? Что там кролик говорит?

— Кролик сдох. А по тебе вендиспансер еще не плачет? — Она улыбнулась мне и Маргрете. — Привет, друзья. Что будете есть?

У меня было время пробежать глазами меню, особенно его правую сторону: цены меня здорово удивили. Они оказались очень близки к ценам моего мира: гамбургер — десять центов, кофе — пять центов, комплексный обед — от

семидесяти пяти до девяноста центов. Вот это по-человечески!

Я оторвался от меню и сказал:

— Если можно, то мне большой гамбургер с сыром, среднепрожаренный.

— Будет сделано, босс. А что вам, дорогая?

Маргрета тоже заказала гамбургер, но слабoproжаренный.

— Стив? — спросила официантка.

— Значит, так: три пива «Курс» и три бифштекса — один с кровью, другой слабoproжаренный, третий среднепрожаренный. На гарнир всякую дрянь. Ну там, печеный картофель, жареные обещания, — в общем, что найдешь. Салатик какой-нибудь, если завалялся. Горячие булочки, все как обычно. Десерт потом. Кофе.

— Поняла.

— Познакомься с моими друзьями. Мэгги, это Хейзел. А это Алек, муж Мэгги.

— Экий счастливчик. Привет, Мэгги, рада познакомиться. Жаль, что вижу тебя в такой дурной компании. Стив уже пытался тебе что-нибудь продать?

— Пока нет.

— И хорошо. Ничего не покупай, никаких бумаг не подписывай, в азартные игры не играй. И радуйся, что ты замужем: у него жены в трех штатах.

— В четырех.

— Уже в четырех? Поздравляю. В женский туалет ход через кухню, Мэгги; в мужской сортир — через двор. — Она убежала так быстро, что только юбка взметнулась.

— Хороша девка, — сказал Стив. — Знаете, что болтают насчет официанток, особенно в дорожных забегаловках для шоферов... а вот Хейзел, похоже, единственная подавальщица, которая денег не берет... Пошли, Алек.

Он встал и направился во двор, к отхожему месту. Я послушно последовал за ним. Тут до меня дошло, что он имел в виду, но возмущаться его высказываниями в присутствии дамы было уже поздно. Кроме того, я сообразил, что Маргрету его высказывания ничуть не возмутили, она приняла

их как информацию к размышлению. Точнее — как похвалу Хейзел. Я полагаю, что наибольшие трудности при контактах с непрерывно и беспокойно сменяющимися мирами возникают не из-за различий в экономике, социальном устройстве или технологии, а из-за языка и тех табу и *mores*¹, которые существуют в разных мирах.

Когда мы вернулись, пиво уже дожидалось нас на столе, а Маргрета — за столом, причем выглядела она на удивление свежей и отдохнувшей.

Стив поднял бокал:

— Ваше здоровье!

— *Skaal!* — отозвались мы.

Я отпил глоток, потом еще и еще — вот чего мне так не хватало весь этот долгий день, проведенный на шоссе посреди пустыни. Мое моральное падение на пароходе «Конунг Кнут» произошло в том числе и по причине возобновления близкого знакомства с пивом, которого мне не случалось пробовать с тех далеких дней, когда я был студентом инженерного колледжа, но и тогда пил его редко — денег на сей порок было маловато. Пиво было отличное, не хуже датского «Туборга», которое подавалось на пароходе. А вам известно, что в Библии нет ни единого выпада против пива? Больше того, слово «пиво» в Библии означает «родник» или «колодец».

Бифштексы были восхитительны.

Под размягчающим воздействием пива и хорошей еды я вдруг обнаружил, что пытаюсь объяснить Стиву, как именно мы пошли на дно и почему теперь вынуждены принимать милостыню от посторонних людей... однако при этом я старательно избегал всякой конкретизации. Наконец Маргрета сказала:

— Алек, расскажи ему.

— Думаешь, надо?

— По-моему, Стив это заслужил. Я ему доверяю.

— Хорошо. Стив, мы пришельцы из другого мира.

¹ Нравы (лат.).

Он не стал смеяться и даже не улыбнулся, просто выслушал с интересом, а потом спросил:

— С летающей тарелки, что ли?

— Нет. Понимаешь, мы из другой вселенной, а не с другой планеты. Вот еще утром мы с Маргретой были в штате, который именуется Аризонай, в городе под названием Ногалес. А потом все вокруг нас вдруг изменилось. Ногалес превратился в маленький городок, совсем непохожий на прежний. Аризона осталась вроде той же. Во всяком случае, выглядит так же, хотя я плохо знаю этот штат.

— Территорию.

— Извини, не понял.

— Аризона — не штат, а территория. Законопроект о присвоении ей статуса штата был забаллотирован.

— О! И в моем бывшем мире произошло то же самое! Это как-то связано с налогообложением. Но мы явились не из моего мира. И не из мира Марги. Мы пришли... — Я осекся и поглядел на Маргрету. — Как-то я все путано объясняю. Может, ты попробуешь?

— Я объяснить не могу, — ответила она. — Я сама этого не понимаю. Но, Стив, это чистая правда. Я происхожу из одного мира, Алек — из другого, жили мы в третьем, а в четвертом были еще сегодня утром. Теперь мы здесь. Вот почему у нас нет денег. То есть они у нас есть, но для этого мира не годятся.

— Ой, давайте поговорим о каждом мире по очереди, а то у меня голова идет кругом, — буркнул Стив.

— Она пропустила целых два мира, — вмешался я.

— Нет, милый, три. Ты забыл о мире айсберга.

— Нет, этот я считал. Я... ох, прости, Стив. Я попробую рассказать обо всех по очереди. Но это очень трудно. Сегодня утром мы отправились в кафе-мороженое в Ногалесе, потому что я хотел угостить Маргрету горячим пломбиром. Мы сели за столик друг против друга так же, как сидим сейчас, и я оказался как раз напротив дорожных световых сигналов.

— Дорожных... чего?

— Это набор разноцветных световых сигналов, с помощью которых управляют движением автомобилей. Красный, желтый, зеленый. Из-за них я и сообразил, что мир снова переменялся. В твоём мире таких световых сигналов я не видел, здесь всюду регулировщики-полицейские. Но в том мире, где мы сегодня утром проснулись, вместо регулировщиков — разноцветные огни.

— Прямо какая-то мистификация, даже не верится. А при чем тут горячий пломбир для Мэгги?

— При том, что, когда мы потерпели кораблекрушение и оказались посреди океана, Маргрете захотелось горячего пломбира. Вот сегодня утром у меня впервые появилась возможность угостить ее этим лакомством. Когда дорожные сигналы исчезли, я понял, что мир снова изменился, а значит, мои деньги больше ни на что не годятся. Стало быть, я не смог купить ей обещанный горячий пломбир. Не мог и накормить обедом. Наши деньги нельзя истратить, вот в чем дело! Понял теперь?

— По-моему, я отстал от вас на несколько поворотов. А что же случилось с деньгами?

— Ох! — Я полез в карман, вынул стопку сбереженных банкнот и протянул двадцатидолларовую купюру Стиву. — Ничего с ними не случилось. Вот, посмотри.

Он принялся внимательно изучать банкноту.

— «Законное средство оплаты государственных и частных долгов». Звучит что надо. Но что за клоун тут намалеван? И с каких это пор у нас печатаются двадцатидолларовые банкноты?

— В твоём мире, видимо, их никогда не было, точно так же как и в моем. А намалеван на ней Уильям Дженнингс Брайан, президент Соединенных Штатов с тысяча девятьсот тринадцатого года по тысяча девятьсот двадцать первый.

— У нас в школе имени Хораса Манна в Акроне такого не проходили. В жизни о нем не слышал.

— А меня учили, что он был избран в тысяча восемьсот девяносто восьмом, а не шестнадцатью годами позже. В ми-

ре же Маргреты вообще не было президента Брайана. Послушай, Маргрета! А может, на этот раз мы попали в твой мир?!

— Почему ты так думаешь, милый?

— Может, да, а может — нет. Когда мы из Ногалеса ехали на север, я не заметил ни аэродромов, ни каких-либо признаков их существования. А сейчас вспомнил, что за весь день не видел и не слышал ни единого реактивного самолета. И других летательных машин — тоже. А ты?

— Нет. Нет, я тоже не слышала. Но я о них и не думала. — Помолчав, она добавила: — Однако я почти уверена, что они над нами не пролетали.

— Вот видишь! А может быть, это мой мир? Стив, как у вас тут с аэронавтикой?

— Аэро... чем?

— Ну, с летательными машинами. Реактивными самолетами. С любыми самолетами. И с дирижаблями. У вас есть дирижабли?

— Знаешь, я таких слов даже и не слышал. Что, вот так и летают по воздуху, как птицы в небе?

— Да! Да!

— Нет, конечно, ничего такого у нас нет. Или ты имеешь в виду воздушные шары? Воздушный шар я видел.

— Нет, я не о них говорю. Хотя дирижабль — тоже в некотором роде воздушный шар. Только не круглый, а длинный, вроде сигары. И в движение приводится моторами, вроде твоего грузовика, и делает сто миль в час и более; обычно они летают на высоте одной-двух тысяч футов. А над горами куда выше.

Впервые Стив по-настоящему удивился, до этого ему было просто интересно.

— Боже милостивый! И ты действительно видел нечто подобное?

— Да я на них сам летал, и не один раз. Впервые прокатился на дирижабле, когда мне было двенадцать лет. Ты ведь учился в Акроне? В моей вселенной Акрон — это город, где строят самые большие, самые быстроходные и самые лучшие в мире воздушные корабли.

Стив покачал головой:

— Надо же! Вечно я из-за всякой ерунды пропускаю самое интересное. Видно, так уж устроена жизнь! Мэгги, а ты видела воздушные корабли? Летала на них?

— Нет, в моем мире их не было. Но в летательной машине побывать пришлось. Это был *aeroplano*. Всего один раз. Это так восхитительно. И страшно. Но я с удовольствием полетала бы еще разок.

— С тебя станется. А вот у меня от страха вывернуло бы кишки. Но я все равно полетел бы, пусть бы эта штука даже угробила меня. Ребята, знаете, а я вам верю. Такого не придумаешь. Ну, еще и ваши деньги. Если, конечно, это деньги.

— Это деньги, — настаивал я, — деньги другого мира. Посмотри на них внимательно, Стив. Совершенно очевидно, что это не деньги твоего мира. Но это не фальшивые деньги, и не реквизит для театральных постановок. Неужели кому-то придет мысль делать такую сложную гравировку для «игрушечных» банкнот? Гравер делал клише, явно полагая, что напечатанные деньги пойдут в обращение... и тем не менее в них все неправильно с точки зрения этой вселенной, даже двадцатидолларовое достоинство — первое, что тебе самому бросилось в глаза. Погоди-ка. — Я порылся в другом кармане. — Ага! Вот, взгляни! — Я вытащил бумажку в десять песо королевства Мексика. Большую часть денег, которые мы накопили перед землетрясением — чаевые Маргреты, заработанные в «Панчо Вилья», — я сжег как бесполезные, но несколько бумажек оставил на память. — Погляди-ка на эту. Испанский знаешь?

— По-настоящему нет. Еду кое-какую заказать смогу. Нахватался в техасских забегаловках. — Он поглядел на бумажку. — Вроде порядок.

— Посмотри внимательнее, — попросила Маргрета. — Видишь, напечатано «Reino»? А разве тут не должно стоять «Republika»? Или Мексика в вашем мире — тоже королевство?

— Нет, республика... Она осталась такой отчасти с моей помощью. Когда я служил в морской пехоте, меня от-

рядили в избирательную комиссию. Вы себе не представляете, как много может сделать горсточка вооруженных до зубов морпехов, если надо обеспечить честные выборы. О'кей, друзья, уболтали. Мексика не королевство — а бродяги, у которых нет ни гроша на обед, не набивают карманы мексиканскими деньгами, утверждающими обратное. Может, я и спятил, но я вам верю. Только как же все это объяснить?

— Стив, — сказал я спокойно. — Я и сам не знаю. Самое простое объяснение: у меня крыша поехала, а все это — просто бред. И я, и ты, и Маргрета, и этот ресторан, и этот мир — все это фантом, порожденный моим горячным воображением.

— Может, ты и воображаемый, а вот мы с Мэгги — самые что ни на есть настоящие. А по-другому никак нельзя?

— Хм... это как посмотреть... Ты Библию читал?

— Ну... и да и нет. Поскольку я много езжу, то частенько маюсь бессонницей, а почитать, кроме Гедеоновой Библии, и нечего. Так что иногда читаю.

— Ты помнишь Евангелие от Матфея, главу двадцать четвертую, стих двадцать четвертый?

— Нет, а что, должен помнить?

Я процитировал ему это место.

— Это одна возможность, Стив. Смены миров могут быть знаками, посланными самим Сатаной, чтобы обмануть нас. С другой стороны, они могут быть предвозвестниками конца света и пришествия Христа во царствие свое. Вот послушай Слово: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их». В общем, все сводится вот к чему, Стив. Может быть, это фальшивые знаки бед и несчастий, предвещающие конец, а может, это чудеса, знаменующие парусию,

Второе пришествие. Так или иначе, мы подошли к концу света. Возрожден ли ты?

— Мм... Нет, наверное. Меня крестили давным-давно, когда я был еще слишком мал, чтобы сообразить, о чем идет речь. В церковь я почти не хожу, если не считать свадеб и похорон. И даже если меня разок и омыли, с тех пор я успел изрядно подзапылиться. Так что я вряд ли подхожу под требуемый стандарт.

— Увы, не подходишь. Стив, близится конец света, и Христос снова грядет к нам. Самое главное, что должен сделать ты, да и все остальные, — это принести грехи свои к ногам Иисуса, чтобы Он смыл их кровью своей и чтобы ты возродился в Нем. Ибо не будет тебе иного предупреждения. Сперва раздастся глас трубный, и ты либо окажешься в объятиях Христа, счастливый и невредимый на веки вечные, или будешь низвергнут в огонь и серу кипящую, обреченный на вечные муки.

— Вот те на! Алек, ты никогда не думал стать проповедником?

— Еще как думал.

— Знаешь, тебе не думать надо, а просто стать им. Ты говоришь так, будто веришь каждому произнесенному слову.

— А я и верю.

— Оно и видно. Ладно. В общем, из уважения к тебе обещаю, что основательно обмозгую это дельце. А пока будем надеяться, что сегодня Второе пришествие еще не состоится, а то у меня груз, который следует доставить по назначению. Хейзел! Дай-ка счет, милочка: мне уж давно пора смотреть дорожные картинки.

Три бифштекса стоили три девяносто, шесть кружек пива еще шестьдесят центов, то есть всего четыре пятьдесят. Стив расплатился «полуорлом» — монетой, которую я видел только в нумизматических коллекциях. Мне очень хотелось рассмотреть ее получше, но я не мог найти предлога.

Хейзел взяла ее и осмотрела со всех сторон.

— Не так уж часто появляется у нас золото, — заметила она. — Все больше «колеса», а иногда и бумажки, хотя босс

их не очень уважает. Тебе ее не жалко? Мало ли еще пригодится.

— А я нашел легендарный золотой рудник голландца.

— Ох, не морочь мне голову. Все равно я твоей пятой женой не стану.

— А я в жены и не зову. Разве что на часок-другой.

— И не надейся. Во всяком случае, не за какую-то жалкую золотую пятерку. — Из кармана фартука Хейзел выудила серебряную монету в полдоллара. — Твоя сдача, дорогой.

Стив вернул ей монету.

— А что можно получить за полдоллара?

Хейзел взяла монету и положила ее в карман.

— Плевок в левый глаз. Спасибо. Спокойной ночи, друзья. Рада, что вы к нам заглянули.

По дороге до Флагстафа — миль тридцать пять или около того — Стив успел задать уйму вопросов насчет виденных нами миров, но никаких комментариев не делал. Его особенно интересовали описания воздушных кораблей, реактивных самолетов, *aeroplanos* — вообще все, что было связано с техникой. В телевидение ему было труднее поверить, чем в летательные аппараты, впрочем, как и мне. Но Маргрета подтвердила, что сама видела телевизоры, а Маргрете не поверить нельзя. Меня-то еще можно принять за жулика. Но Маргрету — нет. Ее голос и манеры вызывают безграничное доверие.

Во Флагстафе, чуть не доезжая до 66-го шоссе, Стив притормозил на обочине, но мотор выключать не стал.

— Приехали, — сказал он, — если, конечно, вы настаиваете, чтоб ехать на восток. Если согласны ехать на север — милости прошу.

— Нам очень надо в Канзас, — сказал я.

— Да, я понимаю. Отсюда можно добраться несколькими путями, но по шестьдесят шестому шоссе — лучше всего... Хоть в толк не возьму, чего вам понадобилось в этом Канзасе. Впереди, вон там, перекресток. Держитесь правой

стороны и вперед! Пропустить его вы не сможете. Там будет развилка на Санта-Фе. А где вы думаете ночевать?

— Мы еще не знаем. Будем идти, пока не поймем попутку. Если до ночи с попуткой не повезет — поспим на обочине, сейчас тепло.

— Алек, послушай дядюшку Дадли. В пустыне вам ночевать нельзя. Это сейчас тепло, а к утру жутко похолодает. Может, ты не заметил, но мы все время ехали в гору от самого Феникса. И если вас не сожрет аризонский ядозуб, то уж песчаные блохи заедят наверняка. Надо снять комнату.

— Стив, у нас нет денег.

— Бог даст — будут. Ты же веришь в это, а?

— Да, — сухо вато ответил я, — верю. — (Только Он ведь помогает тем, кто сам себе помогает!)

— Ну так доверься Богу. Мэгги, насчет этих делишек с концом света ты с Алеком согласна?

— Во всяком случае, я ему не противоречу.

— Мм... Алек, обещаю, что я эту мыслишку обмозгую... и начну прямо сегодня читать Гедеонову Библию. Не хочется и на этот раз пропустить самое интересное. А вы идите по шестьдесят шестому шоссе и поищите местечко, где написано «комнаты». Не «мотель» и не «гостиница», не обещания матрасов Симмонса или отдельных ванных комнат, а просто «комнаты». Если с вас потребуют больше двух долларов, идите дальше. Поторгуетесь хорошенько — и получите за доллар.

Я слушал вполуха, потому что разозлился. Как я буду торговаться? Он же знает, что у меня нет ни гроша. Или он мне не верит?

— Ну что ж, прощайте, — продолжал Стив. — Алек, открой дверь, пожалуйста. Мне не хочется вылезать.

— Хорошо. — Я открыл дверь, спрыгнул на землю, но потом вспомнил о вежливости. — Стив, спасибо тебе за все. За обед. За пиво. За то, что подвез. Да пребудет с тобой Господь! И да спасет Он тебя и сохранит.

— И тебе спасибо. Ладно, хватит об этом. Вот тебе моя визитка. — Он полез в карман и достал карточку. — Это адрес дочки. Как доберетесь до Канзаса, дайте знать.

— Обязательно. — Я взял карточку и хотел помочь Маргрете выйти из кабины.

— Мэгги! — остановил ее Стив. — А ты не поцелуешь старика Стива на прощанье?

— А как же! Обязательно, Стив! — Она села вполоборота к нему.

— Вот так-то лучше. Алек, ты бы отвернулся.

Я не стал отворачиваться, но попытался сделать вид, что не смотрю, хотя не мог удержаться, чтобы не понаблюдать за ними краем глаза.

Если бы это затянулось еще на полсекунды, я бы силой вытащил Маргрету из кабины. Хотя, должен сказать, Маргрета вовсе не сопротивлялась оказываемому вниманию. Она подчинилась охотно и целовалась так, как ни одна замужняя женщина не должна целовать постороннего мужчину.

Это я вытерпел с большим трудом.

Наконец я подал ей руку и захлопнул дверцу. Стив крикнул: «Прощайте, ребята!» — и грузовик рванул вперед. Стив дважды просигналил нам.

— Алек, ты сердисься, — сказала Маргрета.

— Нет. Я просто удивлен. Даже шокирован. Разочарован. Огорчен.

— Вот только не надо становиться в позу оскорбленного достоинства!

— Э-э-э?

— Стив провез нас двести пятьдесят миль, накормил отличным обедом, не поднял на смех, когда мы рассказали ему нашу невероятную историю. А теперь? Фу-ты нуты, ты смотришь на меня свысока только потому, что я поцеловала его так, чтобы он понял, как я благодарна за все, что он сделал для меня и моего мужа. Я этого не потерплю, слышишь?

— Я только хотел...

— Прекрати! Не желаю слушать объяснений. Потому что ты не прав. И теперь я рассердилась и буду сердиться до тех пор, пока ты не поймешь, что не прав. Так что ду-

май! — Она повернулась и быстро пошла туда, где пересекались 66-е и 89-е шоссе.

Я бросился за ней:

— Маргрета!

Она не ответила и только ускорила шаг.

— Маргрета!

Смотрит вперед и молчит.

— Маргрета, родная! Я был не прав. Прости. Извини меня.

Она внезапно остановилась и, обняв меня, заплакала.

— Ох, Алек! Я так тебя люблю, а ты такой жлоб.

— Я тебя тоже люблю. А что такое жлоб?

— Это ты.

— Ну... в таком случае я твой жлоб, и ты от меня не отделаешься. И в другой раз не уходи от меня.

— Не буду. Никогда.

И мы продолжили прерванное занятие.

Немного погодя я чуть отстранился и прошептал:

— Жаль, что у нас нет своей кровати. Сейчас она нам очень бы пригодилась.

— Алек, проверь карманы.

— А?

— Когда Стив меня целовал, то шепнул, чтобы ты проверил карманы со словами: «Бог даст».

В левом кармане пиджака я обнаружил золотой «орел». Такой монеты я никогда еще не держал в руках. Она была тяжелая и теплая.

Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего?

Книга Иова, 4: 17

Научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил.

Книга Иова, 6: 24

В одной из аптек в центре Флагстафа я обменял «орла» на девять «колес», девяносто пять центов мелочью и кусок мыла «Айвори». Купить мыло предложила Маргрета.

— Алек, продавец в аптеке — не банкир; он не захочет менять деньги, если мы ничего не купим. А мыло нам пригодится. Я хочу постирать белье, да помыться нам обоим не мешает... Сильно подозреваю, что в дешевых ночлежках, о которых говорил Стив, мыло в стоимость комнаты не входит.

Оба ее предположения оказались верными. Аптекарь удивленно изогнул бровь, увидев золотую монету в десять долларов, но промолчал. Он постучал ей о стекло прилавка, потом достал откуда-то из-за кассы небольшой пузырек и капнул на монету кислотой.

Я ничего не сказал. Он молча отсчитал девять серебряных долларов, полдоллара, четверть доллара и два десятицентовика. Вместо того чтобы тут же положить деньги в карман, я не торопясь проверил каждую монету, постукивая ею о стеклянный прилавок, и пододвинул одно из «колес» аптекаря.

Он опять промолчал — хотя не хуже меня слышал глухой звук, произведенный фальшивой монетой, — нажал на клавишу «без продажи» и вручил мне другое «колесо» (его звук был чист, как звон колокольчика), спрятав подделку куда-то в самый дальний конец денежного ящика кассы. Затем повернулся ко мне спиной.

На окраине города, на полпути к Уиноне, мы увидели неприглядную ночлежку, вполне соответствующую нашим требованиям. Маргрета торговалась на испанском. Хозяин ночлежки запросил пять долларов. Маргрета призвала Пресвятую Деву Марию и еще трех святых в свидетели того, как несправедливо с ней поступают. После чего предложила пять песо.

Я не понял ее маневра. Никаких песо у нас не было. Неужели она попытается всучить ему те никуда не годные «королевские» песо, которые я все еще таскаю с собой?

Однако выяснить это не удалось, так как в качестве ответа наш хозяин просто скинул цену до трех долларов и заявил сеньоре, что сумма окончательная и Бог ему в том свидетель.

В общем, они сговорились за полтора. После чего Маргрета попросила дать ей чистые простыни и одеяла еще на пятьдесят центов, заплатила за все два доллара и потребовала включить в эту цену подушки и чистые наволочки, сказав, что тогда они будут квиты. Она получила требуемое, но хозяин попросил еще сколько-нибудь «на счастье». Марга дала ему десятицентовик, он низко поклонился и заверил нас, что его дом — наш дом.

В семь утра мы уже были в пути, отдохнувшие, чистые, счастливые и голодные. Через полчаса, еще более голодными, мы оказались в Уиноне. С голодом мы сквитались в крохотной забегаловке, открытой в трейлере: горка оладий — десять центов, кофе — пять, вторая чашка бесплатно, сливочное масло и сироп — без ограничений.

Маргрета не справилась со своими блинчиками: порции были слишком велики, мы поменялись тарелками, и я слопал все, что у нее оставалось. На стене красовалась надпись:

ОПЛАТА ВПЕРЕД — ЧАЕВЫХ НЕ БЕРЕМ —
ГОТОВ ЛИ ТЫ К СУДНОМУ ДНЮ?

Рядом с поваром (он же официант, он же и хозяин) у плиты лежал экземпляр «Сторожевой башни».

Я спросил:

— Брат, а даты Страшного суда еще не объявляли?

— Это не повод для шуток. Вечность — это очень долго, особенно если проводишь ее в преисподней.

— Я не шучу, — ответил я. — Если судить по знамениям и чудесам, наступил семилетний период, о котором говорится в одиннадцатой главе Откровения, стих второй или третий; только не знаю, давно ли он начался.

— Мы уже перевалили за половину означенного срока. Два свидетеля уже пророчествуют, и Антихрист бродит по земле. А ты сподобился благодати? Если нет, самое время поторопиться.

Я ответил ему:

— И вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

— Воистину так.

— Согласен и верую. Спасибо за вкусный завтрак.

— Не за что. Да хранит тебя Господь.

— Спасибо. Да благословит Он тебя и укрепит.

Мы с Маргретой вышли и снова двинулись на восток.

— Ну как ты, любимая?

— Наелась и счастлива.

— Я тоже. А твои вчерашние деяния особенно содействуют моему счастливому расположению духа.

— Моему — тоже. Но с тобой всегда так, дорогой мой человек. Всякий раз.

— Хм... Да... Так вот. Мне тоже... Всегда. Но я имел в виду другое — то, что ты сказала до того. Когда Стив спросил, согласна ли ты со мной насчет Судного дня, ты ответила, что согласна. Марга! Меня безмерно тревожит то, что ты до сих пор не выразила желания вернуться в объятия Христа. Теперь, когда Страшный суд приближается с такой быстротой и нет никакой возможности узнать точный час его наступления... в общем, я ужасно волновался. Я и теперь волнуюсь. Но похоже, ты начинаешь прозревать, хотя пока мы об этом и не говорили.

Мы прошли шагов двадцать. Маргрета так ничего и не ответила, а потом очень тихо произнесла:

— Любимый, как бы я хотела успокоить тебя... Ах, если бы я только могла! Но я не могу.

— Вот как? Тогда я не понимаю. Объясни, пожалуйста.

— Я же не говорила Стиву, что согласна с тобой. Я сказала, что я тебе не противоречу.

— Но это одно и то же!

— Нет, любимый. Я не сказала Стиву того, что должна была сказать, если бы говорила совершенно откровенно. Дело в том, что я никогда и ни по какому поводу не стану перечить мужу на людях. Наедине с тобой я готова обсудить любой спорный вопрос. Но не в присутствии Стива. Или кого-то другого.

Я проглотил это, оставив при себе множество возможных комментариев... и наконец промолвил:

— Спасибо, Маргрета.

— Любимый, я делаю это как из чувства собственного достоинства, так и ради сохранения твоего. Нет хуже зрелища, чем супружеская ссора, когда муж с женой прилюдно клянут и винят друг друга. Если ты скажешь, что Солнце покрыто ярко-зелеными щенятами, я не стану тебе возражать... при посторонних.

— Да, но ведь так оно и есть!

— Сэр? — Она остановилась как вкопанная.

— Милая моя Марга, какая бы проблема ни возникла, ты всегда находишь кроткий ответ. Если я когда-нибудь увижу на Солнце ярко-зеленых щенят, то обязательно скажу тебе об этом наедине, чтоб не ставить тебя в трудное положение на людях. Я люблю тебя. Просто я услышал в твоём ответе Стиву больше, чем ты хотела сказать, но это потому, что я действительно за тебя беспокоюсь.

Она взяла меня под руку, и мы долго шли молча.

— Алек!

— Да, моя любовь?

— Я ведь не нарочно причиняю тебе беспокойство. Если я не права и ты попадешь на христианские небеса, я непременно хочу быть с тобой. Если для этого потребуется вернуться к вере Христовой — а видимо, так оно и есть, — значит и я этого хочу. Я очень постараюсь, но ничего не могу твердо обещать, потому что вера не есть акт волевого усилия. Однако я приложу все силы.

Я остановился и расцеловал ее — к полному восторгу пассажиров проезжавшего мимо автомобиля.

— Дорогая, я большего и просить не стану. Давай помолимся?

— Нет, пока не надо, Алек. Позволь мне молиться одной... Но я обещаю: когда придет время помолиться вместе, я тебе скажу.

Вскоре нас подобрала чета фермеров и подбросила до Уинслоу. Там они высадили нас, не задавая лишних вопросов; мы тоже не стали ничего рассказывать, что, в общем, можно считать своего рода рекордом.

Уинслоу намного больше Уиноны; это вполне респектабельный городок, во всяком случае для пустыни, — по моей прикидке, тысяч семь жителей. Там нам удалось сделать то, на что намекнул в свое время Стив и что мы обсудили с Маргретой прошлой ночью.

Стив оказался прав: мы были одеты не для пустыни. Правда, выбора у нас не было, поскольку смена миров застала нас врасплох. Но я не видел ни одного мужчины, который носил бы в пустыне деловой костюм. Не видели мы и белых женщин, одетых в платья. Индианки и мексиканки носили юбки, но белые женщины — либо шорты, либо брюки: слаксы, джинсы, бриджи, брюки для верховой езды и так далее... юбки — редко, а платья — никогда.

Больше того, наши костюмы не годились даже как городская одежда. Они выглядели так же странно, как выглядели бы в наш век вещи, сшитые по моде эпохи декаданса. Не спрашивайте почему — я не специалист по моде, особенно женской. Костюм, который я носил, был хорошего покроя и дорогой — когда принадлежал моему патрону дону Хайме в Масатлане, совсем в другом мире... Но на мне, да еще в аризонской пустыне, в этом мире он, скорее, напоминал о трущобах.

В Уинслоу мы нашли именно то, что нам было нужно.

«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» — БОГАТЫЙ ВЫБОР —
ТОЛЬКО ЗА НАЛИЧНЫЕ — НИКАКИХ ГАРАНТИЙ —
ТОВАР ОБРАТНО НЕ ПРИНИМАЕТСЯ —
ВСЕ НОШЕННЫЕ ВЕЩИ ПРОХОДЯТ СТЕРИЛИЗАЦИЮ
ПЕРЕД ПОСТУПЛЕНИЕМ В ПРОДАЖУ

Ниже шла та же информация по-испански.

Часом позже, после того как мы перерыли весь магазин, а Маргрета вдоволь натрговалась с продавцом, мы оказались готовыми для жизни в пустыне. На мне были штаны цвета хаки, такая же рубашка и соломенная шляпа, чем-то напоминавшая о вестернах. Маргрета была одета еще легче: шорты — очень короткие и облегающие просто до неприличия, а сверху некое подобие блузки, скрывающей меньше, чем корсаж, и чуть больше, чем бюстгальтер. Эта штука почему-то называлась «майка со шлейкой».

Увидев Маргрету в таком наряде, я шепнул ей:

— Я решительно запрещаю тебе появляться на людях в этом бесстыдном костюме.

— Дорогой, не надо с раннего утра демонстрировать людям, какой ты жлоб. Для этого тут слишком жарко.

— Я не шучу. Я запрещаю тебе это покупать!

— Алек, я не помню, чтобы спрашивала у тебя разрешения.

— Ты отказываешься мне повиноваться?

Она вздохнула:

— Может быть. Хотя и делаю это без всякой охоты. Ты купил бритву?

— Ты же видела, что купил.

— Твои трусы и носки у меня. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Ничего мне не нужно. Маргрета, перестань увиливать, отвечай!

— Дорогой, я же говорила, что не стану ссориться с тобой при посторонних. К этому костюмчику есть еще юбка с запахом. Я как раз собиралась ее надеть. Разреши мне сделать это и расплатиться. Потом мы выйдем и все с тобой обговорим, вдвоем.

Кипя от негодования, я сделал все, что она велела. Должен добавить, что благодаря ее умению торговаться мы вышли из магазина с большими деньгами, чем вошли. Как? А очень просто. Костюм моего патрона дона Хайме, который так чудовищно выглядел на мне, прекрасно сидел на владельце заведения — тот и в самом деле был похож на дона Хайме. Он с удовольствием согласился обменять кос-

твом на то, что мне было нужно, — рубашку, штаны хаки и соломенную шляпу.

Маргрета потребовала доплату — пять долларов — и получила два.

Когда Маргрета расплатилась, я понял, что такую же магическую операцию она проделала со своим платьем, которое ей было больше не нужно.

Мы вошли в магазин, имея семь долларов пятьдесят пять центов, а ушли с восемью долларами восьмьюдесятью центами плюс «пустынная» одежда для каждого из нас, одна гребенка (на двоих), зубная щетка (тоже на двоих), рюкзак, безопасная бритва и небольшое количество нижнего белья и носков — все подержанное, но, если верить рекламе, стерилизованное.

Я не очень-то обучен тактическим приемам, особенно в общении с женщинами. Мы вышли на улицу и по шоссе добрались до пустыря, где можно было поговорить наедине, — и все это время Маргрета молчала, а я даже не догадывался, что уже проиграл сражение.

Не останавливаясь, она сказала:

— Так что, милый? Ты хотел о чем-то поговорить?

— Э-э-э... с этой юбкой твой костюм приемлем. С трудом. Но не вздумай появляться на публике в шортах. Понятно?

— А я собираюсь носить только шорты. Если будет жарко. Как, например, сейчас.

— Но, Маргрета, я велел тебе...

Она расстегнула юбку и сняла ее.

— Ты мне перечишь?!

Она аккуратно сложила юбку.

— Извини. Можно, я положу ее в рюкзак?

— Ты своенравно отказываешься мне подчиняться!

— Но, Алек, я не обязана подчиняться тебе, а ты не обязан подчиняться мне.

— Но... послушай, родная, будь благоразумной. Ты знаешь, что я не имею привычки командовать, но жена должна повиноваться мужу. Ты жена мне?

— Ты сам так сказал. И останусь ею, пока не скажешь, что это не так.

— Тогда твой долг повиноваться мне.
— Нет, Алек.
— Но это первейшая обязанность жены!
— Я не согласна.
— Но... это безумие! Ты что, бросаешь меня?
— Нет. Только если ты со мной разведешься.
— Я не признаю разводов. Развод — это гнусность. Он противоречит Писанию.

Она промолчала.

— Маргрета... пожалуйста, надень юбку.
— Ты почти убедил меня, дорогой, — мягко сказала она. — Не объяснишь ли, почему ты хочешь, чтобы я ее надела?

— Что?! Да потому, что эти шорты непристойны.

— Я не понимаю, как часть одежды может быть непристойна, Алек. Человек — да. Уж не хочешь ли ты сказать, что я непристойна?

— Э-э-э... ты передергиваешь. Когда ты надеваешь эти шорты... без юбки... на людях... ты обнажаешь так много тела, что вид его становится неприличным. Вот сейчас ты идешь по шоссе, обнажив руки и ноги, а тебя разглядывают все кому не лень, все проезжающие. Я вижу, как они пялятся на тебя.

— На здоровье. Надеюсь, им это нравится.

— ЧТО?!!

— Ты говорил, что я красива, но у тебя может быть предвзятое мнение. Я надеюсь, на меня приятно смотреть и другим.

— Будь серьезнее, Маргрета. Мы говорим о твоих голых ногах. Голых!

— Ты говоришь, что мои ноги обнажены. Это так. В такую жару я предпочитаю, чтоб они были обнажены. Почему ты морщишься, милый? Разве мои ноги безобразны?

(«Ты прекрасна, моя возлюбленная, и нет пятна на тебе».)

— Твои ноги прелестны, моя любовь. Я говорил тебе это много раз. Но у меня нет намерения делить твою красоту еще с кем-то.

— Оттого, что красотой любят, ее не убудет. Давай вернемся к главному. Ты начал объяснять, что мои ноги непристойны. Не знаю, удастся ли тебе это доказать. Думаю, что не удастся.

— Но, Маргрета! Нагота непристойна сама по себе. Она вызывает грязные мысли.

— Вот как! И что же? Вид моих голых ног вызывает у тебя эрекцию?

— Маргрета!!!

— Алек, не будь жлобом. Я задала естественный вопрос.

— Это непристойный вопрос.

Она вздохнула:

— Не понимаю, как можно счесть неприличным какой-нибудь вопрос, заданный одним из супругов другому. И я никогда не соглашусь, что мои ноги непристойны или непристойна обнаженность вообще. Сотни людей видели меня абсолютно нагой...

— Маргрета!

Она удивленно посмотрела на меня:

— Ты же сам знаешь...

— Нет, не знаю! И мне просто стыдно слушать, как ты говоришь такое!

— Правда, дорогой? Но ты же знаешь, как я хорошо плаваю?

— При чем тут это! Я тоже неплохо плаваю, но не голым, а в купальном костюме. — (И тут я с предельной ясностью вспомнил бассейн на «Конунге Кнута», — разумеется, моя любимая плавала в нем голой. Я сообразил, что попал в затруднительное положение.)

— О! Да, я видела такие костюмы в Масатлане. И в Испании. Но, дорогой, мы снова ушли от нашей темы. Проблема гораздо шире, чем вопрос, приличны или неприличны ноги, или должна ли я была поцеловать Стива на прощание, или даже то, обязана ли я повиноваться тебе. Ты требуешь, чтобы я стала такой, какой отродясь не была. Я хочу быть твоей женой многие годы, всю жизнь, и даже надеюсь попасть с тобой на небеса, если небеса — твоя

цель. Но, мой дорогой, я не ребенок и я не рабыня. Я люблю тебя, поэтому мне приятно доставлять тебе радость. Но я отказываюсь подчиняться тебе только потому, что я твоя жена.

Я мог бы, конечно, рассказать вам, как победил ее отточенной логикой возражений. Да, мог бы. Только эта была бы неправда. Я все еще пытался придумать достойный ответ, когда какая-то машина, обгоняя нас, резко сбавила ход. Кто-то звонко присвистнул — вроде бы восхищенно. Машина остановилась чуть впереди и дала задний ход.

— Поедете? — раздался голос.

— Да, — откликнулась Маргрета и побежала к машине. Волей-неволей я последовал за ней.

Это был микроавтобус, за рулем которого сидела женщина, а рядом — мужчина. Оба были моих лет, может быть, даже старше. Мужчина протянул руку и открыл заднюю дверцу:

— Влезайте.

Я помог Маргрете, забрался сам и захлопнул дверцу.

— Места хватит? — спросил мужчина. — Если нет, сбросьте часть барахла на пол. Мы никогда в салон не садимся, вот там и скапливается всякая рухлядь. Нас зовут Клайд и Бесси Пухлик.

— Это он Пухлик, а я просто упитанная, — поправила его женщина, сидевшая за рулем.

— Здесь надо смеяться. Сам я эту шутку знаю наизусть.

Он был действительно очень массивен — ширококостный крепыш, который в школе явно увлекался спортом, а потом сильно прибавил в весе. Его жена правильно охарактеризовала обоих; она была не толстой, но дородной.

— Как поживаете, миссис Пухлик? Как поживаете, мистер Пухлик? А мы — Алек и Маргрета Грэхем. Спасибо, что согласились нас подвезти.

— Не будьте таким официальным, Алек, — ответила женщина. — Далеко ли едете?

— Бесси, пожалуйста, следи за дорогой.

— Клайд, если тебе не нравится, как я вожу эту развалюху, садись за руль сам.

— Нет, что ты! У тебя это здорово получается.

— Тогда заткнись. Или я сама тебя заткну. Ну так как, Алек?

— Нам нужно в Канзас.

— Вот как! Нет, мы так далеко не едем, в Чемберсе мы свернем на север. Тут недалеко — миль девяносто. Но на этом пути — вы наши гости. А что ты собираешься делать в Канзасе?

(Что я собираюсь делать в Канзасе? Открыть кафе-мороженое... Вернуть мою возлюбленную в веру Христову, готовиться к Судному дню...)

— Буду мыть тарелки.

— Мой муж скромничает, — негромко заметила Маргрета. — Мы собираемся открыть кафе-мороженое в каком-нибудь университетском городке. Но для этого, вероятно, придется перемыть немало тарелок. Или браться за любую другую работу.

Я снова завел привычный рассказ на заданную тему, опуская то, во что они бы не поверили.

— Ресторан был разрушен, наши мексиканские партнеры погибли, а мы потеряли все, что имели. Я упомянул мытье посуды, потому что это работа, на которую всегда можно рассчитывать. Но я готов взяться за что угодно.

— Алек, — сказал Клайд, — с таким отношением к жизни ты нигде не пропадешь.

— Мы потеряли деньги, вот и все. Еще не поздно начать все сначала. — (Господи Боже! Успею ли я до Страшного суда? Да будет воля Твоя. Аминь!)

Маргрета нежно сжала мне руку. Клайд заметил это и полуобернулся, чтобы видеть и нас, и жену.

— Ты своего добьешься. Особенно с такой женой.

— Я тоже так думаю, спасибо.

Я-то знал, почему он повернулся к нам. Чтобы поглазеть на Маргрету. Мне очень хотелось сказать ему, чтоб он перестал на нее таращиться, но ситуация не позволяла. Кроме того, было ясно, что ни мистер, ни миссис Пухлик не видели ничего дурного в том, как одета моя любимая. Миссис Пухлик была одета так же, только более... Или менее?..

В общем, меньше одежды, больше голого тела. Признаюсь, что хоть она и не обладала бессмертной красотой Маргреты, однако была очень даже ничего.

В пустыне Пейнтед-Дезерт мы остановились, вышли из машины и долго-долго смотрели на это невероятное чудо природы. Я уже здесь однажды бывал. Маргрета же никогда ее не видела и теперь смотрела почти не дыша, Клайд сказал, что они всегда тут останавливаются, хотя и видели все это сотни раз. Поправка: я бывал здесь до... словом, в другой вселенной. Разноцветная пустыня, казалось, подтверждала то, что я уже давно подозревал: необъяснимым внезапным изменениям подвергалась не сама мать-Земля, а только люди и их творения, и то лишь отчасти. И все же самым очевидным объяснением по-прежнему оставалось предположение о моем психическом расстройстве. Но если так, я ни в коем случае не должен поддаваться паранойе, потому что обязан заботиться о Маргрете.

Клайд купил нам хот-доги и газировку, категорически отвергнув мое поползновение отдать ему деньги. Когда мы вернулись в машину, Клайд сел за руль и предложил Маргрете место рядом с собой. Я был недоволен, но виду не показал, а Бесси тут же заявила:

— Бедняга Алек! Придется тебе посидеть рядом со старой кошелкой. Не хмурься, милый, осталось всего двадцать три мили, потом будет поворот на Чемберс... ну, машину ведет Клайд, значит доедем за двадцати три минуты.

На сей раз Клайду потребовалось тридцать минут. Он высадил нас и подождал, пока мы ловили попутку до Галлапа, штат Нью-Мексико.

Мы достигли Галлапа к вечеру, задолго до темноты. Несмотря на восемь долларов и восемьдесят центов, звеневших в наших карманах, мы решили, что сейчас самое время подыскать местечко, где накопилось немало грязной посуды. В Галлапе мотелей и кемпингов не меньше, чем индейцев, и половина этих заведений имеет свои рестораны. Я побывал в чертовой дюжине, прежде чем нашел такой, где нужен был мойщик.

Спустя четырнадцать дней мы добрались до Оклахома-Сити. Если вы думаете, что мы затратили на этот отрезок пути слишком много времени, то вы правы: в среднем мы делали меньше пятидесяти миль в день. Однако за это время много чего произошло, и я чувствовал себя стопроцентным параноиком — миры сменяли друг друга почти непрерывно, и каждый новый, казалось, был создан специально для того, чтобы доставить мне побольше неприятностей.

Знаете, как кошка играет с мышью? У мышки нет никаких шансов на спасение. И если у нее есть хоть какой-нибудь умишко, дарованный Господом Богом, то она прекрасно это понимает. И тем не менее все время пытается вырваться... и всякий раз ее снова ловят.

Вот и я был такой мышкой.

Или, вернее, мышью были мы, так как Маргрета продолжала оставаться со мной... только это меня и поддерживало. Она не жаловалась, не сдавалась. Так что и я не имел права сдаваться.

Пример: я сообразил, что если бумажные деньги после каждого изменения мира оказываются негодными, то золотые и серебряные монеты в какой-то степени сохраняют ценность — если не как деньги, то как металл. Поэтому каждый раз, когда мне удавалось заполучить металлическую монету, я припрятывал ее и категорически отказывался брать бумажки как в качестве жалованья, так и в качестве сдачи при покупках.

Ловкач! Ну, Алек, у тебя ума палата!

На третий день нашего пребывания в Галлапе Марга и я уснули в комнате, нанятой на деньги, заработанные мытьем посуды (это я) и уборкой комнат (Маргрета). Спать мы не собирались, просто хотели отдохнуть немного перед ужином — день выдался долгий и трудный. Мы не раздеваясь легли на одеяло. Видно, я задремал. Разбудило меня ощущение, будто что-то твердое впивается в спину. Спросонок я все же сообразил, что припрятанные серебряные доллары выскользнули у меня из бокового кармана,

когда я ворочался с боку на бок. Я вытащил руку из-под головы Маргреты, собрал монеты, сосчитал, добавил какую-то мелочь и положил все в прикроватную тумбочку в футе от постели. Потом снова принял горизонтальное положение, подложил руку под голову Марги и тут же крепко уснул.

Проснулся я в кромешной тьме.

Я пришел в себя. Маргрета тихонько посапывала на моей руке. Я растолкал ее:

— Любимая, проснись!

— М-р-р-р?

— Уже поздно. Мы наверняка проспали ужин.

Тут она, конечно, сразу проснулась.

— Зажги, пожалуйста, настольную лампу.

Я потянулся к тумбочке и чуть не упал с кровати.

— Не могу найти проклятую. Темно, как в угольной яме. Подожди секунду, я сейчас зажгу верхний свет.

Осторожно слез с постели, пошел к двери, наскочил на стул, не смог найти дверь, пошарил по стене, опять ничего не нашел, пошарил еще и наконец наткнулся на выключатель. Зажглась лампочка на потолке.

В течение долгой и жуткой минуты никто из нас не мог вымолвить ни слова. Потом я тупо и безучастно проронил:

— Они опять за свое.

Комната обладала тем отсутствием индивидуальности, которое свойственно всем комнатам дешевых мотелей. И тем не менее в каких-то мелких деталях она не была похожа на ту комнату, в которой мы заснули.

И накопленные с таким трудом серебряные доллары исчезли...

Исчезло все, кроме того, что было на нас надето: рюкзак, чистые носки, запасное нижнее белье, гребенка, запасная бритва, все... Я проверил и убедился в этом.

— Марга, что же дальше?

— Что прикажете, сэр?

— Мм... на кухне меня не узнают. Но может быть, все же позволят помыть у них посуду?

— А может, им и официантка нужна?

Дверь закрывалась на замок с защелкой, ключа у меня не было, так что пришлось оставить ее приоткрытой. Дверь выходила прямо на улицу. За стоянкой автомобилей въелся домик со светящейся вывеской «Администратор». Все выглядело обычно, кроме одного: все было ничуть не похоже на тот мотель, в котором мы работали. В том мотеле администрация находилась в центре главного корпуса, а остальную часть здания занимало кафе.

Да, ужин мы пропустили.

И завтрак тоже. В этом мотеле кафе не было вообще.

— Ну, Марга?

Она вздохнула:

— А в какой стороне Канзас?

— Вон там... кажется. Но у нас есть из чего выбирать. Можно вернуться в комнату, раздеться и поспать до рассвета. А можно прямо сейчас выйти на шоссе и поймать попутку. В темноте.

— Алек, я вижу лишь одну возможность. Если мы ляжем спать, то к утру проголодаемся еще больше, а богатства не прибавится. А может, и убавится, если нас застанут в неоплаченной комнате.

— Но я же намыл им столько посуды!

— Нет. Здесь ты ничего не мыл. Здесь вызовут полицию.

И мы пошли.

Таков типичный пример гонений, которым мы подвергались по дороге в Канзас. Да, я сказал «гонений». Если паранойя заключается в том, что ты веришь, будто весь мир находится в заговоре против тебя, то, значит, я стал полным параноиком. Но это либо была «вменяемая» паранойя (если вы позволите мне воспользоваться подобным ирландизмом), либо я страдал от галлюцинаций в такой степени, что меня следовало засадить в дурдом. И лечить.

Но если так, то Маргрета была частью моих галлюцинаций — предположение, которое я категорически отвергал.

Это не могло быть и *folie a deux*¹: Маргрета не теряла рассудка ни в одной из вселенных.

К полудню нам наконец удалось разжиться едой, но к этому времени мне уже мерещились призраки там, где нормальный человек увидел бы только пыльные вихри. Мою шляпу унесло в те края, где вьется жимолость, и теперь лучи жаркого нью-мексиканского солнца жгли мне голову, что ничуть не содействовало улучшению настроения вашего покорного слуги.

Нас подобрал грузовик, ехавший с какой-то стройки, и довез до Грантса. Строители угостили нас обедом и отбыли восвояси, оставив нас на обочине. Возможно, я и заслуживаю, чтобы меня считали сумасшедшим, но я не абсолютный идиот. И тем, что нас взяли в машину, и тем, что нас накормили, мы были обязаны Маргрете и ее неприлично обтягивающим шортам — зрелищу, неотразимо привлекательному для всех мужиков. Так что мне было о чем подумать, пока я наслаждался (да-да, наслаждался!) дареным обедом. Но мысли свои я пережевывал, ни с кем не делись.

Когда они уехали, я спросил:

— На восток?

— Да, сэр. Но сначала мне хотелось бы забежать в общественную библиотеку. Если она тут есть.

— Ну конечно!

Несколько раньше, в мире нашего друга Стива, отсутствие летательных аппаратов заставило меня подозревать, что мир Стива — тот же, где родилась Маргрета (а потому может оказаться и миром Алека Грэхема). В Галлапе мы проверили это в общественной библиотеке. Я прочитал в энциклопедии статью «История Америки», а Маргрета — историю Дании. Через пять минут мы убедились, что мир Стива не тот, в котором родилась Маргрета. Я обнаружил, что Брайан был избран президентом в 1896 году, умер на посту, и его место занял вице-президент Артур Сьюэлл. Этого для меня было вполне достаточно; потом я бегло

¹ Безумие двоих (фр.).

просмотрел список президентов и войн, о которых никогда и слыхом не слыхивал.

Маргрета прочитала свою статью, дергая носом от возмущения. Когда мы вышли на улицу, где шептаться уже было не надо, я спросил, что ее так взволновало.

— Это не твой мир, дорогая.

— Разумеется, не мой.

— А какой? Из тех фактов, какими мы располагаем, это установить трудно. Наверняка есть много вселенных, в которых авиация отсутствует полностью.

— Я счастлива, что он не мой! Алек, в этом мире Дания — часть Швеции! Это ужасно!

Честно говоря, я не понял, почему она так разволновалась. Обе страны скандинавские, обе похожи друг на друга, — так мне во всяком случае всегда казалось.

— Какой ужас, дорогая! Но я в этих вещах плохо разбираюсь. — (Я как-то был в Стокгольме, и он мне очень понравился. Но, надо думать, сейчас сообщать Маргрете подобную информацию не следовало.)

— И эта идиотская книжонка утверждает, что столица у нас Стокгольм, а король — Карл Шестнадцатый! Алек, но он даже не королевской крови! И они еще имеют нахальство утверждать, что он мой король!

— Любимая, он не твой король. И весь этот мир не твой.

— Я знаю. Алек. Если нам придется тут поселиться... Если мир не изменится еще раз... Я смогу принять американское гражданство?

— Наверное. Сможешь, я думаю.

Она вздохнула:

— Не хочу быть шведкой.

Я промолчал. Есть вещи, в которых я бессилен помочь.

И вот теперь в Грантсе мы снова отправились в общественную библиотеку, чтобы узнать последние изменения, происходящие в мире. Поскольку мы не видели ни *aeroplanos*, ни дирижаблей, то, возможно, мы попали в мир Маргреты. На сей раз я сначала заглянул в статью «Авиация»

и дирижаблей там не нашел. Зато узнал, что летательные машины были изобретены доктором Альберто Сантос-Дюмоном из Бразилии где-то в начале века. Меня поразило имя изобретателя, так как в моем мире он был пионером дирижаблестроения, уступавшим лишь графу фон Цеппелину. По-видимому, летательные аппараты доктора были очень примитивны в сравнении с реактивными самолетами или даже *aeroplanos*; скорее всего, они использовались для развлечений, а не в качестве машин коммерческого назначения. Я оставил эту статью и обратился к истории Америки, начав с поиска Уильяма Дженнингса Брайана.

Его я вообще не нашел. Ладно. Я понял, что этот мир не мой. Зато Маргрета лучилась радостью и с трудом дождалась минуты, когда можно было заговорить громко.

— В этом мире Скандинавия — одна большая страна... и ее столица — Копенгаген.

— Вот это да!

— Сын королевы Маргреты, кронпринц Фредерик, короновался под именем Эрик-Густав, без сомнения, для того, чтобы польстить жителям остальных скандинавских стран. Но в его жилах течет кровь датских королей, и сам он настоящий датчанин. Это справедливо, это то, что надо!

Я старался всячески показать, что тоже счастлив. Без единого цента в кармане, не зная, где мы проведем ночь, Маргрета радовалась, как дитя у рождественской елки... по поводу, который я считал совершенно ничтожным.

Дважды нас подвозили на короткие расстояния, и наконец мы оказались в Альбукерке. Я решил, что было бы неплохо остаться здесь на некоторое время: город большой, в крайнем случае можно было бы обратиться за помощью в Армию спасения. Мне быстро удалось устроиться мойщиком посуды в кафе местной гостиницы «Холидей-инн», а Маргрета поступила туда же официанткой.

Мы проработали меньше двух часов, как вдруг она пришла в подсобку и, пока я стоял у мойки, сунула мне что-то в задний карман.

— Это тебе подарок, милый.

Я обернулся:

— Привет, красotka!

Подарком оказалась складная безопасная бритва с отвинчивающейся ручкой. Бритва, ручка и лезвия хранились в непромокаемом футляре, размером меньше карманного Евангелия, который удобно было носить в кармане.

— Украла?

— Не совсем. Чаевые. Купила в фойе, в сувенирном ларьке. Дорогой, я хочу, чтобы ты побрился в первый же перерыв.

— Разреши мне просветить тебя, куколка. Это тебя берут на работу за то, что ты красива. Меня же нанимают потому, что у меня крепкая спина, слабый ум, а характер покладистый. Им совсем не важно, как я выгляжу.

— А мне важно.

— Любое твоё желание для меня — закон. Ну, беги, не задерживай производственный процесс.

Этой ночью Маргрета объяснила мне, почему она купила бритву прежде всего.

— Дорогой мой, не только потому, что я люблю, когда твоё лицо гладкое, а волосы подстрижены, хотя мне это действительно нравится. Дело в том, что шуточки Локи продолжаются и каждый раз нам приходится наниматься на работу для того, чтобы не голодать. По-твоему, никому нет дела, как выглядит мойщик посуды... А я убеждена, что, если человек выглядит аккуратно, это облегчает поиски любой работы, и уж во всяком случае он от этого не умрет. Однако есть и другая причина. В результате всех перемен ты зарастал щетиной, и не раз... а целых пять. При чем однажды ты не брился три дня подряд. Дорогой, когда ты свежевыбрит, то держишь себя с достоинством и пребываешь в хорошем настроении. И я счастлива, когда вижу тебя таким.

Маргрета сшила мне нечто вроде пояса для денег — вернее, просто матерчатый кармашек с матерчатым же пояском — и попросила не снимать его даже в постели.

— Милый, всякий раз, когда мир меняется, мы теряем все, кроме того, что на нас. Я хочу, чтобы ты хранил здесь и бритву, и серебряные монеты, когда ложишься спать.

— Вряд ли это поможет нам перехитрить Сатану.

— Кто знает. Давай попробуем. После каждой смены миров мы остаемся лишь в том, во что одеты, и с тем, что лежит в карманах. Видно, это такое правило.

— У хаоса нет правил.

— А может быть, это не хаос, Алек, если ты не хочешь надевать пояс, можно, его надену я?

— Разумеется, я его надену. Но если уж Сатана захочет у нас что-то отобрать, его это не остановит. Впрочем, меня не это беспокоит. Однажды он уже окунул нас в Тихий океан — в чем мать родила. А мы выплыли. Помнишь? Меня тревожит другое... Марга, ты заметила, что каждый раз, когда происходило изменение, мы крепко держались друг за друга? Ну хотя бы за руки?

— Заметила.

— Смена миров происходит в мгновение ока. А что случится, если мы не будем вместе? Если не будем держаться друг за друга? Или хотя бы касаться друг друга? Ну-ка, ответь!

Она молчала так долго, что я подумал, будто она не хочет отвечать.

— Угу, — сказал я, — вот и я так думаю. Но мы же не можем все время быть друг с другом, как сиамские близнецы. Нам нужно работать. Моя дорогая, жизнь моя! Сатана, или Локи, или какой-нибудь другой злой дух может разлучить нас навечно, просто воспользовавшись моментом, когда мы телесно не соприкасаемся.

— Алек...

— Да, моя любовь?

— Локи мог сделать это с нами уже давным-давно. Однако же не сделал.

— Но это может произойти в следующее же мгновение.

— Конечно. А может и никогда не произойти.

Все же мы неуклонно двигались вперед, хотя в пути и претерпели еще несколько превращений. Предосторожность, предложенная Маргретой, оказалась действенной, а в одном случае чуть не сработала не в нашу пользу: я едва не схлопотал тюремный срок за незаконное владение серебряными монетами. Однако новое неожиданное превра-

щение (самое быстрое из всех) покончило и с обвинением, и с вещественными доказательствами, и со свидетелями обвинения. Мы вдруг оказались в незнакомом судебном зале и были немедленно выдворены оттуда по причине отсутствия билетов, которые позволяли бы нам там находиться.

Бритва все же осталась со мной: ни коп, ни шериф, ни судебный исполнитель не стали ее конфисковывать.

Передвигаясь обычным способом (мой большой палец и прелестные ножки Маргреты; я уже давно мысленно примирился с тем, что даже неотвратимым можно наслаждаться), мы оказались в прекрасной местности (надо думать, это был Техас): водитель грузовика высадил нас, прежде чем свернуть с 66-го шоссе на проселок.

Из пустыни мы попали в страну зеленых холмов. Стоял дивный день, а мы были усталые, голодные, потные и чумазы, так как наши преследователи — Сатана или кто-то там еще — превзошли сами себя: три смены миров за тридцать шесть часов.

В один и тот же день я дважды нанимался мыть посуду в одном и том же городе и по одному и тому же адресу... и не заработал ни гроша. Трудно получить деньги в «Харчевне одинокого ковбоя», если она у тебя на глазах внезапно превращается в «Гриль Вивиан». А три часа спустя это заведение вдруг стало площадкой для продажи подержанных автомобилей. Единственное, что было хорошо, так это то, что, по счастью (а может быть, заговорщики так и задумали), мы с Маргретой каждый раз оказывались вместе: в одном случае она зашла за мной, и мы оба дожидались, когда хозяин расплатится со мной за работу, а в другом — мы с ней работали на одной кухне.

Из-за третьей смены миров мы потеряли ночлег, оплаченный трудами Маргреты.

Итак, мы — грязные, голодные и усталые — попрощались с водителем грузовика, и моя параноя разгулялась не на шутку.

Через несколько сотен ярдов мы вышли к ручью — в Техасе, как известно, ручьи дороже драгоценных камней, ничто из желаемого не сравнится с ними.

Остановившись у дренажной трубы, я спросил:

— Маргрета, не хочешь побродить по водичке?

— Милый, я собираюсь сделать куда больше: я не только поброжу, я искупаюсь.

— Хм... Ладно. Пролезь под ограждение, пройди вдоль ручья ярдов пятьдесят, а лучше — семьдесят пять, чтобы тебя с дороги не заметили.

— Возлюбленный, да пусть хоть толпой набегут и заюлюкают. Я все равно искупаюсь. И... кстати, вода чистая. Как по-твоему, ее можно пить?

— Выше по течению? Конечно. После айсберга мы каждый день чем-нибудь рискуем. Ах, была б у нас еда... Например, горячий пломбир. Или ты предпочитаешь яичницу?

Я приподнял проволоку ограждения, чтобы Маргрета пролезла под нее.

— А может, сойдемся на шоколадном батончике «Ох, Генри!»?

— Тогда уж лучше «Млечный путь», — отвечал я, — если есть из чего выбирать.

— Боюсь, не из чего. Или «Ох, Генри!», или ничего. — Она придержала проволоку для меня.

— Может, хватит уже о еде, которой у нас нет? — Я пролез под проволокой, выпрямился и добавил: — А я сейчас съел бы скунса. Живьем.

— Еда у нас есть, мой дорогой. У меня в сумочке лежит батончик «Ох, Генри!».

Я замер:

— Женщина, если ты шутишь, я тебя выдеру.

— Я не шучу.

— В Техасе, согласно закону, жену можно вразумлять с помощью розги не толще большого пальца руки. — Я показал ей палец. — Ты тут что-нибудь подходящее видела?

— Сейчас поищу.

— А где ты взяла батончик?

— В придорожной забегаловке, где мистер Фачелли угостил нас кофе и пончиками.

Мистер Фачелли подвозил нас среди ночи, как раз перед грузовиком, который высадил нас здесь. Два пончика,

сахар и кофе со сливками были нашей единственной пищей за последние сутки.

— Наказание подождет. Женщина, если ты его украла, признаешься мне в этом потом. У тебя действительно есть настоящий, всамделишный «Ох, Генри!» или мне это чудится?

— Алек, неужели ты думаешь, что я способна украсть шоколадный батончик? Я купила его в автомате, пока вы с мистером Фачелли ходили в туалет.

— Но как? У тебя же не было ни одной монетки. Во всяком случае монетки этого мира.

— Верно. Зато в сумочке был десятицентовик, оставшийся после какого-то предыдущего превращения. Конечно, строго говоря, это фальшивая монета. Но я не видела особой беды в том, что машина его съест. И она его съела. Я спрятала батончик, когда вы вышли из туалета, так как трех десятицентовиков у меня не было, а следовательно, я не могла предложить батончик мистеру Фачелли. — Она встревоженно добавила: — А как ты думаешь, это мошенничество? С десятицентовиком?

— Это техническая подробность, в которую я входить не стану... особенно если приму участие в дележе добычи. Кстати, это сделает меня соучастником. Гм... Сначала едим или сначала купаемся?

Сначала мы поели. Отличный завтрак на траве, который мы запили чудесной родниковой водой. Потом мы купались, поднимая фонтаны брызг и беззаботно смеясь. Я вспоминаю об этом как об одном из счастливейших событий в моей жизни. В сумочке Марги оказалось мыло, в качестве полотенца я предложил свою рубашку. Сначала я вытер Маргу, потом вытерся сам. Сухой теплый воздух завершил эту работу.

Все, что случилось после этого, было неизбежно. Я еще никогда в жизни не занимался любовью под открытым небом, а тем более в разгар солнечного дня. Если бы меня кто-нибудь спросил, я бы сказал, что чисто психологически я на это не способен, так как буду ощущать себя скованным и не смогу забыть о том, как неприлично все это выглядит со стороны.

Поражаюсь, но с радостью могу заверить, что, хотя я все время сознавал обстоятельства, в которых все это происходило... они меня нисколько не беспокоили и я вполне справился... Вероятно, причиной был искренний, заразительный энтузиазм Маргреты.

Точно так же мне никогда раньше не приходилось спать нагишом на траве. Думаю, мы проспали около часа.

Когда мы проснулись, Маргрета велела мне побриться. Я не мог бриться сам, так как у меня не было зеркала. Но Маргрета смогла и сделала это со свойственной ей добро-совестностью. Мы стояли по колено в воде; я взбивал в ладонях мыльную пену и намыливал лицо, Маргрета брила, а я по мере необходимости намыливался снова.

— Вот, — сказала она наконец и поцеловала меня в знак окончания трудов праведных, — так сойдет. Ополоснись и не забудь помыть уши. А я поищу полотенце. То есть твою рубашку... — Она вскарабкалась на берег, а я наклонился и принялся плескать водой в лицо. — Алек...

— Я плохо слышу тебя, вода журчит.

— Прошу тебя, дорогой!

Я выпрямился, протер глаза и оглянулся.

Все наше имущество исчезло... Все, кроме моей бритвы.

Но вот, иду я вперед, и нет Его, назад — и не нахожу Его; делает ли Он что на левой стороне, я не вижу; скрывается ли на правой, не усматриваю.

Книга Иова, 23: 8—10

— Что ты сделал с мылом? — спросила Маргрета.

Я поглубже втянул воздух и медленно выдохнул.

— Я тебя правильно понял? Ты спрашиваешь, что я сделал с мылом?

— А что бы ты хотел, чтоб я сказала?

— Э-э-э... не знаю. Но только не это. Тут происходят чудеса, а ты меня спрашиваешь о каком-то куске мыла.

— Алек, чудо, которое происходит вновь, и вновь, и вновь, перестает быть чудом, оно превращается в докучливую неприятность. Слишком часто, слишком много. Мне хочется взвыть или разрыдаться. Потому-то я и спросила насчет мыла.

Я и сам был на грани истерики. Но слова Маргреты подействовали на меня, как ушат холодной воды. Маргрета? Та, что спокойно перенесла айсберги и землетрясения, которая ни разу не захныкала в беде... она хочет взвыть?!

— Извини, дорогая. Мыло я держал в руке, когда ты меня брила. Когда я ополаскивал лицо, его у меня уже не было, — наверное, я положил его на берег. Но точно не помню. Это важно?

— Нет, не очень. Хотя этим бруском «Камей» мы пользовались только раз, и, если бы его удалось отыскать, он составил бы ровно половину нашего имущества, в пару к твоей бритве. Может, ты и положил его на берег, да я его там не вижу.

— Значит, исчезло. Марга, сейчас хорошо бы разобраться с неотложными делами, а как испачкаемся, будем думать о мыле. Нам нужна еда, одежда и место для ночлега! — Я выбрался на берег. — Обувь!!! Даже обувь пропала.

Что будем делать? Я ничего не соображаю. Была бы тут Стена Плача, я бы оросил ее слезами.

— Успокойся, родной, успокойся.

— А ничего, если я тихонько поскулю?

Она подошла ко мне, обняла и поцеловала.

— Поскули, если хочешь, дорогой. Поскули за нас обоих. А потом будем решать, что делать.

Ну, в объятиях Маргреты подавленное настроение исчезает без следа.

— А нет ли у тебя какой-нибудь идеи? Не могу придумать ничего лучше, чем вернуться обратно на шоссе и попытаться схватить попутку... но это мне не очень по душе. По причине моего внешнего вида. Даже фигового листа и того нет. Не видела ли ты где-нибудь поблизости фигового дерева?

— А разве в Техасе растут смоковницы?

— В Техасе все растет. Ну так что будем делать?

— Вернемся к шоссе и пойдем.

— Босыми? Может быть, постоим, выставив большие пальцы? Босиком нам все равно далеко не уйти. У меня нежные подошвы.

— Они закалятся. Алек, мы непременно должны двигаться. Хотя бы для того, чтобы поддерживать свой боевой дух. Если сдадимся — мы погибли. Я точно знаю.

Через десять минут мы медленно брели по шоссе на восток. Это было совсем не то шоссе, с которого мы недавно сошли. У него было четыре полосы, а не две, и с обеих сторон тянулась широкая мощеная обочина. Полосу отчуждения разграничивала не колючая проволока в три ряда, а ограда из металлической сетки-рабицы, высотой в человеческий рост. Если бы не ручей, мы бы не выбрались на шоссе. Пришлось снова лезть в воду и, задержав дыхание, с трудом протискиваться под решеткой. Мы опять вымокли (рубашки-полотенца у нас уже не было), но теплый воздух поправил дело в одну минуту.

На этом шоссе движение было куда оживленней, чем на прежнем; здесь был и грузовой, и пассажирский транспорт. Машины двигались с невероятной скоростью. Как быстро, я определить не мог, но мне казалось, что их скорость

вдвое больше, чем у любых известных мне транспортных средств. Они мчались так же быстро, как трансокеанские дирижабли.

Там были огромные машины — вероятно, грузовые, — которые выглядели не как обычные грузовики, а как товарные железнодорожные вагоны. Они были даже длиннее вагонов. Но когда я присмотрелся, то понял, что каждый состоял из трех машин, сцепленных вместе. К такому выводу я пришел, пытаясь сосчитать число колес. Шестнадцать на машину? И еще шесть на чем-то вроде локомотива, установленного впереди. Итого пятьдесят четыре колеса. Разве так бывает?

Эти левиафаны двигались бесшумно, если не считать свиста воздуха и шороха шин по шоссе. Мой профессор динамики был бы очень доволен.

По ближней к нам полосе шли машины меньших размеров, которые я предположительно счел пассажирскими, хотя внутри никого не заметил. Там, где должны были быть окна, поверхность казалась сделанной из зеркал или полированной стали. Машины были длинные, низкие и обтекаемые, как дирижабли.

Теперь я увидел, что шоссе не одно, а два. Транспорт на ближней к нам стороне шел на восток, а на расстоянии по меньшей мере в сотню ярдов другой поток машин стремился на запад. Еще дальше, видимая только в промежутки между машинами, тянулась ограда, образуя северную границу невероятно широкой полосы отчуждения.

Мы плелись по обочине. Я уже начал сомневаться, что нас подберет какая-нибудь попутная машина. Даже если нас замечали (что нельзя было утверждать со всей определенностью), то как им было остановиться на такой скорости? Тем не менее каждой проезжавшей машине я показывал поднятый большой палец.

Свои сомнения я держал при себе. Мы брели бесконечно долго. Внезапно одна из несущихся мимо машин скользнула к обочине, остановилась в четверти мили от нас, а затем двинулась задним ходом, причем очень резво — на месте водителя я бы поостерегся. Мы торопливо отошли подальше в сторонку.

Машина остановилась рядом с нами. Участок зеркального покрытия — шириной в ярд и примерно столько же в высоту — отскочил наподобие подвального люка, и я сообразил, что вижу пассажирский салон. Водитель посмотрел на нас и ухмыльнулся:

— Глазам своим не верю!

Я попробовал улыбнуться в ответ.

— Я и сам не верю. Но так оно и есть. Подвезете?

— Возможно. — Он оглядел Маргрету с головы до ног. — Ух ты, какая красавица! Что случилось?

— Сэр, мы потерялись, — ответила Маргрета.

— Похоже на то. А одежду вы тоже потеряли? Вас похитили? Или что? Ладно, с этим можно и подождать. Меня зовут Джерри Фарнсуорт.

— А мы — Алек и Маргрета Грэхем, — ответил я.

— Рад знакомству. Что ж, кажется, оружия у вас нет — исключая ту шутовину, что у вас в руке, мисс Грэхем. Что это такое?

Она протянула ему коробочку:

— Безопасная бритва.

Он взял ее, повертел и вернул обратно.

— С ума сойти. Я такую только в детстве видел, когда о бритье еще и не помышлял. Ну, вряд ли вы с этой игрушкой возьмете меня в заложники. Влезайте. Алек, садитесь сзади; ваша сестра займет место рядом со мной.

Еще один участок покрытия поднялся вверх.

— Спасибо, — ответил я, припомнив горькое присловье о нищих, которым выбирать не приходится. — Марга не сестра мне, а жена.

— Счастливчик! Не возражаете, если она сядет рядом со мной?

— Нет, конечно.

— Ха, от вашего ответа тензометр зашкалил бы. Дорогая, садитесь-ка сзади, вместе с мужем.

— Сэр, вы предложили мне сесть с вами, и мой муж вслух выразил свое согласие.

Маргрета скользнула на переднее сиденье. Я было открыл рот, но тут же закрыл, обнаружив, что сказать мне нечего. Потом я уселся на заднее сиденье; внутри машина бы-

ла гораздо больше, чем снаружи, на широком сиденье было очень удобно. Двери закрылись; «зеркала» оказались окнами.

— Я сейчас снова войду в поток машин, — сказал наш хозяин, — так что не противьтесь предохранительным устройствам. Иногда эта телега взбрыкивает не хуже породистого быка — перегрузки до шести «же» или больше. Кстати, а куда вы направляетесь? — Он поглядел на Маргрету.

— В Канзас, мистер Фарнсуорт.

— Зовите меня Джерри, дорогая. Вот так голышом и пойдете?

— У нас нет одежды, сэр, мы ее потеряли.

— Мистер Фарнсуорт... Джерри, — вмешался я, — мы в ужасном положении. Потеряли все, что у нас было. Да, мы пробираемся в Канзас, но сначала нам где-то надо раздобыть одежду... Может быть, в Красном Кресте? Не знаю. А я подыщу работу, чтобы добыть немного денег. И тогда мы продолжим наш путь в Канзас.

— Ясно. Ну, то есть кое-что проясняется. И как же вы доберетесь до Канзаса?

— Я думал отправиться в Оклахома-Сити, а уж оттуда на север. Будем держаться главных шоссе. Мы ведь все время едем на попутках.

— Алек, а вы действительно заблудились. Видите ограду? А вам известно, какое наказание ожидает пешеходов за пребывание в полосе отчуждения?

— Нет.

— В невежестве — счастье. Вам лучше держаться проселочных дорог, там поездки автостопом еще разрешены... во всяком случае, к ним относятся снисходительно. Что ж, если вы направляетесь в Оки-Сити, я вам помогу. Держитесь!

Он сделал что-то с приборной панелью. К рулю он даже не прикасался, ибо никакого руля не было. Вместо него торчали две ручки.

Машина чуть задрожала, затем скакнула вбок. Мне показалось, что я провалился в какое-то мягкое месиво, а по

коже пробежал заряд статического электричества. Машины качнуло, как лодчонку в бурном море, но «мягкое месиво» предохраняло меня от ударов. Внезапно все успокоилось, и осталась лишь слабая вибрация. Мимо нас стремительно летел ландшафт.

— Ну а теперь рассказывайте, — потребовал мистер Фарнсуорт.

— Маргрета?

— Конечно, милый. Так надо.

— Джерри... Мы из другого мира.

— Нет, лучше не надо! — Он мучительно застонал. — Только не о летающих тарелках! Это, знаете ли, уже четвертый случай за неделю. Значит, вот какая у вас версия...

— Нет, что вы. Я летающих тарелок в жизни не видел. Мы с Земли, но... с другой. Мы голосовали на Шестьдесят шестом шоссе, стараясь добраться до Канзаса.

— Минутку! Вы сказали, на Шестьдесят шестом?

— Да. Конечно.

— Так называлось это шоссе, пока его не перестроили. А сейчас его называют Межштатное сороковое... вот уже лет сорок, а может, и пятьдесят. А, значит, вы — путешественники во времени, так, что ли?

— А какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот девяносто четвертый.

— И у нас тот же. Среда, восемнадцатое мая. Во всяком случае с утра было так. До перемены.

— Так оно и есть. Но... слушайте, давайте-ка все по порядку. Начинайте с самого начала и расскажите, как вы оказались за ограждением, да еще в чем мать родила.

Я ему все и выложил.

Выслушав, он сказал:

— Насчет этого вашего кострища... Вы обожглись?

— Отделался небольшим волдырем.

— Ах, волдырем... Полагаю, вам бы и в аду пришлось недурственно.

— Слушайте, Джерри, огнеходцы действительно расхаживают по раскаленным углям.

— Я знаю. Видел. В Новой Гвинее. Но попробовать не соблазнился. А вот айсберг... что-то меня в нем настораживает. Как может айсберг врезаться в бок судна? Айсберг покоится в воде. Всегда. Конечно, корабль может в него врезаться, но тогда вмятина будет в носовой части. Верно?

— Маргрета?

— Не знаю, Алек. То, что говорит Джерри, в общем-то, логично. Но случилось все именно так.

— Джерри, я тоже ничего не понимаю. Мы были в одной из носовых кают, так что, может быть, смяло весь нос. Но если Маргрета ничего не знает, то я уж тем более, поскольку я ушиб голову и потерял сознание. Марга удерживала меня на воде, как я вам и рассказывал.

Фарнсуорт задумчиво посмотрел на меня. Он повернул свое сиденье так, чтобы видеть нас обоих, и показал Маргрете, как обращаться с ее сиденьем. Теперь мы сидели кружком и наши колени почти соприкасались, Джерри повернулся спиной к движению.

— Алек, а что стало с Хергенсхаймером?

— Может, я плохо объяснил, но мне самому не все ясно. Пропал Грэхем. А я — Хергенсхаймер. Когда я прошел сквозь пламя и оказался в другой вселенной, то, как уже говорил, обнаружил, что занял место Грэхема. Все звали меня Грэхемом и в самом деле думали, что я — Грэхем... А Грэхема не было — он исчез. Наверное, вы считаете, будто я воспользовался самым простым выходом из этой ситуации... но поймите, я оказался в тысячах миль от дома, без денег, без билета, и никто на корабле слыхом не слыхивал о Хергенсхаймере! — Я пожал плечами и беспомощно развел руки. — Да, грешен. Я носил его одежду, я ел за его столом, я откликался на его имя.

— И все равно не могу ухватить суть. Возможно, вы так похожи на Грэхема, что обманулись почти все... но жена-то должна была заметить разницу. Марджи?

Маргрета с нежной грустью взглянула мне в глаза и без колебаний ответила:

— Джерри, мой муж немного не в себе. У него странная амнезия. Он и есть Алек Грэхем. Никакого Александра Хергенсхаймера нет и никогда не было.

Я онемел. Об этом мы с Маргретой не заговаривали уже много недель, но она никогда решительно не заявляла, что я не Алек Грэхем. Я уже в который раз убедился, что Маргрету невозможно переспорить. Всякий раз, когда я считал, что победил, оказывалось, что она просто перестала разговаривать.

Фарнсуорт обратился ко мне:

— Может быть, все дело в ушибленной голове, Алек?

— Слушайте, ушиб был пустяковый — несколько минут забытья, и все. В моей памяти нет никаких пробелов. Тем более что все произошло спустя две недели после хождения по углям. Джерри, моя жена — удивительная женщина... но тут я вынужден с ней не согласиться. Ей хочется верить, что я Алек Грэхем, потому что она полюбила его задолго до того, как мы с ней встретились. Она верит в это, потому что это стало для нее необходимостью. Но я-то, конечно, знаю, кто я такой. Я — Хергенсхаймер. Да, амнезия может вызывать любопытнейшие отклонения, но есть одно неоспоримое свидетельство, которое убедительно доказывает, что я Александр Хергенсхаймер и никогда не был Алеком Грэхемом. — Я хлопнул себя по голому животу, там, где когда-то нависали жировые складки. — Вот оно. Я носил одежду Грэхема, о чем уже упоминал. Но его костюмы были мне не совсем впору. В тот день, когда я прошел через пламя, я был толстоват, слишком тяжел, и вот тут накопился излишек жира. — Я опять хлопнул себя по животу. — Костюмы Грэхема были мне тесны в талии. Приходилось втягивать живот и не дышать, чтобы застегнуть пояс на любых брюках. За те мгновения, что я шел через пламя, я не мог так прибавить в весе. И этого не случилось. Я провел две недели на круизном корабле, слишком много ел и отрастил себе брюхо... Что и доказывает, что я вовсе не Алек Грэхем.

Маргрета сидела молча, с невозмутимым выражением лица.

— Марджи? — обратился к ней Фарнсуорт.

— Алек, у тебя были точно такие же трудности с одеждой до хождения сквозь огонь. И по той же причине. Слиш-

ком много лакомств. — Она улыбнулась. — Прости, что я тебе противоречу, любимый... Но я очень рада, что ты — это ты.

— Алек, немало мужчин согласятся пройти через огонь ради того, чтобы женщина вот так на них поглядела, — сказал Джерри. — Как доберетесь до Канзаса, загляните к Меннингерам, они разберутся с вашей амнезией. Никто не может обмануть женщину, когда дело касается ее мужа. Она живет с ним бок о бок, спит с ним, ставит ему клизмы и выслушивает его шуточки, так что подмена невозможна, как бы ни был похож на мужа его двойник. Такой фокус не удался бы даже близнецам. Есть множество мелочей, известных жене и скрытых от глаз посторонних.

— Марга, — сказал я, — теперь все зависит от тебя.

Она ответила:

— Джерри, мой муж считает, что я могу это опровергнуть, хотя бы частично. В то время я еще не знала Алека так, как жена знает мужа. Тогда я была ему не женой, а возлюбленной, и то всего лишь несколько дней. — Она улыбнулась. — Хотя по сути вы правы. Я его узнала.

Фарнсуорт недоуменно наморщил лоб:

— По-моему, все опять запуталось. Либо мы говорим об одном человеке, либо о двух. Значит, Александр Хергенсхаймер... Алек, расскажите-ка мне о нем.

— Я — протестантский священник, рукоположенный в христианской церкви Единой истины братьев по Апокалипсису, ее еще называют Апокалипсическим братством. Я родился на ферме деда, неподалеку от Уичито, двадцать второго мая...

— Ах, у вас, значит, на этой неделе день рождения? — заметил Джерри.

Марга насторожилась.

— Именно так. У меня голова слишком забита заботами, чтобы об этом помнить... так вот, двадцать второго мая тысяча девятьсот шестидесятого года. Мои родители и дед умерли. Старший брат все еще трудится на семейной ферме.

— Поэтому вы и едете в Канзас? Хотите найти брата?

— Нет. Ферма осталась в другой вселенной. В той, где я вырос.

— А зачем вам Канзас?

Я немного помолчал.

— Логичного ответа у меня нет. Возможно, меня влечет домой инстинкт. А может, то, что заставляет лошадей бросаться обратно в горящую конюшню. Не знаю, Джерри. Но я должен вернуться к своим корням.

— Вот эту причину я понимаю. Продолжайте.

Я рассказал о своем образовании, не скрыв, что не добился успехов в инженерном деле, о том, как поступил в семинарию, о рукоположении и о своих связях с ЦАП. Я не стал упоминать об Абигаиль; не хотелось говорить, что проповедник из меня не вышел (это мое личное мнение), по большей части из-за того, что Абигаиль не любила моих прихожан, а прихожане терпеть не могли Абигаиль. В краткий пересказ биографии невозможно уложить все подробности, но факт остается фактом — я исключил Абигаиль из рассказа о своей жизни для того, чтобы не вызывать сомнений в легитимности положения Маргреты... этого я никак не мог допустить.

— Вот, пожалуй, и все. Если бы мы оказались в моем родном мире, мы могли бы просто позвонить в штаб-квартиру ЦАП в Канзас-Сити, штат Канзас, и вам бы все это подтвердили. У нас был очень удачный год, и я взял отпуск. Купил билет на дирижабль «Граф фон Цеппелин» Североамериканской аэрокомпании от Канзас-Сити, через Сан-Франциско и Хило, до самого Таити, где и пересел на круизный теплоход «Конунг Кнут», что, можно сказать, приводит нас к дате, с которой я начал свой рассказ.

— Все это звучит, как сказали бы у нас, весьма кошерно. А сам рассказ очень интересен. А вы возродились во Христе?

— Разумеется. Вряд ли я сейчас могу похвастаться особой благодатью, но... я работаю над собой. Мы ведь подошли к последним дням, брат, так что надо торопиться. А ты возрожден во Господе?

— Об этом поговорим потом. Как звучит второй закон термодинамики?

Я скорчил кислую мину.

— Энтропия непрерывно возрастает. Вот на этом-то я и споткнулся.

— Ну а теперь расскажите мне об Алеке Грэхеме.

— О нем я почти ничего не знаю. Судя по паспорту, он родился в Техасе, но вместо места жительства там фигурирует адрес юридической конторы в Далласе. Насчет остального лучше спросить Маргрету; она его знала, я — нет.

О щекотливой истории с миллионом долларов я умолчал, ибо ничего в ней объяснить не мог... да и Марга знала о ней только с моих слов; самих денег она не видела.

— Марджи! Вы можете просветить нас насчет Алека Грэхема?

Она помедлила с ответом.

— Боюсь, ничего не смогу добавить к тому, о чем вам уже сказал мой муж.

— Эй! Вы меня разочаровываете. Ваш муж подробно описал нам доктора Джекила — а вы не хотите нарисовать портрет мистера Хайда. Он пока остается белым пятном. Только адрес для писем в Далласе и ничего больше.

— Мистер Фарнсуорт, я полагаю, вы никогда не работали судовой горничной?

— Не-а. Не работал. Зато был судовым стюардом на сухогрузе. Сделал два рейса, еще мальчишкой.

— Тогда вы поймете. Горничной много известно о своих пассажирах. Она знает, как часто они принимают ванну. Как часто меняют белье. Ей известно, как они пахнут... а пахнут все, только одни — хорошо, а другие — дурно. Она знает, какого сорта книги они читают и читают ли вообще. Но прежде всего она узнает, стоящие ли они люди — честные, щедрые, заботливые, сердечные. Она знает все необходимое, чтобы судить о том, каков человек. Но ей, скорей всего, ничего не известно ни об их профессии, ни о том, откуда они родом или какое у них образование, и обо всех других подробностях, которые хорошо известны их друзьям. До экскурсии к огнеходцам я четыре недели была горничной, отвечающей за каюту Алека Грэхема. Две недели из этих четырех я была его любовницей и совершенно

потеряла голову от любви. Потом из-за его амнезии в наших, столь радостных для меня отношениях наступила долгая пауза, а когда мы наконец возобновили свою связь, я вновь стала счастливой. И вот уже четыре месяца я его жена, и, хотя эти месяцы полны бед и невзгод, еще никогда в жизни я не была так счастлива. Именно так я чувствую себя сегодня и надеюсь, что так будет вечно. Вот и все, что я знаю об Алеке Грэхеме, моем муже.

Она улыбнулась мне сквозь слезы, и у меня тоже защирило в глазах.

Джерри вздохнул и покачал головой:

— Да, здесь без царя Соломона не разберешься. А я — не он. Я верю обеим вашим версиям, хоть одна из них явно ошибочна. Ладно, не имеет значения. Моя жена и я — приверженцы мусульманского понимания гостеприимства — это то, чему я научился во время последней войны. Примете ли вы наше гостеприимство на денек-другой? Лучше соглашайтесь.

Марга взглянула на меня, и я согласился.

— Отлично. Ну а теперь проверим, дома ли хозяин. — Он повернул сиденье к приборной доске и чего-то коснулся. На доске вспыхнул свет, что-то пискнуло. Лицо Джерри просветлело, и он сказал:

— Герцогиня, это ваш любимый муж.
— Ах, Ронни! Как я рада тебя слышать!
— Нет, не Ронни! Угадай кто.
— Альберт? Тони? Энди? Джим?
— Ну-ка, еще разок, и будет порядок. Со мной гости.
— Да, Джерри?
— Гости к ужину, на ночлег, а может, и дольше.
— Хорошо, любимый. Сколько, какого пола и когда вы приедете?

— Сейчас спрошу Губерта. — Он опять чем-то шелкнул. — Губерт говорит, что через двадцать семь минут. Гостей двое. Тот, что сидит рядом со мной, — примерно двадцать три года, волосы светлые, длинные и выющиеся, глаза синие, рост пять футов семь дюймов, вес примерно сто двадцать фунтов, остальные параметры не проверял, но

они близки к тем, что у нашей дочки. Пол женский. Я абсолютно уверен, что это женщина, поскольку на ней нет даже набедренной повязки.

— Хорошо, милый. Я выцарапаю ей глаза. Но сначала покормлю, разумеется.

— Отлично. Не волнуйся, она угрозы не представляет: с нами ее муж, он следит за ней как ястреб. Я говорил, что он тоже голый?

— Не говорил. Как интересно.

— Тебе его размеры сообщить? Если да, то уточни — в покое или в возбуждении?

— Мой дорогой, я счастлива, что ты все такой же старый греховодник. А теперь прекрати смущать наших гостей.

— В моей методе есть толика безумия, герцогиня. А голые они потому, что у них совсем нет одежды. Однако я подзреваю, что смутить их очень легко. Поэтому, пожалуйста, встречай нас у ворот с ворохом одежды. Нужную статистику ты имеешь, кроме... Марджи, предъявите-ка вашу ногу...

Марга беспрекословно приподняла ногу, он ощупал ступню и продолжил:

— Парочка твоих сандалий подойдет. А ему — пару шлепанцев. Моих.

— А его прочие размеры? Только не теряй времени на шуточки.

— Примерно моего роста и ширины плеч, но я по меньшей мере фунтов на двадцать тяжелее. Так что возьми из того, что я носил, когда был похудее. А если Сибил опять собрала полон дом своих юных варваров, пожалуйста, прими решительные меры и не подпускай их к воротам. Наши гости — люди застенчивые. Мы представим их, когда они оденутся.

— Будет выполнено беспрекословно, сэр. Но, по-моему, самое время представить их мне.

— *Mea culpa*¹. Любимая, это Маргрета Грэхем, миссис Алек Грэхем.

¹ Моя вина (лат.).

— Привет, Маргрета! Добро пожаловать.
— Благодарю вас, миссис Фарнсуорт.
— Лучше просто Кэтрин или Кейт.
— Кэтрин. Не могу выразить, как мы благодарны вам за то, что вы делаете... когда мы так несчастны... — Моя любимая всхлипнула, утерла слезы и сказала: — А это мой муж. Алек Грэхем.

— Здравствуйте, миссис Фарнсуорт. И разрешите мне тоже поблагодарить вас.

— Алек, везите девушку сюда немедленно. Я очень хочу ее видеть. И вас тоже.

— Губерт говорит, двадцать две минуты, герцогиня, — вмешался Джерри.

— *Hasta la vista!*¹ Отключайся и дай мне заняться делами.

— Отбой.

Джерри снова повернул сиденье к нам.

— Кейт подыщет вам достойный наряд, Марджи... хотя в вашем случае следовало бы принять специальный закон против ношения одежды. Послушайте, а вам не холодно? Я тут заболтался и совсем забыл. Обычно температура в машине позволяет чувствовать себя хорошо в одежде. Но Губерт все в минуту поправит.

— Я из викингов, Джерри, мы никогда не мерзнем. В большинстве помещений мне просто жарко.

— А как вы, Алек?

— Мне достаточно тепло, — ответил я, лишь чуточку уклоняясь от истины.

— Я думаю... — начал было Джерри.

...и тут небеса вдруг раскололись, и с них хлынул ослепительный свет. А меня внезапно охватило горькое предчувствие беды, когда я понял, что мне так и не удалось вернуть любимую к благодати...

¹ До свидания! (исп.)

И отвечал сатана Господу, и сказал:
разве даром богобоязнен Иов?

Книга Иова, 1: 7

Можешь ли ты исследованием найти Бога?
Можете ли совершенно постигнуть
Вседержителя?

Книга Иова, 11: 7

Я ждал, когда же раздастся трубный глас.

Мои чувства смешались. Жаждал ли я вознестись живым на небо? Чувствовал ли себя готовым пасть в любящие объятия Иисуса? Да, Господь мой, да! Без Маргреты? Нет! Нет! Тогда ты избрал муки вечные в преисподней? Да... Нет, но... Выбирай же!

Мистер Фарнсуорт посмотрел вверх:

— А малютка-то здорово идет!

Я уставился сквозь прозрачную крышу автомобиля. Прямо над головой горело второе солнце. По мере того как я присматривался к небесам, оно делалось меньше и тусклее.

— Точно по расписанию, — продолжил Джерри. — Вчере вылет задержался, пропустили «окно». Пришлось рокироваться. А когда сидишь на пусковой платформе и атомный котел уже запущен, то даже небольшая заминка, связанная с выходом на орбиту, может вполне лишить тебя всякой надежды на прибыль. А вчера-то и аварии не было. Так, никому не нужная проверка по приказу какого-то толстозадого из НАСА. Вот ведь как получается.

Он вроде бы говорил по-английски.

— Мистер Фарнсуорт... Джерри... что это было? — испуганно выдохнула Маргрета.

— А? Вы что, никогда не видели запусков ракеты?

— Я не знаю, что такое запуск.

— М-да... Марджи, тот факт, что вы с Алеком явились из другого мира или миров, еще не просочился в мою толстенную черепушку. В вашем мире нет космических путешествий?

— Я не понимаю, о чем вы. Наверное, нет.

Я сообразил, что он имеет в виду, и поспешно вмешался:

— Джерри, вы говорите о полетах на Луну, не так ли? Как у Жюль Верна?

— Да. Примерно так.

— Это эфирный корабль? Он летит к Луне? О святой Моисей! — Этот вульгаризм сорвался с моих уст произвольно.

— Не торопитесь. Это не эфирный корабль, это беспилотная грузовая ракета. Направляется она не на Луну, а летит только до НОО, то есть до низкой околоземной орбиты. Потом она вернется, приводнится недалеко от Галвестона, а оттуда ее перевезут в Северотехасский порт, откуда снова запустят на следующей неделе. Но часть ее груза действительно попадет в Луна-Сити или в Тихо-Нижний, а кое-что, может быть, даже на астероиды. Ясно?

— Э-э-э... не вполне.

— Ну, во время второго срока президентства Кеннеди...

— Кого?

— Джон Ф. Кеннеди. Президент с шестьдесят первого по шестьдесят девятый год.

— Прошу прощения, мне опять придется переучивать историю. Джерри, при бросках из одного мира в другой больше всего сбивает с толку не новая техника вроде телевизоров, реактивных самолетов или космических кораблей, а различия в истории.

— Ладно... Когда доберемся до дому, я вам дам историю Америки и историю космических полетов. Дома у меня такого добра много. Я, знаете ли, в космосе, можно сказать, по горло — начал делать модели ракет еще мальчонкой, а теперь я не только хозяин транспортной компании «Диана», но и владелец долей в «Лестнице Иакова» и «Бобовом стебле», обе в настоящее время убыточны, но... — Увидев

выражение моего лица, Фарнсуорт сказал: — Извините. Я вам дам книги, почитаете, а потом и потолкуем. — Он посмотрел на приборную доску, нажал на что-то, опять посмотрел, снова нажал и объявил: — Губерт говорит, что звук будет слышен через три минуты и двадцать одну секунду.

Дошедший до нас звук меня весьма разочаровал. Я ожидал громового удара, под стать невероятно яркой вспышке. Вместо этого довольно долго звучал низкий гул, который постепенно сошел на нет; я так и не заметил, когда именно он прекратился.

Через несколько минут автомобиль съехал с шоссе, свернул направо по огромному кругу, а затем, промчавшись по туннелю, проложенному под шоссе, выехал на другую, более узкую дорогу. По ней (на указателе значилось: «83-я трасса») мы ехали минут пять, а затем снова послышался ровный писк и замигали световые сигналы.

— Слышу, — сказал мистер Фарнсуорт. — Погоди.

Он повернул сиденье вперед и ухватился за обе рукояти.

Следующие несколько минут были исключительно впечатляющими. Мне вспомнились слова мудреца из Ганнибала: «Если б не почести, я б лучше пешочком прошелся». Мистер Фарнсуорт, видимо, рассматривал каждое потенциальное столкновение, предотвращенное на расстоянии, легко поддающееся измерению, как нечто противоречащее спортивной этике. «Мягкое месиво» раз за разом спасало нас от синяков, а может быть, и от переломов. Снова запишало механическое устройство — бип-бип-бип! — но Фарнсуорт рывкнул: «Заткнись! Занимайся своими делами, а я — своими!» И снова подверг нас опасности почти неминуемого столкновения.

Затем мы свернули на узкую, частную, как я решил, дорогу, поскольку въезд на нее перекрывала арка с надписью «ФАНТАЗИИ ФАРНСУОРТА». По пологому склону мы поднялись на вершину холма, где скрытые деревьями высокие ворота широко распахнулись при нашем приближении.

Там-то мы и встретились с Кейт Фарнсуорт.

Если вы добрались до этого места в моих мемуарах, то знаете, что я влюблен в свою жену. Это величина постоянная, вроде скорости света, вроде любви Бога Отца. Так знайте же, что вдруг я понял, что могу любить другого человека, другую женщину, нисколько не умаляя любви к Маргрете, не помышляя отнять эту женщину у ее законного мужа, любить без похоти, не стремясь к обладанию ею. Ну, во всяком случае, не очень стремясь.

Встретив ее, я понял, что пять футов и два дюйма — самый идеальный рост для женщины, что сорок лет — идеальный возраст, сто десять фунтов — наилучший вес, а контральто — прекраснейший регистр женского голоса. То, что моя любимая не обладала этими качествами, значения не имело; Кейти Фарнсуорт делала вышеуказанные качества идеальными для себя лично, ибо вполне довольствовалась тем, какова она есть в натуре.

Она наповал сразила меня своим непревзойденным доказательством истинного гостеприимства, подобного которому я не видел никогда.

От мужа она знала, что мы совершенно голые; вдобавок он предупредил, что мы стыдимся своей наготы. Поэтому она принесла нам одежду.

Сама же была полностью обнажена.

Нет, не так; это я был голым, она же лишь не одета. Нет, и это не верно. Голая? Нагая? Обнаженная? Раздетая? Нет. Она была одета в свою красоту, подобно праматери Еве до грехопадения. В этом наряде она выглядела столь естественно, что я не мог понять, отчего прежде считал отсутствие одежды крайним проявлением непристойности.

Похожие на створки раковины дверцы машины поднялись; я выбрался наружу и помог выйти Маргрете. Миссис Фарнсуорт уронила все, что держала, обняла Маргрету и поцеловала.

— Маргрета! Добро пожаловать, дорогая!

Моя девочка ответила на объятие объятием, и опять на ее глаза навернулись слезы. Затем миссис Фарнсуорт протянула руку мне:

— Рада видеть и вас, мистер Грэхем... Алек.

Я взял ее руку, но не пожал. Я бережно принял ее, как драгоценный фарфор, и низко склонился над ней. Я чувствовал, что должен ее поцеловать, но меня не учили, как это делается.

Для Маргреты миссис Фарнсуорт приготовила летнее платье цвета глаз моей любимой. Его покрой напоминал о мифической Аркадии; вполне можно допустить, что такие платья носили дриады. Оно держалось на левом плече, оставляя правое открытым, и запахивалось по фигуре, причем две ленты, прикрепленные к запахивающимся краям, служили своеобразным поясом; одну следовало пропустить в петельку сбоку, обвить вокруг талии и завязать бантом на правом боку. Я сообразил, что наряд относится к числу безразмерных моделей — он прекрасно сидел на любой фигуре, и его можно было сделать облегающим либо свободным, в зависимости от того, как туго завязать.

Кейт также принесла Марге голубые сандалии, под цвет платья. Для меня же у нее нашлись мексиканские шлепанцы, с открытыми мысками и без задников. Они годятся на любую ногу и в этом отношении сходны с одеянием Маргреты, так как все дело в том, как затянуть ремешки. Я получил брюки и рубашку, которые на первый взгляд походили на купленные в магазине «Второе дыхание», только эти были сшиты на заказ из тончайшей «летней» шерсти и ничуть не напоминали ширпотреб из дешевого хлопка. Носки и трикотажные шорты тоже прекрасно подошли мне по размеру и сидели как влитые.

Когда мы оделись, то оказалось, что на траве осталась одежда самой Кейт. Только тогда я понял, что она дошла до ворот одетой, разделась уже здесь и ждала нас «одетая» так же, как мы.

Вот она, истинная вежливость!

Мы оделись и все сели в машину. Мистер Фарнсуорт немного помедлил, прежде чем включить мотор.

— Кейт, наши гости — христиане.

Миссис Фарнсуорт пришла в полный восторг:

— Ой как интересно!

— Вот и я так подумал. Алек? *Verb. sap.*¹ В наших краях не так уж много христиан. Вы можете свободно выражать свои мысли в разговорах со мной или с Кейти... Но при чужих лучше не афишировать свои убеждения. Вы меня поняли?

— Э-э-э... боюсь, что нет. — Голова у меня шла кругом, а в ушах звенело.

— Ну... закон здесь не воспрещает верить в Христа. В Техасе существует свобода вероисповедания. Однако христианство здесь не слишком популярно, и отправление христианских религиозных церемоний происходит в большинстве случаев, так сказать, в подполье. Хм... если вы захотите войти в контакт с единоверцами, то мы наверняка сможем отыскать их катакомбы. Верно, Кейт?

— Ну конечно, мы найдем того, кто в курсе дела. Я осторожно спрашиваю.

— Только если Алек попросит, милая. Алек, никакой опасности, что вас побьют камнями, нет. Наш штат — это вам не какое-нибудь деревенское захолустье. Так что особых неприятностей не ждите. Но я не хочу, чтобы моих гостей в чем-то ущемляли или оскорбляли.

Кейти Фарнсуорт добавила:

— Сибил...

— Ах да! Алек, наша дочь — хорошая девочка и вполне цивилизованна, насколько это слово применимо к тинейджерам. Но она обучается колдовству и только недавно приобщилась к Древней религии. И поскольку она одновременно и прозелит, и тинейджер, то относится к религии очень серьезно. Сибил не станет грубить гостям — Кейти обучила ее хорошим манерам. Кроме того, она знает, что в случае чего я с нее шкуру живьем спущу. Однако я был бы вам очень признателен, если бы вы не дали повода для ненужного нервного напряжения. Вы же знаете, каждый подросток — бомба с часовым механизмом, которая только и ждет, чтобы взорваться.

¹ Сокращенная латинская поговорка «*Verbum (dictum) sapienti sat est*» — *зд.* «Умный понимает с полуслова».

Маргрета ответила за меня:

— Мы будем очень осторожны. А Древняя религия — это что, культ Одина?

У меня просто мороз по коже прошел. А я ведь и без того чувствовал, что теряю почву под ногами и вряд ли выдержу дополнительный стресс. Однако Джерри ответил:

— Нет. Во всяком случае, не думаю. Вы спросите у Сибил, если не побоитесь, что она вас насмерть заговорит. Она ведь обязательно попробует обратить вас в свою веру. Жутко настойчивая девица.

— Не помню, чтобы Сибил упоминала Одина, — заметила Кейти Фарнсуорт. — Обычно она говорит о «богине». А друиды почитают Одина? Право, не знаю. Боюсь, что Сибил смотрит на нас как на ископаемые, а потому не считает нужным обсуждать с нами теологические вопросы.

— Ну тогда и мы не станем их обсуждать, — поддержал ее Джерри, и машина двинулась по подъездной дорожке.

Особняк Фарнсуортов был длинный, приземистый и не слишком изысканный в архитектурном смысле; зато было в нем нечто такое, что заставляло подумать о неге и изобилии. Джерри остановил машину у подъезда, и мы вышли. Он похлопал автомобиль по крыше, как похлопывают по шее доброго коня. Машина отъехала и завернула за угол дома как раз в ту минуту, когда мы входили в дверь.

Я не стану много говорить о доме; он был прекрасен и по-техасски роскошен, однако не вызывал особого желания его подробно описывать. Большую часть того, что мы видели, Джерри называл «голые граммы». Как их охарактеризовать? Застывшие грезы? Трехмерные картины? Скажу лишь одно: стулья были настоящие. То же самое относится и к столешницам. До всего остального в этом доме следовало дотрагиваться с осторожностью, убедившись сначала, что предмет, прекрасный как радуга, не является столь же иллюзорным, как и она.

Не знаю, как создаются такие фантомы. Может быть, в этом мире законы физики не совсем таковы, как в Канзасе моих юных лет.

Кейт ввела нас в комнату, которую Джерри называл «общей гостиной» и увидев которую он чуть не окаменел.

— Проклятуший индийский бордель!

Потолок огромной комнаты уходил в высоту, невероятную для одноэтажного дома в стиле ранчо. Все стены, арки, альковы, потолочные балки и сам потолок были украшены барельефами и статуями. Но какими! Я почувствовал, что краснею. Фигуры были, видимо, скопированы с пресловутого храма в Южной Индии — с того самого, который демонстрирует все возможные разновидности извращенного сладострастия, причем в самых вульгарных и непристойных подробностях.

Кейти воскликнула:

— Извини, родной. Здесь молодежь порезвилась! — Она быстро отошла куда-то влево и исчезла в ближайшей скульптурной группе. — Какую программу включить, Джеральд?

— Э-э-э... Ремингтон номер два.

— Будет сделано.

Непристойные фигуры внезапно исчезли, потолок опустился, и теперь его покрывала штукатурка и деревянные балки, одна стена комнаты стала «пейзажным окном» с видом на горы — больше похоже на Юту, чем на Техас; противоположная стена украсилась массивным каменным камином, в котором весело потрескивал огонь; мебель обрела формы, свойственные так называемому «стилю испанских миссий», а пол оказался сложенным из мраморных плит, покрытых индейскими коврами.

— Отлично. Спасибо, Кэтрин. Присаживайтесь, друзья. Выбирайте местечко по вкусу и располагайтесь поудобнее.

Я сел, решив держаться подальше от того, что явно было «отцовским креслом» — массивным и обитым настоящей кожей. Кейти и Марга выбрали кушетку. Джерри уселся в «отцовское» кресло.

— Любимая, что будешь пить?

— Кампари с содовой, пожалуйста.

— Слабачка! А вы, Марджи?

— Мне тоже кампари с содовой.

— Две слабачки. Алек?

— И мне того же.

— Сынок, слабому полу я еще могу дать поблажку. Но уж взрослому мужчине — никак. Давайте-ка снова.

— Э-э-э... шотландский виски с содовой.

— Если бы у меня был под рукой хлыст, я бы вас высек. Дружище, у вас остался только один шанс.

— Э-э-э... бурбон с водой.

— Ну наконец-то! «Джек Дэниелс», воду отдельно. Недавно в Далласе какой-то тип попытался заказать себе ирландский виски, так его, знаете ли, вынесли из города на шесте — но потом, правда, извинились. Выяснилось, что он янки, а потому откуда ж ему знать, что хорошо, а что плохо.

Говоря, наш хозяин все время постукивал пальцами по миниатюрному столику, что стоял возле кресла. Когда он наконец прекратил барабанить, на столике у моего кресла появились стопка с коричневой жидкостью и стакан воды. Тут я увидел, что и остальные обслужены таким же способом. Джерри поднял свой стакан:

— Ну, выпьем за то, чтоб у нас всегда водились конфедератские деньжонки! *Salud!*

Мы выпили, а он продолжал:

— Кэтрин, ты не знаешь, где прячется наша разбойница?

— Думаю, они все купаются в бассейне, милый.

— Так.

Джерри снова нервно побарабанил по столику. Внезапно прямо перед ним из ниоткуда возник трамплин, на котором сидела юная дева, залитая ярким солнечным светом, хотя в комнате царил прохладный сумрак. На теле девушки сверкали капельки воды. Сидела она лицом к Джерри и, следовательно, спиной ко мне.

— Привет, пискля!

— Привет, папуля. Чмоки-чмоки.

— Со свинтусами не целуюсь. А ты помнишь, когда я последний раз тебя хорошенько отшлепал?

— В день, когда мне исполнилось девять. Я еще подожгла тетю Милли. А в чем я сегодня провинилась?

— Заклинаю тебя позолоченными полновесными половыми придатками Бога, с какого перепугу ты оставила в гостинной эту вульгарную порнографическую программу?

— Папуля, куколка, не выступай. Я же видела кое-какие книжонки в твоей библиотеке.

— Не твое дело, что я храню в своей личной библиотеке! Отвечай на вопрос.

— Я забыла ее выключить, папочка. Извини, пожалуйста.

— То же самое сказала корова миссис Мерфи, но пожар от этого не погас. Послушай, милочка, тебе не возбраняется менять программы в свое удовольствие. Однако, после того как наиграешься, ты обязана вернуть дисплей в то состояние, в котором ты его нашла. А если не знаешь, как это сделать, переключи на ноль, чтобы на дисплее ничего не было.

— Да, папочка. Я просто забыла.

— И не елозь ты так, я еще не договорил. Заклинаю тебя колоссальными медными яйцами Кощея, признавайся, где ты выкопала эту программу?

— В университетском городке. Это учебная программа по курсу тантрической йоги.

— Тантрическая йога? Слушай ты, Вертялая Попка, тебе этот курс ни к чему. Мама об этом знает?

— Я ее и уговорила, дорогой, — пояснила Кэтрин. — Сибил, как всем известно, очень талантлива. Но одного таланта мало. Хорошее образование ей не помешает.

— Вот как! Я никогда не спорю с мамой по таким вопросам, а потому отожду на заранее подготовленные позиции. Насчет твоей программы. Как ты ее получила? Известны ли тебе законы, регулирующие распространение материалов, на которые имеется копирайт? Мы оба помним, какой шум подняли из-за записей *Jefferson Starship*...

— Папочка, ты прямо как слон, никогда и ничего не забываешь.

— Верно. Только я гораздо хуже слона. Предупреждаю, что все сказанное тобой будет записано и использовано против тебя в другом месте и в другое время. Что скажешь?

— Требую адвоката.

— Ах так! Значит, все-таки чистое пиратство с твоей стороны?

— А тебе очень хочется, чтоб так оно и было? Так вот — фиг тебе! Мне тебя очень жаль, папочка, но я оплатила сумму, указанную в каталоге, — в полном размере и наличными. А программу мне скопировали в университетской библиотеке. Вот так. Съел?

— Думаешь, выкрутилась? Бросаешь деньги на ветер.

— Не думаю. Мне она нравится.

— Мне — тоже. Но ты выбросила деньги на ветер. Надо было меня спросить.

— Да ну?

— Попалась! Я-то сначала думал, что ты подобрала ключи к моему кабинету или открыла дверь заклятием. Рад слышать, что ты всего лишь экстравагантна. Сколько ты заплатила?

— Хм... со студенческой скидкой — сорок девять пятьдесят.

— Что ж, недорого. Я заплатил шестьдесят пять. Смотри, если эта сумма вдруг всплывет в твоих счетах за семестр, я вычту ее из твоих карманных расходов. Еще одно, моя сладенькая: у нас в гостях очень милые люди. Леди и джентльмен. Так вот, мы вошли в гостиную, точнее, в то, что раньше ею было. И этим милым людям пришлось любоваться твоей камасутрой в самых что ни на есть натуральных цветах. Как это тебе?

— Но я же не хотела...

— Ладно, забудем. Но запомни, что шокировать людей крайне невежливо, особенно если они — гости. В следующий раз будь поосторожней. Ужинать придется?

— Да. При условии, что меня отпустят пораньше и я помчусь со всех ног. Свидание, папочка.

— А когда вернешься домой?

— Не вернусь. Мы до утра репетируем «Сон в летнюю ночь». На шабаш соберутся тринадцать ведьмовских ковенов.

Он вздохнул:

— Гм. Уф, хвала трем старым каргам, что ты сидишь на пилюлях.

— Пилюли-люли. Тормоз ты, папочка. На шабашах не беременеют, это всем известно.

— Всем, кроме меня. Ладно. Спасибо и на том, что согласилась с нами отужинать.

Внезапно она с визгом свалилась с трамплина. Камера отслеживала ее падение.

Над бассейном взметнулся фонтан брызг, а потом Сибил всплыла, отплеываясь.

— Папочка, ты меня спихнул!

— И как у тебя язык поворачивается говорить такое? — ответил тот, притворяясь обиженным.

Живая картина мгновенно исчезла.

Как бы продолжая разговор, Кейти Фарнсуорт сказала:

— Джеральд все пытается командовать дочкой. Разумеется, без особых успехов. Лучше бы затащил ее в постель и удовлетворил свои инцестуальные желания. Но и он, и она для этого слишком благодетельны.

— Женщина, напомни мне, чтобы я тебя выпорол.

— Конечно, дорогой. Тебе не пришлось бы даже применять силу. Ты только скажи, чего хочешь, и она разрыдается от облегчения и тут же тебе отдастся. И все у вас получится в самом лучшем виде. Я права, Маргрета?

— Да, конечно.

К этому времени я был настолько шокирован, что ответ Маргреты меня не возмутил.

Ужин восхитил бы заправского гурмана и возмутил бы светского льва. Стол накрыли в обеденном зале, то есть в той же общей гостиной, но с совершенно другой голографической программой. Потолок стал выше, окна — огромные, расположенные через равные промежутки и обрамленные тяжелыми портьерами — выходили в ухоженный сад.

Один из предметов мебелировки въехал в комнату самостоятельно — уж он-то точно не был голограммой, а если и был, то не полностью. Этот банкетный столик, насколько я понимаю, служил одновременно буфетной, плитой, холодильником — короче, представлял собой прекрасно оборудованную кухню. Таково мое мнение, которое вполне может быть оспорено. Я могу только утверждать, что никаких слуг не видел, а наша радушная хозяйка ничего ровным счетом не делала. Тем не менее муж нахваливал ее отличную стряпню и делал это с превеликой вежливостью; мы — тоже.

Джерри все-таки кое-чем занимался: нарезал мясо (великолепный ростбиф на кости, которого хватило бы на отряд голодных скаутов) и, не сходя с места, разложил его по тарелкам. Наполненная тарелка медленно подплывала к тому, кому предназначалась, подобно игрушечному поезду, бегущему по рельсам, хотя ни поезда, ни рельсов тут не было. Возможно, соответствующие механизмы были скрыты голограммами. Впрочем, это лишь спрятало бы одно чудо за другим.

(Позже я узнал, что в этом мире техасские богачи держали прислугу и даже хвастались этим. Но у Джерри и Кейти скромные вкусы.)

За столом нас было шестеро: Джерри — на одном конце, Кейти — на другом, Маргрета сидела справа от Джерри, его дочь Сибил — слева, я — справа от хозяйки, а слева от нее — юноша, с которым встречалась Сибил.

Звали молодого человека Родерик Лаймен Калверсон Третий; мое имя он не уловил. Я уже давно подозревал, что самцов нашего вида, как правило, следует выращивать в бочонках и кормить сквозь дырку для затычки. А по достижении восемнадцатилетнего возраста торжественно принимать решение — выпустить чадо в люди или наглухо закупорить его в бочонке.

Юный Калверсон не дал мне оснований изменить это мнение. И я охотно проголосовал бы за то, чтобы упомянутую выше дырку закупорили.

В самом начале ужина Сибил объяснила, что они оба из одного университета. Тем не менее Калверсон был в равной степени чужд и нам, и Фарнсуортам.

Кейт спросила:

— Родерик, вы тоже учитесь колдовству?

Он поглядел так, будто понюхал какую-то дрянь, но Сибил спасла его от необходимости отвечать на столь грубый вопрос.

— Мапочка! Род удостоился атама уже несколько лет назад.

— Простите мое невежество, — спокойно произнесла Кейти. — Атам — это диплом, который выдают по окончании обучения?

— Это священный нож, которым пользуются при различных ритуалах. Его можно применять...

— Сибил! Здесь присутствуют иноверцы! — Калверсон бросил укоризненный взгляд на Сибил, а потом уставился на меня.

Я подумал, что ему здорово пошел бы фонарь под глазом, но постарался убрать с лица даже следы этой мысли.

Джерри спросил:

— Значит, теперь вы остепененный чернокнижник, Род?

Сибил опять вмешалась:

— Папочка! Правильный термин...

— Помолчи-ка, сладенькая, пусть он сам ответит. Так что же, Род?

— Это слово употребляют невежды...

— Погоди-ка, Род! В некоторых вопросах я недостаточно информирован и в таких случаях стараюсь пополнить свои знания; именно этим я сейчас и занят. А ты не имеешь права, сидя за моим столом, упрекать меня в невежестве. Ну а теперь ответь мне, и, пожалуйста, без этих, как их там... обсинуаций.

Калверсон негодующе раздул ноздри, но взял себя в руки.

— Адепта нашего искусства обычно именуют «ведьма» или «ведьмак», «ведун» или «ведунья». «Маг» или «кол-

дун» — приемлемая формулировка, но технически не очень точная; она означает «чародей» или «волшебник»... но не все волшебники — ведьмы, и не все ведьмы занимаются магией... Слово же «чернокнижник» употребляется в оскорбительном смысле, так как ассоциируется с поклонением дьяволу. А наше искусство — отнюдь не поклонение дьяволу; к тому же употребленный вами термин и его производные подразумевают нарушение запрета, клятвопреступление — а ведьмы ни клятв, ни запретов не нарушают. Поправка: наше искусство запрещает нарушать клятвы. Ведьме, нарушившей клятву, данную даже иноверцу, грозит суровая кара, а в особо тяжких случаях — изгнание. Поэтому меня следует именовать не «остепененный чернокнижник», а «посвященный мастер» или, если вам так угодно, «ведьмак».

— Хорошо сказано! Благодарю вас. Примите мои извинения за то, что воспользовался словом «чернокнижник» применительно к вам... — произнес Джерри и выжидающе умолк.

После долгой паузы Калверсон поспешно добавил:

— Да-да, конечно! Я несколько не обижен, да и обижаться тут не на что.

— Благодарю. И хочу добавить к вашим комментариям в отношении производных, что слово «ведьма» происходит от слова «ведать», то есть означает того, кто обладает ведовством, иначе говоря, знанием, мудростью... Чем, видимо, и объясняется тот факт, что большинство ведьм — женщины. Можно предположить, что наши предки знали нечто такое, чего мы не знаем. Во всяком случае, ваше «искусство» — это сокращенное обозначение понятия «искусство мудрости». Верно?

— О да! Мудрость. Именно на ней и основана Древняя религия.

— Отлично. Сынок, а теперь слушай меня внимательно. Мудрость включает в себя способность не злиться без необходимости. Закон игнорирует мелочи, и так же поступает мудрый человек. Мелочи вроде тех, когда юная де-

вушка пытается объяснить иноверцам, что такое атам — кстати, само по себе это знание вовсе не является эзотерическим, — или когда старый дурень использует какой-то термин не по назначению. Понятно тебе? — Джерри подождал ответа, а потом негромко повторил: — Я спрашиваю, понятно тебе?

Калверсон глубоко вздохнул:

— Да-да, мне все понятно. Мудрый человек не обращает внимания на мелочи.

— Хорошо. Не желаете ли еще ростбифа?

После этого Калверсон вел себя примерно. Я — тоже. И Сибил. Кейти, Джерри и Маргрета поддерживали вежливую застольную беседу, не обращая внимания на то, что одного из гостей только что прилюдно выпороли. Потом Сибил спросила:

— Папочка, вы с мамой хотите, чтобы в пятницу я посетила церемонию поклонения огню?

— «Хотите» — в данном случае неприменимое слово, поскольку ты избрала иную религию, — ответил Джерри. — «Надеемся» будет точнее.

Кейти добавила:

— Сибил, сегодня ты считаешь, что тебе не надо иного духовного окружения, кроме твоего ковена... Однако впоследствии все может измениться. Насколько мне известно, Древняя религия не запрещает своим приверженцам участвовать в религиозных отправлениях иных верований?

Тут снова вмешался Калверсон:

— Это связано с многовековой, многотысячелетней историей преследований нашей религии, миссис Фарнсуорт. По нашим законам, каждый участник ковена официально принадлежит к какому-нибудь общепризнанному вероисповеданию. Правда, теперь мы не настаиваем на строгом соблюдении этого правила.

— Понятно, — сказала Кейти. — Спасибо, Родерик. Сибил, раз твоя религия поощряет принадлежность к дру-

гой вере, вероятно, будет неплохо, если ты станешь регулярно посещать нашу церковь, чтобы не растерять свои зачетные баллы. Возможно, в дальнейшем тебе это пригодится.

— Совершенно верно, — согласился отец. — Именно что зачетные баллы. Ты никогда не задумывалась о том, что твой родитель стал столпом конгрегации и обладателем толстой чековой книжки именно потому, что он лучший в Техасе продавец «кадиллаков»?

— Папочка, а вот это уже совершенно бесстыдное хвастовство.

— Так оно и есть! Но хвастовство помогает продавать «кадиллаки». Кстати, насчет поклонения огню: ты прекрасно знаешь, что дело не в огне. Мы поклоняемся не огню, а тому, что он олицетворяет.

Сибил взволнованно теребила салфетку, ненадолго превратившись из вполне оформившейся молодой женщины в растерянную тринадцатилетнюю девочку.

— Папа, дело в том, что пламя всегда означало для меня нечто целительное, очищающее, связанное с бессмертием; но так было до тех пор, пока я не стала изучать наше искусство и его историю. Папочка, а теперь огонь несет ведьмам смерть!

Я чуть не поперхнулся от потрясения. До меня, так сказать, эмоционально еще не дошло, что эта парочка — ничем не выдающийся юный наглец и прелестная девушка, дочь Кейти и Джерри, двух несравненно добрых самаритян, — они оба колдуны.

Да-да, я знаю, Книга Исход, глава двадцать вторая, стих восемнадцатый: «Ворожеи не оставляй в живых». Такое же суровое наставление, как десять заповедей, данных Моисеем Господом в присутствии всех детей Израилевых...

И я не побрезговал преломить хлеб с ворожеями?!

Что ж, считайте меня трусом... Я не встал во весь рост и не проклял их. Я даже не шевельнулся.

Кейти ласково произнесла:

— Милая моя девочка! Это же было в Средние века. Не сегодня, не сейчас, не здесь.

— Миссис Фарнсуорт, всем ведьмам известно, что террор может начаться в любую минуту и по любой причине, — возразил Калверсон. — К примеру, если год выдастся неурожайным. И события в Салеме не в таком уж далеком прошлом. Да и сам Салем не так уж и далеко. Христиане еще остались. И, дай им волю, разожгут костры. Совсем как в Салеме.

У меня был шанс придержать язык, но я не утерпел:

— Ни одной ведьмы в Салеме не сожгли.

Родерик посмотрел на меня:

— А вы-то что знаете об этом?

— Ведьм отправляли на костер в Европе, а не здесь. В Салеме их вешали. Кроме одной, которую задавили до смерти.

(В Америке огнем никогда не пользовались. Господь Бог не велел нам терпеть их существование, но не приказывал умерщвлять их в муках.)

Родерик снова поглядел на меня:

— Вот как! Значит, вы оправдываете смерть через повешение?

— Я не говорил ничего подобного! — (Господи, прости меня грешного!)

В разговор вмешался Джерри:

— Объявляю эту тему закрытой и ее дальнейшего обсуждения за столом не потерплю. Сибил, мы не хотим, чтобы ты посещала службу, если тебе это неприятно или напоминает о печальных событиях. Кстати, о повешении: что нам делать с защитой «Даллас ковбойз»?

Два часа спустя Джерри Фарнсуорт и я опять сидели в той же комнате, но теперь работала программа «Ремингтон-3». За окнами метель, по ногам чуть дует, где-то вдали завывает одинокий волк, а у пышущего жаром камина — просто благодать. Джерри налил нам по чашке кофе, плеснул бренди в бокалы размером с небольшой аквариум.

— Какой-нибудь «Наполеон» или «Карлос Примеро» часто называют благородным напитком, — сказал он. —

В таком случае вот это королевский бренди, настолько королевский, что у него, наверное, гемофилия.

Я с трудом сглотнул. Шутка мне не слишком понравилась. Меня все еще пробирала дрожь при мысли о ведьмах... Об умирающих ведьмах. О болтающихся на виселице... о корчащихся в пламени... и у всех — лицо Сибил.

Есть ли в Библии определение ведьмы? А может, современные последователи так называемого искусства — вовсе не те, кого Иегова именовал ворожеями?

Хватит вилить, Алекс! Признай, что ворожеи в Книге Исход — то же самое, что современные ведьмы в Техасе. Ты судья, а она созналась. Сможешь ли ты приговорить дочь Кейти к повешению? Выбьешь ли у нее скамью из-под ног? Не увиливай, парень! Ты и без того всю жизнь увиливал.

Понтий Пилат умыл руки.

Я не осужу ворожею на смерть. Боже, спаси и сохрани, но я не могу иначе.

Джерри сказал:

— Выпьем за успех вашего предприятия. За ваш успех и успех Марджи. Отпивайте понемножку — тогда не опьянеете; бренди успокаивает нервы и оттачивает ум. Алекс, а почему вы думаете, что конец света близок?

Битый час я перечислял доказательства, объяснял, что упоминания о знамениях содержатся не в одном-единственном пророчестве, а во множестве библейских источников: и в Откровениях Иоанна Богослова, и в книгах пророков — Даниила, Иезекииля и Исаяи, — в посланиях Павла к фессалоникийцам и коринфянам... И в каждом из четырех Евангелий приводятся пророческие слова самого Иисуса.

К моему удивлению, у Джерри оказалась Библия. Я выбрал из нее отрывки, понятные неискушенному читателю, выписал номера глав и стихов, чтобы он мог изучить их на досуге. Были, конечно, отмечены четвертая глава (стихи пятнадцать—семнадцать) Первого послания к фессалоникийцам, вся двадцать четвертая глава Евангелия от Матфея и те же самые пророчества в двадцать первой главе Евангелия от Луки (стих тридцать два), где говорится: «...Не

прейдет род сей, как все это будет». Фактически же Христос сказал, что поколение, которое увидит эти знамения и чудеса, увидит и Его приход, услышит трубный глас и узрит Судный день. Это пророчество совершенно ясно, если читать его целиком, и вся путаница возникла лишь оттого, что из него выдирают кусочки и отдельные слова, забывая об остальном. Притча о смоковнице все это объясняет.

Я отобрал для Джерри также отрывки из Книг пророка Исаии, пророка Даниила и других Книг Ветхого Завета, где приводятся сходные пророчества.

Я передал ему все эти выписки и умолял тщательно их изучить, а если он натолкнется на какие-то трудности, привлечь дополнительные тексты. А главное — обратиться к Богу. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете».

Он ответил мне:

— Алек, я готов согласиться с вами в одном. События последних месяцев меня тоже наводят на мысль об Армагеддоне. Вот, к примеру, завтрашний день... Он вполне может оказаться концом света и Судным днем, а после него мало что останется. — Джерри печально вздохнул. — Я час-тенько задумывался, в каком мире будет жить Сибил. Теперь же меня тревожит другое: успеет ли она повзрослеть?

— Джерри, поработайте над этим! Найдите свой путь к Божией благодати. Потом приведите на него жену и дочь! Вам не нужен ни я, ни кто другой. Вам нужен сам Иисус. Сказал же Он: «Вот, стою у двери и стучу; если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечере-ть с ним, и он со Мною». Откровение Иоанна Богосло-ва, глава третья, стих двадцатый.

— Вы веруете.

— Верую.

— Алек, я хотел бы последовать вашему совету. Для тех, кто живет в современном мире, это стало бы подспорьем и утешением. Но видения древних пророков меня ни в чем не убеждают: в них можно углядеть что угодно. Теологиче-ские рассуждения — это как если бы непроглядной ночью в темном подвале искать черную кошку, которой там нет. Теологи способны убедить себя во всем, что им заблаго-

рассудится. И моя церковь такая же. Зато она откровенно пантеистична. А тот, кто поклоняется Троице и при этом настаивает, что его религия — монотеизм, способен поверить всему. Дай ему только время самого себя убедить. Извините меня за откровенность.

— Джерри, откровенность в религии необходима. «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстанет из праха распадающуюся кожу мою эту». Это опять Книга Иова, глава девятнадцатая. Он же и ваш Спаситель, Джерри. Я буду молить Бога, чтобы вы обрели Его.

— Боюсь, шансов на это маловато, — сказал Джерри, вставая.

— Это потому, что вы Его еще не отыскали. Не сдавайтесь. Я буду молиться за вас.

— Благодарю вас за доброе отношение. А как обувь? Не жмет?

— Все прекрасно. Спасибо.

— Раз уж вы решили двинуться в путь завтра утром, вам нужна обувь, которая не натрет мозолей до самого Канзаса. Так вы уверены, что все в порядке?

— Уверен. И уверен, что нам надо идти. Если мы останемся еще на день, вы нас так избалуете, что мы никогда отсюда не уйдем. — (На самом деле мне отчаянно не терпелось покинуть этот дом, но я не мог вслух сознаться в своем малодушии.)

— Давайте покажу вашу спальню. Только тихонько — Марджи, наверное, уже спит. Если, конечно, наши дамы не просидели за разговорами еще дольше, чем мы с вами.

У дверей спальни Джерри протянул мне руку:

— На случай, если вы правы, а я нет, напомним: вы сами сказали, что и вы можете не оказаться среди избранных.

— Верно, могу. Я далек от благодати, особенно сейчас. Мне над собой еще работать и работать.

— Ну, желаю счастья. А если вы и в самом деле не окажетесь среди избранных, то поищите меня в аду. Ладно?

Мне почудилось, что он говорит вполне серьезно.

— А я и не знал, что это дозволено.

— А вы попробуйте. И я попробую. Обещаю вам самое горячее гостеприимство, — ухмыльнулся он.

— Договорились! — с улыбкой ответил я.

Моя любимая уснула не раздеваясь. Я улыбнулся и тихонько улегся рядом, подложил ей руку под голову. Вот сейчас моя бедная девочка проснется, я помогу ей раздеться и уложу в постель. А потом я хорошенько обдумаю тысячи... ну ладно... десятки мыслей...

Вдруг я заметил, что светает. Матрас был в каких-то комах и очень кололся. Свет стал ярче, и я увидел, что мы лежим на тюках сена в амбаре.

И сказал Ахав Илии: нашел ты меня, враг мой!
Он сказал: нашел, ибо ты предался тому,
чтобы делать неугодное пред очами Господа.

Третья книга Царств, 21: 20

Последние девяносто миль по 66-му шоссе от Клинтон до Оклахома-Сити мы проделали одним отчаянным рывком, хотя снова остались без денег, без еды и без крова.

Мы видели дирижабль!

Это, разумеется, меняло все. Уже несколько месяцев я был безродным ничтожеством, нищим, только и умеющим мыть грязные тарелки, а по существу, бродягой. А здесь, в своем родном мире, меня ждала и хорошо оплачиваемая работа, и почетное место в обществе, и приличный счет в банке. Лишь бы поскорее закончилось это адское перебрасывание из одного мира в другой!

Утром фермер, который вез товары на продажу в город, подкинул нас до Клинтон. Маргрета удивленно вскрикнула, и я проследил за ее взглядом: над головой висел дирижабль — серебристый, обтекаемый, великолепный! Названия на борту было не видно, но, судя по эмблеме, корабль принадлежал Восточным авиакомпаниям.

— Экспресс Даллас—Денвер, — заметил фермер, вытаскивая часы из кармана комбинезона. — Опаздывает на шесть минут. Очень странно.

Я постарался скрыть волнение.

— В Клинтоне есть аэропорт?

— Нет, самый близкий — в Оклахома-Сити. Что, прискучило голосовать на дорогах? Захотелось полетать?

— Было бы здорово.

— Еще бы... Все лучше, чем копать в земле.

Я старательно поддерживал разговор о всяких пустяках до тех пор, пока фермер не посадил нас у городского рын-

ка. Как только мы с Маргретой остались вдвоем, я не сдержался и кинулся ее целовать, но тут же отстранился. В Оклахоме нравственные устои блюдут так же строго, как и в Канзасе; правила поведения в общественных местах возбраняют прилюдное проявление всяких там нежностей.

Наверное, мне будет непросто снова привыкнуть к местным условиям после нескольких недель в разных вселенных, ни в одной из которых люди не придерживались таких высоких моральных стандартов, как в моем родном мире. Трудно не вляпаться в какую-нибудь неприятную переделку, если, честно говоря, я привык целовать жену прилюдно и совершать другие поступки, сами по себе совершенно невинные, но невиданные в высокоморальном обществе. Хуже было другое: придется присматривать за любимой, чтобы она не попала в беду. Я-то тут родился и легко вернусь на круги своя... Марга же дружелюбна и приветлива, как щенок колли, и к тому же нисколько не стыдится проявлять свои чувства.

— Извини, родная, я чуть было не расцеловал тебя. А этого делать нельзя, — сказал я.

— А почему нельзя?

— Хм... Целоваться в общественных местах запрещено. Во всяком случае здесь. Только наедине. Это... ну... как говорят: «Если живешь в Риме, веди себя как римлянин». Но сейчас у нас другие заботы. Дорогая, наконец-то мы дома! В моем доме, а теперь он стал и твоим! Ты же видела дирижабли.

— А это точно был дирижабль?

— Точнее и быть не может... И это самое восхитительное зрелище за все последние месяцы... Впрочем, нам не следует слишком предаваться мечтам. Как известно, некоторые из этих сменяющих друг друга миров очень сходны между собой. Наверное, вполне возможно, что этот мир с дирижаблями может оказаться не моим. Ох, не хочется думать, что это так, и все-таки на всякий случай лучше не обольщаться.

(Я даже не заметил, что Маргрета особого восторга не испытывала.)

— А как ты определишь, твой он или нет?

— Можно прибегнуть к тому же способу, что и раньше, то есть пойти в общественную библиотеку. Но в данном случае это можно проделать и лучше, и быстрее. Надо зайти в отделение телефонной корпорации Белла... Давай-ка спросим вон там, в бакалейной лавке.

В отделении, в отличие от публичных телефонных аппаратов, имелись телефонные справочники, с которыми я и хотел свериться, чтобы узнать, мой это мир или нет.

Да, мир был мой. В отделении связи нашлись все телефонные книги Оклахомы, а также крупных городов прочих штатов, включая прекрасно знакомый мне справочник Канзас-Сити, штат Канзас.

— Смотри, Маргрета! — Я указал на номер телефона Церковного альянса за пристойность.

— Вижу.

— Но это же замечательно! Хочется петь и плясать от счастья!

— Я очень рада за тебя, Алек.

(У нее это прозвучало очень похоже на «покойник совсем как живой... и венки очень красивые».)

Пока мы листали телефонные книги в каком-то закутке, я с тревогой осведомился:

— В чем дело, милая? Наконец-то нам выпал счастливый случай, неужели ты не понимаешь? Как только я позвоню, у нас будут деньги. Мы забудем о тяжелой работе, о голоде, о поисках ночлега. А домой поедem в пульмановском вагоне. Нет, лучше полетим на дирижабле! Тебе понравится, я точно знаю. Это же такая роскошь! Это будет наше свадебное путешествие, дорогая, тот самый медовый месяц, которого мы до сих пор не могли себе позволить.

— Я не поеду с тобой в Канзас-Сити.

— Это еще почему?

— Алек... ведь там твоя жена.

Честное слово, за прошедшие недели я ни разу не вспомнил про Абигайль. Я искренне убедил себя, что никогда больше ее не увижу — ведь я никак не ожидал вернуться в свой родной мир. Более того, теперь у меня была жена —

такая, о которой любой мужчина мог только мечтать, — Маргрета!

Наверное, именно с таким чувством сбрасывают в могилу первую лопату сырой земли.

Я пришел в себя. Не без труда.

— Марга, вот что мы сделаем. С моей проблемой мы разберемся. И в Канзас-Сити мы поедем вместе! Ты обязательно должна быть со мной. К сожалению, из-за Абигайль нам придется подыскать какое-нибудь укромное местечко, где ты поживешь, пока я буду распутывать свои дела. — (А распутаю ли я их? Ведь Абигайль наверняка взалкает моей крови.) — Прежде всего мне надо снять деньги, а потом повидаться с адвокатом. — (Развод? В штате, где для этого есть лишь одно законное основание? Вдобавок только потерпевшая сторона имеет право подавать на развод. Маргрета в роли «другой женщины»? Ни в коем случае! Ее посадят в колодки. А потом вынесут из города на шесте, если того потребует Абигайль. Не имеет никакого значения, что будет со мной! Пусть даже Абигайль обдерет меня как липку — Маргрета не должна пасть жертвой законов «Алой буквы» моего мира. Ни в коем случае!) — А потом мы уедем в Данию. — (Нет, о разводе не может быть и речи!)

— Правда?

— Обязательно. Дорогая, ты моя жена ныне и вечно и во веки веков! Я не могу бросить тебя тут, пока буду утрясать дела в Канзас-Сити. Если мир снова изменится, я тебя потеряю. А в Данию мы не доберемся, пока я не получу свои деньги. Понятно? — (А вдруг Абигайль уже очистила мой счет в банке?)

— Хорошо, Алек. Мы поедем в Канзас-Сити.

(Это частично решало проблему, но отнюдь не с Абигайль. А, не важно! Всеу свое время.)

Тридцатую секундами позже проблем у меня заметно прибавилось. Конечно, сказала девушка-телефонистка, она запросто организует мне междугородный разговор с оплатой абонентом. Канзас-Сити? Канзас-Сити? Для звонка в Канзас-Сити — не важно, в штат Канзас или в штат Миссури — стоимость вызова абонента составляет два-

дцать пять центов. По моему сигналу опустите деньги в автомат. Вторая кабина.

Я вошел в кабину, вытащил из кармана горсть мелочи и выложил на столик:

серебряные двадцать пять центов,

два трехцентовых медяка,

канадский четвертак с изображением королевы (какой еще королевы?),

полдоллара,

три монеты достоинством пять центов, но меньшего размера, чем обычный пятицентовик.

Ни на одной из этих монет не было привычной надписи «Твердыня наша — вечный Бог» — девиз Североамериканского Союза.

Я смотрел на эту коллекцию и старался вспомнить, когда же произошло последнее превращение? Видимо, уже после того, как я получил в последний раз плату за работу. Стало быть, где-то между второй половиной вчерашнего дня и сегодняшним утром, но до того, как после завтрака нас подобрала очередная попутка. Значит, ночью, пока мы спали? Но мы не теряли ни одежды, ни денег. Даже бритва и та была на месте, привычно оттопыривая нагрудный карман рубашки.

Не важно, любая попытка понять, как происходят превращения, вела только к одному — к безумию. Превращение случилось: я попал в свой родной мир... и оказался в нем без денег. То есть без здешних денег.

При отсутствии выбора канадский четвертак выглядел наиболее подходящим для моей цели. Я даже не стал уговаривать себя, что восьмая заповедь неприменима в тех случаях, когда имеешь дело с корпорациями. Я взял четвертак и снял с рычага трубку:

— Номер, пожалуйста.

— Будьте добры, разговор за счет абонента. Церковный альянс за пристойность, Канзас-Сити, штат Канзас. Местный номер двенадцать двадцать четыре джей. Буду говорить с любимым, кто подойдет.

— Будьте добры, опустите двадцать пять центов.

Я сунул канадский четвертак в аппарат и затаил дыхание, пока не услышал, как он со стуком провалился внутрь.

— Спасибо, — сказала Центральная. — Не вешайте трубку. Ждите ответа.

Я ждал. Ждал. Ждал очень долго.

— В ответ на ваш вызов в Канзас-Сити — Церковный альянс за пристойность не принимает неоплаченных звонков.

— Погодите! Скажите им, пожалуйста, что звонит его преподобие Александр Хергенсхаймер.

— Благодарю вас. Опустите, пожалуйста, двадцать пять центов.

— Послушайте! Я же ничего не получил за свой четвертак. Вы отключились слишком быстро.

— Мы не отключались. Это отключился ваш абонент в Канзас-Сити.

— Пусть так. Позвоните ему еще раз и скажите, чтоб на этот раз не отключался.

— Хорошо, сэр. Опустите, пожалуйста, двадцать пять центов.

— А как по-вашему, звонил бы я за счет абонента, если бы у меня был запас мелочи? Вызовите Канзас-Сити еще раз и скажите им, кто я такой. Его преподобие Александр Хергенсхаймер, заместитель исполнительного директора.

— Ждите ответа.

И снова я ждал. Очень долго.

— Ваше преподобие! Абонент в Канзасе ответил, что они не приняли бы неоплаченного вызова даже от... я цитирую: «...от самого Иисуса Христа».

— Это богохульство! Так нельзя разговаривать ни по телефону, ни...

— Совершенно согласна. Да, кстати, абонент велел передать вам, что в жизни о вас не слыхивал.

— Ну уж это... — Я замолчал, ибо не мог найти слов, которые сообразовывались бы с моим саном священнослужителя.

— Именно так. Я спросила, как его зовут, а он бросил трубку.

- Молодой? Пожилой? Бас? Тенор? Баритон?
- Юнец. Сопрано. По-моему, это посыльный, который отвечает на телефонные звонки в обеденный перерыв.
- Понятно. Что ж, благодарю вас от всей души за любезность. Вы с честью выполнили свой долг, и даже больше.
- Это я благодарю вас, ваше преподобие.

Я покинул кабинку, но, если бы мог, охотно дал бы себе пинка. Маргрете я ничего объяснять не стал, пока мы не отошли подальше от отделения телефонной связи.

— Я сам виноват, дорогая. Неоплаченные вызовы не принимаются по моему собственному распоряжению, потому что, изучив телефонные счета, я пришел к выводу, что телефонные вызовы без предварительной оплаты не приносят нашей ассоциации никаких доходов... Девять из десяти звонков — просьбы о вспомоществовании. А Церковный альянс за пристойность не филантропическая организация. Она сама нуждается в деньгах и не собирается раздавать их кому попало. А десятый звонок, как правило, поступает либо от склочника, либо от психа. Поэтому я ввел это жесткое правило и строго требовал его соблюдать. Результаты сказались очень быстро. Мы сэкономили сотни долларов на телефонных звонках. — Я натянуто улыбнулся. — Никогда не думал, что попадусь в собственные сети.

— А какие у тебя теперь планы, Алек?

— Теперь? Выйдем на Шестьдесят шестое шоссе, и я выставлю большой палец на всеобщее обозрение. В Оклахома-Сити надо добраться до пяти часов вечера. Это не трудно — город близко.

— Да, сэр. А можно спросить, почему именно до пяти?

— Ты можешь спрашивать всегда и обо всем, и тебе это великолепно известно. Брось-ка ты изображать кроткую Гризельду, любимая; ты хандришь с тех самых пор, как мы углядели дирижабль. Так вот, в Оклахома-Сити есть окружной офис ЦАП, и я хочу туда попасть прежде, чем он закрывается. Погоди немного, и перед нами расстелют красную дорожку, моя родная. Доберемся до Оклахома-Сити, и все наши неприятности останутся позади.

В тот день мы словно бы увязли в патоке, застывшей на январском морозе. Нам легко удавалось находить попутки, но все поездки были очень короткими. В среднем за час мы преодолевали двадцать миль — и это на шоссе, где скорость движения составляла шестьдесят миль в час. Пятьдесят пять минут мы потратили на бесплатное угощение. В который раз нас кормил очередной представитель достойного племени водителей грузовиков, поскольку сам решил поесть. Воистину не родился еще мужчина, способный не пригласить Маргрету разделить трапезу. (Заодно кормили и меня — просто потому, что я был ее имуществен. Что ж, не жалуясь.)

С едой мы управились минут за двадцать, но шофер потратил еще полчаса и бесчисленное множество четвертак на игральные автоматы... Я с трудом сдерживал раздражение, пока Маргрета хлопала в ладоши и радостно взвизгивала при каждом выигрыше. Однако ее расчет был верен: шофер довез нас прямо до Оклахома-Сити. Он проехал через весь город, хотя мог ехать в объезд, и в двадцать минут пятого высадил нас на пересечении Тридцать шестой улицы и бульвара Линкольна, всего в двух кварталах от офиса ЦАП.

Оба квартала я прошел, весело насвистывая. Раз даже пошутил:

— Улыбнись, любимая. Через месяц, а может, и раньше, мы будем гулять по Тиволи.

— Правда?

— Правда. Ты столько мне о нем рассказывала, что я просто дожидаться не могу. А вот и дом, который нам нужен.

Офис находился на втором этаже. На сердце потеплело, когда я увидел надпись на стекле: «Церковный альянс за пристойность. Добро пожаловать».

— Входи, любимая. — Я взялся за ручку, чтобы открыть перед ней дверь.

Дверь оказалась заперта.

Я постучал, потом увидел кнопку звонка и нажал ее. Потом действовал попеременно — стучал и снова звонил. И опять. И опять.

В коридоре появился негр со шваброй и ведром. Я окликнул его:

— Эй, дядюшка! У тебя нет ключей от этой двери?

— Никак нет, капитан. А там никого и нет. Они обычно закрывают в четыре и уходят по домам.

— Понятно. Спасибо.

— Рад служить, капитан.

Когда мы опять оказались на улице, я глуповато улыбнулся Маргрете:

— Ничего себе, красная дорожка. Бросили работу в четыре. Кот уснул — мышам раздолье. Что ж, кому-то не сносить головы. Все, больше ни одной избитой фразы вспомнить не могу. Нет, могу! Нишим выбирать не приходится. Мадам, а что, если мы сегодня переночуем в парке? Ночь тепла, дождя не предвидится. Комары и клещи-краснотелки в качестве бесплатного приложения... Зато сэкономим на плате за ночлег.

Мы ночевали в парке Линкольна, на поле для гольфа, прямо на зеленом бархате газона, кишевшем клещами.

Но, несмотря на клещей, спали мы хорошо. Когда появились первые гольфисты, мы встали и с достоинством удалились, сопровождаемые сердитыми взглядами. Воспользовавшись общественным туалетом в парке, мы повеселели, почувствовав себя чище, свежее. Я побрился, и мы оба позавтракали бесплатной питьевой водой из фонтанчика. В целом настроение у меня было довольно приличное. Правда, еще рановато, и вряд ли можно ожидать, что эти обнаглевшие плейбои из ЦАП явятся на работу ни свет ни заря. Но тут мы наткнулись на полицейского. Я спросил у него адрес публичной библиотеки, а затем прибавил:

— Кстати, а где тут аэропорт?

— Чего-чего?

— Ну, поле, где садятся дирижабли.

Коп повернулся к Маргрете:

— Леди, он спятил?

Полчаса спустя мне и впрямь показалось, что я спятил, когда мы изучили список компаний в том самом здании, где побывали вчера вечером. Мне стало нехорошо, но я ни-

чуть не удивился, обнаружив, что Церковный альянс за пристойность среди арендаторов отсутствует. Чтоб полностью увериться, я поднялся на второй этаж. Нужный нам офис занимала какая-то страховая компания.

— Что ж, дорогая, пойдем в библиотеку. Выясним, в каком мире мы оказались на этот раз.

— Хорошо, Алек, — радостно согласилась Маргрета. — Дорогой, мне очень жаль, что тебя постигло такое разочарование, но... Ах, это такое облегчение. Я... я... я до смерти боялась даже подумать о встрече с твоей женой.

— Ты с ней не увидишься. Никогда. Обещаю. Гм... для меня это тоже облегчение. И я проголодался.

Мы прошли еще немного.

— Алек, ты не рассердишься?

— Ну разве что в морду дам. А в чем дело?

— У меня есть пять четвертаков. Настоящих.

— И вот тут мне полагается спросить: «Дочь моя, достойно ли ты вела себя в Филадельфии?» Выкладывай. Кого ты пришила? И много ли было крови?

— Вчера... У игровых автоматов. Всякий раз, когда Гарри выигрывал, он вручал мне четвертак, на счастье.

Разумеется, все обошлось без рукоприкладства. Четвертаки, конечно же, оказались неправильными, но онигодились для наших целей. Точнее, прекрасно подходили к здешним торговым автоматам. Мы как раз шли мимо игровального заведения, а в подобных местах обычно стоят автоматы, торгующие едой. Так оно и было. Однако цены кусались: пятьдесят центов за жалкий сэндвич, двадцать пять центов за крошечный шоколадный батончик. И все же это было лучше иных завтраков. А главное — мы ничего не украли: в моем мире четвертаки были из настоящего серебра.

Затем мы направились в библиотеку, чтобы разобраться, с каким миром нам предстоит иметь дело.

Как выяснилось, это был мир Марги.

Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним;
а праведник смел, как лев.

Книга притчей Соломоновых, 28: 1

Маргрета пришла в восторг не меньше, чем я вчера. Она что-то лепетала, лучезарно улыбалась и выглядела на шестнадцать лет. Я оглядел библиотечный зал в поисках какого-нибудь закутка между стеллажами или чего-то в том же роде, где можно было бы поцеловать ее, не думая о блюстителях нравственности. Потом вспомнил, что в мире Марги подобным поступком никого не удивишь, схватил ее в объятия и расцеловал от всей души.

И меня тут же отчитал библиотекарь.

Нет, совсем не за то, что мы целовались, а за то, что поцелуи были слишком шумными. Сами по себе они ни сколько не оскорбляли достоинства библиотеки. Еще бы! Поклявшись, что впредь буду тих как мышь, и принеся извинения за нарушение тишины, я заметил на доске у конторки библиотекаря надпись: «Новые поступления. Пособие по порнографии для детей шести—двенадцати лет».

Спустя четверть часа я уже голосовал на 77-м шоссе, ведущем в Даллас.

Почему в Даллас? А из-за юридической фирмы «О'Хара, Ригсби, Крумпакер и Ригсби».

Как только мы оказались за дверями библиотеки, Марга возбужденно зашебетала о том, как легко покончить с нашими бедами с помощью ее банковского счета в Копенгагене.

— Подожди-ка, дорогая. А где твоя чековая книжка? Где документ, подтверждающий личность? — охладил я ее восторг.

В общем, выяснилось, что Маргрета сможет добраться до своих денег в Дании только через несколько дней (самый оптимистичный вариант) или через несколько недель (по реалистичной оценке) и что в любом случае нам грозят существенные денежные расходы на телеграммы. Телефонная линия через Атлантику? Маргрета считала, что такой штуки вообще не существует. (А если бы она и существовала, то, по-моему, телеграммы все равно дешевле и надежнее.)

Даже после того, как все предварительные трудности будут преодолены, деньги отправят по почте из Европы — в мире, где нет авиационного сообщения.

Итак, мы отправились в Даллас, поскольку я уверил Маргу, что в худшем случае адвокаты Алека Грэхема безусловно одолжат ему денег, чтобы он (мы) смог наконец обрести крышу над головой. При известной удаче мы вполне могли бы рассчитывать и на весьма солидную сумму.

(Они, конечно, могут и не признать во мне Алека Грэхема и доказать, что я — не он, с помощью отпечатков пальцев, графологического анализа подписи и так далее и тем самым заронить сомнения в милый, но смятенный ум Марги. Впрочем, я не стал ей об этом говорить.)

От Оклахома-Сити до Далласа около двухсот миль. Мы приехали туда в два часа дня на попутке, которая подобрала нас на пересечении 66-го и 77-го шоссе и привезла чуть ли не в самый центр техасского метрополиса. Мы вылезли из попутки там, где 77-е шоссе пересекается с 80-м, то есть на берегу реки Тринити, и своим ходом отправились в Смит-Билдинг. Дорога заняла полчаса.

Секретарша в приемной офиса номер 7000 выглядела так, будто только что сошла с театральной сцены, где ставилась пьеса того сорта, на борьбу за запрещение которых ЦАП угробил уйму денег и времени. Одежда на ней была, но немного, а макияж относился к тем, которые Марга называла «высоким классом». Секретарша была пышнотелой и миловидной, а моя новоприобретенная терпимость позволяла мне наслаждаться этим греховным зрелищем.

— Чем могу быть полезна? — с улыбкой спросила секретарша.

— Сегодня отличный день для гольфа. Кто из партнеров сейчас в офисе?

— Только мистер Крумпакер.

— Именно он-то мне и нужен.

— Как мне о вас доложить?

(Первое препятствие — я его не предусмотрел. А может быть, она...)

— Разве вы меня не узнаете?

— Простите, а мы знакомы?

— А вы тут давно работаете?

— Немногим больше трех месяцев.

— Ах вот оно что! Скажите Крумпакеру, что здесь Алек Грэхем.

Я не слышал, что говорит ей Крумпакер, но следил за ее глазами. Вот они широко распахнулись — ошибиться было невозможно, — но она сдержанно произнесла:

— Мистер Крумпакер вас примет. — Потом повернулась к Маргрете. — Не угодно ли вам журнал, чтобы скрасить ожидание? Или сигарету с травкой?

Тут вмешался я:

— Она пойдет со мной.

— Но...

— Идем, Марга. — И я быстро направился из приемной к кабинетам.

Обнаружить дверь Крумпакера оказалось нетрудно — за ней раздавалось какое-то встревоженное попискивание. Оно оборвалось, когда я открыл дверь и придержал ее, пропуская Маргрету. Как только она вошла в кабинет, адвокат взвизгнул:

— Мисс, подождите в приемной!

— Нет, — решительно отверг я его предложение и закрыл за собой дверь. — Миссис Грэхем останется с нами.

— Миссис Грэхем? — ошарашенно переспросил он.

— Удивил вас, а? С тех пор как мы виделись в последний раз, я женился. Дорогая, это Сэм Крумпакер, один из

моих адвокатов. — (Его имя я узнал из таблички на двери.) — Как поживаете, мистер Крумпакер?

— Э-э-э... Рад знакомству, миссис Грэхем. Примите мои поздравления. Поздравляю и вас, Алек, вы всегда отличались прекрасным вкусом.

— Спасибо. Садись, Марга, — сказал я.

— Минуточку, друзья. Миссис Грэхем тут не следует оставаться ни в коем случае. И вы, Алек, это знаете лучше, чем кто-либо другой.

— Ничего я такого не знаю. И на сей раз решил привести свидетеля.

Нет, я не знал, что он жулик, но я уже давно усвоил, что любой человек, который пытается избежать присутствия свидетелей, вряд ли может быть причислен к лику достойных. Поэтому ЦАП всегда действует при свидетелях и всегда держится в рамках законности. Так, знаете ли, дешевле обходится.

Марга села. Я уселся рядом. Когда мы вошли, Крумпакер вскочил, да так и остался стоять. Его губы нервно подергивались.

— Тогда мне придется известить федерального прокурора.

— Давай-давай, — согласился я. — Подними трубочку телефона и позвони ему. А еще лучше нам обоим посетить его лично. Давай расскажем ему обо всем. При свидетелях. Давай соберем представителей прессы. То есть всю местную прессу, а не только ваших прикормленных шавок.

(Что мне было известно? Да ничего. Но уж если блефовать, то по-крупному. Внутри меня пробирала дрожь. Этот подонок мог развернуться и броситься в драку, как загнанная в угол мышь. Вzbесившаяся мышь.)

— Вот я сейчас...

— Валяй-валяй! Назовем все имена и расскажем, кто и чем занимался и кто получал денежки. Я готов сделать достоянием гласности все... прежде чем мне в суп подсыплют цианид.

— Не смей так говорить!

— А кто имеет на это большее право, чем я? Кто толкнул меня за борт? Кто?

— И чего ты на меня уставился?!

— Нет, Сэмми, ты этого не делал, ведь тебя там не было. Зато это вполне мог сделать какой-нибудь твой крестничек. А? — Я изобразил самую широкую и самую дружелюбную улыбку из своего арсенала. — Шучу, Сэм. Ведь ты, мой старый друг, вряд ли пожелаешь мне смерти. Лучше объясни мне кое-что и помоги выкрутиться из этой истории. Сэм, знаешь, как хреново ни с того ни с сего застрять на другом конце света... Так за тобой должок. — (Нет, я по-прежнему ничего не знал... ничего, кроме очевидного факта, что передо мной — тип с нечистой совестью, на которого надо давить посильнее.)

— Алек, ты только не торопись.

— А я и не тороплюсь. Но мне нужны объяснения. И деньги.

— Алек, честное слово, мне известно лишь то, что этот дурацкий пароход пришел в Портленд, а тебя на борту не было. И мне пришлось тащиться в чертов Орегон, чтобы засвидетельствовать вскрытие твоего переносного сейфа, в котором обнаружилась жалкая сотня тысяч. Все остальное испарилось. Кто взял деньги, Алек? Кто тебя прищутил?

Он пристально вглядывался мне в лицо; надеюсь, что на нем ничего не отразилось. И все же он меня ошарашил. Правду ли он говорит? Этот пройдоха соврет — глазом не моргнет. Может, мой друг-казначей в одиночку или в сговоре с капитаном разграбили ячейку?

В качестве рабочей гипотезы всегда следует выбирать простейшее объяснение. Этот тип казался мне более способным на ложь, чем казначей — на воровство. И было похоже... нет, без капитана казначей не осмелился бы вскрыть сейф пропавшего пассажира. Если эти два судовых офицера, рискуя карьерой и репутацией, решились на кражу, то почему в сейфе осталось сто тысяч долларов? Почему его не опустошили? Почему не притворились, что

им, как оно в сущности и было, совершенно ничего не известно о содержимом сейфа? Нет. Тут что-то не то.

— Гм, и сколько же денег пропало?

— Что? — Он покосился на Маргрету. — Ох ты черт. Ну ладно. Там должно было быть на девятьсот штук больше. Те самые деньги, которые ты не отдал на Таити.

— А кто говорит, что я этого не сделал?

— Что? Алек, не отпирайся. Мистер Зет все рассказал. Ты пытался утопить его посыльного.

Я взглянул на него и расхохотался:

— Ах, ты имеешь в виду тех тропических гангстеров? Они пытались получить деньги, не представившись и без расписки. Я сказал им решительно «нет», и тогда этот умник велел своей горилле сбросить меня в бассейн. Гм... Сэм, я все понял. Выясни, кто сел на «Конунг Кнут» в Папеэте.

— Зачем?

— Это тот, кто тебе нужен. Он не только унес деньги, но и столкнул меня за борт. Когда узнаешь, не пытайся добиваться его экстрадиции, а только скажи мне, как его зовут. Остальное я беру на себя. Займусь им лично.

— Черт побери, нам нужен этот миллион!

— Его уже не вернуть. Он наверняка давно уже в руках мистера Зет... только без расписки. Лично я из-за нее имел кучу неприятностей. Не будь идиотом, Сэм, — девятьсот тысяч пропали. Но я требую оплаты своих услуг. Поэтому гони сотню штук. И побыстрее.

— Что!!! Их удержал прокурор в Портленде в качестве вещественного доказательства.

— Сэм, дорогой Сэм, не учи бабушку воровать овец. Доказательство чего? Кого обвиняют? Против кого возбуждено дело? Какое преступное деяние инкриминируется? Неужели меня обвиняют в воровстве из моего собственного сейфа? В чем здесь преступление?

— Как это в чем? Кто-то же спер девятьсот штук!

— В самом деле? А кто подал жалобу? Кто подтвердит, что в сейфе лежали еще девятьсот штук? Я ведь, разумеется, никому об этом не докладывал, так кто же еще может

это подтвердить? Бери трубку, Сэм, звони федеральному прокурору в Портленде. Спроси его, на каком основании он удерживает деньги... по чьему иску? Давай разбираться досконально. Бери трубку, Сэм. Этот федеральный шут гороховый забрал мои денежки, и я намерен из него их вытрясти.

— Ха, тебе прямо невтерпёж пообщаться с прокурором. Странно слышать такое от тебя.

— У меня острый приступ честности. Сэм, твоё нежелание звонить в Портленд красноречиво говорит о многом. Тебя вызвали туда, чтоб ты действовал в моих интересах, как мой адвокат. Американский гражданин упал за борт, корабль приписан к иностранному порту, так что для официальной описи имущества пропавшего пассажира необходимо присутствие его адвоката. Который и получает под расписку все вещи пропавшего. Сэм, где мой гардероб?

— Отдал в общество Красного Креста. А что было делать?

— Правда, что ли?

— Ну да, после того, как прокурор снял с вещей арест.

— Любопытно. Федеральный прокурор удерживает деньги, хотя никто не выдвигает обвинений в их краже... А одежду отдаёт... хотя в данном случае существует серьёзное подозрение в преднамеренном убийстве.

— Что?!

— В убийстве меня. Кто толкнул меня за борт? Кто нанял убийцу? Сэм, мы оба знаем, где деньги. — Я встал и ткнул пальцем. — Они вот в этом сейфе. По элементарной логике вещей. В банк ты их не положишь: это будет отражено в счетах. Дома не спрячешь: жена может найти. И уж конечно, с партнерами ты не поделишься. Сэм, открой-ка сейф. Я хочу видеть, лежат там сто тысяч... или миллион?

— Ты с ума сошел!

— Звони федеральному прокурору. Пусть он станет свидетелем!

Он онемел от злости. Руки у него тряслись. А злить недомерков — опасное занятие, хотя я и был выше его дюймов на шесть, да и веса во мне было больше. Сам он на меня

не нападет — он же юрист, но теперь в темные переулки мне лучше не сворачивать.

Надо бы его утихомирить.

— Сэм, Сэм, не принимай сказанное так близко к сердцу. Ты на меня нажал... а я дал тебе сдачи. Видит Бог, пути прокуроров неисповедимы... Мерзавец, должно быть, присвоил деньжонки в надежде, что я утонул и никогда не подам жалобу. Что ж! Поеду в Портленд и нажму на него как следует.

— Там выдан ордер на твой арест.

— Вот как? По каким же таким обвинениям?

— Совращение путем обещания вступить в брак. Какая-то девица из членов экипажа. — У него все-таки хватило совести бросить на Маргрету извиняющийся взгляд. — Простите, миссис Грэхем. Но ваш муж первым задал вопрос.

— Все в порядке, — сухо сказала она.

— А я ходок, верно? Она-то хоть хорошенькая? Как ее зовут?

— Сам я ее не видел, ее не было. А зовут ее... Какое-то шведское имя. Гундерсон. Вот как! Маргрета С. Гундерсон.

Маргрета, Бог да благословит ее душу, даже не пискнула, хоть ее и обозвали шведкой.

— Меня обвиняют в том, что я соблазнил женщину... на борту судна, плавающего под иностранным флагом где-то в южных морях... — удивленно протянул я. — И поэтому в Портленде, штат Орегон, выдан ордер на мой арест? Сэм, какой же ты юрист? Как ты мог допустить, чтобы против твоего клиента выдвинули подобные обвинения?!

— Я ловкий юрист, вот какой. Как ты только что сказал, пути прокуроров неисповедимы. При назначении на федеральный пост у них изымают мозги. Просто обсуждать все это не было смысла, поскольку тебя объявили погибшим. Я и сейчас блюду твои интересы, а потому сообщаю тебе то, что тебе следует знать, дабы не вляпаться в неприятную историю. Дай мне время, и я все улажу. Вот тогда и поезжай в Портленд.

— Что ж, в этом есть резон. А здесь мне ничего не грозит?

— Нет. Точнее, и да и нет. Расклад тебе известен: мы их заверили, что ты не вернешься, поэтому после твоего отъезда все замаяли. Но ты вернулся. Алек, тебе нельзя здесь появляться. И в Техасе тоже. Да и вообще в Штатах. Того и гляди поползут слухи, и против тебя выдвинут прежние обвинения.

— Я невиновен.

Он пожал плечами:

— Все мои клиенты невиновны. Я действую в твоих интересах, так сказать, по-отечески. Уезжай из Далласа. Если доберешься до Парагвая, будет замечательно.

— Как это? Да у меня ни шиша нет. Сэм, мне нужны зелененькие.

— Разве я когда-нибудь тебе отказывал? — Он вынул бумажник, отсчитал пять стодолларовых банкнот и выложил передо мной.

Я поглядел на них:

— Это еще что? Чаевые? — Я сунул купюры в карман. — Этого не хватит даже до Браунсвилла. Гони монету.

— Заходи завтра.

— Перестань валять дурака, Сэм. Открой сейф и дай мне деньги. Или завтра я приду не сюда, а к парню из федерального управления и запою там соловьем. После того как мы с ним договоримся — а это произойдет обязательно, ведь феды любят свидетелей обвинения, поскольку только таким путем им с грехом пополам удастся выигрывать свои дела, — я поеду в Орегон и получу там свою сотню штук.

— Алек, ты мне угрожаешь?

— Ты блефуешь, я блефую. Сэм, мне нужна машина. И я имею в виду вовсе не какой-нибудь помятый «фордик». «Кадиллак». Не обязательно новый, но чтоб смотрелся как картинка, чистенький и с хорошим мотором. «Кадиллак» и несколько тысяч, и тогда к полуночи мы будем уже в Ларедо, а утром — в Монтеррее. Я звякну тебе из Мехико

и сообщу адрес. И если ты действительно хочешь, чтобы я слинял в Парагвай, переведи мне денежки в Федеральный округ.

В итоге не все вышло по-моему: пришлось согласиться на подержанный «понтиак» и покинуть офис с шестью тысячами долларов наличными и инструкцией явиться на некую площадку, где торгуют подержанными автомобилями и где мне будет подготовлен подходящий вариант; Сэм туда заранее позвонит и обо всем договорится. Он пообещал позвонить в отель «Хайятт» и забронировать нам люкс для новобрачных; вернуться же в офис Сэма я должен был завтра в десять утра. Но я наотрез отказался вставать так рано.

— Лучше в одиннадцать. У нас все еще медовый месяц. Сэм хмыкнул, хлопнул меня по плечу и согласился.

Выйдя из коридора, мы направились к лифтам, но я миновал их и, пройдя футов десять дальше, открыл дверь, ведущую на пожарную лестницу. Маргрета следовала за мной, храня полное молчание, и лишь на лестничной площадке, где нас никто не мог подслушать, шепнула:

— Алек, он тебе не друг.

— Совершенно верно.

— Я боюсь за тебя.

— Я за себя тоже побаиваюсь.

— Я очень боюсь. Я боюсь за твою жизнь.

— Любимая, я тоже боюсь за свою жизнь. И за твою тоже. Пока ты со мной, тебе грозит опасность.

— Но я тебя никогда не покину!

— Знаю. Что бы ни случилось, мы будем вместе.

— Да. Какие у нас теперь планы?

— Мы немедленно отправимся в Канзас.

— Великолепно! Значит, мы не едем в Мексику?

— Дорогая, я не умею водить машину.

Мы спустились в подземный гараж, а оттуда по пандусу вышли на боковую улочку. По ней мы прошли несколько кварталов от Смит-Билдинг, сели в проезжавшее мимо такси, доехали до железнодорожного вокзала «Тексас энд

Пасифик» и взяли на стоянке такси другую машину. Оттуда мы направились в Форт-Уэрт, что в двадцати пяти милях к западу от Далласа. За все время путешествия Маргрета не проронила ни словечка. Я не спрашивал, о чем она думает, это и так было ясно: трудно быть счастливой, узнав, что твой возлюбленный замешан в грязных делишках, от которых так и несло гангстерами и рэкетирами. Я поклялся, что никогда с ней об этом не заговорю.

В Форт-Уэрте я попросил таксиста высадить нас на самой шикарной торговой улице, предоставив ему самому выбрать место. Потом сказал Маргрете:

— Дорогая, я хочу купить тебе увесистую золотую цепочку.

— Боже мой, милый, да мне она вовсе не нужна.

— Нет, нужна. Марга, когда я впервые попал в этот мир и оказался вместе с тобой на «Конунге Кнута», я узнал, что бумажные доллары здесь дешевы, так как не имеют золотого обеспечения, — цены, которые я видел сегодня, это подтверждают. Если снова произойдет превращение (а мы от него не застрахованы), то даже здешние металлические деньги — полудоллары, четвертаки и десятицентовики — в другом мире ничего не будут стоить, ибо в них нет ни грамма настоящего серебра. Что же касается бумажек, полученных от Крumpaкера, то это просто туалетная бумага. Их нужно обратить в нечто другое. Мы начнем с золотой цепочки, и отныне ты не снимешь ее ни в постели, ни в ванне. Ну, если захочешь, можешь обмотать ее вокруг моей шеи.

— Понятно. Ты прав.

— Мы купим еще кое-какие золотые украшения потяжелее для каждого из нас, а потом я попробую найти лавочку нумизмата и купить у него несколько серебряных «колес», а может быть, и золотых монет. Главная цель — отделаться от всех этих дурацких бумажек в течение ближайшего часа. Почти от всех, кроме той суммы, которая нужна на покупку двух автобусных билетов до Уичито в Канзасе — это триста пятьдесят миль к северу отсюда. Как

думаешь, ты выдержишь ночную поездку в автобусе? Я хочу как можно скорее уехать из Техаса.

— Конечно! Ох, милый, я тоже хочу выбраться из Техаса! По правде говоря, мне до сих пор страшно.

— Если по правде, то не тебе одной.

— Но...

— В чем дело, любимая? Что тебя огорчает?

— Алек, я не принимала ванну уже четыре дня.

Мы нашли ювелирный магазин, мы отыскиали нумизматическую лавчонку — и я истратил почти половину бумажек, оставив другую на оплату дороги и прочих нужд в этом мире: например, ужина, который мы съели, как только магазины начали закрываться. Гамбургер, которым мы закусили в Гейнсвилле, был съеден где-то совсем в другом времени и пространстве. Затем я узнал, что существует автобус на север: Оклахома-Сити—Уичито—Салайна, отправляющийся в десять часов тем же вечером. Я купил билеты и заплатил сверху по доллару за каждый, чтобы нам зарезервировали определенные места. После этого я стал швыряться деньгами, как пьяный матрос: снял номер в гостинице напротив автобусной стоянки, хотя и знал, что меньше чем через два часа нам придется его покинуть.

Сделать это стоило. Мы поочередно приняли ванну — один из нас оставался полностью одетым и держал в руках одежду другого, драгоценности и все деньги, в то время как этот другой голым отмокал в ванне. Моя бритва тоже охранялась, так как она стала для нас талисманом, с помощью которого мы перехитрили Локи с его злобными выдумками.

А еще у нас обоих было новое чистое белье, купленное попутно, пока мы занимались превращением бумажных денег в твердую валюту.

Я надеялся, что у нас будет достаточно времени для любви, но увы — пока я мылся и обсыхал, пришла пора одеваться и выписываться из отеля, чтобы успеть на автобус. Ну ничего, случай еще подвернется. Мы забрались в автобус, опустили спинки кресел, и Маргрета тут же скло-

нила голову мне на плечо. Когда автобус тронулся на север, мы уже спали.

Я проснулся довольно скоро, так как дорога стала уж очень ухабистой. Мы сидели сразу же за водителем. Подавшись вперед, я спросил:

— Это что — объезд?

Я не мог припомнить ни одного скверного участка на этой дороге, ведь мы ехали по ней на юг всего двенадцать часов назад.

— Нет, — сказал он, — мы пересекли границу Оклахомы, вот и все. В Оклахоме дороги не мостят. Разве что между Оки-Сити и Гатри.

Наш разговор разбудил Маргрету; она потянулась:

— Что случилось, милый?

— Ничего. Просто Локи снова забавляется. Спи спокойно.

...Сии облеченные в белые одежды, кто и откуда пришли?

Я сказал ему: ты знаешь, господин.

И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его...

Откровение Иоанна Богослова, 8: 13–15

Сидя в двуколке, я погонял лошадь, и, признаться, мне это не доставляло никакого удовольствия. День был жаркий, пыль из-под копыт липла к влажной коже, оводы кусались как проклятые, ветерка — никакого. Мы находились где-то на границе штатов Миссури, Канзас и Оклахома, но я не очень-то понимал, где именно. Карт я уже давно не видел, а на дорогах теперь не было указателей, предназначенных для удобства автомобилистов, ибо автомобилей не существовало и в помине.

Последние две недели (может быть, больше, может быть, меньше — я потерял счет дням) были днями бесконечной сизифовой пытки — одно чудовищное разочарование следовало за другим. Продавать серебряные доллары местному дилеру за бумажки этого мира? Нет проблем; я делал это несколько раз. Однако каждый раз не очень удачно. Как-то я продал серебряный доллар за местную бумажку, как вдруг — бац! — новое превращение, и мы ушли голодными. В другой раз меня нагло обсчитали, и, когда я возмутился, мне сказали: «Сосед, владеть этой монетой противозаконно, и ты это прекрасно знаешь. Я даю тебе за нее хоть что-то только потому, что ты мне больно нравишься. Берешь? Или мне придется поступить так, как подсказывает мне мой гражданский долг».

Пришлось-таки взять. Бумажки, которую нам дали за пять унций серебра, не хватило даже на обед в местном

приюте гурманов под названием «Мамино счастье». Это произошло в очаровательном селении, которое называлось, судя по указателю на окраине,

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

Чистая община

Черномазых, жидов и папистов просят не задерживаться

Мы задерживаться не стали. Целых две недели мы потратили, стараясь преодолеть двести миль, разделяющих Оклахома-Сити и Джоплин в штате Миссури. Пришлось отказаться от мысли обойти Канзас-Сити стороной, хотя я по-прежнему не горел желанием проехать мимо или через него, поскольку внезапная смена миров могла швырнуть нас прямо в объятия Абигаиль. Но в Оклахома-Сити выяснилось, что самый быстрый и единственно приемлемый путь в Уичито лежал через Канзас-Сити. Мы регрессировали в эпоху конного транспорта.

Учитывая возраст нашей Земли, то есть период с Сотворения мира в 4004 году до Рождества Христова до 1994 года, иначе говоря, пять тысяч девятьсот девяносто восемь лет — ну, для ровного счета положим шесть тысяч лет, — то в масштабе этих шести тысяч восемьдесят-девять тысяч лет — сущий пустяк. И в моем мире от коннотранспортной эпохи меня отделял такой же крохотный промежуток. В ту эпоху родился и мой отец (1909 год), а мой дед по отцовской линии не только не имел автомобиля, но и отказывался в них ездить. Он называл их порождением дьявола и в доказательство своей правоты приводил отрывки из Книги пророка Иезекииля. Возможно, в этом он не ошибался.

Конноэкипажная эпоха была не без недостатков. Есть совершенно очевидные — вроде отсутствия канализации, кондиционеров или современной медицины. А для нас был еще один, хоть и не столь очевидный, но очень важный. В мире, где нет ни грузовиков, ни легковых машин, практически нельзя путешествовать автостопом. Разумеется, иногда удавалось проехать на какой-нибудь фермерской подводе, но разница между пешим шагом и конской постью, в общем-то, не так уж велика. Так что не важно,

пешком или в возке, а пятнадцать миль в день было личным суточным переходом, к сожалению не оставлявшим времени заработать на хлеб насущный и на ночлег.

Есть древний парадокс об Ахиллесе и черепахе, где преследователь с каждым шагом наполовину сокращает расстояние до движущейся цели. Вопрос: через какое время он ее догонит? Ответ: никогда.

Именно таким образом мы и «продвигались» от Оклахома-Сити до Джоплина.

Мое беспокойство объяснялось еще одной причиной. Я все больше укреплялся в мысли, что мы и в самом деле вступили в Последние времена и что пришествия Иисуса и Страшного суда можно ждать в любую минуту, а моя любимая, без которой не было мне жизни, все еще не вернулась в объятия Христа. Я старался ее не торопить, хотя мне и приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы не препятствовать ее желанию вести свои внутренние борения в одиночестве. Я стал плохо спать из-за того, что меня неустанно терзали мысли о ней.

Наверное, я слегка помешался (в дополнение к параноидной уверенности, что смена миров происходит, чтобы уязвить меня лично), точнее — проникся безосновательным, но непреложным убеждением, что для спасения бессмертной души моей ненаглядной нам просто необходимо завершить путешествие. Дай добраться нам до Канзаса, о Господи мой Боже, и я стану молиться без передышки, пока не обращу ее и не приведу к стопам Твоим. О Господь Бог Израилев, пошли мне это благо!

Я продолжал искать работу судомоя (или любую другую), хотя у нас еще были и серебро, и золото, которые можно было обменять на местные деньги. Но мотелей больше не существовало, гостиницы встречались нечасто, а ресторанов стало куда меньше, поскольку они не вписывались в здешнюю экономику: люди путешествовали редко, а большинство кормилось дома.

Проще всего было найти работу по очистке стойл на извозных или постоянных дворах. Я предпочитал мойку посу-

ды, особенно потому что у меня была всего одна пара ботинок, но придерживался правила братья за любой честный труд, позволявший нам продвигаться к цели.

Вы, может, недоумеваете, почему мы не переключились на путешествия в товарных вагонах? Но, во-первых, я не знал, как это делается, поскольку раньше таким делом мне не приходилось заниматься. А еще важнее то, что в поездах я не мог уберечь Маргу от беды. Прыгать в товарняк на ходу — опасное занятие. Еще большие неприятности доставляли люди: железнодорожная полиция, называемая «быками», и всякая шпана — хобо, бродяги, попрошайки, бездельники. Нет смысла дальше обсуждать эти мрачные опасности, ибо я твердо решил держать Маргрету подальше от железнодорожных путей и сомнительных ночлежек.

А мое беспокойство все росло. И хотя я строго выполнял просьбу Марги и воздерживался от уговоров, каждый вечер в ее присутствии я молился вслух, на коленях. Наконец, к моей великой радости, моя любимая присоединилась ко мне и опустилась на колени рядом. Она не молилась вслух, и я тоже умолк, лишь в конце сказал: «Во имя Христа, аминь». И все же эту тему мы не обсуждали.

Лошадью и двуколкой (Боже, какая духота! «Циклон на-двигается», — сказала бы моя бабушка Хергенсхаймер) — я обзавелся в результате успешной очистки стойл в одном из извозных дворов. Как обычно, я уволился на другой же день, сказав своему временному хозяину, что нам с женой нужно поскорее попасть в Джоуплин, к ее хворой матери.

Он тут же, будто ненароком, припомнил, что в соседний городок надо вернуть двуколку; на самом деле в его конюшне застоялись лошади и тарантасы, как свои, так и чужие, иначе он дождался бы случая сдать повозку внаем какому-нибудь заезжему коммивояжеру. Я вызвался доставить лошадь и двуколку с условием, что мне заплатят за один рабочий день по ставке — весьма скромной, — причитавшейся мне за то, что я выгребал навоз лопатой и чистил лошадей щетками.

Хозяин возразил, что делает мне одолжение, поскольку нам с женой все равно надо в Джоуплин.

На его стороне была и логика, и хозяйская воля — и я согласился. Его жена украдкой сунула нам какую-то еду в дорогу да еще накормила завтраком после ночи, проведенной в сарае.

Поэтому, погоняя лошадь, я не чувствовал себя таким уж несчастным, невзирая на жару и на наши беды. День ото дня мы на несколько миль приближались к Джоплину... а моя любимая начала молиться. Стало казаться, что мы наконец-то свободны.

В предместье небольшого городка (Лоуэлл? Расин? уже и не вспомнить) мы попали на молитвенное собрание под открытым небом. Я бывал на таких в детстве: все так же, по старинке — и проповедник, и евангелическое бдение. По левую сторону дороги находилось старое кладбище, довольно ухоженное, хотя трава на могилах пожухла; напротив, по правую сторону дороги, на лугу раскинули шатер для проповедей. Я подумал, случайно или намеренно библейские наставления решили проводить у кладбища? Если бы в этом деле участвовал преподобный Дэнни, я бы знал, что это нарочно придумано: при виде могил люди обычно задумываются о вечности, которая их ожидает.

Возле шатра теснились повозки и фермерские подводы, а за ними был устроен временный загон для скота. По другую сторону шатра установили столы из наскоро обструганных досок; с них еще не убрали остатки угощения. Судя по всему, евангелическое собрание было серьезным и многолюдным, из тех, что начинаются поутру, в полдень прерываются на обед, потом продолжают до ужина и кончаются, лишь когда проповедник решит, что спасенных душ набралось достаточно.

(Я презираю современных городских проповедников с их пятиминутными «мотивационными наставлениями». А вот Билли Сандей проповедовал по семь часов, подкрепляя свои силы одним-единственным стаканом воды, а потом еще и выходил не только к вечерней, но и к утренней проповеди. Неудивительно, что языческие секты сейчас растут как грибы после дождя.)

Поблизости от шатра стоял фургон, запряженный парой лошадей. На стенке было написано: «Брат „Библия“ Барнаби», а спереди красовался кусок холстины, укрепленный на растяжках и стойках:

Стародавняя религия!
Брат «Библия» Барнаби
Исцеляет на каждом бдении:
в 10 часов утра, в 2 часа пополудни, в 7 часов вечера.
Ежедневно с воскресенья пятого июня до
!!!СУДНОГО ДНЯ!!!

Я натянул вожжи, объясняя кобыле, что надо остановиться.

— Дорогая, ты только посмотри!

Маргрета прочла объявление и ничего не ответила.

— Восторгаюсь его смелостью, — сказал я. — Брат Барнаби ставит на кон свою репутацию, обещая, что Страшный суд состоится еще до начала жатвы... которая, судя по жаре, в этом году начнется рано.

— Но ведь и ты думаешь, что Судный день скоро наступит?

— Да, но я не рискую своей профессиональной репутацией... а всего лишь бессмертной душой и надеждой на райское блаженство. Марга, каждый знаток Библии толкует пророчества по-своему. А иногда даже очень по-своему. Большинство нынешних толкователей-премиллениаристов ожидают наступления Судного дня не раньше двухтысячного года. Мне хотелось бы выслушать аргументацию брата Барнаби. Может быть, в ней что-то есть. Ты не будешь возражать, если мы задержимся на часок?

— Мы проведем здесь столько времени, сколько тебе угодно. Но... ты хочешь, чтобы и я зашла в шатер? Может, мне не стоит...

— Гм... — (Да, дорогая, я страстно хочу, чтобы мы вошли в шатер вместе.) — Значит, ты останешься в повозке?

Ее молчание было весьма красноречиво.

— Понятно. Марга, я не выкручиваю тебе руки. Но меня тревожит одно... мы еще ни разу за несколько недель

не разлучались, исключая случаи крайней необходимости. И ты знаешь, почему мы так поступали. Миры сменяются чуть ли не каждый день... Я ужасно боюсь, что нечто подобное произойдет, пока ты будешь сидеть здесь, а я — там, внутри, далеко от тебя... Хотя... Можно не заходить в шатер, постоять у входа. Видишь, парусиновые стенки приподняты.

Она расправила плечи:

— Я просто дурочка. Нет, мы зайдем в шатер. Алек, только я буду держать тебя за руку. Ты прав: смена миров происходит часто. Однако я не стану лишать тебя возможности посетить собрание своих единоверцев.

— Спасибо, Марга.

— И... Алек, я приложу все силы...

— Спасибо. Большое спасибо тебе. Аминь.

— Не надо меня благодарить. Если тебя возьмут на небеса, я хочу быть вместе с тобой.

— Ну так пойдем же в шатер, дорогая!

Я поставил двуколку в дальнем конце площадки для экипажей, а кобылу отвел в загон; Марга не отставала от меня ни на шаг. Когда мы вернулись ко входу, я услышал пение:

...сияет пред людьми!

Пусть твой свет сияет пред людьми!

В сумраке блуждающим путь правды укажи!

Пусть...

Я не удержался и подхватил:

— Пусть твой свет сияет пред людьми!!

И исполнился счастья...

Все музыкальное сопровождение состояло из фисгармонии и тромбона. Последний меня немного удивил, но все же понравился: тромбон лучше других музыкальных инструментов справляется с «Городом небесным Иерусалимом» и практически незамечен при исполнении гимна «Господень сын, сквозь огонь и дым...».

Молящихся поддерживал хор в белых ангельских одеяниях — набранный с бору по сосенке, как я понял: белые одеяния были сделаны из простынь. Но то, чего хору не доставало с точки зрения профессионализма, восполнялось его энтузиазмом. Церковной музыке вовсе не обязательно быть хорошей, важно, чтоб она была искренней... и оглушительной.

Посыпанный опилками проход футов шесть в ширину вел прямо к центру шатра, по обеим его сторонам были расставлены деревянные скамьи. Проход упирался в алтарь, обнесенный мелкой металлической решеткой. Служка провел нас по проходу и, как мне и хотелось, нашел нам место в первых рядах. Народу в шатре было много, но служка попросил подвинуться, и мы сели во втором ряду, на конце скамьи, так что я очутился у самого прохода. Да, сзади были еще пустые места, но проповедники терпеть не могут тех — имя им легион! — кто прячется сзади, когда передние скамьи пустуют.

Когда музыка смолкла, брат Барнаби подошел к кафедре и возложил руку на Библию.

— В этой книге сказано все! — сказал он тихо, почти шепотом.

Присутствующие сидели как зачарованные.

Барнаби шагнул вперед и оглядел сидящих перед ним.

— Кто любит вас?

— Иисус любит меня.

— Да услышит Он ваш голос!

— ИИСУС ЛЮБИТ МЕНЯ!

— Откуда вы знаете это?

— ЭТО СКАЗАНО В КНИГЕ!!!

Я почувствовал запах, которого не ощущал уже несколько лет. Мой профессор гомилетики однажды указал нам во время семинарских занятий, что паства, доведенная до религиозного экстаза, издает сильный и специфический запах (точнее, он употребил слово «вонь») — смесь пота и мужских и женских феромонов. «Дети мои, — говорил он нам, — если от вашей паствы пахнет слишком нежно, значит вы к ней не пробились. Если вы не заставите их потеть,

если от ваших слов они не возбудятся, как течная сука в гон, вам следует бросить это дело и уйти в соседний храм к папистам. Религиозный экстаз — сильнейшая из человеческих эмоций; ее сразу учуешь!»

В общем, брат Барнаби пробился к своей пастве.

(Увы, мне этого никогда не удавалось. Потому я и стал административным работником и сборщиком денежных пожертвований.)

— Да, все это есть в Книге! Библия — это Слово Божие, и не кусочек там, кусочек здесь, а от первой буквы и до последней! Не аллегория, но истина в последней инстанции! Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными. Сейчас я вам кое-что из нее прочту: «...потому что Сам Господь при возвешении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде...» В последней строке содержатся важнейшие вести, братья и сестры: мертвые во Христе воскреснут прежде. Что это значит? Тут не говорится, что мертвецы восстанут первыми, тут сказано, что первыми восстанут из могил *мертвые во Христе*. То есть те, кто омылся в крови Агнца и вновь возродился в Иисусе, а затем умер в состоянии благодати до Его Второго пришествия — вот о них и не будет забыто! Именно они поднимутся из могил первыми. Их могилы разверзнутся, им будет чудесным образом возвращены и жизнь, и здоровье, и физическая красота, и поведут они шествие на небеса, чтобы там жить в счастье во веки веков у подножия великого белого престола.

— Аллилуйя! — выкрикнул кто-то.

— Будь же благословенна, сестра моя! Ах, благие вести! Все мертвые во Христе, все до единого! Сестра Эллен, та, кого неумолимые клешни рака вырвали из объятий родных и близких, но она умерла с именем Христовым на устах, а значит, займет свое место среди тех, кто возглавит процессию. Возлюбленная жена Эйсы умерла родами, но в состоянии благодати, и она там будет! И все ваши возлюбленные родственники, мертвые во Христе, их соберут, и вы узрите их на небесах. Брат Бен, тот, кто прожил жизнь во грехе, но нашел Бога в окопе за миг до того, как пал,

сраженный вражеской пулей, и он там будет... Вот она, весть благая и радостная, ибо свидетельствует, что Бога можно обрести где угодно. Иисус присутствует не только в церквях, тем более что существуют такие фанфаронистые церкви, где Его Имя почти не произносится.

— Истинно говоришь!

— Да, истинно. Бог повсюду. Он слышит ваши речи. Ему лучше слышны мольбы пахарей в полях и кроткие моления обездоленных перед отходом ко сну, чем лживые слова благоуханных и разнаряженных, славящих Его в золоченых соборах. Он и сейчас тут, ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя. Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. Это Его обещание, данное в самых простых словах. Не невнятица, не заумные «интерпретации», не так называемый «аллегорический смысл». Сам Христос ждет вас, если вы обратитесь к Нему. И если вы позовете его, если вы опять возродитесь в Иисусе, если очистит Он вас от скверны греха и вы достигнете состояния благодати... что же тогда? Я прочел вам первую часть обещания Господа Бога своим верным. Вы услышите глас Архангела, звук трубы Божией, возвещающие, что Он сойдет с неба, как Он и обещал, и мертвые во Христе воскреснут. Их иссохшие кости восстанут из могил и покроются живой, здоровой плотью. И что потом? Сие говорю вам Словом Господним: потом мы, оставшиеся в живых... — а это мы с вами, братья и сестры мои; это Бог говорит о нас... — потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. И так всегда будем! И так всегда будем! С Господом!

— Аллилуйя!

— Да святится имя твое!

— Аминь! Аминь!

(Я обнаружил, что вместе со всеми восклицаю: «Аминь!»)

— Но какой ценой все это достается? Бесплатных билетов на небеса не бывает. Что случится, если вы не призовете помощи Иисуса? Что будет, если вы отринете его

приглашение очиститься от скверны греха и возродиться в крови Агнца? Что тогда? Ну, отвечайте же!

Паства молчала, было слышно лишь тяжелое дыхание, а затем голос из задних рядов нерешительно произнес:

— Геенна огненная и муки...

— Геенна огненная и муки вековые! Не краткие, а вековые! Не какое-то аллегорическое, мифическое пламя, что на миг опалит ваше душевное спокойствие и рассыплется искрами фейерверков в день Четвертого июля. Нет, там будет настоящее, жаркое, бушующее пламя! — Брат Барнаби хлопнул по кафедре с такой силой, что резкий звук удара прокатился по всему шатру. — Такое пламя, что раскаляет железную печь докрасна, а потом и добела. И ты будешь гореть в этом пламени, грешник, и дикая боль будет терзать и мучить тебя, и никогда она не прекратится. Никогда! Нет для тебя надежды. Незачем умолять о втором шансе. Тебе был дарован этот второй шанс... был дарован и миллионный. И даже больше того! Две тысячи лет милостивый Христос умолял тебя, заклинал принять от Него то, за что Он принял крестную муку, дабы передать тебе этот дар! Итак, когда ты будешь гореть в геенне огненной и задыхаться в дыму жупельном... а жупел — это сера, горячая смрадная сера, кипящая, аки смола, и она сожжет тебе грудь и изъязвит грешную плоть, — когда ты будешь жариваться в преисподней за свои грехи, не жалуйся на боль и страдания, не ссылайся на неведение. Иисусу о боли все известно: Он принял смертные муки и умер на кресте. Он умер за тебя. Но ты не внял ему, и теперь стенаешь в геенне огненной. Там ты и останешься, обреченный на вековые страдания! И даже твои вопли не будут слышны из преисподней, их заглушат вопли миллионов других грешников.

Брат Барнаби снизил голос до тона дружеской беседы:

— Хотите ли вы гореть в геенне огненной?

— Нет! Никогда!.. Иисус нас спасет!

— Иисус вас спасет, если вы Его попросите. Мертвые во Христе спасутся — мы читали о них. Оставшиеся в живых к Его пришествию тоже спасутся, если возродятся во

Христе и останутся в благодати. Он обещал вам, что вернется и что Сатана будет скован тысячу лет, пока Он, Христос, будет править в мире и справедливости здесь, на Земле. Грядет тысячелетие, друзья, и до его начала рукой подать! После этой тысячи лет Сатана сбросит оковы и начнет великую Последнюю битву. И произойдет на небе война. Архангел Михаил, полководец нашего воинства, поведет ангелов Господних против дракона — древнего змия, называемого диаволом и Сатаной, — и сонма его падших ангелов. И низвержен был — то есть будет через тысячу лет — великий дракон, Сатана навсегда сгинет с небес. Но это случится только через тысячу лет, друзья мои! И вы будете жить и увидите это... если примете Иисуса и возродитесь в нем до того, как труба возвестит Его возвращение. Когда это произойдет? Скоро, очень скоро! Что говорит Священное Писание? В Библии Бог говорит нам, и не один раз, — в книгах пророков Исаяи, Даниила и Иезекииля и во всех четырех Евангелиях, — что вам не дано знать точный час Его пришествия. Почему? А чтоб вы не успели замести грязь под ковер, вот почему! Если бы Он сейчас объявил, что вернется в день нового года, в год двухтысячный, то нашлись бы те, кто провел бы следующие пять с половиной лет с гулящими девками, поклоняясь ложным идолам и нарушая каждую из десяти заповедей... а потом в рождественскую неделю тысяча девятьсот девяносто девятого года явился бы в церковь, надеясь покаяться в грехах и заключить выгодную сделку. Нет уж, уважаемый! Никаких сделок не будет! Цена для всех одна. Возвещение и трубный глас прозвучат через месяцы... а может быть, вы их услышите еще до того, как я закончу эту фразу. И от вас зависит, будете ли вы готовы к этому мгновению. Но нам точно известно — Он придет скоро. Откуда? Опять из Книги. Знамения и чудеса. Первое, без которого ничего остального быть не может, — возвращение детей Израиля в землю обетованную — смотри Книгу пророка Иезекииля, смотри Евангелие от Матфея, смотри сегодняшние газеты. Они восстановят храм... ну и это уже произошло. Так написано в «Канзас-сити стар». Будут и другие знамения, и чудеса

всякого рода, но важнейшие из них — скорби и страдания, ниспосланные, чтобы испытывать души людские, как испытывали Иова. А разве есть более точное слово, чем слово «страдание», чтобы выразить сущность двадцатого века? И войны, и террористы, и политические убийства, и пожары, и эпидемии. И снова войны. Никогда в истории человечества не было таких жестоких испытаний. Но терпите, как терпел Иов, и ждет вас счастье и вечный мир — мир Божий, который превыше всякого ума соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Он протягивает вам руку. Он любит вас. Он вас спасет.

Брат Барнаби остановился и утер лоб огромным носовым платком, давно уже промокшим от пота. Хор (возможно, этот жест служил сигналом) негромко затянул:

Да, мы встретимся с тобою
Над чудною, над чудною рекою.
Там с неумолкаемой хвалою
Иисусу будем мы служить...

А затем плавно перешел к «Таков, как есть, без дел, без слов...».

Брат Барнаби опустился на одно колено и простер к нам руки:

— Молю вас! Неужели вы не ответите Ему?! Придите, примите Иисуса, придите в Его объятия...

Хор тихо пел:

...Принявши с радостью Твой зов,
И с верою в святую Кровь,
К Тебе, Господь, иду!

И Святой Дух снизошел.

Я почувствовал, как Он овладевает мной, как радость Христова переполняет мое сердце. Я вышел в проход и только тогда вспомнил, что со мной Маргрета. Я повернулся к ней, а она обратила ко мне лучезарный, серьезный и ласковый взгляд.

— Пойдем, дорогая, — шепнул я и повел ее по проходу. Мы вместе шли по опилкам прямо к Господу нашему.

У ограды алтаря уже собралась толпа. Я отыскал местечко, сдвинул в сторону чьи-то костыли и охапку сена и опустился на колени. Я положил правую руку на ограду, склонил голову, не выпуская из левой руки ладонь Маргреты, и обратил к Иисусу молитву, прося очистить нас от греха и принять в свои объятия.

Один из помощников брата Барнаби шепнул мне на ухо:

— Как ты себя чувствуешь, брат?

— Мне хорошо, — ответил я радостно, — и моей жене тоже. Помогите тем, кто нуждается в помощи.

— Благослови тебя Господь, брат, — сказал он и отошел.

Поодаль одна из прихожанок билась в экстатических судорогах и говорила языками; служка остановился рядом с ней, начал успокаивать.

Я снова склонил голову, но тут снаружи испуганно заржали кони, а брезентовая крыша тента дрогнула и заплоскалась, будто под ветром. Я взглянул вверх: брезент лопнул, дыра увеличилась, полотнище сорвалось с распорок и улетело прочь. Земля задрожала. Небо потемнело.

Трубный глас пронизал меня до костей, а возвешение, громче которого я в жизни ничего не слыхивал, было радостным и торжествующим. Я помог Маргрете встать.

— Время пришло, дорогая.

Нас смело.

Мы полетели кувырком, втянутые воронкой гигантского канзасского смерча. Меня оторвало от Маргреты, я попытался поймать ее, но не смог. Сопротивляться вихрю бесполезно; летишь туда, куда тебя несет. Но я знал: Маргрете ничего не угрожает.

Вихрь перевернул меня вниз головой, и я завис на высоте более двухсот футов... Лошади вырвались из загона, а вокруг метались какие-то люди, не унесенные смерчем. Непреодолимая сила еще раз кувыркнула меня, и с высоты я увидел кладбище.

Могилы разверзлись.

При общем ликовании утренних звезд, когда
все сыны Божии восклицали от радости

Книга Иова, 38 7

Вихрь хлестнул меня, закружил, и могилы исчезли из виду. Когда мое лицо снова обратилось к земле, на ее месте клубилось облако, лучащееся изнутри янтарным, шафрановым, светло-голубым и золотисто-зеленым светом. Я продолжал искать взглядом Маргрету, но мимо воспаряли какие-то другие люди, а ее не было. Ничего страшного, Господь спасет ее и сохранит. Временное отсутствие Маргреты меня нисколько не смущало, ведь самое главное препятствие мы только что преодолели вместе.

Я думал об этом препятствии. Еле-еле успели! А предположим, кобыла потеряла бы подкову, и мы задержались бы в дороге, подъехали к шатру часом позже? Ответ: мы бы туда вообще не добрались. Архангельская труба грянула бы, когда мы еще находились бы в пути — не вкусившие благодати! Вместо того чтобы вознестись на Небеса, мы отправились бы на Страшный суд, не очистившись от грехов, а оттуда уж прямехонько в ад.

Верю ли я в предопределение?

Вопрос, конечно, интересный. Но лучше задайте мне такой, на который я смогу ответить. Какой-то неизмеримый промежуток времени я парил над облаками. Иногда появлялись еще какие-то люди, но не на таком расстоянии, чтобы можно было поговорить. Я с нетерпением ожидал Господа нашего Иисуса — ведь Он особо подчеркивал свое обещание встретить нас «в воздухе».

Пришлось напомнить себе, что не следует уподобляться ребенку, который требует от мамочки немедленных действий, слышит в ответ: «Потерпи, сынок, еще не время». Суд-

ный день — это, знаете ли, очень, очень хлопотное дело, а я плохо представляю себе обязанности Иисуса. Ах да, одна из них мне известна — о ней напомнили разверстые могилы. Мертвые во Христе — миллионы? миллиарды? больше? — должны первыми встретиться с Отцом нашим, сущим на Небесах, и, конечно, Господь наш Иисус обязан присутствовать при этом славном событии: Он им обещал.

Объяснив таким образом причину задержки, я успокоился. Я готов был ждать своей очереди предстать перед Христом... и когда я Его увижу, то попрошу воссоединить меня с Маргретой.

Уже ни о чем не беспокоясь, никуда не торопясь, ощущая полный душевный и физический комфорт, не чувствуя ни жары, ни холода, ни голода, ни жажды, я сообразил, что пришло обещанное блаженство. И уснул.

Не знаю, долго ли я спал. Наверно, долго: ведь я ужасно устал, последние три недели были особенно мучительны. Проведя рукой по лицу, я понял, что проспал несколько дней, если не больше: густая щетина свидетельствовала о том, что я не брился дня два, и наверняка придавала мне крайне неряшливый вид. Я ощупал застегнутый на пуговицу нагрудный карман; да, там покоился мой верный «Жиллет» — подарок Марги. Однако мыла и воды у меня не было, да и зеркала тоже.

Это несколько расстраивало, ибо меня разбудил резкий звук горна (не архангельской трубы — вероятно, дежурным ангелам их не выдают), что, скорее всего, означало: «Восстань ото сна! Пришел твой черед!»

Так оно и было — однако на небесную перекличку пришлось явиться с двухдневной щетиной. Вот стыдоба!

Ангелы, будто полицейские-регулирующие, по своему ангельскому усмотрению строили нас в колонны. То, что это ангелы, я понял по крыльям, белым одеяниям и богатырским размерам — рядом со мной парил ангел ростом футов девять, а то и все десять. Крыльями они не махали (впоследствии я узнал, что крылья, как парадный мундир, надевают только в торжественных случаях). Я обнаружил,

что могу двигаться согласно указаниям этих регулировщиков. Раньше я совершенно не контролировал свои движения, теперь же мог передвигаться в любом направлении одним лишь усилием воли.

Сначала нас построили в колонну по одному, растянувшуюся на многие мили (сотни миль? тысячи?). Затем колонны собрали в шеренги по двенадцать человек, причем ряды располагались на нескольких уровнях — до двенадцати уровней в глубину. Если не ошибаюсь, то я был четвертым в шеренге и, наверно, двухсотым в глубину от головы трехуровневой колонны — это я прикинул на глазок; установить же общую протяженность колонны я, разумеется, не мог — ей не было конца.

И мы полетели к Престолу Господню.

Но сначала в воздухе примерно футы в пятидесяти от левого фланга возник какой-то ангел. Голос его оказался звучным.

— Внимание! Вы участвуете в параде в составе этой формации. Ни под каким видом порядок построения не нарушать. Держать равнение на соседей слева, внизу и впереди. Дистанция между шеренгами и уровнями — десять локтей, дистанция в шеренге — пять. Никакой толкотни, выход из рядов запрещен; не вздумайте замедлить движение, маршируя мимо Престола. Виновный в нарушении полетной дисциплины будет немедленно отправлен в самый конец колонны... Предупреждаю, к тому времени Сын может уйти, и парад останутся принимать святой Петр, или святой Павел, или какой-нибудь другой святой. Вопросы?

— А сколько это — локоть?

— В ярде два локтя. Кому из тварей Божиих в этой когорте неизвестна длина ярда?

Все промолчали.

— Еще вопросы? — продолжил ангел.

Женщина слева от меня и выше уровнем выкрикнула:

— Есть! Моя дочь забыла взять лекарство от кашля. Я захватила для нее пузырек. Вы ей не передадите?

— Тварь Божия, уверяю тебя, если твоя дочь вознесется на Небеса, ее кашель будет чисто психосоматическим.

— Но доктор велел...

— Помолчи пока. Сначала разберемся с парадом, а прошения будете подавать после прибытия на Небеса.

Были и еще вопросы, главным образом дурацкие, подтверждающие мое мнение, которое я сформулировал и держал при себе очень давно: благочестие здравого смысла не прибавляет.

Опять прозвучал горн; летный руководитель нашей когорты крикнул: «Вперед!» Секундой позже раздался еще один отрывистый сигнал. Ангел выкрикнул: «Летим!»

И мы полетели.

(Заметьте, я называю этого ангела «он», потому что воспринимал его как мужчину. Тех ангелов, которые, по моему мнению, походили на женщин, я буду называть «она». Однако гендерная принадлежность ангелов — сложный вопрос. Если допустить, что она у них есть. Возможно, они андрогины, но мне не представилось случая это выяснить, да и не хватило смелости об этом спрашивать.)

(Кстати, вот еще что любопытно. У Иисуса Христа были ведь братья и сестры — так непорочна ли Дева Мария? Спросить об этом я тоже постеснялся.)

Его Престол был замечен из самого дальнего далека. Нет, не великий белый Престол Бога Отца на Небесах, а походное сооружение для Иисуса, приспособленное к оказии. Тем не менее трон, вырубленный из цельного алмаза, был великолепен: в мириадах граней отражалось внутреннее сияние самого Иисуса и, дробясь и преломляясь, разбрасывало повсюду снопы льдистых и огненных искр. Их-то я и видел лучше всего, ибо лик Иисуса исполнен такого ослепительного света, что без солнечных очков невозможно рассмотреть Его истинные черты.

Впрочем, это не важно. Все знали, кто Он такой. Не знать было невозможно. Уже милях в двадцати пяти от Престола меня охватило всепоглощающее благоговение. Никакое изучение теологии не подготовило меня к пониманию (ощущению?) того сингулярного чувства, которое Библия описывает двумя словами: любовь и страх. Тот, кто

восседал на Престоле, внушал мне и безмерную любовь, и неописуемый ужас одновременно, и лишь теперь я наконец-то понял, почему Петр и Иаков бросили сети и последовали за Ним.

И конечно же, когда мы предстали перед Ним — совсем близко, в сотне ярдов от Престола, — я не стал беспокоить Его своей просьбой. В былой жизни на Земле я обращался (взывал) к Иисусу по имени тысячи раз; а когда увидел Его во плоти, то напомнил себе слова ведущего нас ангела — личные прошения следует подавать после прибытия на Небеса. А это будет скоро. Пока же мне было радостно думать о Маргрете, которая тоже участвует в параде и лицезрит Господа нашего Иисуса на Его Престоле... а если бы я не вмешался, она могла бы никогда не увидеть Его. У меня потеплело на душе, что еще больше обогатило экстатическое благоговение, с которым я взирал на Его лучезарный свет.

Когда мы отлетели от Престола миль на двадцать, наша когорта свернула направо и вверх, и мы покинули сначала окрестности Земли, а затем и Солнечной системы. Теперь мы летели прямо на Небеса, беспрерывно наращивая скорость.

А известно ли вам, что, если взглянуть на Землю издалека, она напоминает лунный серп? Мне стало интересно, были ли среди восхищенных сторонники теории о плоской Земле. Вряд ли, конечно, но в общем, такое заблуждение, происходящее от невежества, не обязательно противоречит вере в Христа. Христианская церковь предает анафеме некоторые еретические и суеверные воззрения — например, астрологию или дарвинизм, — но чушь о плоской Земле, насколько мне известно, никогда не осуждалась. Если среди нас сейчас и были сторонники подобных представлений, то каково им было видеть, что Земля круглая, как теннисный мяч?

(А может быть, Господь в своем милосердии позволяет им видеть Землю плоской? Дано ли простому смертному уяснить ход Божественных рассуждений?)

Возможно, к Небесам мы приблизились часа через два. Я говорю «возможно», так как на самом деле могло пройти любое количество времени; человеческие мерки его определения отсутствовали. Равным образом мне представляется, что Восхищение продолжалось около двух суток, хотя позже у меня появились некоторые основания считать, что это заняло около семи лет. Попытки измерить время или пространство дают весьма сомнительные результаты, если у наблюдателя нет ни часов, ни измерительных приборов.

Когда мы подлетели к Святому граду, наши проводники велели нам сбросить скорость и совершить обзорный круговой облет перед тем, как проследовать в одни из врат.

Этот увеселительный тур был не таким уж кратким мероприятием. Новый Иерусалим (Небеса, Святый град, столица Иеговы) имеет форму квадрата, подобно федеральному округу Колумбия, но только неизмеримо большего, со стороны тысяча триста двадцать миль, то есть пять тысяч двести восемьдесят миль в периметре и площадью один миллион семьсот сорок две тысячи четыреста квадратных миль.

В сравнении с ним Лос-Анджелес или Нью-Йорк выглядят совсем крошечными.

Трудно поверить, но по площади Святый град в шесть раз превосходит Техас! И все равно — перенаселен. Правда, после нас новых поступлений не ожидали.

Город, конечно, окружен стеной, которая имеет двести шестнадцать футов в высоту и столько же в толщину. По верхней плоскости стены проходят двенадцать транспортных полос, но никаких ограждений по бокам нет. Жутковатое зрелище. В ней двенадцать врат — по три с каждой стороны. Это знаменитые Жемчужные врата — они на самом деле из одной жемчужины. Обычно они распахнуты и, как нам объяснили, не будут запираться вплоть до Последней битвы.

Сама стена из радужной яшмы, а ее основание сложено из двенадцати горизонтальных рядов ослепительно свер-

кающих драгоценных камней: сапфира, халцедона, изумруда, сердолика, хризолита, берилла, топаза, аметиста — что-то я наверняка пропустил. Новый Иерусалим прельщает таким великолепием, что о городе трудно составить целостное впечатление, а охватить все взглядом и вовсе невозможно.

Когда мы закончили облет Святого града, руководитель полета нашей когорты объявил режим ожидания, как дирижаблям в летном порту О'Хара, и продержал нас до тех пор, пока не получил сообщения, что одни из врат свободны. Я очень надеялся хоть одним глазком увидеть святого Петра, но мне не повезло: его канцелярия находится у главных, Иудиных врат, а мы прошли через Асировы врата на противоположной стороне, где и были зарегистрированы ангелами, действующими по поручению святого Петра.

Все двенадцать врат были открыты; у каждого работали десятки клерков из числа помощников святого Петра, и, хотя пропускной опрос не проводился (поскольку все мы вознеслись во плоти, что автоматически гарантирует спасение), нам пришлось долго стоять в очереди ради того, чтобы зарегистрироваться, получить временные удостоверения и временные документы на пищевое довольствие...

(Пищевое довольствие?)

Да, я, конечно, тоже удивился. И спросил ангела, который меня оформлял. Он(а) глянул(а) на меня сверху вниз:

— Прием пищи для восполнения сил производится по желанию. Можно не пить и не есть, но некоторые твари Божии, даже ангелы, любят покушать, особенно в компании. Так что поступай, как нравится.

— Спасибо. Теперь насчет ордера на постой. Он на одного? А мне нужно на двоих — на себя и на жену. Я хочу...

— То есть на бывшую жену. В воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают на Небесах.

— Как?! Значит, нам нельзя жить вместе?

— Ничего подобного. Вам вдвоем надлежит обратиться в генеральное жилищное управление, в отдел обмена и

улучшения жилищных условий. И не забудь, что вы оба должны иметь при себе индивидуальные талоны на построй.

— Но в том-то и проблема! Мы с женой разлучились. Как мне ее отыскать?

— Это не входит в круг моих служебных обязанностей. Узнай в справочном бюро. А пока пользуйся помещением на одного в казармах имени Гедеона.

— Но...

Он(а) вздохнул(а):

— Ты хоть представляешь, сколько тысяч часов я тут сижу? Вообрази, как сложно обслужить сразу столько миллионов тварей Божиих — и тех, кто вознесся во плоти, и тех, кто только что воскрес. Нам пришлось установить на Небесах канализацию для тех, кто вознесся во плоти... Ты понятия не имеешь, чего нам это стоило. Говорю же, если установить канализацию, то обязательно появятся и те, кому эта канализация необходима; в общем, понаедут всякие... Только разве ж меня послушают! Ха! Давай, бери свои бумажки, иди вон в ту дверь, получай белые одежды и нимб... арфу выдают по требованию. А потом вот по зеленой полосе прямым ходом в Гедеоновы казармы.

— Нет!

Ангел зашевелил(а) губами — должно быть, возносил(а) безмолвную молитву.

— По-твоему, прилично расхаживать по Небесам в таком виде? Ты очень неопрятно выглядишь. Мы редко видим Божии твари во плоти. Гм... Помнится, последним во плоти сюда явился Илия и, надо сказать, почти в таком же прискорбном виде. Давно пора скинуть это тряпье и облачиться в приличные белые одежды. А заодно и от перхоти избавиться.

— Послушайте, — сказал я сердито, — никто не знает, какие муки и невзгоды выпали на мою долю. Никто, кроме самого Иисуса. Пока вы, облаченные в чистейшие одежды и с нимбами над головой, гуляли в ослепительно-великолепном городе по улицам из чистого золота, я сражался с самим Сатаной. Я знаю, что выгляжу не слишком опрятно,

но не моя вина, что я Восхищен в таком виде. Кстати, где тут выдают бритвенные лезвия?

— Брит... чего?

— Бритвенные лезвия. Обоюдоострые лезвия «Жиллет» или что-то похожее на них. Вот для этой штуки. — Я вытащил бритву и показал ему (ей). — Предпочтительно из нержавеющей стали.

— У нас тут ничего не ржавеет. Но во имя неба, что это такое?

— Безопасная бритва. Чтоб снять эту безобразную щетину с лица.

— Неужели?! Ежели Господь в Своей премудрости пожелал бы, чтобы Его твари мужеска пола не имели волос на лице, он сотворил бы их гладкокожими. Ну-ка, дай сюда, я ее выкину. — Он (она) потянулся (лась) за бритвой.

Я поспешно ее спрятал:

— Не надо. А где здесь справочное бюро?

— Как выйдешь, налево. В шестистах шестидесяти милях, — поморщившись, заявил(а) он(а).

Я отвернулся, кипя от возмущения. Бюрократы! Даже на Небесах! Больше вопросов я не задавал, поняв невысказанную суть происходящего. Шестьсот шестьдесят миль — эту цифру я запомнил во время осмотра достопримечательностей — расстояние от Центральных врат (таких же, как Асировы врата, где я сейчас находился) до центра Небес, то есть до великого белого Престола Господа Бога Иеговы — Бога Отца. Так что, не стесняясь в выражениях, ангел послал(а) меня жаловаться самому боссу, если я чем-то недоволен; короче — «Пшел вон!».

Я собрал свои бумаги и попятился к выходу, надеясь отыскать кого-нибудь чином повыше.

Тот, кто организовал этот базар, — Гавриил, или Михаил, или еще кто, — должно быть, предусмотрел, что тут будет ошиваться множество тварей Божиих, каждый со своими проблемами, которые в общем плохо вписываются в систему. Поэтому среди толпы шныряли херувимы. Только не надо вспоминать Микеланджело или Луку делла Роббиа — эти херувимы вовсе не походили на детишек с ямоч-

ками на толстеньких ляжках; они были на фут-полтора выше нас, новоприбывших, и весьма напоминали ангелов, только с маленькими крылышками, как у херувимов на картинках, и с жетоном, на котором красовалась надпись: «Администратор».

А может, это и были ангелы? Я до сих пор не понимаю разницы между ангелами, херувимами, серафимами и прочими. Библия, по-видимому, полагает, что такие вещи понятны без разъяснений. Паписты же насчитывают аж девять разновидностей ангелов. И кто это им позволил? В Библии ничего подобного нет.

По-моему, на Небесах существуют два класса существ: ангелы и люди. Ангелы считают себя превыше людей и без стеснения этим пользуются. Они действительно превосходят людей и по положению, и по власти, и по привилегиям. Спасенные души — граждане второго сорта. Представление, которое пронизывает всю протестантскую христианскую религию (а может быть, и папистскую), что спасенные души будут сидеть чуть ли не на коленях у Господа, мягко говоря, не совсем соответствует истине. Те, кто спасен и Восхйщен на Небеса, оказываются в положении новичков, самых младших из всех, кто тут обитает.

На Небесах к спасенным душам относятся примерно так же, как к чернокожим в штате Арканзас. И ангелы не дают об этом забывать.

Ни разу не встречал ангела, который бы мне понравился.

В общем-то, если принять ангельскую точку зрения, то их чувства к нам вполне объяснимы. Согласно пророку Даниилу, на Небесах обретается около ста миллионов ангелов. До воскрешения из мертвых и вознесения здесь было просторно и вольготно, да и работа не требовала особых усилий: то доставить кому-нибудь весть, то присоединиться к ангельскому хору, то поучаствовать в каком-нибудь ритуале. Уверен, ангелам все это очень нравилось.

И вдруг хлынул гигантский поток иммигрантов, многие миллионы (миллиарды?) иммигрантов, не обученных элементарным правилам поведения. И со всеми нужно нян-

читься. После бесчисленных эонов райского блаженства ангелам неожиданно пришлось заняться тяжким трудом попечителей необъятного дома призрения или там сиротского приюта. Неудивительно, что нас они на дух не переносят.

Что ж... мне они тоже не нравятся. Снобы!

Я отыскал херувима (ангела?) с бляхой администратора и спросил его, где находится ближайшее справочное бюро. Он ткнул большим пальцем через плечо:

— Прямо по бульвару — около шести тысяч фурлонгов. Это у Реки, что течет от Престола.

Я поглядел на уходящий вдаль бульвар. На таком расстоянии Бог Отец на Престоле выглядел как восходящее солнце.

— Шесть тысяч фурлонгов — это ж больше шестисот миль! А поближе ничего нет?

— Тварь Божия, это сделано с умыслом. Если бы справочные киоски стояли на каждом углу, вы бы все толпились возле них, задавая дурацкие вопросы. А так Божии твари обращаются за справками только в действительно важных случаях.

Логично. И все же приводит в бешенство. Меня снова обуяли отнюдь не выспренные мысли. Я всегда полагал Небеса обителью вечного блаженства, а не местом, исполненным отчаяния и недоброжелательности, совсем как Земля. Я сосчитал до десяти сначала по-английски, а потом по-латыни.

— Э... а сколько туда лету? Существуют ли тут ограничения скорости?

— По-твоему, тебе позволено туда летать? А?

— А почему бы и нет? Я же сюда прилетел, а потом еще заложил круг над городом.

— Это ты только думал, что летаешь. Фактически за тебя все делал руководитель твоей когорты. Тварь Божия, я дам тебе совет, который поможет тебе избежать уймы неприятностей. Когда ты получишь крылья — если ты их вообще получишь, — не пытайся летать над Святым градом.

Тебя так быстро приструнят, что все зубы вылетят. А крылья отберут навсегда.

— Почему?

— Потому что не положено, вот почему. Вы, новички необученные, являетесь сюда и думаете, что вы тут хозяева. Вы и на Престоле нацарапали бы всякую похабень, если бы сумели к нему подобраться. А потому давай-ка я научу уморазуму. На Небесах действует одно правило: «Чин имеет привилегии». Догадываешься, что это значит?

— Нет, — ответил я, хотя и не совсем правдиво.

— Вонми же в худости своей, тварь Божия. Забудь про десять заповедей. Здесь из них действуют только две-три, да и те нарушить нельзя, даже если очень постараться. Золотое правило же, действующее на Небесах повсеместно, гласит: «Всякому чину полагаются свои, четко означенные привилегии». В этом зоне ты — необученный новобранец ратей Господних, то есть самый низкий чин. И почти никаких привилегий. Считай, что твое пребывание здесь — единственная доступная тебе привилегия. Господь в своей бесконечной мудрости постановил, что тебя можно сюда допустить. И ничего больше. Если будешь паинькой, тебе позволят здесь остаться. Теперь о правилах движения. Над Святым градом дозволено летать только ангелам и никому больше. И то лишь при исполнении служебных обязанностей или при отправлении церемоний. К тебе это совершенно не относится. Даже если тебе выдадут крылышки. Повторяю: если. Надо сказать, что огромное количество подобных тебе Божиих тварей прибыли сюда с бредовыми фантазиями, будто, попав на Небеса, сразу же превратятся в ангелов. Ничего подобного. Не превратятся. Божии твари никогда не станут ангелами. Святыми — это бывает. Хоть и редко. Ангелами — никогда.

Я сосчитал до десяти и обратно. На иврите.

— С вашего позволения я все-таки попытаюсь добраться до этого справочного бюро. Поскольку мне не разрешается летать, то как я туда попаду?

— Так бы сразу и спрашивал. Садись в маршрутку.

Чуть позже я сидел в маршрутке Святоградских транзитных линий, громыхавшей в направлении далекого Престола. Маршрутка — открытый экипаж — напоминала огромную лодку на колесах и входом с кормы; транспортное средство не располагало ни видимыми источниками двигательной энергии, ни кондуктором, ни водителем. Экипаж останавливался на определенных, отмеченных знаками стоянках, и именно таким образом я в него попал. Правда, я пока не понял, как заставить его сделать остановку по требованию.

По-видимому, такими маршрутками пользовались все обитатели Святого града (кроме важных персон, имевших собственные колесницы). Даже ангелы. Основную массу пассажиров составляли люди в стандартных белых одеяниях и с нимбами над головой. Впрочем, среди них было и несколько человек в костюмах разных исторических эпох; над их головами сияли нимбы побольше и поярче. Я заметил, что с этими Божьими тварями ангелы держали себя с исключительной вежливостью, но рядом с ними не садились. Ангельские места находились в передней части маршрутки, привилегированные люди занимали среднюю, а просто быдло (включая вашего покорного слугу) теснилось в самом конце.

Я спросил у души по соседству, как долго добираться до Престола.

— Не знаю, — ответила она, — я так далеко не еду.

Душа оказалась женской, средних лет и дружелюбной, поэтому я прибег к обычному зачину беседы:

— О, да у вас канзасский выговор!

— Вряд ли, — улынулась она. — Я родилась во Фландрии.

— Вот как?! Однако вы отлично говорите по-английски.

Она покачала головой:

— Я вообще не знаю английского.

— Но...

— Ах, вы, наверное, только что прибыли. Понимаете, Небеса не затронуло проклятие вавилонского столпотво-

рения. Здесь никогда не было смешения языков... чему я очень рада, потому что мне плохо давались иностранные языки... при жизни. А здесь все иначе. — Она с любопытством поглядела на меня. — Позвольте узнать, где вы умерли? И когда?

— Я не умирал, — сказал я. — Я был Восхйщен во плоти.

Она удивленно округлила глаза:

— Ох как интересно! Вы, наверно, святой!

— Нет, что вы! А почему вы так полагаете?

— Восхйщение наступит... наступило?... без предупреждения. Ну, меня так учили в свое время.

— Совершенно верно.

— Значит, без предупреждения, без покаяния, без священника, который примет вашу исповедь... но вы были готовы! И так же безгрешны и чисты, как Дева Мария. Потому и попали прямиком на Небеса. Вы наверняка святой. — Подумав, она добавила: — Именно так я и решила, увидев ваш наряд, потому что только святые, особенно мученики, попадают сюда в той же одежде, которую носили на Земле. — Она смущенно потупилась. — Не считите за навязчивость, но, прошу вас, благословите меня!

— Сестра, я не святой.

— Вы отказываете мне в благословении?

(Господи Иисусе! Ну почему со мной всегда происходят такие истории!)

— Вы желаете получить мое благословление, хотя я вам ясно сказал, что, насколько мне известно, я вовсе не святой?

— Соболаговолите... святой отец.

— Хорошо же. Чуть-чуть повернитесь ко мне, слегка наклоните голову...

Вместо этого она упала передо мной на колени. Я положил ей руку на голову.

— В силу своих полномочий рукоположенного священника истинной кафолической церкви Иисуса Христа, Сына Бога Отца, и волею Святого Духа, я благословляю сестру нашу во Христе. Да будет так.

Вдруг я услышал возгласы «Аминь!» — зрителей тут хватало. Мне стало очень неловко. Я вовсе не уверен, что имею право раздавать благословения на Небесах. Но милая женщина попросила ее благословить, и я не мог ей отказать.

Она взглянула на меня со слезами на глазах:

— Я знала! Я так и знала!

— Что вы знали?

— Что вы святой. Вот, и он у вас есть!

Я хотел спросить: «Что у меня есть?» — и тут случилось небольшое чудо. Внезапно я четко увидел себя со стороны: мятые, грязные штаны хаки, рубашка из армейских запасов, насквозь пропотевшая под мышками, оттопыренный левый нагрудный карман, где лежала бритва, трехдневная щетина на щеках, всклокоченные волосы, которые не мешало бы постричь... и парящий над головой лучезарный нимб размером с раковину для мытья посуды.

— Встаньте с колен, — сказал я. — Не будем привлекать к себе внимание.

— Хорошо, святой отец, — кивнула она и добавила: — Здесь, позади, вам не место.

— Предоставьте мне судить об этом самому, дочь моя. А теперь расскажите мне о себе.

Пока она усаживалась, я огляделся. И случайно поймал взгляд ангела, одиноко сидящего впереди. Он(а) сделал(а) мне знак подойти. Однако я достаточно долго терпел ангельское нахальство и сначала просто проигнорировал его (ее) жест. Но другие заметили, хотя тоже притворились, что не видели, а моя исполненная почтения спутница прошептала:

— О святой, вон тот ангел хочет с вами поговорить.

Я сдался — отчасти потому, что так было проще, отчасти потому, что мне самому хотелось спросить его (ее) кое о чем. Я встал и прошел вперед.

— Я вам нужен?

— Да. Вам известны правила. Ангелы впереди, Божии твари сзади, святые — в середине. Садясь сзади с простыми

тварями Божиими, вы прививаете им дурные манеры. Как можно рассчитывать на соблюдение привилегий, дарованных святым, если вы игнорируете протокол. Чтоб больше этого не было!

Я подумал о нескольких возможных ответах, но все они были весьма далеки от божественности. Вместо этого я сказал:

— А можно задать вам вопрос?

— Да.

— Как долго ехать до Реки, текущей от Престола?

— А зачем вы об этом спрашиваете? Перед вами целая вечность.

— То есть ответ вам неизвестен? Или вы просто не желаете отвечать?

— Идите и садитесь на надлежащее место. Немедленно!

Я попробовал найти место в задних рядах. Однако мои собратья, твари Божии, расселись так, что не оставили мне ни единого свободного местечка. Никто не сказал ни слова, но все старались не встречаться с моим взглядом, и было очевидно, что никто не поддержит моего желания бросить вызов ангелу. Я вздохнул и сел в средней части — в блистательном одиночестве, ибо был в автобусе единственным святым. Если, конечно, допустить, что я святой.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем мы достигли Престола. На Небесах освещенность в течение суток не меняется, равно как не меняется и погода, а часов у меня не было. Время тянулось долго и уныло. Уныло? Да. Роскошный дворец из драгоценных камней являет собой изумительное зрелище. Десяток роскошных дворцов из драгоценных камней являют собой изумительное, неповторимое зрелище. Однако роскошные дворцы на протяжении ста миль вызывают неудержимую зевоту, а на протяжении шестисот шестидесяти миль приводят в неизбывное уныние. Я тосковал о площадках для торговли подержанными машинами, о свалках и (больше всего) о бескрайних зеленых полях и лесах.

Новый Иерусалим — город совершенной, идеальной красоты. Я готов клятвенно засвидетельствовать это. Но долгая поездка убедила меня, что и невзрачность, и уродство имеют право на существование.

Мне так и не удалось узнать, кто спроектировал Святый град. Что утверждение проекта и строительства дело рук Божиих — аксиоматично. Но Библия не называет архитектора (или архитекторов) или строителя (подрядчиков). Франкмасоны говорят о великом архитекторе (имея в виду Иегову), но в Библии об этом — ни слова. Однажды я спросил какого-то ангела: «Кто разработал проект города?» Он не возмутился моим невежеством, не обругал меня, а просто не понял вопроса. А я так и остался в недоумении: неужели Бог лично сотворил (измыслил и построил) Святый град до последнего драгоценного камня? Или Он поручил это своим подчиненным?

Но чьим бы ни был замысел, Святый град имеет, на мой взгляд, один огромный изъян (и не вздумайте говорить мне, что высказывать свое мнение о Господнем замысле — богохульство). В городе есть недостаток, и весьма серьезный.

В нем отсутствуют публичные библиотеки.

Одна-единственная библиотекарь-референт, посвятившая всю жизнь ответам на любые вопросы посетителей (все равно какие — ерундовые или важные), на Небесах была бы полезней целой когорты самодовольных ангелов. Таких женщин здесь должно быть множество, ибо надо обладать добротой святого и терпением Иова, чтобы служить в справочном отделе библиотеки и заниматься этим делом лет сорок подряд. Но чтобы выполнить свой долг, им нужны книги, каталоги, реестры и тому подобное, то есть орудия труда. Если бы была возможность, они создали бы и классификационную систему, и книжные каталоги... но откуда возьмутся книги? Небеса, по-видимому, начисто лишены типографских мощностей.

Вообще, на небесах нет никакого производства. Не существует и экономики. Изгнав первых людей из рая и пове-

лев, чтобы Адам — и мы, его потомки, — в поте лица своего ел хлеб, Иегова положил начало экономике, которая работала с тех пор на протяжении почти шести тысяч лет.

Но не на Небесах.

На Небесах Он ежедневно снабжает нас хлебом, не работанным в поте лица. По правде говоря, в хлебе мы не нуждаемся. Тут невозможно ни помереть с голоду, ни даже серьезно проголодаться. А если у вас возникнет желание побаловаться едой, то можно зайти в любой из множества ресторанчиков, закусовых и прочих трапезных. Самый вкусный гамбургер на свете я съел в крошечной закусовой неподалеку от Престольной площади, на берегу Реки. Но я опять забегаю вперед.

Другой недостаток, не столь серьезный, на мой взгляд, но все же значительный — сады. Здесь нет ни одного приличного сада, кроме райского, где растет дерево жизни, — он находится неподалеку от Престола, на самом берегу Реки; очень редко там и сям попадаются крошечные личные палисадники. Я догадываюсь, в чем дело, и если я прав, то, возможно, это скорректируется в ближайшем будущем. До появления на Небесах Восхищенных и восставших из мертвых почти все население Святого града состояло из ангелов. Исключение составлял примерно миллион мучеников за веру, святейших сынов Израилевых, которые попали сюда, даже не будучи знакомы с Христом (то есть умерли до тридцатого года нашей эры), и жители непросветленных земель — души, достойные попасть на Небеса без общения с Христом. Итак, девяносто девять процентов граждан Святого града были ангелами.

Ангелы же не интересуются зелеными насаждениями. По-моему, это и так понятно: трудно вообразить коленопреклоненного ангела, удобряющего грядки. Ангелы не из тех, кто вытерпит грязь под ногтями ради того, чтобы вырастить новый сорт роз.

Но теперь ангелов стало раз в десять меньше, чем людей, и я полагаю, что тут скоро появятся парки и сады, садоводческие общества, лекции об уходе за почвой и так далее. И вообще все, что относится к садоводству. Теперь

у заядлых садоводов будет достаточно времени для любимого занятия.

Большинство людей на Небесах делают что пожелают, не ведая забот. Сюзанна, та милая дама, которая жаждала моего благословения, во Фландрии была кружевницей, а на Небесах обучает плетению кружев всех желающих. У меня создалось устойчивое представление, что для большинства людей главная проблема вечного блаженства состоит в том, как убить время. (Вопрос: а нет ли смысла в идее перевоплощения, что так важна для некоторых религий, но решительно отвергается христианством? Может быть, в отдельных случаях спасенные души следует вознаграждать, позволяя им снова вступать в конфликт? Не на Земле, а где-нибудь еще? Эх, была бы у меня Библия, я бы порылся в ней как следует. Но к моему глубочайшему удивлению, здесь, на Небесах, Библию достать практически невозможно.)

Как мне и объяснили, справочное бюро находилось у берега Реки Жизни, берущей начало у Престола Господня и протекающей через райский сад. Престол высится в самом центре сада, но рассмотреть его вблизи невозможно — все равно что глядеть на высочайший нью-йоркский небоскреб, стоя на тротуаре у его подножья. Только тут это еще труднее. И конечно, снизу лика Божьего не видно — Он восседает на высоте тысячи четырехсот сорока локтей. Так что заметно лишь сияние... И разумеется, ощущаешь Его присутствие.

Как и предупреждал херувим, в справочном бюро царил толчея. Души не желали становиться в очередь и огромной массой толпились вокруг. Глядя на сутолоку, я уныло размышлял, сколько же времени пройдет, прежде чем я доберусь до барьера. Хорошо бы протиснуться вперед без использования жестких приемов, как в дни распродаж, то есть не расталкивая толпу локтями, не наступая на любимые мозоли и тому подобное — всего того, что делает универмаги ненавистными для любого мужчины.

Я отошел в сторонку и попытался изобрести какой-нибудь способ решения проблемы. А не существует ли возможности узнать, где находится Маргрета, не отдавливая чужие мозоли?

Я все еще стоял в раздумье, когда ко мне подошел херувим-администратор.

— Святой, вы хотите воспользоваться услугами справочного бюро?

— Совершенно верно.

— Идите за мной. И не отставайте. — В руке он держал длинный жезл — нечто вроде здоровенной дубинки, используемой полицейскими при подавлении уличных беспорядков. — Дорогу! А ну, дорогу святому! Давай по-быстрому!

В мгновение ока мы оказались у барьера. Не знаю, имелись ли пострадавшие, но уж обиженных было полно. Я не оправдываю таких действий и думаю, что в идеале обращение со всеми должно быть одинаковым. Однако там, где действует принцип привилегии чина, гораздо лучше быть капралом, чем рядовым.

Я обернулся, чтобы поблагодарить херувима, но он уже исчез. Чей-то голос произнес:

— Святой? Что вам угодно? — Ангел, сидевший за барьером, смотрел на меня сверху вниз.

Я объяснил, что хочу найти свою жену. Он побарабанил пальцами по барьеру.

— Подобных услуг мы в принципе не оказываем. Для дел такого рода существует кооператив, в котором заправляют сами твари Божии, и называется он «Отыщи своих друзей и родных».

— А где он?

— У Асировых врат.

— Где?! Но я же только что оттуда! Именно там я регистрировался.

— Вам следовало спросить ангела, который вас принимал. Вы зарегистрировались недавно?

— Только что. Был вознесен в день Второго пришествия. Я спросил ангела, который мной занимался... а тот

меня отшил... Он... она... в общем, этот ангел велел мне обратиться сюда.

— Гм... дайте-ка мне ваши документы.

Я отдал ему все, что у меня было. Ангел листал их медленно и тщательно, затем окликнул другого ангела, который оторвался от работы и с живым интересом прислушивался к нашему разговору.

— Тирль! Взгляни-ка сюда!

Второй ангел пролистал мои бумаги, поглядел на меня, понимающе кивнул и грустно покачал головой.

— В чем дело? — спросил я.

— Святой, вам не повезло — вас обслуживал, если в данном случае можно употребить это слово, ангел, который и своему ближайшему другу не помог бы, если бы друг у него был, хотя чего нет, того нет. Но я немного удивлен, что она так дурно обошлась со святым.

— У меня еще не было нимба.

— Тогда понятно. Вы взяли его позже?

— Ничего я не брал. Он появился чудом, когда я ехал от Асировых врат сюда.

— Понятно. Послушайте, святой, вы можете подать жалобу на Хромитисинель. С другой стороны, можно воспользоваться дальногласием и сделать запрос от вашего имени.

— Я думаю, последнее было бы предпочтительнее.

— Совершенно верно. Особенно в долгосрочной перспективе. Для вас. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Вполне.

— Но прежде, чем обращаться в кооператив, давайте свяжемся с канцелярией святого Петра и удостоверимся, что ваша жена прибыла. Когда она умерла?

— Она не умирала. Она Восхищена, так же как и я.

— Вот как? Это делает поиск более легким и быстрым — не придется рыться в старых списках. Имя полностью, возраст, пол, ежели таковой имелся, место рождения и дата... Нет, это не нужно. Сначала имя полностью.

— Маргрета Свенсдоттер Гундерсон.

— Лучше по буквам.

Я сказал по буквам.

— Что ж, пока этого хватит. Если, конечно, предположить, что клерки святого Петра умеют писать без ошибок. Только вот подождать у нас негде. Приемной нет. Но как раз напротив есть ресторанчик... Вон там, видите — вывеска?

Я обернулся.

— «Священная корова»?

— Она самая. Готовят прилично — если вы едите. Подождите там. Я вас извещу.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.... — Она опять глянула в мои бумаги, а затем вернула их мне. — Святой Александр Хергенсхаймер.

Среди всеобщего великолепия «Священная корова» оказалась по-домашнему уютным заведением: маленькая, чистенькая закусочная, которой самое место где-нибудь в Сент-Луисе или Денвере. Я вошел. Спиной ко мне, у гриля, стоял высокий негр в торчащем сквозь нимб поварском колпаке. Я сел у стойки и кашлянул.

— Погодите минуточку. — Негр закончил и повернулся ко мне. — Чем могу... Ух ты! Святой, что вам подать? Вы только назовите, что бы вы... только назовите!

— Люк, как я рад тебя видеть!

Он уставился на меня:

— Мы знакомы?

— Неужели ты меня не помнишь? Я же работал под твоим началом. «Гриль Рона», Ногалес. Я — Алек. Посуду у вас мыл.

Он долго смотрел на меня, потом вздохнул:

— Ну вы дадите... святой Алек!

— Для друзей просто Алек. Знаешь, тут какая-то административная путаница, Люк. Когда-нибудь все прояснится, и я сменю этот воскресный наряд на обыкновенный нимб.

— Ну, это вряд ли... святой Алек. Тут, на Небесах, не ошибаются. Эй! Альберт! Встань-ка за стойку. Мой друг святой Алек и я посидим в зале. Альберт — это мой помощник.

Я поздоровался с невысоким толстяком, который напоминал карикатурного французского шеф-повара. Его поварской колпак был заломлен так же лихо, как и нимб. Мы с Люком прошли через боковую дверь в маленькую столовую и сели. К нам тут же подошла официантка, что оказалось для меня еще одним приятным сюрпризом.

— Хейзел, познакомься с моим старым другом, святым Алем! — воскликнул Люк. — У нас с ним когда-то были кой-какие общие делишки. Хейзел — старшая официантка «Священной коровы».

— Я был у Люка посудомоем, — сказал я ей. — Хейзел, как я рад снова увидеться с тобой! — Я встал, хотел было пожать ей руку, но, передумав, заключил ее в объятия.

Ничуть не удивившись, она с улыбкой произнесла:

— Привет, Алек. Святой Алек, как я погляжу. Что ж, так я и думала.

— А я нет. Это ошибка.

— На Небесах ошибок не бывает. А где Марджи? Все еще на Земле?

— Нет. — И я объяснил, как мы потеряли друг друга. — Так что я тут ожидаю известий.

— Ты ее найдешь. — Она поцеловала меня быстро и горячо, что напомнило мне о моей четырехдневной шетине. Я усадил ее и сел рядом со своими друзьями. — Ты обязательно ее найдешь, и очень быстро, потому что так было обещано, а здесь исполняются все обещания. Встреча на Небесах с друзьями и родными. Вот уж воистину мы встретимся с тобою над чудною рекою... — а Река тут прямо за порогом. Стив... Святой Алек, помнишь Стива? Он был с тобой и Марджи, когда мы познакомились.

— Забудешь его, как же! Он накормил нас ужином и дал нам золотой «орел», когда у нас не было ни шиша. Еще бы я не помнил Стива!

— Я рада слышать твои слова. Потому что Стив считает, что это ты обратил его — через второе рождение — и дал ему попасть на Небеса. Видишь ли, Стив был убит на равнине Меггидо, и я тоже погибла в этой войне... Ну, лет через пять после нашей с тобой встречи.

— Через пять лет?!

— Да. Меня убили в начале войны, а Стив продержался до самого Армагеддона.

— Хейзел... но ведь прошло не больше месяца с тех пор, как Стив угощал нас ужином в Римроке!

— Все правильно. Ты был Восхищен в день Второго пришествия, и сразу же началась война. Все эти годы ты провел в воздухе, так что мы со Стивом обогнали тебя, хотя ты и покинул Землю первым. Поговори со Стивом, разберешься; он скоро появится. Кстати, теперь я его наложница — или жена... Тут же не женятся и замуж не выходят. Короче говоря, когда началась война, Стив вернулся в морскую пехоту, дослужился до капитана. Его полк отправили в Хайфу, и Стив погиб, сражаясь за Господа в самый разгар Армагеддона. Я очень горжусь им.

— Еще бы! Люк, ты тоже погиб на войне?

Люк ухмыльнулся:

— Нет, святой Алек. Меня повесили.

— Шутишь!

— Какие уж тут шутки! Повесили по всем правилам. Ты помнишь, когда ты нас бросил?

— Никого я не бросал. Произошло чудо. Благодаря ему я встретился с Хейзел. И со Стивом.

— Ну... в чудесах ты разбираешься лучше меня. На твое место мы взяли нового мойщика, чикано. Лихой такой наглец, крутого из себя строил. Ножом мне пригрозил. Это он зря, конечно, — кто ж лезет с ножом на повара в его собственной кухне! Ну, он меня порезал, но я внакладе не остался, проткнул его насквозь. С присяжными не повезло — все из его соплеменников. Да еще и окружной прокурор заявил, что, мол, давно пора показать пример. Впрочем, это не важно. Крестили меня задолго до повешения, а тюремный священник помог мне возродиться. В общем, на-

кинули мне петлю на шею, я прочел молитву, а потом сказал: «Валяйте! Пошлите меня к Иисусу. Аллилуйя!» Что они и сделали. Счастливейший день в моей жизни!

В столовую заглянул Альберт:

— Святой Алек, тут вас разыскивает какой-то ангел.

— Иду!

Ангел ждал снаружи, поскольку был выше двери и отнюдь не собирался нагибаться.

— Вы святой Александр Хергенсхаймер?

— Точно.

— Вы посылали запрос в отношении твари Божией, именуемой Маргретой Свенсдоттер Гундерсон. Ответ таков: согласно нашим данным, она не была вознесена в день Второго пришествия и не отмечена ни в одном из последующих списков. Тварь Божия Маргрета Свенсдоттер Гундерсон не находится на Небесах, и ее прибытие сюда не предвидится. Все.

Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне, —
стою, а Ты только смотришь на меня.

Книга Иова, 30: 20

Естественно, в конце концов я появился в канцелярии святого Петра у Иудиных врат, однако сначала изрядно порыскал по Небесам. По совету Хейзел, прежде всего я вернулся к Асировым вратам и нашел кооператив «Отыщи своих друзей и родных».

— Святой Алек, ангелы не выдают ложной информации, их сведения достоверны. Но вполне возможно, что какие-то материалы прошли мимо них, и, на мой взгляд, они искали не так тщательно, как сделал бы ты сам, взявшись за это дело лично, — ангелы, они и есть ангелы. Марджи может числиться здесь под девичьей фамилией.

— Я им ее и дал.

— О! Я думала, ты просил искать ее как Марджи Грэхем?

— Нет. Может, мне снова сходить к ним?

— Нет. Погоди пока. А если понадобится, не обращай в то же справочное бюро. Иди прямо в канцелярию святого Петра. Там к тебе отнесутся внимательнее, у них ведь работают люди, а не ангелы.

— Годится!

— Да. Но сначала попытай счастья в «Отыщи своих друзей и родных». Это не бюрократическое учреждение, это кооператив, созданный добровольцами, среди которых большинство — люди, для которых это дело действительно интересно и важно. Именно с их помощью Стив нашел меня после того, как его убили. Он не знал моей фамилии, я ею и сама-то много лет не пользовалась. Не знал даты и места смерти. Но старушка из «Отыщи своих друзей» пере-

бирала всех Хейзел, пока Стив не воскликнул: «Вот она!» А если бы он просто сверился в главном справочном управлении у святого Петра, ему бы ответили: «Данных недостаточно; идентифицировать невозможно». — Хейзел с улыбкой продолжила: — А кооператив работает с выдумкой. Они свели меня с Люком, хотя мы даже не были с ним знакомы при жизни. Когда я устала от безделья, то решила открыть свой ресторанчик — великолепная возможность знакомиться с людьми и заводить друзей. Тогда я обратилась в кооператив, они перебрали на компьютере всех поваров и после долгих поисков обнаружили Люка. С ним мы основали совместное предприятие и открыли «Священную корову». Потом таким же образом нашли Альберта.

Хейзел, как и Кейти Фарнсуорт, принадлежит к тем женщинам, которые излечивают вас самым фактом своего присутствия. И она практична, как практична и моя драгоценная. Она предложила постирать мою грязную одежду и, пока сохло выстиранное, одолжила мне белые одежды Стива. Она же нашла зеркало и кусок мыла, чтобы я сбрил наконец свою пятидневную (семилетнюю?) щетину. Мое единственное лезвие теперь уже состояло в родстве скорее с пилой, чем с ножом, но получасовая терпеливая правка на внутренней поверхности стакана (этому я научился в семинарии) временно вернула ему пригодность.

Но теперь мне требовалось настоящее бритье, хотя я и брился — вернее, пытался бриться — всего лишь пару часов назад. Я не знаю, сколько времени ушло на всю эту гонку... но знаю, что брился за это время четыре раза: холодной водой, дважды без мыла и один раз вслепую, по методу Брайля — без зеркала. Для нас, вознесенных во плоти, были установлены канализация и водопровод, но вряд ли они соответствовали американским стандартам качества. В общем, это неудивительно, поскольку ангелам канализация ни к чему, а основная масса спасенных не имеет опыта обращения с квартирными сортирами.

Как и говорила Хейзел, люди, руководящие кооперативом, оказались доброжелательными (мой нимб не имел к этому никакого отношения), но ничего из того, что мы

раскопали, не подсказало мне, где Маргрета, несмотря на тщательный компьютерный поиск по всем мыслимым и немыслимым параметрам.

Я поблагодарил их, благословил и отправился напрямик к Иудиным вратам, то есть через все Небеса — тысяча триста двадцать миль. В пути я сделал только одну остановку, на Престольной площади, где с удовольствием съел райбургер Люка, выпил чашку лучшего новоиерусалимского кофе и выслушал несколько ободряющих слов Хейзел. После чего я с новыми силами продолжил свое утомительное путешествие.

Всенебесное справочное управление занимает два колоссальных дворца справа от врат, как войдешь — прямо за углом. Первый, поменьше, предназначен для приема тех, кто родился до появления Христа; второй — для тех, кто родился позже. В нем же находится и канцелярия святого Петра, расположенная на втором этаже. Я направился прямо туда.

Табличка на большой двустворчатой двери гласила: «Святой Петр. Без предварительных договоренностей». Я вошел. Но попал не в кабинет — за дверью оказалась приемная, способная вместить Центральный вокзал Нью-Йорка. Я прошел через турникет, вытянув из специальной прорези талончик, и механический голос произнес: «Благодарим вас, пожалуйста, садитесь и ждите вызова».

На талончике стоял номер 2013, а в зале было многовато народу. Оглядываясь по сторонам в поисках свободного местечка, я пришел к выводу, что, прежде чем подойдет моя очередь, придется по меньшей мере еще раз побраться.

Пока я искал себе место, ко мне подбежала монахиня и изобразила своего рода книксен:

— Святой, чем могу служить?

Я мало что знал о монашеских одеяниях Католической церкви, а потому не мог определить, к какому именно ордену она принадлежит. Одеята она была, я бы сказал, типично — длинное черное одеяние, из-под которого виднелись

только ступни и кисти, нечто вроде белой накрахмаленной накидки, закрывавшей грудь, шею и даже уши, и черный капюшон, делавший ее голову похожей на голову сфинкса. На шее висели крупные четки; лицо безмятежное, неопределенного возраста; на носу перекошенное пенсне. Ну и, конечно, нимб над головой.

Больше всего меня поразил сам факт ее присутствия. Вот оно, доказательство того, что и паписты могут спастись. В семинарии мы, бывало, спорили об этом ночи напролет, до хрипоты... Официальная позиция моей Церкви состояла в том, что паписты, конечно, могут спастись, если верят столь же горячо, как мы, и возрождены в Иисусе. Я решил при случае спросить монахиню, где и когда она была возрождена — наверняка за этим кроется весьма любопытная история.

— Спасибо, сестра, — сказал я, — вы очень любезны. Да, вы можете мне помочь, вернее, я надеюсь, что сможете. Меня зовут Александр Хергенсхаймер, я пытаюсь разыскать свою жену. Ведь именно здесь можно навести справки, не так ли? Я тут недавно.

— Да, святой Александр, это здесь. Но вы ведь хотите повидаться со святым Петром?

— Да, я был бы счастлив выразить ему свое почтение. Если, конечно, он не слишком занят.

— Он вас обязательно примет, святой отец. С вашего позволения, я сообщу сестре настоятельнице. — Она зашептала что-то в крест, свисавший с четок, а затем взглянула на меня. — Пишется Х-Е-Р-Г-Е-Н-С-Х-А-Й-М-Е-Р, святой Александр?

— Все правильно, сестра.

Она опять что-то шепнула в четки и снова обратилась ко мне:

— Сестру настоятельницу зовут Мари-Шарль, она секретарь святого Петра, а я — ее помощница и девочка на побегушках. — Она улыбнулась. — Сестра Мэри-Роуз.

— Рад знакомству, сестра Мэри-Роуз. Расскажите о себе. К какому ордену вы принадлежите?

— К доминиканскому, святой отец. При жизни я была администратором больницы во Франкфурте, Германия. Здесь, где нет нужды в больничных услугах, я занимаюсь этой работой, так как мне нравится иметь дело с людьми. Не угодно ли вам пройти со мной, сэр?

Толпа расступилась перед нами, как воды Чермного моря, — то ли в знак почтения к монахине, то ли из-за моего огромного нимба, судить не берусь — может быть, и то и другое. Сестра провела меня к боковой двери, где не было никакой таблички, и я очутился в кабинете ее начальницы — сестры Мари-Шарль. Это была высокая монахиня, ростом не ниже меня, и очень хорошенькая, а если точнее, то слово «красивая» подошло бы лучше. Она казалась моложе своей помощницы... но разве в этих монахинях разберешься? Мари-Шарль сидела за огромным письменным столом, заваленным папками; старинный «Ундервуд» стоял на выдвинутой из стола полке. Сестра быстро встала, взглянула на меня и сделала тот же странный книксен.

— Приветствую вас, святой Александр! Весьма польщены. Святой Петр скоро примет вас. Не угодно ли присесть? Бокал вина? Кока-колу?

— Знаете, я бы с удовольствием выпил кока-колы. Не пробовал ее с тех пор, как покинул Землю.

— Кока-кола будет незамедлительно. — Она улыбнулась. — Я выдам вам наш маленький секрет: кока-кола — единственная слабость святого Петра. Мы всегда держим ее на льду для него.

Прямо из воздуха над столом Мари-Шарль раздался голос — сильный, звучный баритон, из тех, каким и должен обладать настоящий проповедник. Голос напомнил мне брата Барнаби, да будет благословенно имя его.

— Я все слышал, Чарли. Подашь ему кока-колу у меня. Я уже освободился.

— Опять подслушиваете, босс?

— Не дерзи, крошка. И мне захвати бутылку.

Я едва ступил на порог, а святой Петр уже направился ко мне, протянув для пожатия руку. В истории церкви говорится, что святой Петр умер в возрасте девяноста лет.

Или был казнен (распят?) римлянами, если это правда. (Профессия проповедника всегда считалась делом рискованным, но во времена Петра была столь же опасной, как в наши дни должность взводного сержанта морской пехоты.)

Этот же крепкий здоровяк выглядел на лет шестьдесят, ну, может, на семьдесят; он явно много бывал на свежем воздухе, отлично загорел, продубленную солнцем кожу прорезали глубокие морщины. К густым волосам и окладистой бороде едва ли когда-либо прикасалась бритва. В шевелюре мелькала седина — впрочем, не так-то и много. Я с удивлением заметил, что в молодости он, видимо, был рыжим. Мускулистый и широкоплечий, с мозолистыми ладонями (что я ощутил при рукопожатии), святой Петр носил сандалии, бурую рясу из грубой шерсти и такой же нимб, как у меня. В гриве его роскошных волос терялась миниатюрная ермолка.

Мне он понравился с первого взгляда.

Он подвел меня к удобному креслу, стоявшему рядом с его собственным, и усадил, а уже потом уселся сам. Сестра Мари-Шарль внесла поднос с двумя фигурными бутылками обычной для Земли формы и куда более редкими широкогорлыми стаканами с торговой маркой кока-колы (я уж много лет их не видел), похожими на тюльпаны. У меня мелькнула мысль, что было бы интересно узнать, кто приобрел право на производство таких стаканов на Небесах и как тут вообще ведутся дела подобного рода.

— Спасибо, Чарли, — сказал святой Петр. — Никаких вызовов не принимать.

— Даже если...

— Дурочку не валяй. Беги! — Он повернулся ко мне. — Александр, я стараюсь принимать каждого новоприбывшего святого лично. Но тебя я как-то пропустил.

— Я прибыл с большой толпой, святой Петр. В день Второго пришествия. И не через эти ворота, а через Асировы.

— Тогда понятно. Это был сумасшедший день, и мы еще не полностью пришли в себя. Но святого обычно вво-

дят через Центральные врата... в сопровождении двадцати четырех ангелов и двух трубачей. Что ж, я разберусь.

— Честно говоря, святой Петр, — поспешно добавил я, — никакой я не святой. Просто не могу избавиться от этого роскошного нимба.

Он покачал головой:

— Нет, ты святой, это точно. И не позволяй сомнениям беречь твою душу — святой никогда не знает, что он свят, его об этом приходится извещать. Это такой священный парадокс — тот, кто думает, что свят, таковым не является. Да что там! Когда я попал сюда и мне вручили ключи и сказали, что я отвечаю за Врата, я этому просто не поверил. Подумал, что босс подшучивает надо мной в отместку за те выходки, которые я позволял себе в те дни, когда мы все шаршили на берегах моря Галилейского. А оказалось, что Он на полном серьезе. Так рабби Симон бар Иона, старый рыбак, стал святым Петром. Так что ты теперь — святой Александр, нравится тебе это или нет. Через какое-то время ты с этим смиришься. — Он похлопал по толстой папке на столе. — Я ознакомился со всеми отчетами. Никаких сомнений в твоей святости быть не может. Просматривая папку, я вспомнил твой процесс. В качестве «адвоката дьявола» против тебя выступал Фома Аквинский; он потом сам мне сказал, что обвинения против тебя выдвигались по чистой формальности, ибо в его душе не было и капли сомнения, что ты полностью соответствуешь. Скажи мне, во время первого чуда — испытания огнем — поколебалась ли твоя вера хоть на мгновение?

— Увы, поколебалась. Недаром у меня вскочил волдырь.

Святой Петр хохотнул:

— Один-единственный разнесчастный волдырьчик! И ты решил, что не годишься в святые? Сынок, да если бы святая Иоанна была столь же стойкой в вере, как ты, она погасила бы пламя костра, на котором сгорела. А еще был один...

Голос Мари-Шарль объявил:

— Жена святого Александра прибыла.

— Пусть войдет! — сказал святой Петр и шепнул мне: — Потом доскажу.

Я едва расслышал его слова: мое сердце готово было разорваться.

Дверь открылась, и вошла... Абигайль.

Не знаю, как описать следующие несколько минут. Рвущее сердце разочарование, смешанное со стыдом, — вот все, что я могу сказать.

Абигайль поглядела на меня и сурово произнесла:

— Александр, зачем ты напятил этот дурацкий нимб? Немедленно сними его!

— Дочь моя, ты не у себя дома, а в моем личном кабинете, — пророкотал святой Петр. — И не смей разговаривать со святым Александром в таком тоне!

Абигайль перевела взгляд на него и презрительно фыркнула:

— Это он-то святой? А ваша матушка не учила вас вставать в присутствии дамы? Или святым необязательно соблюдать элементарные правила вежливости?

— Я всегда встаю в присутствии дамы! Дочь моя, ко мне следует обращаться с большим почтением. А с мужем разговаривай уважительно и смиренно, как и полагается жене.

— Он мне не муж!

— А? — Святой Петр перевел взор на меня, потом опять на Абигайль. — Объяснись.

— Иисус сказал: «Ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж, но пребывают как ангелы Божии на Небесах». Вот как! И то же самое повторил в Евангелии от Марка в главе двенадцатой, стих двадцать третий.

— Да, — согласился святой Петр, — я сам слышал, как Он это говорил. Саддукеям. Согласно этому правилу ты ему больше не жена.

— Аллилуйя!! Я многие годы ждала, когда же отделаюсь от этого олуха, не согрешив при этом.

— Насчет последнего я не очень-то уверен. Но даже если ты ему не жена, это не избавляет тебя от необходимости

вежливо говорить со святым, который когда-то был твоим мужем. — Петр повернулся ко мне. — Хочешь, чтобы она тут осталась?

— Я? Нет! Ни в коем случае! Это ошибка!

— Видимо, так. Дочь моя, ты можешь удалиться.

— Ну уж нет! По дороге сюда я припомнила, что именно хотела бы вам сказать. Я навидалась такого безобразия! Как же так... ничуть не стыдась...

— Дочь, я велел тебе удалиться. Уйдешь сама, собственными ножками? Или позвать парочку крепких ангелов, чтобы тебя вышвырнули за дверь?

— Ничего себе обращение! Я же говорю...

— Ничего ты не скажешь!

— Я, как и все, имею полное право...

— Но не в моем кабинете. Сестра Мари-Шарль!

— Да, сэр?

— Ты еще помнишь приемы дзюдо, которым тебя обучали в полиции Детройта?

— Конечно.

— Убери отсюда эту дамочку!

Высокая монахиня усмехнулась и поплевала на ладони. Дальнейшее произошло так быстро, что я не могу связно описать ход событий. Абигайль мгновенно исчезла из кабинета.

Святой Петр сел в кресло, вздохнул и взял стакан с кокой.

— Эта женщина вывела бы из себя даже Иова. И долго ты был на ней женат?

— Гм... чуть больше тысячи лет.

— Понял. А зачем ты тогда за ней посылал?

— Да я не посылал... то есть посылал, но не за ней... — Я сбивчиво объяснил суть дела.

— Ах вот оно что! — перебил меня Петр. — Так бы сразу и сказал, что разыскиваешь свою наложницу. Ты ввел в заблуждение Мэри-Роуз. Да, я понимаю, кого ты имел в виду, — ту фигуристую шиксу, которая фигурирует в последней части твоего личного дела. По-моему, славная девушка. Так это ее ты ищешь?

— Да, разумеется. В день, когда раздался Трубный глас, мы были вместе. Но вихрь, настоящий канзасский смерч, был так силен, что нас разнесло в разные стороны.

— Ты уже обращался в справочное бюро у Реки.

— Так точно.

— Александр, этот запрос и есть последняя запись в твоём досье. Я могу отдать распоряжение провести повторный розыск... но предупреждаю, тебе лишь подтвердят то, что сообщили ранее. Ответ будет тот же: здесь ее нет. — Он встал, подошел ко мне и положил руку на мое плечо. — Это трагедия, свидетелем которой я был бесчисленное множество раз. Влюбленные уверены в том, что, воскреснув, остаются вместе... Однако один попадает сюда, а другой — нет. Увы, тут уж ничего не поделаешь. Даже я бессилен.

— Святой Петр, но ведь произошла ошибка!

Он молчал.

— Послушайте, я же знаю! Мы вместе, бок о бок, стояли на коленях у алтаря и молились... как раз перед тем, как раздался Трубный глас... И снизошел Святой Дух, и мы, осененные благодатью, были Восхищены вместе. Спросите Его! Спросите Его! Он вас слушает.

Петр вздохнул:

— Он выслушает любого и в любой из своих ипостасей. Но я спрошу. — Он поднял телефонную трубку, столь архаичную, что, может быть, этот аппарат собирал сам Александр Грэхем Белл. — Чарли, дай мне Духа. О'кей, я подожду. Привет! Это Пит от главных врат. Новеньких анекдотов не слыхать? Нет? У меня тоже нет. Ох, у меня тут закавыка. Вспомни-ка день Трубного гласа, когда Ты в ипостаси Сына Восхитил во плоти те бессмертные души, которые пребывали в состоянии благодати. Был такой пустырь у дороги на Лоуэлл в Канзасе — это в Северной Америке. Там еще стоял шатер, а в нем проходило молитвенное собрание. Вспомнил? За несколько фемтосекунд до трубы, как свидетельствует некий Александр Хергенсхаймер, ныне канонизированный, Ты снизошел на него и его

наложницу Маргрету. Ее описание: около трех с половиной локтей ростом, блондинка, с веснушками, сто двадцать фунтов... Ну, вспомнил? Ох! Слишком поздно, да? Этого-то я и боялся. Хорошо, передам.

Я прервал Петра, настойчиво шепча ему на ухо:

— Спросите Его, где она?

— Босс, святой Александр страдает. Он хочет знать, где она. Да, я скажу... — Святой Петр повесил трубку. — Ни на Небесах, ни на Земле. Ответ ясен. Мои соболезнования.

По правде сказать, в беседе со мной святой Петр проявил бесконечное терпение. Он подтвердил, что я могу поговорить лично с любым из Троицы, но напомнил, что, проконсультировавшись со Святым Духом, мы фактически побеседовали и с остальными. Петр сверился с последними записями — о Восхищенных, о восставших из могил, о новоприбывших — и повторил, что никакие результаты компьютерного поиска не в состоянии опровергнуть незыблемую правильность ответов самого Бога, высказанных устами Святого Духа. Это я понял — и согласился, хотя и был рад, что компьютерный поиск все же продолжается.

— А как насчет Земли? Может быть, Маргрета жива? И теперь где-нибудь в Копенгагене?

— Александр, Он всеведущ на Земле так же, как на Небесах. Неужели ты не понимаешь?

Я вздохнул:

— Я не желаю признавать очевидного. Что ж, в таком случае как мне попасть в ад?

— Алек, придержи язык.

— Черта с два! Петр, вечность без нее здесь не будет для меня вечностью блаженства, это будет вечность тоски, горя и одиночества. Или, по-вашему, этот идиотский нимб над головой для меня что-то значит, если я знаю, что моя любимая терзается в геенне огненной? Я многого не просил. Только позволения жить с ней. Я готов был до окончания века мыть тарелки, лишь бы видеть ее улыбку, слышать ее голос, держать ее руку в своей. Ее отправили в преисподнюю из-за какой-то придирки, и вы об этом знаете!

Здесь у вас обретаются дерзкие, наглые ангелы, которые ничем этого не заслужили. А моя Марга, настоящий ангел во плоти, из-за какого-то дурацкого правила обречена терпеть вечные муки в аду! Так и передайте и Отцу, и его сладкоречивому Сыну, и этому прохиндею Святому Духу, пусть возьмут свой драгоценный Святый град и засунут его сами знаете куда... Если Маргрета в аду, мое место тоже там.

— Прости его, Отец, — взмолился Петр. — Он потерял голову от горя и не ведает, что говорит.

Я слегка успокоился.

— Святой Петр, я ведаю, что говорю. Я не желаю тут оставаться. Моя возлюбленная в аду, и я хочу быть там же. Там, где я должен быть.

— Алек, это все пустое. Пройдет. Перетерпи.

— Да поймите же вы, не пройдет оно! Я хочу быть со своей возлюбленной. Я намерен разделить ее участь. Раз вы сказали, что она в аду...

— Нет, я сказал, что ее нет ни на Небесах, ни на Земле, и это точно.

— Значит, есть еще и четвертое место? Чистилище или как его там?..

— Чистилище — миф. Четвертого места я не знаю.

— Тогда я хочу немедленно уйти отсюда. Перерою весь ад и отыщу Маргрету. Как это сделать?

Петр пожал плечами.

— Черт поberi, не давайте вы мне от ворот поворот! С самого дня огнехождения меня гоняют кругами. Я что здесь, узник?

— Нет.

— Тогда как мне попасть в ад?

— Что ж... Кстати, с нимбом в ад нельзя. Не впустят.

— Не больно-то и нужен ваш нимб. Ну, пошли!

Я стоял на пороге Иудиных врат в обществе двух ангелов. Петр со мной даже не попрощался, — видно, мое отношение его задело. Мне стало не по себе, ведь Петр мне ужасно нравился. Жаль, не удалось его убедить, что без Маргреты для меня Небеса — не Небеса.

Я замер на самом краю.

— Прошу вас, передайте святому Петру...

Не обращая внимания на мои слова, ангелы схватили меня под руки и сбросили за порог.

Я упал.

Падение было долгим.

О, если бы я знал, где найти Его,
и мог подойти к престолу Его!
Я изложил бы пред Ним дело мое,
и уста мои наполнил бы оправданиями.

Книга Иова, 22: 3–4

Я падал и падал.

Для современного человека один из наиболее пугающих аспектов вечности заключается в обманчивой неопределенности времени. Без часов, без календарей, при отсутствии даже смены дня и ночи, фаз луны или времен года движение времени становится понятием чисто субъективным, и вопрос «Который час?» отражает всего лишь мнение, а вовсе не непреложный факт.

По-моему, я падал больше двадцати минут, но падение вряд ли продолжалось более двадцати лет.

Однако не советую делать ставки на любую из этих цифр.

Любоваться было нечем — разве что изнанкой глазных яблок. Не было видно даже, как тает вдали Святой град.

Сначала я развлекался тем, что оживлял в памяти счастливейшие моменты своей жизни, но обнаружил, что прекрасные воспоминания наводят грусть. Поэтому я стал думать о печальных событиях прошлого... Стало еще хуже. Тогда я уснул. А может, думал, что уснул. Как можно быть в чем-то уверенным, если ты начисто отрезан от источников ощущений? Я где-то читал об «ученом» (из тех, что вечно лезут куда не надо), который изобрел некое устройство под названием «камера сенсорной депривации». То, чего он достиг, было увлекательнейшим цирковым представлением в сравнении с жалким удовольствием, которое я испытал при падении с Небес в ад.

Первым свидетельством моего приближения к преисподней стал смрад. Тухлые яйца. H_2S , он же сероводород. Вонь горящей самородной серы.

От смрада не умирают, что, в сущности, невеликое утешение, ибо те, кого встречает этот запах, попадают сюда после смерти. Во всяком случае так было заведено прежде, но ведь я-то не покойник. Правда, в истории и литературе упоминаются немногочисленные смертные, во плоти сошедшие в ад, — Данте, Эней, Улисс, Орфей. Хотя похоже, что все они — вымышленные персонажи. Неужели я — первый человек, живьем попавший в преисподнюю?

Допустим, что именно так и обстоит дело. Тогда встает вопрос: сколько времени я сохраню тут жизнь и здоровье? Пока не плюхнусь в пылающее озеро? А потом раздастся шипение, и я превращусь в пятнышко сажи, которое тоже исчезнет? Не был ли мой донкихотский жест плохо продуманным и излишне поспешным? Быстро испаряющееся пятно сажи вряд ли поможет Маргрете. Может быть, следовало оставаться на Небесах и попробовать поторговаться? Святой с сияющим нимбом над головой пикетирует Господа, восседающего на Престоле... может быть, это заставило бы Его пересмотреть свое решение... Ибо в конечном счете это именно Его решение, ведь Господь Бог Иегова всемогущ.

Поздно же ты допер до такой мысли, парень. Вон, на облаках внизу уже виднеются багровые отсветы. Под слоем облаков наверняка кипит лава. Далеко ли до нее? Да не очень. А с какой скоростью я падаю? На мой взгляд, слишком быстро.

В поле зрения уже возникла знаменитая кальдера огромного вулкана. Ее стены уходили в высоту на многие мили, а пламя и кипящая лава бушевали далеко-далеко внизу. Но я приближался к ним с совершенно излишней быстротой. Ну а как твои способности творить чудеса, святой Алек? Яму с горящими углями ты одолел, отделавшись лишь легким ожогом. Справишься ли ты с этой? Ведь разница-то только в масштабах.

«С помощью терпения и большого количества слюны слон лишил невинности мошку». Вот еще одно занятие, требующее масштабного подхода. Ну, ты ведь не хуже слона? Святой Алек, эта мысль весьма далека от святости. Что случилось с твоим благонравием? Возможно, ощущается влияние сей нечестивой местности? А, ладно, чего уж теперь беспокоиться из-за каких-то там мелких грешков! Поздно бояться, что за грехи попадешь в ад. Ты и так стоишь у его порога; больше того, ты уже в нем. И примерно через три секунды превратишься в крошечное пятнышко саж. Прощай, Марга, любовь моя! Увы, я так и не успел угостить тебя горячим пломбиром. Сатана, прими мою душу. Иисус — штрейкбрехер...

Меня изловили, как бабочку. Но тут бабочке потребовались бы асбестовые крылья, чтобы спастись так, как я: мои штаны уже дымились. На берегу меня окатили ведром воды.

— А ну-ка, подпиши поскорее эту квитанцию!

— Какую еще квитанцию?

Мне под нос сунули листок бумаги и вечное перо.

— А зачем мне ее подписывать?

— Положено. В подтверждение того, что мы спасли тебя от геенны огненной.

— Мне надо посоветоваться с адвокатом. Без него ничего не подпишу.

Последний раз, когда я что-то подписал, это стоило мне четырех месяцев мытья грязной посуды. Теперь же я не мог позволить себе согласиться даже на два месяца — мне надо было немедленно заняться поисками Маргреты.

— Не дури. Ты что, хочешь, чтоб мы тебя швырнули обратно?

Второй голос произнес:

— Ладно, брось, Берт. Попробуй для разнообразия сказать ему правду.

(Берт? Первый голос показался мне знакомым.)

— Берт?! Что ты тут делаешь?

Друг моего детства, тот самый, что разделял со мной литературные пристрастия: Верн и Уэллс, Том Свифт — «барахло», как называл это чтиво брат Дрейпер.

Владелец первого голоса пригляделся ко мне:

— Да будь я вздрюченный бабуин, если это не Стинки Хергенсхаймер!

— Во плоти.

— Ну, будь я вечно проклят! А ты почти не изменился. Род, давай-ка растянем сетку заново; нам не та рыбка попалась. Стинки, мы тут из-за тебя лишились неплохой мзды. Мы, знаешь ли, ловим святого Александра.

— Кого-кого?

— Святого Александра. Какой-то психованный святой — должно быть, ирландец — решил устроить себе тур по трущобам. Нет, чтобы прилететь на семьсот сорок седьмом. Бог же знает, что в геенне огненной индивидуальное обслуживание предоставляется крайне редко. Так что вполне вероятно, что из-за тебя мы потеряли важнейшего клиента: ты нам подвернулся как раз тогда, когда мы ждали этого святого. Короче, с тебя причитается.

— А как насчет той пятерки, которую ты заныкал и до сих пор не вернул?

— Ну, парень, у тебя и память. Этому долгу срок давности еще когда вышел!

— Покажи мне, где это сказано в ваших адских сводах законов! Кроме того, в данном случае срок давности неприменим. Ты вечно отмалчивался, когда я напоминал тебе об этой пятерке. Так что пять баксов, да ежеквартально шесть процентов, да за... за сколько же лет?

— Оставим это на потом, Стинки. Нам бы святого не упустить.

— Берт!

— Не мешай, Стинки!

— А ты помнишь мое настоящее имя? То, которое мне дали родители?

— Да, а что... Александр?! Нет, Стинки, быть того не может. Господи, тебя же чуть не выкинули из твоего вшивого библейского колледжа уже после того, как ты вылетел

из Ролла! — На его лице выражались боль и недоверие. — Ну знаешь ли... это несправедливо!

— Господь всесильною рукой творит Свои дела. По-знакомься со святым Александром, Берт. Хочешь, я благословлю тебя? Ну, вместо мзды.

— Мы тут берем наличными. И вообще, я тебе не верю!

— А я верю, — вмешался второй, которого Берт называл Родом. — И буду рад получить ваше благословение, отец: святые меня еще не благословляли. Берт, на дисплее дальнего предупреждения ничего нет, и, как ты знаешь, на наше дежурство намечалось лишь одно прибытие по баллистической — так что он и есть святой Александр.

— Да не может того быть! Род, я отлично знаю этого типа! Если он святой, то я — розовая мартышка.

С безоблачного неба ударила молния. Берт с трудом поднялся. Одежда на нем висела свободными складками. Впрочем, она ему была больше не нужна, поскольку он весь покрылся розовым мехом.

Мартышка возмущенно посмотрела на меня:

— И кто так обращается со старым другом?!

— Берт, я не виноват. Во всяком случае, я ничего такого делать не собирался. Просто вокруг меня все время происходят чудеса, хотя я их не творю.

— Отговорки! Если бы я болел бешенством, с удовольствием тебя сейчас укусил бы.

Двадцать минут спустя мы сидели за столиком в кабине прибрежного бара, пили пиво и ждали чародея, известного как эксперт по проблемам внешних форм и образов. Я рассказывал, зачем прибыл в ад.

— Так что мне необходимо ее найти. Во-первых, придется проверить геенну. Ведь если Маргрета там, нельзя терять ни минуты.

— Нет ее там, — буркнул Род.

— Да? А чем докажешь? С чего ты взял?

— Да там никогда никого и не было. Все это белиберда, придуманная для того, чтобы держать быдло в рамках.

Разумеется, сюда по орбите прилетает уйма всякой шушеры, кто-нибудь да и свалится в геенну, так что наш начальник установил здесь наблюдательный пост, поэтому мы с Бертом и дежурим. Падения в геенну никакого вреда душам не приносит... Разве что напугает до родимчика. Там, конечно же, жарковато, душа вылетает оттуда быстрее, чем упала... зато совершенно невредимая. А вдобавок огненная купель излечивает от любых аллергий.

(В геенне огненной никого нет? Никакого вечного горения в адском пламени? Для брата Барнаби это станет настоящим потрясением... И для множества других, которые торгуют своим товаром, пугая вечным огнем преисподней. Но я тут был не для того, чтобы обсуждать проблемы эсхатологии с двумя падшими душами — я пришел спасать Маргу.)

— А этот ваш начальник... вы так Лукавого называете? Маргышка (в смысле, Берт) пискнула:

— Если имеешь в виду Сатану, так и говори!

— Именно его.

— Не-а. Начальник — это мистер Ашмедай, он управляет нашим городом. Сатана никогда не пачкает рук работой. А зачем ему? Он же владелец этой планеты.

— Значит, это планета?

— А ты думал, комета? Погляди-ка в окошко. Красивейшая планета во всей Галактике. И самая ухоженная. Змей нет, тараканов нет. Клещей нет. Ядовитого плюща — тоже. Нет налоговых инспекторов. Крыс нет. Рака нет. И проповедников тоже нет. И на всю планету только два адвоката.

— Ты словно о Небесах говоришь.

— Где не бывал, там не бывал. Кстати, раз ты только что оттуда, опиши нам все в натуре.

— Ну... небеса — они о'кей, если ты ангел. Это не планета, а искусственное сооружение, вроде Манхэттена. Но я тут не для того, чтобы распространяться о небесных красотах. Мне нужно найти Маргу. Может, сходить к мистеру Ашмедаю? Или лучше прямиком к Сатане?

Обезьяна попробовала свистнуть, но получилось что-то вроде мышиного писка. Род покачал головой:

— Святой Алек, вы меня просто удивляете. Я тут сижу с тысяча пятьсот восемьдесят восьмого года, черт знает как давно, но никогда в глаза не видел хозяина. И даже не думал о том, чтобы с ним встретиться. Я вообще не знаю, как к этому подступиться. Берт, а ты как думаешь?

— Думаю, что хочу еще пива.

— Да в тебя больше не влезет. Как молнией ударило, так в тебя больше одной банки не влить. Не говоря уже о трех.

— А ты не суйся не в свое дело, а лучше позови официанта.

Качество нашей дискуссии несколько не улучшилось, так как каждый вопрос, который я задавал, порождал новые вопросы. А ответов не было. Прибыла чародейка и унесла Берта на плече, причем Берт что-то злобно стрекотал насчет ее гонорара — прежде чем приступить к работе, она требовала половину всех его сбережений и контракт, подписанный кровью. Берт же соглашался на десять процентов и утверждал, что половину должен оплатить я.

Когда они ушли, Род сказал, что пришло время устроить меня на ночлег, и предложил приличный отель неподалеку.

Я объяснил, что у меня нет денег.

— Нет проблем, святой Алек. Все наши иммигранты прибывают сюда без гроша, но «Американ экспресс», «Дайнерс клуб» и «Чейз Манхэттен банк» состязаются в праве предоставить им кредит, зная, что у того, кто первым охмурит клиента, больше шансов заниматься его делами целую вечность и еще шесть недель.

— Но ведь предоставление необеспеченного кредита убыточно!

— Нет. В аду все рано или поздно выплачивают свои задолженности. Здесь даже огьявленным неудачникам не избежать уплаты долгов — умереть-то невозможно. Так что заселяйтесь в гостиницу и все расходы записывайте на свой

номер до тех пор, пока не установите контакт с одним из банков, входящих в «большую тройку».

«Сан-Суси Шератон» находился на площади, прямо напротив дворца. Род проводил меня до конторки портье, я заполнил регистрационную карточку и попросил номер на одного с ванной. Администратор — миниатюрная бесовка с очаровательными рожками — взглянула на заполненную мной карточку и вытаращила глаза:

— Э-э-э... Святой Александр?

— Я — Александр Хергенсхаймер, как и зарегистрировался. Иногда меня зовут святым Александром, но, по моему, здесь можно обойтись без этого.

Она, как будто не слыша, лихорадочно просматривала список забронированных номеров.

— Вот, ваше святейшество, ваша бронь на номер люкс.

— Что? Мне не нужен люкс! И я наверняка не смогу его оплатить.

— За счет заведения, сэр.

И было у него семьсот жен и триста наложниц;
и развратили жены его сердце его.

Третья книга Царств, 11: 3

Человек праведнее ли Бога? и муж чище ли
Творца своего?
Книга Иова, 4: 17

За счет заведения? Что это значит? Ведь никто не знал, что я сюда явлюсь. Это стало известно буквально за мгновение до того, как меня вышвырнули из Иудиных врат. Может, у святого Петра есть прямая линия связи с адом? А может, вообще существует тайное сотрудничество с Врагом рода человеческого? Дружище, один намек на это доведет до родимчика весь синод епископов — там, на Земле.

И еще вопрос... Почему? Осмыслить все это я не успел: миниатюрная бесовка (чертовка?) за стойкой ударила в гонг и крикнула:

— Очередной!

Коридорный, явившийся на вызов, оказался весьма привлекательным юношей. Мне стало интересно, почему он умер так рано и почему не удостоился попасть на Небеса. Однако я не стал его расспрашивать, поскольку это меня не касалось. Он будто сошел с рекламного плаката фирмы «Филип Моррис», но, шагая следом за ним, я тут же вспомнил рекламу еще одних сигарет: «Округлые, крепкие и хорошо упакованные».

О ягодицах этого паренька сластолюбивые индусы сложили бы целые поэмы. Может, это и был тот грех, который привел его сюда?

Обо всем этом я позабыл, едва вошел в номер.

Гостиная была, конечно, маловата для игры в футбол, но для тенниса вполне годилась. Даже привычный к рос-

коши восточный владыка счел бы обстановку удовлетворительной. В нише, именуемой буфетной, стол ломился под горой закусок, которых с лихвой хватило бы на сорок человек; конец стола был отведен горячим блюдам: жареный поросенок с яблоком во рту, запеченный павлин, украшенный перьями, и еще что-то в том же духе. На это изобилие взирал бар с обширным выбором горячительных напитков — судовой казначей «Конунга Кнута» остался бы вполне доволен.

Мой коридорный («Зовите меня Пэт») бесшумно сновал по номеру, поправлял шторы, распахивал окна, отлаживал термостаты, проверял наличие полотенец, то есть делал все то, что обычно делает гостиничная прислуга в надежде на крупные чаевые. Я лихорадочно соображал, как мне с ним расплатиться. Может быть, есть способ внести чаевые в общий счет за номер и обслуживание? Ладно, придется спросить самого Пэта. Я проследовал в спальню (мечта новобрачных!) и нашел Пэта в ванной комнате.

Он как раз раздевался. Брюки уже были спущены до половины, оставалось их только сбросить. Я уставился на голые ягодички и возопил:

— Эй, парень! Даже не думай. Спасибо, конечно, за заботу... но мальчики не входят в число моих слабостей.

— Зато они входят в число моих, — ответил Пэт, — и я вовсе не парень. — И он повернулся ко мне лицом.

И правда, к мальчикам мой коридорный не имел никакого отношения.

Я стоял с отвисшей челюстью, пока Пэт сбрасывала одежду и засовывала ее в корзину для белья.

— Ну вот, — с улыбкой сказала она. — Ох, как приятно сбросить с себя этот дурацкий наряд! Я не снимаю его с тех самых пор, как вас засек радар. Что случилось, святой Алек? Остановились где-нибудь хлебнуть пивка?

— Ну... да... две-три кружечки...

— Я так и подумала. Дежурил Берт Кинси, верно? Если наше озеро когда-нибудь переполнится и затопит лавой часть города, Берт все равно остановится в пивной, пропустит кружечку пива и только потом побежит спасаться.

Послушайте, а почему у вас такой испуганный вид? Я что-то не так сказала?

— Э-э... мисс... вы очаровательны... но я ведь и девушку не заказывал!

Она подошла ко мне вплотную, снизу вверх глянула мне в глаза и потрепала меня по щеке. Благоуханное, свежее дыхание щекотало мне подбородок.

— Святой Алек, — ласково сказала она, — я не собираюсь вас соблазнять. Нет, я, конечно, всегда в вашем полном распоряжении; девушка для компании, а иногда две или даже три просто входят в комплект услуг номеров люкс. Однако я способна на гораздо большее, чем просто заниматься с вами любовью. — Она протянула руку, взяла пушистое полотенце и обернула его вокруг бедер. — Я еще и искусная банщица. Не угодно ли помассировать спину? — Она улыбнулась и отбросила полотенце. — Кроме того, я еще первоклассный бармен. Хотите, смешаю вам «датский зомби»?

— Откуда вы знаете, что я люблю «датский зомби»?

Она отвернулась и распахнула дверцу шкафа.

— Все мои знакомые святые обожают этот коктейль. А как вам это нравится? — Она показала невесомый пенный шар, сотканный из нежно-голубого тумана.

— Чудесный! И сколько же святых среди ваших знакомцев?

— Один. Вы. Нет, два, но тот — второй — не пьет «зомби». Я просто пошутила, чтобы поддержать разговор. Извините.

— Пожалуйста. Но может быть, эта информация исходит от девушки-датчанки? Она блондинка, примерно с вас ростом и весом. Маргрета, или Марга. Иногда ее называют Марджи.

— Нет. Сведения о вас были в распечатке, которую мне дали, когда определили к вам. Эта Марджи ваша подруга?

— Гораздо больше чем подруга. Она — причина того, что я оказался в аду. Кстати, как правильно: «в аду» или все-таки «на Аде»?

— Говорят по-всякому. Но я совершенно уверена, что не видела вашей Марджи.

— А что у вас делают, если надо кого-нибудь разыскать? Здесь есть справочники? Списки избирателей? Что?

— Ничего подобного я тут не видела. Ад не очень заорганизован. Здесь царит анархия с примесью абсолютной монархии в отдельных вопросах.

— Как вы думаете, не следует ли мне обратиться к Сатане?

Она с сомнением взглянула на меня:

— Я не знаю правил, которые запрещали бы вам написать письмо Его inferнальному величеству. Но нет и правил, обязывающих Его читать подобные послания. Думаю, с письмом ознакомится кто-то из Его секретарей. Он, конечно, не выкинет его в озеро. Нет. Не думаю, чтобы выкинул. — Подумав, она продолжала: — Ну что, проводить вас в кабинет? Или вы хотите лечь спать?

— Гм... сейчас мне не помешала бы ванна, это точно.

— Отлично. Я еще никогда не купала святых. Вот и повеселимся.

— Нет-нет, мне вовсе не нужна помощь. Я вымоюсь сам.

Все равно она меня выкупала.

Она сделала мне маникюр. Она сделала мне педикюр. И осталась крайне недовольна состоянием ногтей на ногах. «Позорище» — вот самое мягкое выражение из тех, к которым она прибегла. Она меня подстригла. Когда я поинтересовался бритвенными лезвиями, она подвела меня к шкафчику в ванной, где лежало восемь или девять различных инструментов для борьбы со щетиной.

— Рекомендую электрическую бритву с тремя плавающими головками, но, если вы мне доверяете, можете убедиться, что я вполне компетентна и в обращении с вышедшей из моды опасной бритвой.

— Я ишу лезвие «Жиллет».

— Этой марки я не знаю, но тут есть новые модели безопасных бритв и соответствующие лезвия.

— Нет. Мне нужен мой сорт. Обоюдоострый. Из нержавеющей стали.

— «Уилкинсоновский меч», обоюдоострый, вечный — подойдет?

— Возможно. А, вот и они! Нержавеющий «Жиллет» — покупаешь две упаковки, третью получаешь бесплатно.

— Отлично. Сейчас вас побрею.

— Нет, я сам.

Через полчаса я нежился на мягких подушках воистину королевского ложа — в самый раз для молодоженов. В желудке у меня покоился отменный дагвуд, в руке я держал бокал «датского зомби» — на сон грядущий. На мне была бордовая шелковая пижама с золотой оторочкой. Пэт сняла невесомый пеньюар из голубого тумана, который был на ней со времени моего заселения в номер (если не считать купания), и устроилась рядом со мной, поставив свой бокал (гленливет со льдом) так, чтобы удобно было брать.

(Я мысленно взмолился: «Марга, пойми, я этого не хотел. Тут всего одна кровать. Но большая. Пэт не станет ко мне прижиматься. Не могу же я вышвырнуть ее отсюда, правда? Она очень славная, не хочется ее обижать. Сейчас я выпью стаканчик и сразу же усну крепким сном».)

Ну, сразу я не заснул. Пэт не вела себя настырно, ничего не требовала и очень охотно шла на сотрудничество. Пока часть моего мозга весьма интенсивно изучала то, что предлагала Пэт (очень многое!), другая его часть объясняла Марге, что все это несерьезно, что я в эту девушку не влюблен, что я люблю только ее, Маргу, и всегда буду любить... но я никак не мог уснуть и...

Потом мы немного поспали. Затем посмотрели голографическую программу (Пэт назвала ее порнографической), из которой я узнал такое, о чем прежде и не слыхивал, но выяснилось, что Пэт все это хорошо знакомо и она готова меня научить. Тут я на миг отвлекся, объясняя Марге, что учусь для нашего общего блага, после чего полностью отдался образовательному процессу.

Потом мы опять задремали.

Прошло еще какое-то время, и Пэт коснулась моего плеча:

— Повернись ко мне, дружок. Дай мне на тебя взглянуть. Ну вот, так я и думала. Алек, я знаю, что ты страдаешь без своей возлюбленной. Я здесь именно для того, чтобы облегчить твои муки. Но у меня ничего не получится, если ты не приложишь к этому усилий. Чем она тебя так приворожила? Или у нее нарезка особенная, в аккурат под твой болт? В чем загвоздка? Расскажи мне, подробно, ничего не утаивая. И я воспроизведу все в точности, или притворюсь, что воспроизвожу, или найду еще кого-нибудь, кто сможет это убедительно исполнить. Прошу тебя, дружок, не оскорбляй мою профессиональную гордость.

— Честное слово, ты все делаешь отлично. — Я погладил ее руку.

— Не уверена. Может быть, тебе нужно разнообразие? Девочки вроде меня, в неограниченном количестве. Сиськи на любой вкус — шоколад, ваниль, клубника, тутти-фрутти. Вот, кстати, тутти-фрутти... А как насчет сан-францисского сэндвича? Или иных особых услуг из закромов Содомы и Гоморры? Есть у меня приятель из Беркли. Он... как бы это сказать... не совсем настоящий мужчина, зато у него весьма богатое и очень игривое воображение. Мы с ним не раз отлично работали на пару. У него членство в клубах «Кроули и соратники» и «Нероновы лавры и фиго», там полным-полно надежных парней такого сорта. Если хочется свального греха, мы с Донни все обставим в лучшем виде, а «Сан-Суси» создаст атмосферу, отвечающую твоим пристрастиям: персидские сады, женское общество, турецкий гарем, непристойные обряды дикарей в джунглях под грохот барабанов, женский монастырь... Да, так вот, о монастыре... Знаешь, кем я была при жизни?

— Я как-то не очень верю, что ты умерла.

— Конечно умерла. Я же не бесовка, прикидывающаяся женщиной, я — человек. Мою работу без человеческого опыта не выполнишь. Для того чтобы доставить настоящее удовольствие своим соплеменникам, нужно быть человеком до кончиков ногтей. Рассказы о невероятных

эротических и сексуальных суперспособностях всяких там суккубов — безудержное хвастовство в рекламных целях. Я была монахиней, Алек, с юности и до самой смерти, и большую часть времени тратила на обучение грамматике и арифметике детей, которые вовсе не желали учиться. Вскоре я поняла, что монастырская жизнь не для меня, но не знала, как с ней расстаться. Поэтому никуда и не ушла. А к тридцати годам, окончательно сформировавшись как женщина, я убедилась в роковой ошибочности принятия пострига. Святой Алек, меня одолевала похоть, и с каждым годом мне становилось все хуже. Самым чудовищным было не то, что меня обуревали соблазны, а то, что соблазнов как раз и не было, хотя я с радостью ухватилась бы за любой. Как бы не так! Мой духовник с любопытством поглядывал только на юнцов из церковного хора и засыпал, когда ему исповедовалась я. Впрочем, это неудивительно: мои грехи даже на меня нагоняли скуку.

— В чем же ты согрешила, Пэт?

— Моим грехом были нечистые помыслы, о которых я по большей части умалчивала на исповеди. А неотпущенные грехи сразу же фиксируются в компьютерах святого Петра. Богомерзкий разврат и прелюбодеяние.

— Что-что? Пэт, это ж какое надо иметь воображение?!

— Обычное воображение, пылкое и сладострастное. Ты ведь не представляешь, в какие узкие рамки втиснута жизнь монахини. Она невеста Христова — это ее контракт. Так что даже мысль о радостях плоти превращает ее в неверную жену самого что ни на есть низкого пошиба.

— Будь оно проклято! Пэт, на Небесах я встретил двух монахинь, вполне бойких и жизнерадостных девах. А одна из них — просто оторва. И все же они попали в рай.

— Никакого противоречия тут нет. Любая монахиня регулярно исповедуется и получает отпущение грехов, а умирает, как правило, в окружении сестер-монахинь, в присутствии духовника или капеллана, которые совершают обряд соборования, после чего упокоенная душа отправляется напрямиком на небеса, чистая, как мыло «Айво-

ри». А со мной было совсем иначе, — усмехнулась она. — Меня настигла кара за мои грехи, и теперь я наслаждаюсь каждой минутой этого жестокого наказания. Я умерла девственницей в тысяча девятьсот восемнадцатом году, в эпидемию испанского гриппа. Тогда умирали многие, и очень быстро, так что священник не успел помазать меня освященным елеем, чтобы облегчить путь на Небеса. Вот я и попала сюда. После первой тысячи лет обучения...

— Подожди-ка! Ты умерла в тысяча девятьсот восемнадцатом?

— Да, от «испанки». Родилась в тысяча восемьсот семьдесят восьмом, умерла в тысяча девятьсот восемнадцатом, в возрасте сорока лет. Хочешь видеть меня сорокалетней? А то я могу!

— Нет, ты отлично выглядишь. Ты прекрасна.

— Ну, мало ли... Некоторым... тут, знаешь ли, много таких, с эдиповым комплексом и подспудными желаниями, которые практически невозможно удовлетворить при жизни. Так вот, это один из моих самых простых методов доставлять удовольствие. Я введу тебя в гипнотический транс, все необходимые сведения у тебя есть — и мой облик и голос ты будешь воспринимать как облик и голос родной матери. И запах, естественно, тоже. Словом, все-все... за исключением того, что степень моей доступности будет такова...

— Пэтти, я свою мать терпеть не мог.

— О! Неужели же это не зачлось против тебя в Судный день?

— Отнюдь нет. В правилах это не прописано. В Библии говорится: «почитай отца твоего и мать твою». И ни единого слова о том, что их обязательно любить. Я чтил родителей, как положено по протоколу. На моем столе всегда стоял ее портрет. Я еженедельно писал ей письма. Звонил по телефону в день рождения. Навещал, когда позволяли мои служебные обязанности. Выслушивал ее вечные причитания и гнусные сплетни о ее приятельницах. Никогда ей не противоречил. Оплачивал больничные счета. Проводил в последний путь. Но не плакал. Она меня не

любила, и я ее не любил. Так что забудь о моей матери. Пэт, я задал тебе вопрос, а ты сменила тему разговора.

— Извини, милый. Ух ты, что тут я нашла!

— Не отвлекайся. Погрей его в ладошке, а заодно ответь на мой вопрос. Что ты там говорила о тысячелетнем ученичестве?

— А что в нем такого?

— Если ты умерла в тысяча девятьсот восемнадцатом году, а Трубный глас прозвучал в тысяча девятьсот девяносто четвертом — это я точно знаю, сам там был, — то после твоей смерти прошло всего семьдесят шесть лет. Помоему, архангел вострубил совсем недавно — прошло несколько дней или там месяц, не больше, однако же мне объяснили, что это случилось семь лет назад. Но все же не девятьсот или почти тысяча! Я не дух, я живой во плоти. И я не Мафусаил.

(Черт возьми, неужели мы с Маргретой расстались тысячу лет назад? Это же несправедливо!)

— Ах вот оно что! Алек, в вечности фраза «тысяча лет» означает не конкретный срок, а просто «длительный промежуток времени». В моем случае его хватило, чтобы проверить, обладаю ли я талантом и способностями, необходимыми для избранной профессии. Так много времени потребовалось потому, что хотя я и пылала страстью — и до сих пор пылаю, и каждый клиент приводит меня в экстаз, в чем у тебя была возможность убедиться, — но сюда прибыла, ничего не зная о сексе. Абсолютно ничего. Однако я прилежно училась и в конце заслужила похвалу самой Марии Магдалины, которая и рекомендовала меня на постоянную работу.

— Неужели она здесь?

— Ну, здесь она приглашенный профессор. Постоянное место ее работы на Небесах.

— И чему же она там учит?

— Понятия не имею. Уж точно не тому, чему тут. Во всяком случае, мне так кажется. Хм-м... Алек, она принадлежит к числу извечно великих и живет по своим правилам. Однако на сей раз тему меняешь ты. Я пыталась объ-

яснить, что не знаю, сколько времени продолжалось мое ученье, поскольку время здесь течет так, как ты сам того хочешь. К примеру, сколько времени мы с тобой нежимся в постели?

— Хм... довольно долго. Но меньше, чем хотелось бы. По-моему, сейчас около полуночи.

— Сейчас и есть полночь, если тебе так угодно. А давай теперь я сверху?

На следующее утро, когда бы оно там ни было, Пэт и я завтракали на балконе с видом на озеро. Она надела излюбленный наряд Марги — облегающие шорты и «майку со шлейкой», едва прикрывавший роскошную грудь. Не знаю, когда Пэт умудрилась раздобыть свою одежду, но за ночь мои рубашка и брюки были выглажены и починены, а нижнее белье и носки — выстираны; в аду, по-видимому, всюду снуют трудолюбивые бесенята. Честно говоря, после полуночи через спальню можно было прогнать целое стадо гусей, я бы все равно не проснулся.

Я поглядывал на Пэт через столик, наслаждаясь ее живой, почти девичьей прелестью, рассматривал щепотку веснушек, усыпавших переносицу, и думал, как странно, что раньше я считал секс грехом. Конечно, секс может повлечь за собой грех, но ведь любой человеческий поступок может сопровождаться жестокостью и несправедливостью. Сам же по себе секс не имеет даже привкуса греха. Я пришел сюда усталым, растерянным и несчастным — и Пэт сначала сделала меня счастливым, затем дала возможность отдохнуть, и в это дивное утро я ощутил себя счастливым.

Я все так же жажду найти тебя, моя любимая Марга, и теперь в отличной форме для продолжения поисков.

Интересно, как Маргрета воспримет случившееся?

Что ж, по-моему, она никогда меня не ревновала.

А что бы я почувствовал, если бы она тоже решила отдохнуть и расслабиться, вот как я только что? Хороший вопрос. Поразмысли-ка над этим на досуге, дружище, ведь в данном случае что годится для одного — совсем не тот коленкор.

Над озером поднимался дымок, отсветы пламени окрашивали клубы алым, а справа и слева простирались очаровательные летние пейзажи и вдалеке виднелись горы с заснеженными вершинами.

— Пэт...

— Да, дорогой?

— До берега озера не более фурлонга. Однако я не чувствую даже запаха серы.

— Видишь, как колышутся под ветром стяги? Ветер в аду дует от берега к центру геенны. Над геенной воздушный поток поднимается вертикально, что, кстати, замедляет скорость падения душ, прибывающих сюда по баллистической траектории, а затем, уже в другом полушарии, устремляется в симметрично расположенную ледяную бездну, где сероводород вступает в реакцию с кислородом, разлагаясь на воду и серу. Сера выпадает в осадок, вода же в виде пара возвращается в атмосферу. Геенна огненная и ледяная бездна и формируют механизм циркуляции воздуха, управляющий погодными условиями и в известной степени аналогичный процессам земной атмосферы. Только здесь климат гораздо мягче.

— Я не особо силен в физических науках... но все это совсем не похоже на те законы природы, о которых нам рассказывали в школе.

— Конечно нет. Тут, как ты понимаешь, совсем другой босс. Он управляет планетой так, как ему заблагорассудится.

То, что я хотел сказать в ответ, утонуло в негромком звоне гонга из внутренних покоев номера.

— Можно я открою дверь, сэр?

— Конечно. И не смей называть меня «сэр»! Надо думать, это принесли еду в номер.

— Нет, дорогой Алек, еду доставляют только тогда, когда мы ничем другим не заняты. — Она встала и через минуту вернулась с конвертом. — Это тебе, милый. Письмо доставлено имперским курьером.

— Мне?

Я осторожно взял конверт и открыл его. Вверху стоял герб — традиционное изображение дьявола в алом одея-

нии, с рогами, копытами, хвостом, вилами, окруженного языками пламени. Ниже шел текст:

Святому Александру Хергенсхаймеру

«Сан-Суси Шератон»

Столица

Приветствуем вас!

В ответ на ваше прошение об аудиенции у Его inferнального величества Сатаны Мекратрига, Владыки Ада и его окрестностей, Первого Падшего Престола, Князя Лжи имею честь сообщить, что Его величество требует подкрепить вашу просьбу подробным и предельно правдивым изложением вашей биографии, каковой манускрипт надлежит доставить в имперскую канцелярию. По его рассмотрении последует решение касательно вашей просьбы.

От себя добавлю: любая попытка что-то пропустить, затушевать или приукрасить в надежде польстить Его величеству не оставит Ему ни малейшего удовольствия.

Имею честь оставаться

Искренне Его

(подпись)

Вельзевул,

секретарь Его величества

Я прочел Пэт письмо. Она заморгала и удивленно при-
свистнула:

— Что ж, тебе лучше сразу же браться за дело.

— Я... — Бумага вспыхнула, и я отшвырнул письмо в
грязную тарелку. — Это что, у вас всегда так?

— Не знаю. Впервые вижу письмо от номера первого.
И впервые слышу, что кому-то, пусть и на определенных
условиях, была обещана аудиенция.

— Пэт, я не просил аудиенции. Я только хотел вы-
яснить, что для этого нужно. И никакого прошения я ни-
куда еще не посылал.

— Тогда подай его немедленно, чтобы не нарушить по-
следовательность событий. Я помогу тебе — отпечатаю его
на машинке.

Бесенята опять потрудились на славу. В углу огромной
гостиной появились два стола: один — письменный, с
аккуратно уложенными пачками бумаги и стаканчиком

с перьями, а другой — какая-то сложная конструкция. Пэт сразу же бросилась к ней.

— Дорогой, похоже, что я все еще в твоем распоряжении. Теперь — как секретарь. Это новейшая, самая лучшая модель «Хьюлетт-Паккард», так что работать будет одно удовольствие. Или ты сам умеешь печатать?

— Боюсь, что нет.

— О'кей. Ты будешь писать от руки, а я — перепечатывать и править... Так что об ошибках можешь не волноваться. Теперь понятно, почему именно меня выбрали для этой работы. Не из-за моей очаровательной улыбки, а потому, что я умею печатать. Мои коллеги по профессии, как правило, печатать не умеют. Торговля телом гораздо проще стенографии или машинописи. Я — другое дело. Ладно, за работу! Это займет много времени — дни, недели, точнее сказать не могу. Хочешь, чтоб я спала здесь?

— А ты хочешь уйти?

— Дорогой, желание клиента — закон. Иначе нельзя.

— Прошу тебя, не уходи. — (Марга, пойми меня, пожалуйста!)

— Хорошо, что ты так сказал, иначе я бы расплакалась. Кроме того, настоящий секретарь должен быть при шефе круглые сутки — мало ли, что вскочит... в голову.

— Пэт, эту старую шуточку я слышал еще в семинарии.

— Ха, она еще до твоего рождения обросла бородой. Давай-ка работать.

Попробуйте представить себе листки календаря (которого у меня нет), переворачиваемые ветром. Манускрипт растет, но Пэт твердит, что совет князя Вельзевула следует понимать буквально. Пэт печатает в двух экземплярах все, что я пишу; один экземпляр хранится на столе, другой исчезает в тот же вечер. Опять бесенята. По словам Пэт, этот второй экземпляр отправляют во дворец, где он попадает на стол к Князю... А отсюда следует, что покамест я работаю удовлетворительно.

Меньше чем за два часа Пэт перепечатывает на машинке и распечатывает на принтере все, что я успеваю напи-

сать за целый день. Но я прекратил трудиться в поте лица своего, когда получил рукописное послание:

Вы слишком много работаете. Вам необходимо развлечься. Сводите ее в театр.

Поезжайте на пикник. Не перетруждайтесь.

(подпись)

В.

Записка была вполне аутентична, поскольку сразу же самоуничтожилась. Пришлось повиноваться. С радостью! Но я не намерен описывать здесь злачные места столицы Сатаны.

Сегодня утром я наконец достиг того места, где я писал (пишу) о том, что происходит в данный момент... Этот последний листок я вручаю Пэт.

Спустя примерно час после того, как я поставил предыдущую точку, раздался звон гонга. Пэт вышла в прихожую, быстро вернулась и бросилась мне на шею:

— Это прощальный поцелуй, милый. Больше я тебя не увижу.

— Как это?

— А вот так. Сегодня утром мне сказали, что я выполнила задание. И еще — я должна тебе кое в чем признаться. Дело в том, что я ежедневно писала на тебя докладные. Умоляю, не сердись на меня. Я профессионал, работаю в имперской службе безопасности.

— Будь ты проклята! Значит, каждый поцелуй и каждый страстный вздох — притворство?!

— Ни один из них не был притворным! Ни один! И когда ты отыщешь свою Маргу, передай ей от меня, что она счастливица.

— Сестра Мария-Патриция, это еще одна ложь?

— Святой Александр, я тебе никогда не лгала. Ну, замалчивала всякие пустяки, о которых не могла говорить... — Она разжала объятия.

— Эй! А ты не собираешься поцеловать меня на прощание?

— Алек, если бы ты хотел меня поцеловать, ты бы не стал спрашивать.

А я и не спрашивал, я взял и поцеловал. Если Пэт притворялась, значит она непревзойденная актриса.

Во дворец меня должны были проводить два огромных падших ангела, закованные в латы и вооруженные до зубов. Пэт упаковала манускрипт, объяснив, что я должен взять его с собой. На пороге я остановился:

— Моя бритва!

— Проверь карман.

— А как она там очутилась?

— Милый, я знала, что ты сюда не вернешься.

Я еще раз убедился, что в компании с ангелами умею летать. Прямо с балкона, вокруг «Сан-Суси Шератон», через площадь — и вот мы на балконе третьего этажа дворца Сатаны. Потом через множество коридоров и вверх по крутой лестнице с очень высокими ступенями, явно не предназначенными для людей. Я начал спотыкаться, один из моих провожатых схватил меня и поддерживал, пока мы не добрались до вершины, и все это молча — ни тот ни другой за всю дорогу не промолвили ни слова.

Распахнулись колоссальные бронзовые створки, изукрашенные барельефами не хуже врат Гиберти, и меня втолкнули внутрь.

И я увидел Его.

Сумрачный, задымленный зал, вдоль стен — вооруженные стражники, высокий престол, а на нем — некое существо, раза в два больше обычного человека. Существо выглядело как традиционное изображение дьявола на бутылках слабительной минеральной воды «Плут» или на жестянках пикантного мясного паштета: хвост и рога, горящие глаза, вилы вместо скипетра, отблески пламени на багровой коже, бугрящиеся мускулы. Я напомнил себе, что Князь Лжи являет себя в каком угодно обличье; очевидно, сейчас он решил меня припугнуть.

Его голос прозвучал как сирена:

— Святой Александр, приблизься к престолу.

Я стал братом драконам и другом совам.

Книга Иова, 30: 29

Я всходил по лестнице, ведущей к престолу. Ступени были слишком круты и высоки, но теперь меня некому было поддержать. Пришлось взбираться на них чуть ли не ползком, а Сатана с язвительной усмешкой смотрел на меня сверху вниз. Со всех сторон из невидимых источников лилась музыка, траурная музыка, смутно похожая на Вагнера, но я не мог определить, что именно. По-моему, к ней примешивались звуки низкой частоты, от которых воют собаки, в панике разбегаются лошади, а люди начинают думать о бегстве или самоубийстве.

Лестница передо мной все удлинялась.

Перед тем как начать восхождение, я не обратил внимание на точное число ступеней — их было около тридцати, не больше. Я упрямо карабкался вверх до тех пор, пока не сообразил, что расстояние между мной и престолом не сокращается. Князь Лжи!

Тогда я остановился и стал ждать.

Наконец громовой голос произнес:

— Что-то не так, святой Александр?

— Все так, — ответил я. — Все именно так, как вы задумали. Только если вы действительно желаете, чтобы я подошел поближе, прекращайте шутки шутить. А пока мне нет смысла идти по этой лесенке-чудесенке.

— По-твоему, это мои происки?

— Да. Вы со мной играете. В кошки-мышки.

— Ты выставляешь меня шутком в присутствии моих вассалов?

— Нет, ваше величество. Я не могу выставить вас шутком. На это способны только вы сами.

— Даже так? Ты, вообще-то, понимаешь, что я могу уничтожить тебя в мгновение ока?

— Ваше величество, я в ваших руках с той секунды, как вступил в ваши владения. Чего вы от меня добиваетесь? Чтобы я и дальше полз по вашей проклятой лестнице?

— Да!

Так я и поступил. Лестница прекратила удлиняться, высота ступеней снизилась до вполне приемлемых семи дюймов. Через несколько секунд я добрался до Сатаны — вернее, до его раздвоенных копыт, то есть оказался в мало-приятной близости к нему. И дело не только в том, что его присутствие внушало неумный ужас — я с трудом держал себя в руках, — но от него страшно воняло! От него разило мусорными баками, гнилым мясом, виверрой и скунсом, жженой серой, тяжелым затхлым духом и дурными газами — всем этим и много чем еще одновременно. Я сказал себе: «Алекс Хергенсхаймер, если ты сейчас блеванешь, то потеряешь все шансы на встречу с Маргой. Так что смись — придется перетерпеть».

— Присаживайся, — сказал Сатана.

Рядом с престолом стоял низенький табурет, не позволявший сохранить достойную осанку. Я сел.

Сатана взял манускрипт огромной рукой; обычные машинописные страницы в ней выглядели колодой играль-ных карт.

— Я все прочел. Недурственно. Многословно, но мои редакторы подсократят. Впрочем, лучше так, чем излишняя лаконичность. Однако нам нужен конец... написанный тобой или призраком. Лучше, конечно, последним; рукопись должна быть выразительнее, чем получилась у тебя. Скажи, тебе никогда не хотелось зарабатывать на жизнь писательским трудом? Вместо того чтобы проповедовать?

— Для литературной деятельности нужен талант.

— Ха, талант-шмалант. Видел бы ты ту чушь, которую сейчас публикуют. Кстати, надо бы доработать постельные сцены: современный читатель требует сочности и красочности. Впрочем, не в них суть. Я тебя вызвал не для того, чтоб обсуждать недостатки твоего литературного стиля. У меня есть предложение.

Я молчал. Он тоже. Спустя какое-то время он спросил:

— Тебя не интересует, в чем оно заключается?

— Ваше величество, конечно интересует. Но из опыта общения с вами род человеческий извлек полезный урок: вступая с вами в торг, следует быть крайне осторожными.

Он захохотал, и стены дворца содрогнулись.

— Ах ты, ничтожный человечиска, с чего ты решил, что я стану торговаться из-за твоей душонки?

— Честно говоря, я не знаю, чего вы там хотите, но хорошо понимаю, что умом не дорос ни до доктора Фауста, ни до Дэниела Уэбстера. А значит, осторожность мне не помешает.

— Да не дрейфь ты! Не нужна мне твоя душа. Спрос на души нынче плох — они в переизбытке, бросовый товар. Цена им — пятак за пучок, как редиска на базаре. Нет, они мне ни к чему, у меня их полным-полно. Святой Александр, мне нужны твои услуги. Профессиональные.

(Тут я встревожился. В чем ловушка? Алекс, это все неспроста. Будь настороже! Что он задумал?)

— Вам требуется мойщик посуды?

Он опять захохотал, где-то на четыре целых и две десятых балла по шкале Рихтера.

— Нет-нет, святой Александр. Я предлагаю работу иного рода, чем та, которой тебе пришлось заниматься по крайней нужде. Мне требуется опытный зазывала, знаток Евангелия и Библии, который будет проповедовать дело Иисуса со всей ответственностью, как положено — ведь тебя этому и учили. О деньгах не беспокойся, сбором пожертвований заниматься не придется; оклад будет приличным, а работа — легкой. Что скажешь?

— Скажу, что вы меня хотите облапошить.

— А вот это уже нехорошо. Все без подвоха, святой Александр! Будешь проповедовать, как всегда, без ограничений! Получишь титул личного капеллана Сатаны и примаса преисподней. Ну и в свободное время можешь спасать погибшие души, сколько угодно... тут их хватает. Насчет зарплаты сговоримся, она будет не меньше, чем у твоего предшественника, папы Александра Шестого — самого

знаменитого хапути в истории человечества. В общем, тебя не обжуют, обещаю. Что скажешь? Ну?

(Кто из нас спятил — дьявол или я? Или мне снится один из тех кошмаров, которые преследуют меня в последнее время?)

— Ваше величество, вы не упомянули ничего из того, что я хочу.

— Ах вот как! Но деньги же всем нужны! А ты на мели, и за пребывание в своем роскошном люксе не расплатишься, если немедленно не подыщешь работу. — Он постучал пальцем по манускрипту. — Вот за это можно выручить денег. Но не скоро. За саму рукопись я не дам ни гроша — она может оказаться убыточной. В наши дни рынок завален всякими фантазиями на тему «Как я был пленником Князя Тьмы».

— Ваше величество, вы прочли мои мемуары и знаете, чего я хочу.

— Да? Ну-ка, назови.

— Вы и так знаете. Мне нужна моя возлюбленная. Маргрета Свенсдаттер Гундерсон.

— Ты что, не получил моего извещения? — с удивленным видом осведомился он. — В преисподней ее нет.

Я почувствовал себя как пациент, который держался твердо, пока не принесли результаты анализов... и не выдержал дурных новостей.

— Вы уверены?

— Конечно уверен. Я здесь начальник или как?

(Князь Лжи. Князь Лжи!)

— Но откуда такая уверенность? Говорят, у вас тут учет ведется очень скверно. Человек может годами пребывать в аду, а вы об этом и не подозреваете.

— Ложь и гнусные инсинуации. А вот если ты примешь мое предложение, то к твоим услугам будут самые лучших специалисты, от Шерлока Холмса до Джона Эдгара Гувера, которые обещают все закоулки ада. Впрочем, все равно даром выбросишь деньги на ветер: та, кого ты ищешь, находится за пределами моей юрисдикции. Я тебе это официально заявляю.

Я колебался. Ад — огромная территория; здесь можно вечно заниматься поисками и все равно не обнаружить Марги. Однако если денег — вагон (я-то понимал это лучше других), то трудное становится реальным, а невозможное — просто трудным.

И все же... Кое-какие из моих действий на посту заместителя исполнительного директора ЦАП были в некотором роде сомнительными (укладываться в бюджет не так-то просто), но как рукоположенный священник я еще никогда не продавался Врагу рода человеческого. Нашему извечному противнику. Как может священник Христа стать капелланом Сатаны? Марга, дорогая... я не могу!

— Нет!

— Не слышу. Что ж, можно несколько улучшить условия нашей сделки. Соглашайся — и я навсегда предоставлю в твое полное распоряжение своего лучшего агента, сестру Марию-Патрицию. Она станет твоей рабыней — без права продажи, разумеется. Однако, если угодно, можешь сдавать ее в аренду. Что теперь скажешь?

— Нет.

— Да не упрямысь ты так. Ну, попросил ты одну бабу, а я тебе предлагаю другую, гораздо лучше. И не отпирайся, что, мол, Пэт тебя не устраивает, — ты с ней неделями валялся в кровати. Хочешь, я прокручу тебе записи ваших стонов и вздохов?

— Подлец!

— Эй, эй, не оскорбляй меня в моем собственном доме! И мне, и тебе, и всем остальным прекрасно известно, что одна женщина мало чем отличается от другой, если не считать кулинарных способностей. Я предлагаю тебе улучшенный вариант той, которую ты потерял. Да через год ты меня благодарить будешь! Через два — вообще не вспомнишь, с чего ты тут кобенился. Соглашайся, святой Александр. Это лучшее предложение, на которое ты можешь рассчитывать, ибо говорю тебе серьезно — той датской зомби, о которой ты просишь, в аду нет. Ну так как?

— Нет!

Сатана раздраженно пристукнул по подлокотнику своего трона:

— Это твое последнее слово?

— Да.

— Что ж, допустим, в придачу к посту капеллана я дам тебе твою ледяную деву?

— Вы же сами говорите, что ее нет в аду!

— Но я не говорил, что не знаю, где она.

— Вы можете ее заполучить?

— Отвечай на вопрос. Станешь ли ты моим капелланом, если в контракт будет внесен пункт о ее возвращении к тебе?

(Марга! Марга!)

— Нет.

Сатана громко приказал:

— Генерал-сержант, отпустите караул. А ты пойдешь со мной!

— Напра-налево!.. Шагом марш!

Сатана сошел с престола и направился за него, не сказав мне больше ни слова. Я торопливо бросился следом, не поспевая за его гигантскими шагами. За престолом начинался темный туннель; тут я перешел на бег, не желая упускать Сатану из виду. Его силуэт внезапно уменьшился, слабо вырисовываясь на фоне тусклого света в конце туннеля.

А потом я едва не наступил Сатане на пятки. Оказывается, он не быстро шел, а просто менялся в размерах. Или это я менялся? Мы с ним уже были примерно одного роста. Я остановился у него за спиной у двери в самом конце туннеля, которая слабо освещалась красноватым сиянием.

Сатана дотронулся до двери — наверху вспыхнул яркий свет прожектора. Открылась дверная створка, и дьявол обернулся ко мне:

— Входи, Алек.

Сердце мое затрепетало, дыхание сбилось.

— Джерри! Джерри Фарнсуорт!

Потому что во многой мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.

Книга Екклесиаста, 1: 18

И начал Иов и сказал:
Погибни день, в который я родился,
и ночь, в которую сказано: зачался человек.

Книга Иова, 3: 2—3

Глаза мне заволокло туманом, голова пошла крутом,
ноги подкосились.

— Эй, прекрати! — прикрикнул Джерри, обнял меня за плечи и втащил внутрь, хлопнув дверью.

Он не дал мне упасть, встряхнул за плечи и похлопал по щекам. Я помотал головой и наконец вдохнул полной грудью.

— Отведи его куда-нибудь, пусть отлежится, — послышался голос Кейти.

Я окончательно пришел в себя, взгляд прояснился.

— Все в порядке. Просто на секунду в голове помутилось, — сказал я, оглядываясь.

Мы стояли в прихожей дома Фарнсуортов.

— Ты упал в обморок, вот что с тобой произошло. Еще бы, такой шок! Ну, пойдем в гостиную.

— Пойдем. Привет, Кейти. Ох как я рад тебя видеть!

— Тебя тоже, дорогой.

Она подошла ко мне, обняла и расцеловала. Да, хотя Марга для меня — все, но Кейти — из женщин того сорта, который можно назвать «моим». И Пэт — тоже. Марга, как бы я хотел, чтобы ты познакомилась с Пэт! (Марга!!!)

Гостиная выглядела какой-то недоделанной: мебели маловато, окна отсутствуют, камин — тоже.

— Кейти, устрой-ка нам «Ремингтон-два», — попросил Джерри. — А я пока приготавливаю выпить.

— С удовольствием, милый.

Пока они занимались своими делами, ворвалась зареванная Сибил, кинулась мне на шею (чуть с ног не сбила; эта девочка не из пушинок) и расцеловала. Правда, поцелуй был мимолетный, не то что благословенный дар Кейти.

— Мистер Грэхем! Вы такой классный! Я все видела. Вместе с сестрой Пэт. Она тоже думает, что вы классный!

Левая стена превратилась в «пейзажное окно» с видом на горы; у противоположной — появился камин, сложенный из необработанных валунов, в котором плясали языки пламени. Только потолок казался значительно ниже. Что касается мебели и другого убранства, то они были такими же, какими их показывал «Ремингтон-два» раньше. Кейти отошла от пульта управления.

— Сибил, оставь его в покое. Алек, немедленно сядь. Отдохни.

— Да-да, конечно. — Я сел. — Э... это Техас? Или все еще ад?

— Это дело вкуса, — ответил Джерри.

— А есть ли разница? — спросила Сибил.

— Трудно сказать, — сказала Кейти. — Не волнуйся понапрасну, Алек. Я тоже все видела и вполне согласна с девочками. Я гордилась тобой.

— Да, он твердый орешек, — вмешался Джерри. — Мне не удалось поколебать его ни на йоту. Алек, ты твердолобый упрямец, я из-за тебя троим проспорил! — Появилась выпивка. Джерри поднял стакан. — За твое здоровье!

— За Алека!

— Ура! Ура!

— Ладно, выпьем за меня, — согласился я и отхлебнул здоровенный глоток «Джека Дэниелса». — Джерри? Но вы же не...

Он широко улыбнулся. Сшитый на заказ костюм ранчиро исчез; ковбойские сапоги уступили место раздвоенным копытам, в волосах проросли рога, маслянистая багровая кожа туго обтягивала мощные мускулы. Между ног торчал несообразно огромный фаллос.

— По-моему, ты его убедил, милый, — сказала Кейти. — Это не самое приятное из твоих обличий.

Традиционный дьявол снова превратился в моего знакомого — техасского миллионера.

— Так-то лучше, — хихикнула Сибил. — Папочка, с какой стати ты выбрал этот затасканный образ?

— Таков устойчивый стереотип. Впрочем, мое нынешнее обличье больше подходит для нашей обстановки. Вам тоже не мешало бы облачиться в техасский наряд.

— А нужно ли? Я полагаю, Пэтти уже достаточно приучила мистера Грэхема к виду обнаженного тела.

— Ее тело — это не твое тело. И поторопись, а не то я поджарю тебя на обед.

— Папочка, ты жульничаешь! — Сибил, не двигаясь, чудесным образом облачилась в джинсы и майку. — Мне надоело быть тинейджером, и я не вижу причин и дальше разыгрывать эту шараду. Святой Алек знает, что его надули.

— Сибил, не распускай язык почем зря.

— Дорогой мой, Сибил, возможно, и права, — спокойно вмешалась Кейти.

Джерри покачал головой.

Я вздохнул и сказал то, что должен был сказать:

— Да, Джерри, я знаю, что меня обманули. Те, кого я считал друзьями. И друзьями Марги тоже. Значит, все это — ваших рук дело? Тогда кто я такой? Иов?

— И да и нет.

— Что вы хотите этим сказать... ваше величество?

— Алек, не называй меня так. В этом нет никакой необходимости. Мы встретились по-дружески. Надеюсь, что мы останемся друзьями.

— Как же мы можем быть друзьями? Если я Иов... Ваше величество, где моя жена?

— Алек, я и сам очень хотел бы знать. В твоей рукописи есть кое-какие намеки, которые могут привести к разгадке. Вот я сейчас все это и распутываю. Но пока ничего не знаю наверняка. Наберись терпения.

— Нет, не могу я больше терпеть! Какие намеки? Объясните мне! Неужели вы не видите, что я схожу с ума?!

— Нет, не вижу, потому что ты не сходишь с ума. Я тебя только что допрашивал и довел до точки, когда ты дол-

жен был сломаться. Но тебя нельзя сломать. И тем не менее сейчас ты мне ничем не сможешь помочь в поисках твоей жены. Понимаешь, ты — человек... а я — нет. В моей власти то, чего ты даже представить не в состоянии. Но у меня существуют и некоторые ограничения в действиях — для тебя они тоже невообразимы. Поэтому успокойся и слушай, что тебе говорят. Я твой друг. Если ты этому не веришь, ты волен уйти из дома моего и действовать в одиночку. На берегу лавового озера для тебя работа найдется, если стерпишь вонь паленой серы. Ищи Маргу собственными методами. Я вам с ней ничем не обязан, поскольку не я виновен в ваших бедах. Поверь мне.

— Ну... я очень хотел бы вам поверить.

— Может быть, ты согласишься Кейти?

— Алек, старик говорит тебе истинную правду, — подтвердила она. — Не он наслал на тебя беды и невзгоды. Ты когда-нибудь ухаживал за изувеченным псом... который в своем неведении грызет бинты и бережит свои раны...

— Э-э... ну да. — (Мой пес Брауни... мне тогда было двенадцать. Брауни сдох.)

— Так вот, не будь таким, как твой бедный пес. Поверь Джерри. Для того чтобы помочь тебе, ему придется сделать нечто, превышающее твое понимание. Ты станешь указывать нейрохирургу, делающему операцию на мозге? Попросишь его поторопиться?

Я грустно улыбнулся и погладил ее пальцы:

— Я буду паинькой, Кейти. То есть постараюсь.

— Да уж, постарайся, ради Марги.

— Хорошо. Гм... Джерри, я всего лишь человек и многого не понимаю — но можете ли вы объяснить хоть что-нибудь?

— Что смогу, то объясню. С чего начать?

— Когда я спросил, не Иов ли я, вы сказали «и да и нет». Что вы имели в виду?

— Ты и в самом деле второй Иов. Да, я был одним из мучителей первого Иова, но не в этот раз. Я не слишком горжусь теми способами, к которым прибегал, изводя Иова. Не слишком горжусь и тем, что соглашался на просьбы

своего братца Яхве, который взвалил на меня всю грязную работу — и соблазнение праматери Евы, и другие делишки, еще до этого, но я не стану о них распространяться, все равно ты не поймешь. Вдобавок я всегда готов побиться об заклад, по любому поводу... и этой слабостью тоже не очень горжусь. — Джерри устался в огонь и задумчиво произнес: — Ева была очаровательна. Как только я ее увидел, то сразу понял, что это создание Яхве — творение настоящего мастера. Уже много позже я выяснил, что модель он позаимствовал.

— Что? Но ведь...

— Не перебивай. Бóльшая часть ваших ошибок — которые мой братец активно поощряет — проистекает из веры в то, что ваш Бог един и всемогущ. На самом же деле мы с братом всего-навсего младший офицерский состав оперативного управления при главнокомандующем. Замечу, что та высшая сила, которую я считаю главнокомандующим, президентом, высшей инстанцией, возможно, является лишь рядовым в воинстве еще более высокой силы, представить которую мне не дано. За каждой тайной скрыто бесконечное множество других. Но тебе не нужно знать окончательные ответы — если таковые вообще существуют, — да и мне тоже. Ты хочешь знать, что произошло с тобой и... с Маргретой. Яхве пришел ко мне и, уверяя, что один из его приверженцев гораздо упрямее Иова, предложил еще раз побиться об заклад на тех же условиях. Я отказался. В свое время наш с Яхве спор об Иове доставил мне мало удовольствия. Задолго до того, как история с Иовом подошла к концу, мне прискучили непрерывные издевательства над этим несчастным олухом. Так что я отказался и посоветовал брату поискать других дураков для своих жульнических игр. А когда увидел вас с Маргой, когда вы, незащитные, как новорожденные котята, голышом пробирались вдоль Сорокового шоссе, то понял, что Яхве нашел себе другого партнера для своих грязных игр. Поэтому я привез вас сюда и продержал у себя неделю или около того...

— Не может быть! Мы провели у вас всего одну ночь!

— Не перебивай! За это время я успел извлечь из вас всю информацию, а потом отпустил восвояси... вооружив кое-какими соображениями, как выкручиваться из создавшейся ситуации, хотя, по правде говоря, вы и сами неплохо справлялись. Ты ведь крутой сукин сын, Алек. Мне даже захотелось глянуть на ту суку, которая тебя родила. А она действительно та еще сучка. Так вот, эта мегера и твой добрый и ласковый отец породили существо, способное выжить в самых непростых условиях. Так что я тебя отпустил с легким сердцем. Меня известили, что ты направляешься сюда, — у меня повсюду шпионы. В ближайшем окружении моего брата чуть ли не половина мои шпионы.

— И святой Петр тоже?

— А? Нет, что ты! Пит — славный старик, самый истинный христианин на Небесах, а заодно и на Земле. Трижды он предал своего босса, ну и расплачивается за это до сих пор. В высшей степени доволен, что он на «ты» со своим боссом во всех трех его ипостасях. Мне Петр ужасно нравится. Если когда-нибудь он разругается с моим братцем, то у меня всегда найдется для него работа. Потом ты появился в аду. Ты помнишь мое приглашение, в котором я упомянул об аде?

(«...Поищите меня в аду. Обещаю вам самое горячее гостеприимство...»)

— Да!

— Я сдержал слово? Будь осторожен в выражениях, ибо сестра Пэт нас подслушивает.

— Ничего подобного, — возразила Кейти. — Пэт — настоящая леди, не то что некоторые. Дорогой, я могу сократить твой рассказ. Ведь Алек хочет знать, почему его преследуют, как преследуют и что ему теперь делать. В смысле, с Маргой. Алек, ответ на вопрос «почему» очень прост. Тебя выбрали по той же причине, по которой отбирают питбуля для собачьих боев: Яхве решил, что ты можешь выиграть. Ответ на вопрос «как» тоже прост. Ты был прав, когда решил, что у тебя разыгралась паранойя. Паранойя —

это не безумие; против тебя действительно организовали заговор. Каждый раз, когда ты приближался к разгадке, вся эта неразбериха начиналась сызнова. Помнишь миллион долларов? Он появился лишь для того, чтобы задурить тебе голову, а потом исчез. По-моему, это все объясняет, за исключением того, что же тебе делать. Единственное, что тебе остается, — верить Джерри. Возможно, у него ничего не получится — тут дело непростое и даже опасное, — но он постарается...

Я глядел на Кейти со все возрастающим уважением и некоторым трепетом. Она упоминала о вещах, о которых я никогда не разговаривал с Джерри.

— Кейти? А ты человек? Или ты... э-э... тоже из этих? Падший престол или что-нибудь в этом роде?

— В этом меня еще не подозревали, — засмеялась она. — Я человек, и даже слишком человечна, Алек, милый. Кроме того, я тебе знакома. Ты обо мне много чего знаешь.

— Я знаю о тебе?

— А ты припомни. Апрель одна тысяча четыреста сорок шестого года до рождения Иешуа из Назарета...

— Ты думаешь, что я смогу что-то вспомнить по таким неполным данным? Увы.

— Тогда попробуем иначе: прошло сорок лет после исхода из Египта детей Израилевых.

— А, завоевание Земли Ханаанской!

— Ну наконец-то! Теперь вспомни книгу Иисуса Навина, главу вторую. Кто я есть и чем славна — дева, мать или жена?

(Ах вот оно что! Это же известная библейская история. Неужели Кейти — это...)

— Э-э... Раав?

— Вот именно! Она самая, блудница Иерихонская. Я спрятала у себя в доме соглядатаев военачальника Иисуса, сына Навинова, и тем самым спасла своих родителей, братьев и сестер от гибели. Ну а теперь скажи мне, что я «недурно сохранилась»!

— Ну говори же! — захихикала Сибил. — Не стесняйся!

— Нет, правда, Кейти, ты здорово сохранилась. Тридцать четыре века прошло — а на тебе ни морщинки! Ну, почти...

— Ах, почти?! Останешься без завтрака, молодой человек!

— Кейти, ты прекрасна, и сама это знаешь. Вы с Маргетой разделите первое место на любом конкурсе красоты.

— А как же я? — возмутилась Сибил. — У меня тоже поклонников хватает! А мамочке, между прочим, куда больше четырех тысяч лет! Старая карга!

— Нет, Сибил. Чермное море расступилось перед Моисеем в тысяча четыреста девяносто первом году до Рождества Христова. Добавим время до Второго пришествия — тысяча девятьсот девяносто четвертый год после Рождества Христова, затем еще семь лет...

— Алек!

— Да, Джерри?

— Сибил права. Ты просто не заметил, как летит время. Тысяча лет, разделяющая Армагеддон и Войну на Небесах, уже наполовину миновала. Мой брат в ипостаси Иисуса Христа правит на Земле, а я скован на тысячу лет, и низвержен в бездну, и заключен.

— У вас хорошо получается. Ох, прошу вас, плесните мне еще «Джека Дэниелса», а то я совсем запутался...

— Скован в том смысле, что больше не хожу по земле и не обхожу ее. Яхве завладел ею на краткий срок, после которого он разрушит ее. Его игры меня не касаются. — Джерри пожал плечами. — Я отказался принять участие в Армагеддоне. Я сказал, что для этого у Него своих мерзавцев хватает. Алек, поскольку мой брат сам пишет все сценарии, то предполагалось, что я брошусь, как там в песне поется, «в яростный бой, Гарвард!», а потом все же проиграю. Мне это все изрядно поднадоело. Он решил, что в оправдание Его пророчеств в конце нынешнего тысячелетия я должен начать Войну на Небесах, предсказанную Им в Откровении Иоанна. Нет, благодарю покорно, это уже без меня. Своих ангелов я предупредил заранее, что отси-

жусь на скамье запасных, а они, если захотят, пусть сами создают Иностраннный легион. Какой смысл в игре, исход которой предreshен за тысячу лет до свистка судьи?

Джерри, внимательно следивший за выражением моего лица, резко оборвал свой рассказ:

— В чем дело?

— Джерри... если прошло уже пятьсот лет с тех пор, как мы с Маргретой расстались, то все бесполезно. Верно?

— Эй, я же просил не морочить себе голову тем, в чем ты ничегошеньки не смыслишь! По-твоему, я стал бы заниматься совершенно безнадежной проблемой?

Тут его остановила Кейти:

— Джерри, я только-только успокоила Алека, а ты его снова взвинтил.

— Извини.

— Ну ты же не нарочно, — сказала Кейти и обратилась ко мне: — Алек, Джерри, конечно, рубит сплеча, но он прав. Для тебя, если бы ты действовал в одиночку, дело было бы заранее проиграно, но с помощью Джерри у тебя есть шанс отыскать Маргу. Не наверняка, но надежда все же есть, так что можно рискнуть. И не имеет значения, пятьсот лет или пять секунд: здесь время — понятие относительное. Тебе не надо ничего понимать, твое дело — верить.

— Ладно, буду слепо верить. Иначе и капли надежды не останется.

— Нет, надежда как раз есть. От тебя требуется лишь терпение.

— Постараюсь. Только боюсь, что мы с Маргой уже никогда не обзаведемся собственным сатуратором для газировки и стойкой с закусками где-нибудь в Канзасе.

— А почему бы и нет? — спросил Джерри.

— Пятьсот лет спустя? Там небось и говорят теперь на другом языке. И не осталось никого, кто мог бы отличить горячий пломбир от вяленой козлятины. Все меняется.

— Тогда вы заново изобретете горячий пломбир и заработаете на нем кучу денег. Не будь таким пессимистом, сынок.

— А не желаете ли прямо сейчас полакомиться горячим пломбиром? — спросила Сибил.

— Его лучше не мешать с «Джеком Дэниелсом», — посоветовал Джерри.

— Спасибо, Сибил... но я боюсь расплакаться. Горячий пломбир слишком напоминает мне о Марге.

— Тогда не надо. Сынок, уж если даже выпивку не стоит разбавлять слезами, то плакать в горячий пломбир — распоследнее дело.

— Эй, мне дадут закончить повесть о моей порочной юности или это никому не интересно?

— Кейти, я тебя внимательно слушаю, — отозвался я. — Итак, ты договорилась с Иисусом Навином...

— Вернее, с его шпионами. Алек, тем, чьим уважением и любовью я дорожу (я имею в виду в первую очередь тебя), я обычно кое-что поясняю. Многие — и те, кому известно, кто я такая, и те, кто об этом не подозревает, — считают блудницу Раав предательницей. Государственная измена в военное время, предательство по отношению к согражданам и все такое прочее... Я...

— Я так никогда не думал, Кейти. Иерихон пал по воле Иеговы. Раз так было задумано, ты все равно ничего изменить не могла. И решилась на свой поступок ради спасения родителей и остальных домочадцев.

— Да, но дело не только в этом. Понятие «патриотизм» возникло гораздо позднее. В то время в Ханаане слово «преданность» подразумевало в основном заботу о родных и близких и в редких случаях личную приверженность какому-нибудь удачливому воину, который объявил себя местным царьком. Алек, блудницы не обладают... не обладали... преданностью такого рода.

— Ну и что с того? Кейти, несмотря на то что я обучался в семинарии, я не имею четкого представления о том, какова была жизнь в те далекие времена, поэтому воспринимаю все, исходя из канзасских реалий.

— Она не так уж сильно от них отличалась. В те времена и в тех местах блудница была или храмовой проституткой, или рабыней, или частным предпринимателем. Я, на-

пример, была свободной женщиной. Только это мало чем помогало. Блудницам не с руки ссориться с городскими властями. Заходит к тебе какой-нибудь вояка из личной охраны местного царька и требует, чтоб ты дала ему задарма, да еще поставила выпивку. И городские стражники, то есть копы, хотят того же. И всякие там политики. Алек, вот как на духу: я давала по большей части не за деньги, а даром, а в награду получала подбитый глаз. Нет, никаких теплых чувств к Иерихону я не питала, а о преданности родному городу и говорить нечего. Иудеи были ничуть не добрее хананеев, зато куда чищепоплотнее.

— Кейти, протестанты никогда не думали о Раав дурно. Однако меня уже давно смущает одна мелкая подробность в ее... в твоей истории. Твой дом находился на городской стене?

— Да. Это было не слишком удобно для хозяйства — приходилось таскать воду наверх по бесконечным лестницам, — зато дела можно было проворачивать вдали от посторонних глаз, да и арендная плата за помещение была невелика. Именно то, что я жила на стене, и помогло мне спасти соглядатаев Иисуса, сына Навинова. Я ссудила им бельевую веревку, и по ней они выбрались из окна. Кстати, веревку я обратно так и не получила.

— А какой высоты была стена?

— Что? Честное слово, не знаю. Помню, что очень высокая.

— Двадцать локтей.

— Правда, Джерри?

— Я там был. Из профессионального любопытства. Ведь в истории военных действий это была первая психическая атака с применением ультразвукового оружия.

— Понимаешь, Кейти, в Библии говорится, что ты собрала всех своих родичей в доме и вы не выходили оттуда все время, пока продолжалась осада.

— Верно, мы провели в доме семь кошмарных суток. Мы так условились с израильянскими соглядатаями. В доме было две крошечные комнатухи, где с трудом уместились трое взрослых и семеро малышей. У нас кончились

съестные припасы и вода, дети плакали, а мой отец жаловался на все подряд. Он всегда с радостью брал заработанные мной деньги, потому что, имея семерых детей, жил в нужде. Но ему претило находиться в доме, где я обычно обслуживала клиентов, а уж спать на моей кровати — на моем рабочем месте, как он выразился, — и вовсе было невозможно. И все же он ее занял, а мне пришлось спать на полу.

— Значит, вся твоя семья была дома, когда иерихонская стена обрушилась до самого основания?

— Да, конечно. Мы не осмеливались уходить до тех пор, пока соглядатаи не пришли к нам. Мой дом был отмечен той самой червленной веревкой, по которой они спустились из окна.

— Кейти, твой дом стоял на стене высотой тридцать футов. В Библии говорится, что стены обрушились до самого основания. Неужели никто из вас не пострадал?

— Нет, конечно. Никто.

— А сам дом разрушился?

— Нет. Алек, знаешь, это было очень давно, но я до сих пор помню и как трубы вострубили, и как воскликнули сыны Израилевы, и как вся стена обрушилась до своего основания. Но мой дом остался цел.

— Святой Алек!

— Да, Джерри?

— Все-таки тебе следовало бы лучше разбираться в таких делах, ты же у нас святой. Произошло обыкновенное чудо. Если бы Яхве не швырялся чудесами направо и налево, сыны Израилевы никогда бы не покорили хананеев. Эта банда оборванцев-оки попадает в богатейшие края, где хорошо укрепленные города окружены прочными стенами... и не проигрывает ни одного сражения. Чудеса, да и только! Спроси хананеев. Если, конечно, отыщешь хоть одного. Мой братец регулярно предавал их мечу, за исключением тех редких случаев, когда молодых и красивых обращали в рабство.

— Но это же Земля обетованная, Джерри, а они — Его избранный народ.

— Они действительно были Его избранным народом. Конечно, быть избранным Яхве не такое уж большое счастье. Надо думать, ты достаточно хорошо изучил Библию и сам знаешь, сколько раз он их обманывал. Мой брат, в общем-то, личность весьма... жуликоватая.

Я уже порядком принял «Джека Дэниелса», да и потрясений хватало. Богохульство Джерри, к тому же выраженное походя, взбесило меня.

— Господь Бог Иегова — справедливый Бог!

— Значит, тебе никогда не приходилось играть с ним хотя бы в камешки. Алек, «справедливость» отнюдь не божественная концепция; это человеческое заблуждение. В самой основе христианско-иудейского кодекса лежит несправедливость: он зиждется на козлах отпущения. Идея жертвоприношения красной нитью проходит сквозь весь Ветхий Завет, а своего пика она достигает в Новом Завете в образе Спасителя, мученика, искупающего грехи других. Как можно достигнуть справедливости, перекладывая свои грехи на плечи другого? Не имеет значения, барашек ли это, которому согласно ритуалу перерезают глотку, или мессия, пригвожденный к кресту и умирающий за грехи человеческие. Кто-то должен был сказать всем последователям Яхве — иудеям и христианам, — что такой штуки, как бесплатная закуска, не бывает. А может, и бывает. Находясь в кататоническом состоянии так называемой благодати, в момент смерти или при Трубном гласе, вы попадете на Небеса. Верно? Ты же сам попал туда таким образом, не так ли?

— Правильно. Мне-то просто повезло. Ибо перед этим длинный список моих грехов пополнился весьма основательно.

— Итак, долгая и греховная жизнь, за которой следуют пять минут пребывания в состоянии благодати, ведет вас прямо на Небеса. С другой стороны, если человек прожил долго и честно, совершал только добрые деяния, но в приступе гнева помянул имя Господа всуе, после чего его настиг внезапный инфаркт, приводит к тому, что бедняга оказывается проклят на веки вечные. Разве не такова система?

Я упрямо возразил:

— Да, если читать и понимать Библию буквально, то система выглядит именно такой. Но пути Господни неисповедимы...

— Для меня ничего неисповедимого в них нет, дружище. Я слишком давно Его знаю. Это Его мир, Его законы, Его поступки. Его правила непреложны, и каждый, кто их блюдет, имеет право на награду. Но это вовсе не значит, что они справедливы. Как ты оцениваешь Его отношение к Марге и к тебе самому?

Я с трудом перевел дух.

— Это я пытаюсь понять с самого Судного дня... и «Джек Дэниелс» тут плохой помощник. Но, по-моему, я на такое не подписывался.

— А вот и подписывался!

— Как это?

— Мой брат Яхве в ипостаси Иисуса сказал: «Молитесь же так...» Ну, валяй, говори дальше сам!

— «Отче наш, сущий на Небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

— Довольно! Остановись на этом месте: «Да будет воля Твоя». Ни один мусульманин, говорящий, что он раб Аллаха, никогда не произносил столь всеобъемлющего обета. Этой молитвой вы сами приглашаете Его пуститься во все тяжкие. С вашей стороны это чистейший мазохизм. Вот отсюда и проистекает испытание Иова, сынок. С Иовом обращались в высшей степени несправедливо... день за днем, в течение многих лет... Я-то знаю, я там был. Я все это подстраивал, а мой дражайший братец стоял рядом и позволял мне вершить издевательства. Позволял? Нет, Он науськивал меня, Он виновен в происходившем, Он соучастник преступления, Он его планировал и организовывал! Теперь пришла твоя очередь. Во всем, что с тобой произошло, виноват твой Бог. Проклянешь ли ты Его? Или приползешь к Нему на брюхе, как побитый пес?

Просите, и дано будет вам, ищите,
и найдете, стучите, и отворят вам

Евангелие от Матфея, 7 7

От необходимости дать ответ на этот совершенно невозможный, с моей точки зрения, вопрос меня спасло вмешательство случая. И как же рад был я этому! Полагаю, что у каждого время от времени возникают сомнения в справедливости Господа. Признаюсь, в последнее время на меня обрушилось столько, что приходилось вновь и вновь напоминать себе, что пути Господни отличны от путей человеческих и я не способен постичь цели, которые ставит перед собой Господь.

Однако ж говорить о своих колебаниях вслух, да еще перед лицом вечного Врага Господа, я, конечно, не имел права. Особенно же неприятно было, что для этой беседы Сатана выбрал голос и образ моего единственного друга.

Да и вообще, дискутировать с дьяволом — можно ли придумать занятие глупее!

Что же касается упомянутой выше случайности, то все было чрезвычайно просто — зазвонил телефон. Случайность? По-моему, для Сатаны случайностей не бывает. Как бы то ни было, мне не пришлось отвечать на вопрос, ответить на который я был не в состоянии.

— Подойти к телефону, дорогой? — спросила Кейти.

— Будь добра.

В руке Кейти возник аппарат.

— Приемная Люцифера. Говорит Раав. Повторите, пожалуйста. Сейчас спрошу. — Она поглядела на Джерри.

— Буду говорить. — Джерри обошелся вообще без аппарата. — Слушаю. Нет. Я сказал — нет! Нет, будьте вы прокляты! По этому делу обратитесь к мистеру Ашмедаю.

А тот вызов переключите сюда. — Он буркнул что-то о невозможности найти хоть сколько-нибудь компетентных сотрудников, а потом сказал: — Слушаю. Да, сэр! — Затем очень долго молчал и наконец произнес: — Сию же минуту, сэр. Благодарю вас. — Он встал. — Прошу извинить меня, Алек. Дела. Даже не знаю, когда вернусь. Надеюсь, ты отдохнешь за время моего отсутствия. Мой дом — твой дом. Кейти, позаботься о нем. Сибил, смотри, чтоб он не скучал. — Джерри исчез.

— Уж у меня-то он не заскучает! — воскликнула Сибил, вскочила с кресла и встала передо мной, радостно потирая руки. Ее техасский наряд куда-то пропал. Оставшись в чем мать родила, Сибил улыбнулась.

— Прошу тебя, перестань, — мягко сказала Кейти. — Верни одежду, или я отправлю тебя домой.

— Тебе бы все только портить! — На Сибил появилось крошечное бикини. — Я хочу, чтобы святой Алек и думать забыл о своей датской дешевке.

— На сколько поспорим, дорогая? Я ведь разговаривала с Пэт.

— И что? Что тебе сказала Пэт?

— Что Маргрета умеет подавать как надо.

На лице Сибил появилось выражение крайнего недовольства.

— Девушка чуть ли не пятьдесят лет трудится на спине, стараясь обучиться своему делу. И тут появляется какая-то неумеха, которая только и может, что поджарить цыпленка да приготовить клецки! Это нечестно!

Я решил переменить тему беседы:

— Сибил, твои фокусы с одеждой весьма занимательны. Ты уже профессиональная колдунья?

Вместо ответа Сибил посмотрела на Кейти. Та сразу откликнулась:

— Все уже позади, дорогая. Можешь говорить свободно.

— О'кей. Святой Алек, и вовсе я не колдунья. Колдовство — полная чушь. Ты знаешь стих в Библии, где говорится, что ведьм в живых оставлять нельзя?

— Книга Исход, глава двадцать вторая, стих восемнадцатый.

— Вот-вот, он самый. Древнееврейское слово, которое там переведено как «ворожея», на самом деле означает «отравительница». Не дать отравительнице дышать воздухом представляется мне весьма целесообразным. Но любопытно узнать, сколько одиноких старух погибли на виселице или на костре из-за неточного перевода?

(Неужели это правда? А как же тогда быть с концепцией «Буквального слова Господня», на которой меня взрастили? Конечно, слово английское, а не древнееврейское... но работой переводчиков версии короля Иакова руководил сам Господь, вот почему эта версия Библии, и только она одна, должна пониматься буквально. НЕТ! Сибил ошибается! Всеблагий Господь не позволил бы сотням, тысячам невинных людей подвергаться пыткам всего лишь из-за одного неверно переведенного слова! Он ведь так легко мог устранить ошибку.)

— Значит, в ту ночь ты вовсе не собиралась лететь на шабаш? А чем же ты занималась?

— Совсем не тем, о чем ты подумал. Мы с Израфелем вовсе не так близко знакомы для этого. Приятели — да, близкие друзья — нет.

— Израфель? Я думал, он на Небесах.

— Это его крестный. Трубач. А наш Израфель ни одной верной ноты взять не может. Кстати, он просил передать тебе при случае, что он вовсе не такой надутый осел, каким выглядел в роли Родерика Лаймена Кулверсона Третьего.

— Рад слышать. Он отлично сыграл роль препротивного юного сопляка. Я никак не мог поверить, что у дочери Кейти и Джерри — или только Кейти? — может быть такой скверный вкус, чтобы выбрать себе в друзья эдакого грубияна. Не Израфеля, конечно, а того, кого он сыграл.

— Ох, тогда надо разъяснить и это. Кейти, в каких мы с тобой родственных отношениях?

— Боюсь, даже доктор Дарвин не обнаружил бы между нами какой-либо генетической связи. Но я горжусь тобой, милая, как родной дочерью.

— Спасибо, мамуля.

— Но мы же все родственники благодаря прапаматери Еве, — возразил я. — Поскольку Кейти, со всеми ее морщинками, родилась во времена, когда сыны Израиля скитались по пустыне, ее от Евы отделяют всего восемьдесят поколений. Зная твой год рождения, с помощью простейших арифметических вычислений мы сможем установить степень вашего кровного родства.

— Ох! Ох! Ну вот опять! Святой Алек, мама Кейти — действительно потомок Евы, я же — нет. Другой вид. Я бевсовка. Точнее, ифрит, если вас интересуют технические подробности.

Она снова «испарила» свою одежду. Ее тело тоже претерпело изменения.

— Видите?

— Слушай, а не ты сидела за конторкой в «Сан-Суси Шератоне» в тот вечер, когда я прибыл в ад? — воскликнул я.

— Конечно я. И горжусь тем, что ты запомнил меня в моем истинном обличье. — Тут она снова вернула себе человеческий образ плюс крохотное бикини. — Я была там потому, что знала тебя в лицо. Па не хотел никаких ошибок.

Кейти встала:

— Давайте продолжим разговор на свежем воздухе. Хочу окунуться перед ужином.

— Но я же пытаюсь соблазнить святого Алека!

— Размечталась! Что ж, попробуй добиться своего на природе.

Был чудесный техасский день. Тени быстро удлинялись.

— Кейти, пожалуйста, ответь мне честно. Это ад? Или Техас?

— И то и другое.

— Я снимаю свой вопрос.

Наверняка я позволил своему раздражению проявиться в голосе, так как Кейти остановилась и положила руку мне на грудь:

— Алек, я не шучу. В течение многих столетий Люцифер создавал на Земле свои *pieds-a-terre*¹. В каждом из них он выдавал себя за какую-то вымышленную личность. После Армагеддона, когда его брат устроил тысячелетнее царствие на Земле, Люцифер перестал там появляться. Но некоторые из земных мест так ему полюбились, что он их «украл». Теперь понятно?

— Пожалуй, да. Примерно так же, как корове понятно дифференциальное исчисление.

— Механизм непонятен и мне; это процесс на уровне Бога. Но скажи мне, те многочисленные изменения, которые вы с Маргой пережили во время гонений, — насколько они были глубоки? Неужели каждый раз они охватывали всю планету?

В голове у меня все перемешалось куда хуже, чем во время последнего изменения.

— Кейти, я не знаю! У меня не было времени на подробное изучение. Хотя погоди, да, каждое изменение охватывало всю планету и примерно сто лет ее истории. Потому что я всегда проверял историю и старался запомнить как можно больше. И изменения в культуре — тоже. Весь, так сказать, комплекс.

— Алек, граница этих изменений проходила прямо у вас под носом, если так можно выразиться, и никто, кроме вас двоих, не ощущал ни малейших перемен. Ты проверял не историю, ты проверял справочники по истории. Во всяком случае, если бы эту постановку организовывал Люцифер, то все было бы подстроено именно так.

— Э... Кейти, я обычно сверялся с энциклопедией. Вот и представь себе, сколько времени уйдет на то, чтобы ее пересмотреть, переписать и перепечатать.

— Ну, тебе уже говорили, что на Божественном уровне время не проблема. И пространство — тоже. Было сделано все необходимое для того, чтобы вас обмануть. Но не более чем необходимое. Таков консервативный принцип искусства на Божественном уровне. Я на это не способна,

¹ Временное пристанище (*фр.*).

поскольку до Бога мне далеко, но не раз видела, как это делается. Опытный мастер формы и образа не делает ничего сверх необходимого для достижения желаемого эффекта. — Раав села на бортик бассейна и стала болтать ногами в воде. — Сядь рядом со мной. Допустим, этот бортик ограничивает область распространения Большого взрыва. А что находится за пределами параметров красного смещения, означающего, что расширение Вселенной равно скорости света, — что там, за ним?

— Кейти, твой гипотетический вопрос не имеет смысла, — слегка раздраженно ответил я. — Я более или менее старался держаться в курсе таких дурацких идей, как «Большой взрыв» или «расширяющаяся Вселенная», ибо проповедник Евангелия обязан изучать подобные гипотезы, чтобы уметь их развенчивать. Две упомянутые тобой теории предполагают невероятную продолжительность времени, что абсолютно невозможно, так как мир был сотворен всего лишь около шести тысяч лет назад. Я говорю «около», поскольку точную дату творения трудно вычислить, а еще потому, что я отстал от нынешнего уровня науки. Так вот, около шести тысяч лет, а не миллиардов и тому подобное, чего требуют взгляды сторонников гипотезы Большого взрыва.

— Алек, твоей Вселенной двадцать три миллиарда лет.

Я хотел было ответить, но вовремя закрыл рот. Противоречить хозяйке дома невежливо.

— И в то же время дата ее сотворения — четыре тысячи четвертый год до Рождества Христова.

Я так долго молча смотрел в бассейн, что Сибил успела вынырнуть и весьма основательно нас забрызгать.

— Что скажешь, Алек?

— А что я могу сказать? Мысли разбегаются.

— А ты слушай меня внимательнее. Я же не сказала, что мир был создан двадцать три миллиарда лет назад; я сказала, что это его возраст. Он был сотворен древним: с ископаемыми останками, с кратерами на Луне и прочими свидетельствами его почтенного возраста. Он был соз-

дан таким по воле Яхве, ибо того забавляла идея поступить именно так. Какой-то ученый сказал: «Бог не играет в кости со Вселенной». К сожалению, это не верно. Яхве играет со всей Вселенной в меченые кости, обманывая собственные творения.

— А зачем ему это?

— Как считает Люцифер, это оттого, что Он никудышный мастер, из тех, которые все время меняют замысел и соскабливают с полотна уже нанесенное изображение. Кроме того, он обожает дурацкие розыгрыши. У меня нет мнения на этот счет — увы, не тот уровень. А Люцифер с предубеждением относится к своему брату; ну, понятно почему. Но ты ничего не сказал о самом удивительном чуде.

— Возможно, я его просто не заметил.

— Нет, я думаю, ты просто чрезмерно вежлив. Откуда у старой шлюхи собственное мнение по поводу космологии, телеологии, эсхатологии и прочих длиннейших слов греческого происхождения. Это же настоящее чудо, правда?

— Ну, дорогая Раав, я был так занят, считая твои морщинки, что не слышал...

За это меня столкнули в воду. Я вынырнул, отплеываясь и откашливаясь. Обе женщины расхохотались. Тогда я обеими руками оперся о край бассейна, заключив Кейти в кольцо. Она, похоже, не возражала против такого плена и прильнула ко мне, как кошечка.

— И что же ты хотела сказать? — спросил я.

— Алек, уметь читать и писать — занятие не менее увлекательное, чем секс. Или почти такое же. Ты, может быть, и не в силах оценить полностью, какое это благо, ибо научился читать и писать еще ребенком и с тех пор действовал совершенно автоматически. Но почти четыре тысячи лет назад, в Ханаане, я была неграмотной шлюхой. Я черпала знания из разговоров своих клиентов, соседей и базарных сплетен. Так, однако, многому не научишься, тем более что даже писцы и судьи в те времена были невежественны. После моей смерти прошло три века, прежде чем

я научилась по-настоящему писать и читать. Моей учительницей стал призрак блудницы из великой цивилизации, которую потом называли критской. Святой Алек, может быть, ты и не поверишь, но, если обратиться к истории, шлюхи учились писать и читать задолго до того, как этой опасной практикой стали овладевать респектабельные дамы. Когда я научилась... ах, на некоторое время это заменило мне секс. — Она усмехнулась. — Ну, скажем, почти заменило. Теперь я восстановила разумный баланс, так что читаю и занимаюсь сексом почти в равных пропорциях.

— У меня, знаешь ли, на такой баланс сил не хватило бы.

— Женщины устроены иначе. Самое прекрасное время в моем образовании началось, когда сгорела Александрийская библиотека. Яхве библиотека была ни к чему, а Люцифер разыскал призраки всех этих рукописей, притащил их в ад и тщательно восстановил — вот тогда-то и настал у Раав настоящий праздник! Между прочим, Люцифер давно посматривает на библиотеку Ватикана, которую в ближайшее время предстоит спасти. Вместо того чтобы регенерировать призраки, он собирается украсть из Ватикана все в целостности и сохранности, за мгновение до того, как время остановится, и в полной сохранности доставить в ад. Здорово, правда?!

— Звучит великолепно. Единственный предмет моей зависти к папистам — их библиотека... А что такое регенерированные призраки?

— Стукни меня по спине.

— А?

— Стукни. Нет, сильнее — я же не бабочка. Сильнее. Вот это уже похоже на дело. То, что ты сейчас ударил, и есть регенерированный призрак.

— Твердое и упругое тело?

— Так и должно быть, я же платила за эту работу по прейскуранту. Это было еще до того, как меня заметил Люцифер... и стала я как «птичка в клетке золоченой, ах, несчастное создание». Я так понимаю, что ты спасся, попал

на Небеса и регенерацию заслужил одновременно со спасением, — но в аду ты покупаешь ее в кредит, а затем отрабатываешь долг. Именно так я и за свою плоть и заплатила. Святой Алек, я знаю, ты не умирал. Регенерированное тело очень похоже на то, что было перед смертью, только лучше. Никаких заразных болезней, никаких аллергий, никаких морщинок... да и вообще — какие там морщинки! У меня их не было, когда я умерла, — ну, почти не было. И как ты втравил меня в разговор о морщинках? Мы обсуждали теорию относительности и проблему расширения Вселенной... такая была в высшей степени интеллектуальная беседа...

Ночью Сибил весьма настойчиво пыталась залезть ко мне в постель, но Кейти решительно пресекла эти поползновения — и сама улеглась со мной.

— Пэт сказала, что тебе не следует спать одному.

— Пэт думает, что я болен. Но я здоров.

— Не стану спорить. У тебя дрожит подбородок. Не надо, милый. Матушка Раав поможет тебе спать спокойно.

Ночью я проснулся весь в слезах, Кейти была рядом. Она меня утешила. Пэт наверняка рассказала ей о моих ночных кошмарах. В общем, с помощью Кейти я снова уснул.

Этой идиллической интерлюдии не хватало только Маргреты. Кейти убедила меня, что ради Джерри (и ради нее) надо набраться терпения и не оплакивать утрату преждевременно. Я так и поступил, а если и тосковал иногда, то совсем немножко, не днем, а по ночам, когда становилось особенно плохо. Но одиночество, смятение чувств и душевные муки отступали, если рядом была матушка Раав, всегда готовая утешить. Правда, однажды ей пришлось отлучиться, и Сибил заменила ее, в точности исполнив все наставления, полученные от Кейти.

О Сибил я узнал довольно забавную подробность. Во сне, сама того не подозревая, она возвращается к своему естественному облику бесовки, то есть становится на шесть

дюймов ниже ростом, и у нее отрастают хорошенькие рожки, которые я заметил еще в «Сан-Суси».

Днем мы купались, загорали, катались верхом и устраивали в горах пикники. Чтобы создать эту зону, Джерри, видимо, «увел» солидное число квадратных миль; казалось, можно идти сколь угодно долго в любом направлении.

А может быть, я просто не понимаю, как делаются подобные вещи.

Вычеркните это «может быть» — об операциях на Божественном уровне мне известно ровно столько, сколько лягушка знает о пятнице.

Джерри отсутствовал уже больше недели, когда за завтраком Раав выложила на стол мой манускрипт.

— Святой Алек, Люцифер распорядился, чтобы ты добавил в рукопись все события, произошедшие до сегодняшнего дня включительно, а затем дополнял бы ее ежедневно.

— Слушаюсь. А от руки можно? Впрочем, если здесь где-нибудь завалилась пишущая машинка, то, полагаю, я могу попробовать постучать на ней сам.

— Пиши от руки, а я все перепечатаю на машинке. Я ведь проделала немало секретарской работы для князя Люцифера.

— Кейти, ты иногда зовешь его Джерри, иногда Люцифером и никогда Сатаной. Почему?

— Алек, он предпочитает имя Люцифер всем остальным, но, вообще-то, ему все равно. Джерри и Кейти — имена, придуманные специально для общения с тобой и Маргой.

— И Сибил — тоже, — дополнила Сибил.

— Совершенно верно, Эгрет. Хочешь, чтобы тебя звали твоим настоящим именем?

— Нет. По-моему, очень здорово, что Алек и Марга называют нас именами, которые больше никому не известны.

— Минуточку! — воскликнул я. — В день нашей первой встречи вы откликались на выдуманные имена, будто носили их всю жизнь.

— У нас с мамой талант к импровизации, — сказала Сибил—Эгрет. — Они, например, не знали, что являются огнепоклонниками до тех пор, пока я не упомянула об этом в разговоре. А я не подозревала, что я ведьма, пока мама не намекнула. Израфель тоже ловко подстроился, но у него было больше времени, чтобы продумать свою роль.

— Значит, нам морочили голову, как дальним родственникам из провинции?!

— Алек, — сказала Кейти серьезно, — Люцифер всегда знает, что и для чего делает. Только очень редко дает объяснения. Его намерения жестоки только в отношении плохих людей... а ты к их числу не принадлежишь.

Мы втроем принимали солнечные ванны. Неожиданно появился Джерри.

— Одевайся. Выезжаем немедленно, — резко бросил он мне, даже не поздоровавшись с Кейти.

Кейти метнулась в дом и принесла мою одежду. Меня привели в подобающий вид быстрее, чем пожарника по тревоге. Кейти сунула мне бритву в карман, застегнула его.

— Я готов, — сказал я.

— Где рукопись?

Кейти снова стремительно побежала в дом.

— Вот.

За эти несколько минут Джерри вымахал в высоту футов до двенадцати и вообще очень изменился. Нет, он по-прежнему оставался Джерри, но теперь я понял, почему Люцифера называли прекраснейшим из ангелов.

— Пока! — сказал он. — Раав, я позвоню, если удастся. Он хотел взять меня на руки.

— Погоди! Мы с Эгрет должны поцеловать его на прощание.

— Ладно, только побыстрее.

Так они и сделали, чмокнув меня одновременно. Джерри сгреб меня в охапку, как ребенка, и мы круто взлетели вверх. Я мельком увидел «Сан-Суси», дворец, площадь,

а затем дым и пламя бездны скрыли все. Мы покинули этот мир.

Как мы путешествовали, долго ли и где именно — не знаю. Путешествие чем-то напоминало бесконечное падение в ад, но в объятиях Джерри было гораздо приятнее. Совсем как в детстве, когда мне было два или три года, и после ужина отец брал меня на руки и баюкал.

По-моему, я и в самом деле уснул. И проснулся много позже, ощутив, что Джерри идет на посадку. Наконец он поставил меня на ноги.

Здесь существовала какая-то гравитация: я чувствовал свой вес, а слово «низ» снова обрело смысл. Однако мы вряд ли находились на какой-нибудь планете. Мы стояли на каком-то помосте или на крыльце у невероятно огромного здания. Его нельзя было разглядеть, так как мы стояли слишком близко. Вокруг ничего не было видно — какие-то аморфные сумерки.

— Ты как? — спросил Джерри.

— Все в порядке.

— Хорошо. Слушай внимательно. Я собираюсь познать... точнее, представить тебя некоему существу, которое для меня и моего брата, а твоего Бога Яхве то же самое, что Яхве для тебя. Ты меня понял?

— Э-э-э... да. Наверное.

— А относится к Б, как Б относится к В. Для этого существа твой Господь Бог Иегова все равно что дитя, которое строит на берегу замки из песка и разрушает их из каприза. Я для него тоже ребенок. Я отношусь к нему точно так же, как ты к своей Троице — Отцу, Сыну и Святому Духу. Однако я не почитаю это существо как Бога — Он в этом не нуждается, этого не ждет и не уважает подобного лизоблюдства. Похоже, Яхве — единственный бог, который завел этот дурацкий порядок. Вряд ли где-нибудь еще во Вселенной существует культ поклонения богу. Правда, я еще молод и мало путешествовал. — Джерри озабоченно посмотрел на меня. — Алек, пожалуй, тебе будет понятнее другое сравнение. Ты когда-нибудь водил домашних животных к ветеринару?

— Да. Не очень приятное занятие, потому что животные всегда пугались.

— Мне тоже это не по вкусу. В общем, ты понимаешь, каково это — вести большое животное к ветеринару. А потом врач решает, можно ли вылечить твоего любимца, или же лучше милосердно и быстро избавить беднягу от мук. Верно?

— Да. Джерри, то есть ситуация сейчас рискованная? Неопределенная?

— Я бы сказал, беспрецедентная. На этом уровне еще не доводилось быть ни одному представителю рода человеческого. Не знаю, как Он поступит.

— Что ж, ты меня и раньше предупреждал о риске.

— Да, тебе грозит опасность. И мне тоже, хотя, по-моему, для тебя она гораздо серьезнее, чем для меня. Но, Алек, поверь мне, если Он решит тебя уничтожить, ты об этом даже не узнаешь. Садизм Ему неведом.

— А это божество мужского рода?

— Да... так к Нему и обращайся. Скорее всего, Он примет человеческое обличье, и в этом случае называй его «Председатель» или «мистер Кошей». Веди себя так, словно ты в присутствии уважаемого человека почтенного возраста. Не вздумай кланяться или взывать к Нему как к богу. Будь самим собой и говори правду. Если придется умереть, то умри с достоинством.

Страж у дверей не был человеком, — правда, когда я взглянул на него второй раз, он уже успел принять человеческий облик. И это характеризует неопределенность всего, что я видел в этом месте, которое Джерри называл «местным отделением».

— Разденьтесь донага, — велел мне страж. — Вещи оставьте тут, потом заберете. А это что за металлический предмет?

Я объяснил, что это безопасная бритва.

— И для чего она?

— Это... такой нож, чтоб срезать волосы с лица.

— Вы отращиваете на лице волосы?

Я попробовал разъяснить ему смысл бритья.

— Если вам не нужны волосы на лице, то зачем их вырывать? В этом есть практическая необходимость?

— Джерри, я не могу это объяснить.

— Сейчас я все улажу.

Он обратился к стражу — я не услышал ни единого слова — и наконец сказал мне:

— Оставь бритву вместе с одеждой. Он думает, что мы с тобой сумасшедшие. Впрочем, все это не имеет значения.

Возможно, мистер Кошей и есть неведомое высшее существо, но, по-моему, он как две капли воды походил на доктора Симмонса, того самого канзасского ветеринара, который лечил моих кошек, собак и даже черепаху — всех четвероногих друзей моего детства. Кабинет Председателя выглядел точно так же, как кабинет доктора Симмонса, вплоть до старинного бюро, которое доктор унаследовал от своего деда. Были даже хорошо запомнившиеся мне антикварные часы с восьмидневным заводом, стоявшие на небольшой полочке над бюро.

Я сообразил (все-таки будучи в трезвом уме и здравой памяти), что это не доктор Симмонс, а умышленное сходство выбрано не для того, чтобы ввести меня в заблуждение. Председатель — «он», «оно» или «она» — гипнотически воздействовал на мое сознание, желая создать для меня непринужденную обстановку. Доктор Симмонс обычно гладили животных и успокаивал их ласковыми речами, прежде чем приступить к пугающим и часто болезненным, но необходимым процедурам.

Как правило, такой подход срабатывал. Вот и сейчас он тоже сработал. Я знал, что мистер Кошей вовсе не ветеринар моего детства... но созданная им иллюзия вызвала во мне доверие.

Когда мы вошли, мистер Кошей кивнул Джерри и мельком взглянул на меня.

— Садитесь.

Мы сели. Мистер Кошей повернулся к бюро, на котором лежала моя рукопись. Мистер Кошей поднял ее, выровнял по обрезу и положил обратно.

— Ну как дела в твоих краях, Люцифер? Есть проблемы?

— Нет, сэр. Ну, обычные жалобы на работу кондиционеров... Ничего такого, с чем бы я не справился.

— Ты хочешь править на Земле в это тысячелетие?

— Так ведь мой брат уже объявил ее своей.

— Яхве предъявил, да... Он уже провозгласил остановку времени... и срыл все до основания. Но я не обязан дать ему разрешение на перестройку. Хочешь получить Землю? Отвечай?

— Сэр, я предпочел бы работать с совершенно новым материалом.

— Ваша братия всегда предпочитает все делать заново. Разумеется, никто при этом не думает о затратах. А может, на несколько циклов отправить тебя к Глауну? Что скажешь?

Джерри с ответом не торопился.

— Я оставляю этот вопрос на усмотрение Председателя.

— И правильно делаешь, так и надо. Ладно, обсудим это позже. Скажи, а почему ты заинтересовался этим созданием брата твоего?

Должно быть, я задремал, потому что увидел щенков и котят, игравших во дворе, чего уж никак не могло быть. Я слышал, как Джерри говорит:

— Мистер Председатель, в человеческих созданиях смешно почти все, за исключением способности стойко переносить страдания и благородно умирать за любовь и веру. Истинность веры и адекватность любви значения не имеет, важны лишь стойкость и благородство. Это уникальные качества человека, возникшие независимо от его создателя, который сам ничем подобным не обладает, — я в этом уверен, потому что хорошо знаю своего брата, да и у меня самого таких качеств тоже нет. А к вопросу о том,

почему именно эта тварь и при чем тут я... Видите ли, я подобрал этого бездомного скитальца у дороги, а он, забыв о своих собственных муках — слишком тяжких для него! — отдал все оставшиеся силы героической (и бессмысленной) попытке спасти мою «душу», согласно тем канонам, в которых его взрастили. То, что его попытка была изначально бесполезна и обречена на провал, ничего не значит: он старался изо всех сил ради меня, веря, что я нахожусь в смертельной опасности. Теперь, когда ему плохо, я просто обязан отплатить ему тем же.

Мистер Кошей сдвинул очки на кончик носа и поверх оправы взглянул на Люцифера:

— А по какой причине я должен вмешиваться в действия местных властей?

— Сэр, разве в нашей гильдии не существует правила, которое требует от мастеров благожелательного обращения с существами, наделенными свободной волей?

— Нет.

— Сэр, должно быть, я неправильно понял то, чему меня учили, — растерянно произнес Джерри.

— Вот именно. Исходя из эстетического принципа — принципа, а не закона, — обращение с существами, наделенными свободной волей, должно основываться на системном подходе. Исключительно благожелательное обращение ограничит степень свободы волеизъявления, ради которой ваши создания и были наделены волей. Без возможности возникновения трагических коллизий эти существа будут всего лишь големами.

— Сэр, это мне понятно. Но поясните, пожалуйста, эстетический принцип системного подхода к обращению с существами, наделенными свободной волей.

— В нем нет ничего сложного, Люцифер. Для того чтобы сотворенное существо исполнило свой собственный акт творения, правила, которыми ему надлежит руководствоваться, должны быть либо известны заранее, либо определяемы методом проб и ошибок, с условием, что ошибки не будут иметь фатальных последствий. Короче, творение

должно иметь возможность учиться на собственных ошибках и обогащаться опытом.

— Сэр, именно в этом и заключается суть моей жалобы на брата. Взгляните на рукопись, которая лежит перед вами. Яхве подстроил западню, заманил это создание в игру, заранее рассчитанную на поражение, а затем объявил ее оконченной и отобрал у него выигранный приз. И хотя это крайний случай испытания на прочность, однако он типичен для обращения Яхве со своими творениями. Творения Яхве просто не в состоянии победить в его жульнических играх. Вот уже шесть тысяч лет проигравших отправляют ко мне... и многие из них прибывают в ад, оцепенев от ужаса передо мной, перед вечными муками и страданиями. И не могут поверить, что их обманули. Моим психотерапевтам крайне трудно переориентировать этих несчастных. А это уже совсем не смешно.

Мистер Кощей рассеянно откинулся на спинку старого деревянного кресла — оно громко скрипнуло, точно так же, как мне помнилось, — и снова посмотрел на мою рукопись. Он почесал лысину, окаймленную венчиком седых волос, и издал раздраженный звук — какое-то присвистывающее хмыканье. Оно тоже было заимствовано из моей памяти о докторе Симмонсе, но звучало вполне естественно.

— А это творение женского пола — та, что служила приманкой, — она тоже обладает свободной волей?

— Да, я склоняюсь к такому мнению, мистер Председатель.

(Боже мой, Джерри! Ты что, не знаешь точно?!)

— В таком случае это творение вряд ли удовлетворится имитацией. — Он снова с присвистом хмыкнул. — Что ж, придется копнуть глубже.

Кабинет мистера Кощей был невелик, а теперь присутствующих стало больше. Откуда-то возник еще один ангел, очень похожий на Джерри, но старше; укоризненное выражение его лица не располагало к общению. Был здесь

и какой-то пожилой тип в длинном плаще и широкополой шляпе; глаз прикрыт повязкой, а на плече — ворон. Явился и этот наглец, Сэм Крумпакер, жуликоватый адвокат из Далласа!

За спиной Сэма маячили еще три типа — крепкие, смутно знакомые мне парни. Где я с ними встречался?

И тут я вспомнил, что именно у них выиграл по сотне (или по тысяче?) долларов в совершенно идиотском споре.

Я снова взглянул на Крумпакера и разозлился еще больше.

Этот мерзавец напялил на себя мое лицо!

Я повернулся к Джерри и громко прошептал:

— Видишь вон того типа? Ну, который...

— Заткнись!

— Но...

— Молчи и слушай!

Говорил брат Джерри:

— А что, были жалобы?! Или вам надо снова Христа изобразить? Между прочим, некоторые успешно проходят испытание, а значит, в нем нет ничего особенного. Вот из последнего замеса выжили семь целых и одна десятая процента, не считая големов! И что вам не нравится? Кто бы говорил!

Старикан в черной шляпе сказал:

— Все, что меньше пятидесяти процентов, я считаю провалом.

— И кто поднимает гвалт? Тот, кто проигрывает мне в каждом тысячелетии? Со своими творениями обращайся как знаешь, а в мои дела не лезь!

— Вот потому-то я и здесь, — буркнул старикан. — Ты дерзко надругался над одним из моих созданий.

— И вовсе не я! — Яхве ткнул большим пальцем в сторону человека, разом похожего и на меня, и на Сэма Крумпакера. — Это вот он! Мой шабесгой! Ну да, перестарался немного. А чей он парень? Ну? Признавайтесь!

Мистер Кошей постучал по моей рукописи и сказал человеку с моим лицом:

— Локи, сколько раз ты появлялся в этой истории?

— Смотри как считать, сэр. Восемь или девять, если считать массовку. Или все время, если вы учтете, что я целых четыре недели доводил до кондиции эту смазливую училку, чтобы она вовремя затащила в койку это жалкое ничтожество.

Джерри крепко сжал мне руку:

— Молчи!

— А Яхве мне так и не заплатил! — продолжил Локи.

— С чего бы я стал тебе платить? Кто из нас выиграл?

— Ты смухлевал! Твой чемпион, твой ханжа-фанатик созрел и готов был расколоться, как орех, но ты преждевременно устроил Судный день. Вон он сидит! Спроси его! Спроси, готов ли он, как и раньше, клясться твоим именем? Или хочет крыть тебя последними словами? Ну, спрашивай! А потом гони монету! У меня за снаряжение еще не плачено.

Мистер Кошей спокойно произнес:

— Эта дискуссия к делу не относится. Здесь вам не агентство по сбору платежей. Яхве, основное обвинение в твой адрес заключается в том, что ты устанавливаешь непоследовательные правила игры для своих творений.

— А мне что, целоваться с ними, что ли? Если яйца не разбить, яичницы не сварганишь.

— Речь идет о совершенно конкретном случае. Ты проводил проверку на прочность. И дело не в том, было ли это необходимо с эстетической точки зрения. В конце испытания ты забрал на Небеса одного и бросил другого, чем наказал обоих. Почему?

— Правило одно для всех. Она не выдержала испытания.

— А разве не ты тот самый Бог, который повелел не заграждать рта волю, когда он молотит?

И тут я обнаружил, что стою на бюро мистера Кошей и гляжу в Его неимоверно огромное лицо. Наверное, Джерри меня туда поставил.

— Это твое? — спросил мистер Кошей.

Я взглянул в указанном направлении и едва не упал в обморок. Марга!

Маргрета, холодная и мертвая, заключенная в глыбу прозрачного льда, будто в гроб. Глыба занимала бо́льшую часть столешницы и уже начала подтаивать.

Я хотел броситься к ней, но не смог даже пальцем пошевелить.

— Думаю, свой ответ я получил, — продолжал мистер Кошей. — Один, какова участь этого создания?

— Она погибла в сражении. В Рагнарёк. Заслужила цикл пребывания в Валгалле.

— Да неужели?! — фыркнул Локи. — Между прочим, Рагнарёк еще не окончен! И на этот раз выиграю я! Эта *pige*¹ моя! Все датские девки слабы на передок, но эта — чистый динамит! — Он самодовольно ухмыльнулся и подмигнул мне. — Верно я говорю, а?

— Локи, ты меня утомил, — негромко произнес Председатель.

Локи исчез. Вместе со стулом.

— Один, ты можешь освободить ее на часть цикла?

— А на какой срок? Она заработала право на Валгаллу!

— На неопределенное время. Это создание объявило о готовности мыть грязные тарелки «вечно» для того, чтобы заботиться о ней. Конечно, сомнительно, понимает ли оно, как долго длится «вечно»... и все же его история подтверждает серьезность его намерений.

— Мистер Председатель, мои воины — как мужчины, так и женщины, — погибшие в честном бою, равны мне. Они не рабы, и я горд, что я — всего лишь первый среди равных. У меня нет возражений... если она согласна.

Мое сердце восторженно забилося. И тут у меня в ушах раздался шепот Джерри, стоявшего у противоположной стены:

— Не лелей больших надежд. Ведь для нее прошло уже более тысячи лет. Женщины легко забывают...

¹ Девушка, девица (*дат.*).

А Председатель продолжал:

— Надеюсь, структура полотна не уничтожена?

— Кто ж уничтожает документацию... — пробормотал Яхве.

— В случае необходимости — восстановить.

— А кто оплатит расходы?

— Ты. Расценивай это как штраф, который должен научить тебя уделять больше внимания принципу последовательности.

— Ой вей, или я не выполнил все пророчества? А теперь Он утверждает, что я не имею последовательности! И где та справедливость?

— Справедливость тут ни при чем. Речь идет об искусстве. Александр! Посмотри на меня!

И я взглянул в Его великое лицо. Его глаза завораживали меня. Они росли и росли. Я обмяк и рухнул в их бездонную глубину.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Книга Екклесиаста, 1: 11

На этой неделе мы с Маргретой с помощью нашей дочки Герды устроили дома и в ресторанчике настоящую скандинавскую уборку, потому что к нам в гости приезжают Фарнсуорты — наши техасские друзья, самые лучшие друзья на свете. Для меня и Марги приезд Джерри и Кейти — рождественские праздники и Четвертое июля, вместе взятые. И для наших детей — тоже. Сибил Фарнсуорт — ровесница нашей Инги, они с ней закадычные подруги.

На сей раз случай особый — они привезут с собой Патрицию Меримаунт. Пэт — почти такой же старый друг, как Фарнсуорты, и милейшее существо во всей Вселенной — типичная старая дева и школьная учительница, но ничуть не чопорная.

Фарнсуорты сыграли огромную роль в нашей судьбе. Мы с Маргой проводили в Мексике медовый месяц, когда грянуло землетрясение, разрушившее Масатлан. Мы не пострадали, но выбраться оттуда оказалось очень трудно, ведь у нас пропало все — паспорта, деньги, дорожные чеки. На полпути домой мы познакомились с Фарнсуортами, и эта встреча изменила все — трудности исчезли как по волшебству. Да, я вернулся в Канзас гол как сокол, если не считать бритвы (она представляла для меня чисто сентиментальную ценность: Марга подарила ее мне во время медового месяца, и я пользуюсь ей и по сей день).

Добравшись до моего родного штата, мы отыскиали здесь такое чисто домашнее заведение, о котором мечтали, — закусочную в маленьком университетском городке под названием Эдем, к юго-востоку от Уичиты. Закусочная при-

надлежала тогда мистеру и миссис А. С. Модей, которые как раз собирались уйти на покой. Мы нанялись к ним на работу, но уже через месяц взяли заведение в аренду. Затем я обратился в банк и выпросил внушительный кредит, который сделал нас номинальными собственниками закусочной «Горячий пломбир Марги» — с сатуратором для газировки, гамбургерами и божественными датскими бутербродами Маргреты.

Маргрета хотела назвать закусочную «Горячий пломбир Марги и Алека», но я воспротивился, мол, звучности не хватает. Кроме того, именно Марга встречает посетителей и служит нам лучшей рекламой. А я занят там, где меня никто не видит, — мойщик посуды, сторож, носильщик, мастер на все руки. Астрид работает официанткой. Ну и я помогаю, по мере возможности; все мы умеем приготовить любое блюдо из нашего меню, даже бутерброды. Правда, когда дело доходит до бутербродов, мы всегда сверяемся с цветными фотографиями и списком ингредиентов; из уважения к нашим посетителям творческий подход к бутербродам позволен только Марге.

Наше фирменное блюдо — горячий пломбир — всегда в наличии. Мы продаем его по десять центов за порцию, хотя это приносит всего лишь полтора цента валового дохода. Каждому посетителю в день рождения полагается бесплатная порция, а мы все громко поем «С днем рождения» — хором и под барабанный бой. В придачу именинник получает поцелуй. Молодежь из колледжа ценит не столько бесплатное мороженое, сколько право поцеловать Маргрету. Это вполне понятно. Но когда дело касается студенток, папаша Грэхем тоже недурно справляется со своими обязанностями. Впрочем, «новорожденных» девиц я насильно не целую.

Закусочная пользуется успехом со дня своего открытия. У нее отличное расположение — на углу Элм-стрит и Олд-Мейн. Благодаря низким ценам, волшебному кулинарному искусству Маргреты, а также ее красоте и доброжелательности мы обзавелись обширной клиентурой. Вдобавок мы

продаем не калории, а счастье. Каждому посетителю достается щедрая порция — у Маргреты счастья много.

Моя бережливость гарантирует, что наша команда никогда не прогорит. За доходами я слежу строго; если стоимость ингредиентов вдруг начнет поглощать скромную прибыль от горячего пломбира, цена на него слегка поднимается. Мистер Велиал — президент нашего банка — уверяет, что страна вступила в долгий и устойчивый период экономического подъема. Надеюсь, что он прав, но все равно считаю каждый цент.

Городок испытывает бум на недвижимость — в этом заслуга Фарнсуортов и климатических изменений. Раньше всякий богатый техасец стремился обзавестись летней резиденцией где-нибудь в Колорадо-Спрингс, но теперь, когда плиты наших тротуаров больше не раскаляются так, что на них можно жарить яичницу, техасцы понемногу оценили очарование Канзаса. Говорят, что погодные условия изменились из-за Джетстрима (или из-за Гольфстрима? Я никогда не был силен в науке). Как бы то ни было, летние месяцы у нас приятны, а зимы — мягки. Многие друзья и знакомые Джерри покупают в Эдеме участки и строят здесь летние дома. Мистер Ашмедай, который руководит частью компаний Джерри, живет здесь круглый год, а доктор Адрамелех — ректор эдемского колледжа — настоял на его избрании в совет попечителей и дал ему почетную докторскую степень. Как бывший специалист по сбору пожертвований, я прекрасно понимаю почему.

Мы очень рады им всем, и не только из-за денег. Однако не хотелось бы, чтобы Эдем стал таким же многолюдным, как Даллас.

Впрочем, это маловероятно. Эдем — райское местечко. Наша единственная индустрия — колледж. Единственная церковь обслуживает все городские секты — церковь Божественного Оргазма; субботняя школа открывается в девять тридцать утра, службы начинаются с одиннадцати, пикники и оргии сразу же после служб. Мы не верим в пользу вколачивания религии в детские головы, но, по правде говоря, наша молодежь любит местную церковь, и в этом

огромная заслуга нашего пастора — преподобного доктора М. О. Лоха. Малькольм вроде бы пресвитерианин; в голосе его до сих пор слышится шотландский акцент. Однако в нем нет ничего от угрюмого жителя гор, и детишки его просто обожают. Он всегдашний организатор пирушек и возглавляет всякого рода ритуальные действия. Наша дочь Элиза благодаря ему стала послушницей-экдисиадкой и мечтает заняться этим профессионально. (Ерунда! Она выскочит замуж, как только кончит школу. Я мог бы назвать имя этого молодого человека, хотя и не понимаю, что она в нем нашла.)

Маргрета состоит в Престольной гильдии. Я собираю пожертвования на субботней службе и служу в финансовой комиссии. Я по-прежнему состою в Братстве Апокалипсиса, но должен признаться, что мы истолковали его не совсем правильно: конец тысячелетия пришел и ушел, а Трубный глас так и не прозвучал.

Человек, который счастлив в доме своем, не терзается ночами напролет думами о загробном существовании.

Что есть успех? Мои давние сокурсники по Ролла-Теху наверняка сочтут, что я удовольствовался малым, став владельцем (на паях с банком) крошечного ресторанчика в захолустном городке. Но у меня есть все, что нужно человеку. Если бы не было Марги, я бы не захотел стать даже святым на Небесах. А если бы она попала в преисподнюю, я не побоялся бы туда спуститься. Впрочем, в ад я не верю, а нимб святого мне и вовсе не светит.

Сэмюэл Клеменс выразил это так: «Там, где была она, был рай». Омар Хайям сформулировал эту мысль чуть иначе: «Я не стану и думать о рае ином». Браунинг назвал это «*Summum Bonum*»¹. Все они утверждали одну и ту же величайшую истину, которая для меня звучит так: где Маргрета, там и рай.

¹ Величайшее благо (лат.).

Воздаяние справедливости

Первый рассказ Роберта Хайнлайна, «Линия жизни», как известно, был напечатан в 1939 году в журнале «Astounding». Посылая рукопись Джону Кэмпбеллу-мл., Боб в сопроводительном письме застенчиво признавался редактору, что не знает, куда отнести это произведение: к научной фантастике или фэнтези (Кэмпбелл в то время редактировал два журнала: «Astounding Science Fiction» — по научной фантастике, и «Unknown» — по фэнтези). После первой публикации Хайнлайн еще несколько лет с равным энтузиазмом отдавал себя обоим жанрам, пока окончательно не утвердился на рынке как ведущий научный фантаст своего времени. Но это отнюдь не означало, что тот, изначальный Хайнлайн, легко игравший за обе команды, куда-то исчез, испарился, канул в небытие. Он всегда был тут, рядом, готовый выпрыгнуть как черт из коробочки. Так появились «Они», «Неприятная профессия Джонатана Хога», «Magic, Inc.», «Человек, который путешествовал со слонами», «Дорога доблести» и, наконец, «Иов». А если ему это было необходимо, Хайнлайн спокойно внедрял в научно-фантастические тексты откровенно мистические элементы — Древних марсиан, живущих вне времени, души людей, путешествующих по чужим телам (или вообще без оных), или материальные воплощения литературных персонажей. А в последних вещах он и вовсе приравнял реальный мир к литературным объектам.

Но вернемся в август 1939 года, когда был опубликован вполне научно-фантастический рассказ «Линия жизни». Рассказ этот заметили, и Хайнлайну начали приходить первые письма от читателей. Одно из них было от девятнадца-

тилетнего студента-химика, которого звали Айзек Азимов. Помимо всего прочего (Айзек был весьма словоохотлив, и мысли его свободно витали, переходя с предмета на предмет), Азимов писал об искусстве пиара, о том, что Иегова заполучил в свою поддержку хорошую прессу, так что Сатане не помешало бы нанять хорошего пресс-агента... Надо сказать, многие писатели — как сороки, они собирают в свои гнезда всякие блестящие штучки, просто так, на всякий случай, авось потом пригодится. Вот и Хайнлайн запомнил идею и спустя 45 лет написал Айзеку Азимову письмо, в котором назвал его крестным отцом романа «Иов: Комедия справедливости».

Разумеется, в основу романа легла не только идея юного Айзека. Прежде чем начать работу над «Иовом», все лето 1982 года Хайнлайн читал Библию. Я думаю, что выбор тематики был трезво просчитанным ходом: Хайнлайн вполне мог предполагать, что в 1984 году все бросятся отмечать оруэлловскую дату политическими, футурологическими или антиутопическими песнопениями, и тогда на фоне общего хора его одинокое соло будет выгодно выделяться. Библия не была для Хайнлайна чем-то посторонним или случайным — он родился и рос в религиозной семье, и, хотя его отношения с Богом, по-видимому, закончились еще в юном возрасте, у него было достаточно примеров, с которых можно было написать Алекса Хергеншаймера.

Другим источником вдохновения было творчество Джеймса Брэнча Кейбелла — надо сказать, это еще один привет из прошлого, из начала тридцатых годов. Еще в Академии ВМФ Хайнлайн прочел книгу Кейбелла «Юрген: Комедия справедливости» — и она во многом повлияла на его вкусы и мировоззрение. В тридцатые годы эта книга служила семейству Хайнлайн в качестве пробного камня для новых знакомых — отношение к ней позволяло быстро отделить «своих» от «чужих». Немного позже за «Юргеном» последовали остальные части «Биографии жизни Мануэля». В результате идеи Кейбелла (и «кейбеллизмы») пронизывают все раннее творчество Хайнлайна, но в позднем «Иове» это влияние заметнее всего: во-первых, Боб взял у «Юргена» подзаголовок «Комедия справедливости»; во-вторых, оттуда же позаимствован Ко-

шей, выведенный у Кейбелла демиургом; а в-третьих, сама идея бессмысленных блужданий героя между раем и адом в поисках справедливости, в результате которых он учится принимать вещи такими, какие они есть.

И третьим значимым ингредиентом «Иова» можно считать «Путешествие капитана Стормфилда в рай» Марка Твена. Не столько антураж (концепция загробной жизни как делового предприятия уже использовалась Хайнлайном в «Magic, Inc.»), сколько сам стормфилдовский дух витает над «райскими» сценами романа.

Критика, уцепившись за «библейские» составляющие книги, предсказуемо навесила на «Иова» ярлык антиклерикальной атеистической сатиры, но Хайнлайн отнюдь не собирался примерять одежды Лео Таксиля. Его интересовали более сложные вопросы, такие как, например, соотношение этического и эстетического — тема, которую он впервые открыл в «Неприятной профессии Джонатана Хога». В романе есть отсылки и к другим ранним произведениям писателя, в частности к депрессивному рассказу «Они», балансирующему на грани солипсизма, или научно-фантастическим рассказам «Истории Будущего». Хайнлайн перебирает накопленные за полвека темы и образы (свои, чужие — все равно) и составляет из них пазл, мозаику, джазовую импровизацию — некую новую сущность. И вместе с тем, закладывая в текст свои старые «пасхалки», он как бы намекает: «На самом деле я думал и писал об этом еще тогда, просто вы этого не понимали».

Думаю, что литературная игра, которую затеял писатель в «Иове», — это максимальное приближение Хайнлайна к постмодернизму, какое он только мог себе позволить в те годы. Эта тенденция в его творчестве медленно развивалась на протяжении последних лет, но, к сожалению, мы так и не узнаем, во что она могла вылиться в конечном итоге.

Книгу Хайнлайн начал в августе 1982 года, а дописывал в июле 1983-го (он сделал большой перерыв на поездку в Антарктиду, но еще больше времени забрали болезни и общественные хлопоты). Затем роман подвергся очень обстоятельному редактированию — Хайнлайн трижды переделывал рукопись, но, поскольку к этому времени пишущую машинку

давно уже сменил компьютер, мы никогда не узнаем, что осталось в тех черновых вариантах.

По выходе в свет «Иов» немедленно занял пятнадцатое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», затем передвинулся на девятое, он показал успешные продажи и номинировался на «Хьюго» и «Небьюлу», но награду получил от «Локуса» — как лучший роман-фэнтези. Я вижу в этой номинации определенное торжество справедливости: писатель, не признававший барьеров между научной и сказочной фантастикой, был наконец-то оценен по обе стороны границы.

С. В. Голд

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 7. ...*наш друг-канак*... — Канаки — самоназвание коренных жителей Гавайев, распространенное европейцами на народности, населяющие островные группы Тихого океана, в частности Меланезию.

С. 8. ...*уплатили за луау*... — На Гавайях и других островах Тихого океана так называются праздники и пиры на свежем воздухе, сопровождаемые танцами.

...*на круизном корабле «Конунг Кнут»*. (...) *Я же прилетел на «Графе фон Цеппелине», а... улечу домой на «Адмирале Моффете»*... — Круизный корабль и воздухоплавательные аппараты носят имена исторических личностей:

конунг Кнут, он же Кнуд Великий (994/5—1035) — король Дании, Англии и Норвегии из династии Кнутлингов;

граф Фердинанд Адольф Хайнрих Август фон Цеппелин (1838—1917) — немецкий изобретатель и военный деятель, создатель первых дирижаблей (пассажирский дирижабль «Граф Цеппелин», построенный в Германии в 1928 г., за 20 суток совершил первый в истории воздухоплавания кругосветный перелет);

адмирал Уильям Эджер Моффет (1869—1933) — американский военный деятель, один из основателей авиации военно-морского флота США.

С. 10. ...*Пусть уснет моя грешная плоть*. — В англоязычных странах распространенная детская молитва на сон грядущий, в разных вариантах известна с XVIII в., впервые опубликована в «Новоанглийском букваре» (1750).

Лава-лава — традиционный наряд полинезийцев, прямоугольный отрез ткани, наподобие юбки обернутый вокруг бедер.

С. 11. ...*в Канзасе, в дни моего далекого детства*... — Неоднократные упоминания родного штата и безуспешные попытки

главного героя туда вернуться — аллюзия на знаменитую фразу Дороти из фильма «Волшебник страны Оз» (1939), экранизацией книги Фрэнка Баума «Удивительный волшебник страны Оз»: «Мы больше не в Канзасе» («We are not in Kansas anymore»).

С. 16. «*Нейшнл географик*» («National Geographic») — официальное ежемесячное издание Национального географического общества США; первый номер журнала вышел в октябре 1888 г.

С. 22. ...*в обложках «Спутника юношества» и «Юного крестоносца»*... — Реально существовавший детский журнал «Спутник юношества» («The Youth's Companion»), выпускался с 1827 по 1929 г., был задуман бостонским издателем Натаниелем Уиллисом для наставления юных читателей и воспитания в них высоких моральных качеств; «Юный крестоносец» («The Young Crusader») — вымышленная публикация.

...*наш пастор — брат Дрейпер*... — Проповедник по фамилии Дрейпер фигурирует и в двух других романах Хайнлайна: «Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга» (1973) и «Уплыть за закат: Жизнь и любви Морин Джонсон» (1987).

С. 25. ...*о восьмой заповеди?* — Имеется в виду «Не укради», восьмое из десяти основных предписаний, согласно Библии, данных Моисею самим Богом (Исх. 20: 2—17 и Втор. 5: 6—21).

С. 27. *Бичкомбер* — бродяга на побережье, живущий случайным заработком (от *англ.* beachcomber — «прочесыватель пляжей»).

С. 33. *Аквавит* — скандинавская картофельная водка, настоящая на различных пряностях, в том числе на лакрице.

С. 35. ...*«если живешь в Риме»*... — Известная поговорка «Если живешь в Риме, поступай как римлянин».

...*входят в ассортимент smorgasbord*... — Вид сервировки холодных закусок, так называемый шведский стол.

С. 36. ...*дай ему молот, и он вполне сойдет за Тора*... — В скандинавской мифологии бог грома и бури; одним из атрибутов Тора является боевой молот.

С. 36—37. ...*вознесут благодарность Седраху, Мисаху и Авденаго*... — Три иудейских отрока (Анания, Мисаил и Азария), попавшие в плен к вавилонскому царю Навуходоносор, переименованные и приближенные ко двору, а затем брошенные в огненную печь за отказ поклоняться золотому истукану и чудесным образом оставшиеся невредимыми (Дан. 3: 13—18).

С. 40. *Чужак в стране чужой*... — парафраз библейского выражения «пришелец в чужой земле» (Исх. 2: 22); авторская отсылка к своему одноименному роману 1961 г.

С. 41. ...кусочек «торта принцессы»... — Имеется в виду традиционный шведский десерт «*princessarta*», многослойное бисквитное пирожное с малиновым джемом, заварным кремом и взбитыми сливками, покрытое слоем зеленого марципана.

С. 44. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя <...> и пятна нет на тебе» — Песн. 4:1–7.

С. 49. «...люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные»... — Песн. 8: 6.

С. 52. ...где вьется жимолость и простирается блаженный луг... — Два идиоматических выражения, символизирующих загробную жизнь:

«где вьется жимолость» (англ. *where the woodbine twineth*), эвфемистическая фраза для обозначения кладбища, широко распространенная в XIX в., в 1870 г. стала названием двух популярных песен на стихи Септимуса Уиннера и Уильяма Делехэн-ти, а впоследствии также рассказа писателя-фантаста Мэнли Уэйда Веллмана (1903–1986), экранизированного в 1965 г. для телесериала-антологии «Час Альфреда Хичкока»;

«блаженный луг» (англ. *fiddler's green*, буквально «лужайка бездельника» или «лужок скрипача»), он же «матросский рай» — благословенный край изобилия, куда, по поверьям моряков, отправляются души умерших. Колонизированная планета под названием *Fiddler's Green* упоминается Хайнлайном в романах «Фрайди» (1982, перев. Ф. Сарнова, Г. Усовой — Фиддлерс-Грин) и «Кот, проходящий сквозь стены» (1985, перев. Н. Виленской — зеленая звезда Фидлера).

С. 53. ...в главном ресторанном зале отеля вроде «Браун-палас» или «Марк Хопкинс»... — Реально существующие гостиницы категории люкс; отель «Браун-палас» построен в 1892 г. в Денвере, штат Колорадо, отель «Марк Хопкинс» открыт в Сан-Франциско, штат Калифорния, в 1926 г.; оба считаются историческими и архитектурными памятниками, действуют по сей день.

С. 54. «Датский зомби» — имеется в виду известный своей крепостью коктейль «зомби», который Донн Бич изобрел в 1934 г. (три вида рома, грейпфрутовый сок, лаймовый сок, коричный сироп, гренадин, абсент, ангостура); в «датском» варианте мес-то рома занимает аквавит.

С. 59. ...сделать нам «сильвер-физ»... — *Silver fizz* (англ., букв.) «серебряная шипучка», вариация популярного коктейля джин-физ (джин, лимонный сок, сахарный сироп, газированная вода) с добавлением взбитого яичного белка.

С. 61. «*В ад спуститься нетрудно...*» — цитата из эпической поэмы римского поэта Публия Вергилия Марона «Энеида», книга VI. В каноническом русском переводе С. А. Ошерева она звучит ближе к латинскому оригиналу: «В Аверн спуститься нетрудно», предупреждает Энея Кумская сивилла.

С. 63. ...*Уильям Дженнингс Брайан... Мак-Кинли... какой-то Рузвельт.* — Имеются в виду Уильям Дженнингс Брайан (1860—1925), американский политик и государственный деятель, трижды (1896, 1900 и 1908) безуспешно баллотировавшийся на пост президента США от демократической партии; стал государственным секретарем США в администрации Вудро Вилсона (1913—1915); Уильям Мак-Кинли (1843—1901), 25-й президент США (1897—1901) и Теодор Рузвельт (1858—1919), 26-й президент США (1901—1909).

С. 64. ...*знание истории ограничивалось двумя датами — 1492 и 1776 годами...* — Даты открытия Америки Колумбом и провозглашения независимости американскими колониями.

Чтобы функционировать как существо общественное и экономическое... — Отсылка к знаменитому постулату, сформулированному в труде Аристотеля «Политика» (кн. 1) о том, что «человек есть существо политическое... существо общественное...» (перев. С. Жебелева).

...*в каких случаях втирать себе в пупок голубую глину.* — Авторская отсылка к роману «Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга» (1973): «Если туземцы раскрашивают свои пупки голубой глиной, то и я мажу себе пузо тем же» (перев. Ю. Соколова).

С. 65. «*Лиловое десятилетие*» — 1890-е гг., когда после изобретения синтетических анилиновых красителей (в частности, мовеина и фуксина) в моду вошли яркие оттенки фиолетового.

...*о смелой... попытке Соломона Андре покорить на воздушном шаре Северный полюс.* — Соломон Август Андре (1854—1897) — шведский инженер, естествоиспытатель, воздухоплаватель, исследователь Арктики; погиб близ Шпицбергена, пытаясь достичь Северного полюса на воздушном шаре.

С. 66. ...*гомилетика... апологетика...* — Имеются в виду учение о христианском проповедничестве и искусство вести церковную полемику в защиту ортодоксии от ереси.

С. 69. *Матт и Джефф* — герои первого американского комик-стрипа «Mutt and Jeff», созданного карикатуристом Ба-

дом Фишером (Гарри Конвей Фишер) в 1907 г. для публикации в ежедневной газете «Сан-Франциско кроникл»; высокий и тощий Матт и приземистый толстяк Джефф вечно попадают в нелепые ситуации и постоянно остаются в дураках.

С. 70. ...не продвинулся дальше *«La plume de ma tante»*. — «Писчее перо моей тетушки» — нелепая фраза из популярного в середине XIX в. учебника французского языка для начинающих, в переносном смысле часто употребляется для обозначения бессмыслицы, чего-либо не относящегося к делу.

С. 80. *Кукурузный пояс* — часть территории США, ядро которой составляют штаты Огайо, Иллинойс, Индиана, Айова, известная развитым сельским хозяйством — выращиванием кукурузы, свиноводством и т. д.

С. 85. ...я, скорее, отсеку себе руку... — Аллюзия на Мф. 5: 29–30: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» — и Мк. 9: 43–47: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную».

...«Иди и впредь не греши». — См. евангельскую притчу о Христе и блуднице, Ин. 8: 3–11.

С. 94. ...в соленой воде я плаваю не хуже мыла *«Айвори»*. — Название мылу (англ. «Ivory», т. е. «слоновая кость»), производящемуся с 1874 г., дал Харли Проктер, сын основателя мыловаренной компании, вдохновленный строкой библейского псалма 44: 9: «Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя»; с 1891 г. этот сорт рекламируют как продукт, славящийся чистотой ингредиентов, превосходными моющими свойствами и непотопляемостью — брусок мыла действительно держится на поверхности воды.

С. 95. ...набиты капоком... — Капок (также сумаума или хлопковое дерево) произрастает в Южной Америке и Западной Африке; его плоды-коробочки заполнены шелковистыми волокнами, предохраняющими семена; волокно используется для набивки мягкой мебели, спасательных жилетов, мягких игрушек и т. д.; обладает высокой плавучестью.

С. 96. «Если чашу красotka наполнит вином...» — строка из рубаи Омара Хайяма, процитированная в известном, но весьма

вольном пересказе английского поэта Эдварда Фитцджеральда. В русском переводе Г. Плисецкого это четверостишие выглядит так:

Если гурия кубок наполнит вином,
Лежа рядом со мной на ковре травяном, —
Пусть меня оплюют и смешают с дерьмом,
Если стану я думать о рае ином.

С. 97. *Горячий пломбир* — разновидность десерта (англ. hot fudge sundae) из мороженого, политого горячим шоколадным соусом и украшенного взбитыми сливками и коктейльной вишенкой. Несмотря на название, ни ирисок, ни помадки в нем не присутствует.

С. 99. *Большой Бельт* — пролив между островами Фюн и Зеландия в системе так называемых Датских проливов, соединяющих порты Балтийского моря с портами Мирового океана.

С. 101. ...*доказательство профессора Саймона Ньюкома, что попытки профессора Лэнгли и других построить аэродин, аппарат тяжелее воздуха... обречены на неудачу...* — Саймон Ньюком (1835–1909) — американский астроном, математик и экономист, популяризатор астрономии; в конце XIX — начале XX в. убедительно доказывал невозможность создания летательного аппарата тяжелее воздуха и ратовал за развитие воздухоплавания (дирижабли); Сэмюэл Пирпонт Лэнгли (1834–1906) — американский астроном, физик, пионер авиации, вел работы по созданию пилотируемого летательного аппарата тяжелее воздуха — вначале на паровом двигателе, впоследствии на двигателе внутреннего сгорания.

С. 105. *Я припомнил фантастический рассказ, переведенный с немецкого, о мире, населенном одними машинами, — довольно неприятная история.* — Вероятно, имеется в виду рассказ «Psychotherapie» («Психотерапия») немецкого писателя Герберта Франке, опубликованный по-английски в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в сентябре 1963 г. под названием «The Man Who Feared Robots» («Человек, который боялся роботов»). Отчасти перекликается по сюжету с рассказом самого Хайнлайна «Они» (1941); также см. примеч. к с. 409.

С. 121. *«Я плакал, что бос, пока не встретил безногого».* — Цитата из произведения персидского поэта Абу Мухаммад Муслих ад-Дин ибн Абд Аллах Саади Ширази (ок. 1210–1291) «Гулистан», гл. III, «О преимуществах довольства малым», история 19:

«Я никогда не жаловался на времени круговорот и не хмурил лица, видя, что превратная судьба мне несет. И лишь однажды, когда ноги мои были босы и не было у меня возможности купить туфли, я вошел со злобой в душе в соборную мечеть Куфы. И там я увидел человека, у которого не было ног... Я возблагодарил Господа за благодеяния Его и стал терпеливо переносить отсутствие у меня обуви.

Сытый смотрит на дичь равнодушно и вяло,
Дичь ему все равно что порей за обедом.
Но вареная репа — что дичь для бедняги,
Кому сытый обед и достаток неведом...»

(Перевод Р Алиева)

Высказывание прозвучало в закадровом комментарии к документальному фильму «Непобежденная» (*Unconquered*, 1954), основанном на биографии Хелен Келлер (1880–1968), слепоглухой американской писательницы, и ошибочно приписывается ей.

С. 123. *Его родители наверняка были «мокроспинниками»*. — От *англ.* wetback, презрительное прозвище мексиканцев, которые нелегально перебирались в США вплавь, через реку Рио-Гранде.

С. 130. *Такого чудесного медового месяца мы не провели бы даже на Ниагарском водопаде!* — С начала XIX в. вошли в моду поездки молодоженов на Ниагарский водопад, особенно после того, как в 1804 г. туда приехали в свадебное путешествие Жером Бонапарт и его супруга-американка; в XX в. Ниагарский водопад по-прежнему считался одним из самых популярных мест для проведения медового месяца.

С. 131. *«Лучше блюдо зелени, и при нем любовь...»* — Притч. 15: 17.

С. 137. *...исходил из общепринятой хронологии епископа Ашера. <...> ...Хейлс пришел к другим результатам...* — Джеймс Ашер (1581–1656) — ирландский архиепископ, богослов англиканского толка и церковный историк, один из основоположников библейской хронологии; по его датировке мир был сотворен 23 октября 4004 г. до н. э. Уильям Хейлс (1747–1831) — ирландский теолог и церковный историк, известный трудами по библейской хронологии.

С. 138. *Твой бог — Вотан?! / — Один.* — Вотан, он же Один — верховный бог в германо-скандинавской мифологии, один из 12 богов-асов. Вместе с братьями, Вили и Ве, создал Землю из

тела великана Имира и первых людей, дав им имена Аск (Ясень) и Эмбла (Ива). В древнегерманских языках посвященный ему день недели именовался «день Вотана» (ср. *англ.* Wednesday, *нидерл.* Woensdag, *дат.* Onsdag).

С. 139. *Эсхатология* — в богословии: система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, учение о конечных судьбах мира в рамках той или иной теологической доктрины.

С. 140—141. ... *псалом...* «*При реках Вавилона...*» — Псалом 136.

С. 141. «...*Младенцы их будут разбиты...*» — Книга Осии, 14: 1.

А еще там есть история о пророке Елисее и медведицах. — 4 Цар. 2: 23—24.

С. 142. ...*Локи был повержен. <...> Многие тысячи лет он находился в плену, прикованный к огромной скале. Алек, конец каждого цикла... начинается одинаково: Локи удастся освободиться — и наступает хаос. <...> Грядет конец света.* — В скандинавской мифологии Локи — один из младших богов; злой проказник, обманщик, трикстер. Далее автор весьма вольно обращается со скандинавскими мифами: к скале прикован Фенрир, Ужасный Волк, враг богов и младший из детей Локи; в день Рагнарёка он разорвет свои волшебные оковы и убьет Одина. «Сумерки богов» — ошибочный, но общепринятый перевод слова древнескандинавского «Ragnarøk».

С. 144. *Услышу ли я возвешение и глас Архангела...* — Парафраз 1 Сол. 4: 16—17.

С. 145. ...*в лоне Лютеранской Церкви... что была... первым плодом Вормсского рейхстага. (Когда я мальчишкой посещал воскресную школу, то слова «Вормсский рейхстаг» преображались у меня в уме в нечто, весьма далекое от теологии.)* — Имеется в виду имперский сейм Священной Римской империи, созданный императором Карлом V в 1521 г. в городе Вормс для выработки мер против учения Мартина Лютера (1483—1546), христианского богослова, инициатора Реформации и основоположника евангелического христианства, впоследствии получившего название «лютеранство». Английское название сейма, the Diet of Worms, т. е. «Вормсский рейхстаг», по написанию и звучанию совпадает с фразой «пища червей» или «диета из червей».

С. 146. *Милленаризм* — сакрализация тысячелетнего цикла, учение в христианстве (так называемый хилиазм), в основе которого лежит буквальное толкование пророчества, Откр. 20: 1—4, о Тысячелетнем Царстве Божием на земле; в широком смысле —

вера в то, что кардинальные преобразования в обществе связаны с тысячелетними циклами.

С. 147. *...находят доказательства... в размерах Великой пирамиды...* — О Великой пирамиде Гизы (пирамиде Хеопса) написана обширная литература, касающаяся ее тайн, ибо, по мнению ряда авторов, во внутренней структуре, планировке и размерах пирамиды зашифрованы пророческие сведения об истории человечества.

...определили дату Распятия Христа... по общепринятому летоисчислению. А может быть, выбор должен пасть на дату Страстной пятницы... вычисленную по лунному календарю? — Споры о точной дате Распятия ведутся до сих пор; по одной из версий это произошло в 3 часа дня 7 апреля 30 г. н. э. Однако же традиционно даты Воскресения Христова определяются по так называемой пасхалии — системе расчетов, опирающейся не на даты солнечного календаря, а на календарные единицы лунного, основанные на математических выкладках, а не на собственно астрономических явлениях (фазах луны и т. п.); Католическая церковь применяет григорианскую пасхалию, а православная — юлианскую, что и приводит к разнице дат Пасхи.

С. 148. *...посочувствовать Дионисию Малому.* — Дионисий Малый (ок. 470–537/556) — римский аббат, богослов, составитель так называемой александрийской пасхалии, ошибочно вычислил дату Воскресения Христова как 25 марта 31 г. н. э., и соответственно его расчетам, дата Благовещения Пресвятой Богородицы приходится на 25 марта 4 г. до н. э.

...получается, что Христос рожден в пятом году до Рождества Христова — этот ирландизм... — В английском и американском фольклоре ирландцы часто представлены туповатыми олухами и невежами; отсюда и слово «ирландизм» — глупость, дурацкое поведение, нелепый поступок или высказывание.

День и месяц Рождества Христова точно не известны. — Подробный рассказ о рождении Иисуса Христа приводится только у евангелистов Луки и Матфея (Мф. 1: 18–25; Лк. 2: 1–24).

С. 149. *...хотя Ветхий Завет не порицает многоженство, в наших сорока шести штатах оно запрещено — с тех самых пор, как артиллерия армии Союза уничтожила оплот Антихриста в Солт-Лейк-Сити...* — Речь идет о событиях в истории вымышленной вселенной Хайнлайна. В действительности храм в Солт-Лейк-Сити был заложен в 1853 г., и во избежание разрушений во время Мормонской войны 1857–1858 гг. его фундамент был засыпан слоем грунта. В 1890 г. Уилфорд Вудраф, президент Церкви

Иисуса Христа Святых Последних Дней, опубликовал манифест, содержащий отказ от многоженства, что и было подтверждено последующим манифестом Джозефа Филдинга Смита в 1904 г.; тем не менее мормонские фундаменталисты практикуют многоженство и по сей день.

...от возделывания нашего общего виноградника... — Аллюзия на евангельскую притчу (Мф. 20: 1–16), где Царствие Небесное уподобляется винограднику.

С. 151 ...самые богохульные и подрывные теории сочиняют государственные чиновники, подвизавшиеся на постоянных штатных должностях, что оставляет им слишком много свободного времени. — Намек на Альберта Эйнштейна, который служил в Федеральном бюро патентования изобретений с 1902 по 1909 г. в чине эксперта III класса.

С. 162. «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень». ...псалом сто тридцать седьмой. — В православной Библии псалом 136; нумерация псалмов Псалтыри, переведенной на западноевропейские языки, не совпадает с нумерацией псалмов в Псалтыри на церковнославянском и русском языках.

С. 169. «Благодатная скала» — популярный христианский гимн «Rock of Ages», сочиненный англиканским священником Огастусом Монтэгью Топледи (1740–1778) в 1763 г.; автор русского текста — И. Проханов.

С. 170. «Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг...» — строка из стихотворения американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) «Псалом жизни» (перев. И. Бунина).

С. 171. ...от Ионы до сотой овцы... — Имеется в виду евангельская притча о заблудшей овце (см. Мф. 18: 12–14 и Лк. 15: 3–7).

С. 172. ...подкрепив ее десятым стихом пятнадцатой главы Евангелия от Луки и девятнадцатым стихом шестой главы Евангелия от Матфея. — «Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15: 10) и «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут...» (Мф. 6: 19).

С. 179. ...лживые великие знамения и чудеса, о которых Ты предупреждал... — Парафраз Мф. 24: 24 («Ибо восстанут лже-Христы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»).

Или безумен я, как Навуходоносор... — Царь Вавилонии в 605–562 гг. до н. э.; в 587 г. разрушил Иерусалим и увел в плен жителей Иудеи; рассказ о его правлении и безумии содержится в Книге пророка Даниила, в частности Дан. 4.

...«*Миллионы ныне живущих не умрут никогда*». — Пророчество о близком конце света, сделанное американским религиозным деятелем, президентом Общества Сторожевой Башни (Свидетелей Иеговы) Джозефом Франклином Рутерфордом (1869–1942) в 1918 г.; Общество свидетелей Иеговы (иеговисты) — протестантская секта, основанная в США в 1872 г.; признает единым Богом Иегову, отвергая многие основные христианские догматы (триединство Бога, бессмертие души и др.); рассматривает земной мир как царство Сатаны, в битве которого с Иеговой погибнет все человечество, кроме самих иеговистов; веруют в близкий конец мира и установление власти Иеговы на земле.

...*является... организацией экуменической*. — Экуменическое движение — движение за объединение всех христианских церквей.

С. 180. *Теологи-премилленаристы...* — Премиленаризм — одна из концепций толкования Тысячелетнего Царства, согласно которой оно будет установлено после Второго пришествия Христа и Великой Скорби.

С. 181. ...*следовало отдавать кесарю кесарево*. — Ср. евангельский эпизод с динарием кесаря (Мф. 22: 15–22, Мк. 12: 13–17, Лк. 20: 20–26).

С. 185. ...*нумератор Бэббиджа*. — Чарльз Бэббидж (1792–1871) — английский математик и философ, создатель логической машины, обладавшей анализатором и памятью.

С. 189. *Куда ты пойдешь, туда и я пойду*. — Руф. 1: 16.

...*Герцог Хианниспортский...* — В городе Хианниспорт, штат Массачусетс, находится резиденция семейства Кеннеди, внесенная в реестр национальных исторических памятных мест США.

С. 190. ...*посылали за ним в Эшторил...* — Во время и после Второй мировой войны в португальском курортном городке Эшторил жили многие аристократы-эмигранты, в частности Кароль II, король Румынии; Миклош Хорти, регент Венгерского королевства; принц Хуан Карлос Тереза Сильвестре Альфонсо де Бурбон и Баттенберг, претендент на испанский престол.

«*Зелен виноград*» — вошедшее в поговорку выражение из басни Эзопа «Лисица и виноград», известной также в переложении И. А. Крылова.

С. 191. *Ролла-Тех* — имеется в виду Миссурийский университет науки и технологий (бывшее Миссурийское училище горного дела и металлургии, впоследствии университет Миссури-Ролла), основанный в 1870 г. и специализирующийся в инженерных

науках; один из ведущих технологических исследовательских центров США.

С. 198. *Отвратительная, чистойшая жестокость. Причем бессмысленная. Как отрывать крылья у мух.* — Ср.: «Как мухам дети в шутку, / Нам боги любят крылья обрывать» (У. Шекспир. Король Лир. Акт IV, сц. 1. Перев. Б. Пастернака).

С. 201. *...мысли о жене Потифара и Сусанне и старцах.* — Рассказ о жене Потифара, которая пыталась соблазнить своего раба Иосифа, содержится в Книге Бытия, 39: 1–20; история Сусанны и домогавшихся ее старцев изложена в Книге пророка Даниила, гл. 13.

С. 203. *...ехали на «Грейхаунде»...* — Крупнейшая в США автобусная компания «Greyhound Lines», основанная в 1914 г. и занимающаяся междугородными перевозками пассажиров.

С. 204. *Что там кролик говорит? / — Кролик сдох.* — С 1930-х гг. беременность определяли с помощью анализа, проводимого на мышах, а впоследствии на крольчихах. Бытовало заблуждение, что в случае подтверждения беременности крольчиха умирала, поэтому фраза «Кролик сдох» стала своего рода эвфемизмом положительного результата.

С. 208. *...в школе имени Хораса Манна...* — Хорас Манн (1796–1859) — американский педагог, политик и реформатор образования в светских школах; считается основателем современного понятия «средняя школа».

С. 209. *...Акрон — это город где строят... воздушные корабли.* — В действительности компания «Goodyear-Zeppelin» в 1929 г. открыла в Акроне, штат Огайо, крупнейший в то время завод по строительству дирижаблей.

С. 211. *...много езжу... почитать, кроме Гедеоновой Библии, и нечего.* — Межцерковное содружество христиан, известное под названием «Гедеоновы братья» или Ассоциация евангельских христиан «Гедeon», основанное в 1899 г., занимается распространением Священного Писания и снабжает бесплатными экземплярами Библии дешевые гостиницы и мотели, больницы, дома престарелых, тюрьмы, приюты бездомных и общежития.

...помнишь Евангелие от Матфея, главу двадцать четвертую, стих двадцать четвертый? — «Ибо восстанут лже-Христы и лже-пророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24: 24). Также см. примеч. к. с. 179.

«И вдруг, после скорби дней тех... от края небес до края их». — Мф. 24: 29–31.

С. 212. ...*расплатился «полуорлом»*... — «Орел» (англ. eagle) и «полуорел» (англ. half eagle) — названия старинных американских золотых монет достоинством в десять долларов и пять долларов.

Все больше «колеса»... — «Колесо» (англ. cartwheel) — просторечное название монеты достоинством в один доллар.

С. 214. ...*послушай дядюшку Дадли*. — Дядюшка Дадли (дядюшка Марвел или Дадли Х. Дадли) — герой комиксов «Семейка Марвел» (*The Marvel Family*), выпускаемых с 1943 г., пожилой добродушный толстяк; любит давать всем полезные советы и притворяется, что обладает суперспособностями.

Аризонский ядозуб — крупная (длиной до 60 см) и очень ядовитая ящерица, встречающаяся на юго-западе США.

С. 218. «*Сторожевая башня*» — журнал, издаваемый сектой иеговистов (см. примеч. к с. 179.)

С. 219. ...*говорится в одиннадцатой главе Откровения, стих второй или третий*... — «А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťтый город сорок два месяца»; «И дам двум свидетелям Моим, и будут они пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище».

...*придет Сын Человеческий*. — Мф. 24: 44.

С. 228. *В пустыне Пейнтед-Дезерт*... — Painted Desert (англ. Окрашенная пустыня) — часть североамериканского плато Колорадо в Аризоне, где на поверхность выходят стратифицированные отложения, образующие разноцветные слои, что создает необычайно красивый ландшафт.

С. 232. ...*вице-президент Артур Сьюэлл*. — В действительности Артур Сьюэлл (1835–1900) — американский промышленник и политик, баллотировался на пост вице-президента от Демократической партии США на выборах 1896 г., когда Уильям Дженнингс Брайан первый раз безуспешно выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

С. 233. ...*в этом мире Дания — часть Швеции!* — Последний союз Дании (в состав которой входила Норвегия) и Швеции, так называемая Кальмарская уния, продолжался с 1397 по 1523 г.; вплоть до начала XIX в. Швеция и Дания воевали между собой за господство на Балтийском море.

...*король — Карл Шестнадцатый! ...но он даже не королевской крови!* — Начало правящей династии королевства Швеции положил наполеоновский маршал Жан Батист Жюль Бернадот (1763–1844), взошедший на престол под именем Карла XIV Юхана в 1818 г.; Карл XVI Густав (р. 1946) коронован в 1973 г.

С. 234. ...летательные машины были изобретены доктором Альберто Сантос-Дюмоном... — Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) — один из пионеров воздухоплавания; родился в Бразилии; конструировал управляемые воздушные шары, дирижабли, а впоследствии — летательные аппараты тяжелее воздуха: самолеты и вертолеты.

С. 237. ...ручьи дороже драгоценных камней, ничто из желаемого не сравнится с ними. — Парафраз Прит. 3: 15 «[Мудрость]... дороже драгоценных камней; и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею».

С. 238. ...шоколадном батончике «Ох, Генри!»? — Батончик с начинкой из арахиса, карамели и помадки в шоколадной глазури; с 1920 г. производился чикагской фирмой «Уильямсон кэнди кампани», с 1984-го — компанией «Нестле»; был назван в честь паренька по имени Генри, который постоянно заигрывал с работницами кондитерской фабрики.

С. 241. Но вот, иду я вперед, и нет Его... Книга Иова, 23: 8–10. — Первая из якобы ошибочно атрибутированных библейских цитат, должно быть Иов 23: 8–9 (см. также С. 255, 300, 346 и 375); некоторые исследователи творчества Хайнлайна усматривают в этом авторское указание на определенные различия между реальной Библией и Библией в его вымышленной вселенной.

С. 242. Даже фигового листа и того нет. — Аллюзия на историю грехопадения Адама и Евы: «...и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7).

С. 249. ...загляните к Меннингерам... — В 1919 г. Чарльз Меннингер и его сыновья, Карл и Уильям, известные американские психиатры, открыли психиатрическую клинику и лечебницу в г. Топека, штат Канзас; клиника действует по сей день, в 2003 г. переехала в Хьюстон, штат Техас.

С. 250. ...звучит... весьма кошерно. — Кошерная пища — пища, приготовленная согласно требованиям иудейской религии; в просторечии — правильный, в норме, порядочный.

С. 251. ...описал нам доктора Джекила... портрет мистера Хайда. — Герои повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), вернее, персонализированные противоположные аспекты одной и той же личности: первый — олицетворение добра, второй — зла.

С. 253. В моей методе есть толика безумия... — Парафраз крылатого выражения из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (акт II, сц. 2): «В его безумии присутствует метода» (перев. В. Рапопорта).

С. 255. *И отвечал сатана Господу... Книга Иова, 1: 7.* — Якобы ошибочная атрибуция библейской цитаты (см. выше примечание к с. 241), должно быть Иов, 1: 9.

С. 256. *...попадет в Луна-Сити или в Тихо-Нижний...* — Речь идет о поселениях на Луне, упоминаемых в предыдущих и последующих произведениях автора, в частности: «Реквием» (1940), «Вселенная» (1940, впоследствии — первая часть романа «Пасынки Вселенной»), «Зеленые холмы земли» (1947), «Как здорово вернуться» (1947), «Черные ямы Луны» (1948), «Присаживайтесь, джентльмены!» (1948, он же «Вынужденная отсидка»), «Человек, который продал Луну» (1950), «Космическое семейство Стоун» (1952, он же «Беспокойные Стоуны»), «Угроза с Земли» (1957), «Есть скафандр — готов путешествовать» (1958), «Луна — суровая госпожа» (1966, он же «Луна жестко стелет», «Восставшая Луна»), «Не убоюсь я зла» (1970, он же «Пройдя долиной смертной тени»), «Достаточно времени для любви» (1973), «Кот, проходящий сквозь стены» (1985), «Уплыть за закат» (1987).

Джон Ф. Кеннеди. Президент с шестьдесят первого по шестьдесят девятый год. — В действительности Джон Фицджеральд Кеннеди (1917–1963) занимал пост президента с 1961 по 1963 г.

...хозяин транспортной компании «Диана»... владелец долей в... «Бобовом стебле»... — Обе компании упоминаются и в других произведениях Хайнлайна: «Диана» — в романе «Дети Мафусаила» (1941), «Бобовый стебель» — во «Фрайди» (1982).

С. 257. *...слова мудреца из Ганнибала: «Если б не почести, я б лучше пешочком прошелся».* — «Мудрец из Ганнибала» — известный американский писатель Марк Твен (Сэмюэл Клеменс, 1835–1910), детство которого прошло в миссурийском городке Ганнибал, ставшем прототипом Санкт-Петербурга, родного города Тома Сойера и Гекльберри Финна; Хайнлайн приписывает Твену знаменитое высказывание Авраама Линкольна в ответ на вопрос, как тому нравится быть президентом США.

С. 262. *...пресловутого храма в Южной Индии... который демонстрирует все возможные разновидности извращенного сладострастия...* — В Индии существует несколько храмов со скульптурными изображениями откровенно эротического содержания, самым известным из которых считается храмовый комплекс Кхаджурахо в штате Мадхья-Прадеш.

Ремингтон номер два. — Имеется в виду стиль работ американского скульптора и художника Фредерика Сэкрайдера Ре-

мингтона (1861–1909), создававшего художественные произведения на тему Дикого Запада.

С. 264. *...сказала корова миссис Мерфи, но пожар от этого не погас.* — Аллюзия на Великий чикагский пожар (1871), за два дня уничтоживший большую часть города; по одной из версий, пожар вспыхнул потому, что корова некой миссис О'Лири (или миссис Мерфи) опрокинула зажженную керосиновую лампу на солому в хлеву.

С. 274. *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете».* — Мф. 7: 7; Лк. 11: 9.

С. 275. *«А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою эту».* Это опять Книга Иова, глава девятнадцатая. — Иов, 19: 25.

С. 280. *...жертвой законов «Алой буквы»...* — В некоторых пуританских общинах Новой Англии падшие женщины должны были носить на одежде алую букву «А» (англ. *adulteress*, прелюбодейка).

С. 281. *«Твердыня наша — вечный Бог»* — строка из евангельского гимна, написанного в 1523 г. Мартином Лютером на основе псалма 45 «Бог нам прибежище и сила...».

С. 283. *Брось-ка ты изображать кроткую Гризельду...* — Гризельда — персонаж средневекового фольклора, героиня одной из новел «Декамерона» Джованни Боккаччо, терпеливо сносящая множество бед и невзгод.

С. 284. *...будем гулять по Тиволи.* — Тиволи — один из старейших датских парков в центре Копенгагена, созданный в 1843 г.

С. 286. *...достойно ли ты вела себя в Филадельфии?* — Надменное поведение филадельфийских квакеров в начале XIX в. и их чванство по отношению к неимущим слоям населения служило предметом насмешек и язвительных шуток; широкую известность приобрели сатирические гравюры Эдварда Уильяма Клэя (1799–1857) под общим названием «Жизнь в Филадельфии».

С. 295–296. *Я звякну тебе из Мехико... переведи мне денежки в Федеральный округ.* — До 2016 г. Федеральным округом называлась особая административная единица в центральной и южной части Мехико, состоящая из 16 районов и приравненная к штату.

С. 298. *...у нас будет достаточно времени для любви...* — Авторская отсылка к собственному роману «Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга» (1973).

С. 300. ...*Сии облеченные в белые одежды, кто и откуда пришли?* {...} *Откровение Иоанна Богослова, 8: 13–15.* — Еще одна якобы ошибочная атрибуция библейской цитаты (см. примеч. к с. 241), должно быть Откр. 7: 13–15, а глава 8 заканчивается стихом 13: «И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!»

С. 302. ...*древний парадокс об Ахиллесе и черепахе...* — Одна из так называемых апорий Зенона Элейского, древнегреческого философа V в. до н. э., парадоксальное рассуждение о движении.

С. 304. *Билли Сандей* (Уильям Эшли Сандей, 1862–1935) — известный американский бейсболист, ставший одним из самых популярных евангелических проповедников начала XX в.

С. 306. *Пусть твой свет сияет пред людьми!* — Популярный евангельский гимн «Не стремись земли великие дела творить» (англ. «Brighten the Corner Where You Are»), написанный в 1913 г. Чарльзом Гэбриелем на слова Ины Мэй Огдон (перев. И. Вечерок).

...*справляется с «Городом небесным Иерусалимом» и практически незаменим при исполнении гимна «Господень сын, сквозь огонь и дым...».* — Евангельский гимн «The Holy City (Jerusalem)» английского композитора Майкла Мэйбрика (под псевдонимом Стивен Адамс) на стихи Фредерика Эдварда Уэзерли, написанный в 1892 г. и ставший одним из самых узнаваемых евангельских гимнов; переложен на русский Я. Соколовским («Не сон то был прекрасный, я видел храм святой...». «Господень Сын, сквозь огонь и дым...» (англ. «The Son of God Goes Forth to War») — гимн, написанный Реджинальдом Хебером, епископом Калькуттским, в 1827 г. и положенный на музыку Генри Катлером (перев. Д. Быкова).

С. 308. «...*потому что Сам Господь при возвещении... и мертвые во Христе воскреснут прежде...*» — Первое послание апостола Павла к солунянам, 1 Сол. 4: 16.

С. 309. ...*ибо Сам сказал: не оставляю тебя...* — Евр. 13: 5.

Се, стою у двери и стучу... — Откр. 3: 20.

Сие говорю вам Словом Господним... — Откр. 4: 15.

С. 311. *И произойдет на небе война.* — Вольный пересказ Откр. 12: 7–9.

С. 312. ...*мир Божий, который превыше всякого ума...* — Флп. 4: 7.

Да, мы встретимся с тобою... — припев евангельского гимна «Встретимся ли мы с тобою...» (англ. «Shall we gather at the river...» или «Hansen Place», по названию баптистской церкви в Бруклине, Нью-Йорк), написанного американским поэтом и композитором Робертом Лоури в 1864 г. по мотивам Откр. 22: 1–5; автор русского текста неизвестен.

«Таков, как есть, без дел, без слов...» — популярный евангельский гимн «Just as I am», написанный английской поэтессой Шарлоттой Эллиот в 1835 г. и положенный на музыку американского композитора Уильяма Брэдбери в последующей аранжировке Томаса Гастингса (перев. Д. Ясько).

С. 315. *...на небесную переключку...* — Аллюзия на евангельский гимн «В час, когда труба Господня...» (англ. «When the Roll is Called Up Yonder», перев. А. Пейкер), сочиненный Джеймсом Милтоном Блэком в 1893 г.; в припеве говорится: «На небесной переключке — там по милости Господней буду я»; впоследствии вошел в репертуар таких известных кантри-музыкантов, как Лоретта Линн, Джонни Кэш и Вилли Нельсон.

С. 318. *...почему Петр и Иаков бросили сети...* — Аллюзия на рассказ о чудесном улове рыбы на море Галилейском (Лк. 5: 1–11) и призвании первых четырех апостолов: Петра, Андрея, Иоанна и Иакова; этот эпизод упоминается также в Мф. 4: 18 и в Мк. 1: 16.

С. 319. *Новый Иерусалим... имеет форму квадрата...* — Описание Святого града — вольный пересказ Откр. 21: 10–25 в пересчете на современные меры длины.

С. 320. *...его канцелярия находится у главных, Иудиных врат...* — Врата Нового Иерусалима названы именами 12 сыновей библейского патриарха Иакова, родоначальников колен Израилевых.

В воскресении не женятся и не выходят замуж... — Мф. 22: 30; а также Лк. 20: 35 и Мк. 12: 25.

С. 321. *...последним во плоти сюда явился Илия...* — Рассказ о Восхищении пророка Илии содержится в 4 Цар. 2: 11–13 и Сирах. 48: 12.

С. 322. *...вспоминать... Луку дела Роббиа...* — Лука делла Роббиа (1400–1482) — флорентийский скульптор и художник.

С. 323. *Паписты же насчитывают аж девять разновидностей ангелов.* — Небесная иерархия, принятая и Католической, и Православной церковью, включает в себя девять ангельских чинов.

Согласно пророку Даниилу, на Небесах обретается около ста миллионов ангелов. — Дан. 7: 10: «тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним», т. е. 10 000 раз по 10 000 ан-

гелов; см. также Откр. 5: 11, где число ангелов определено как «тмы тем и тысячи тысяч».

С. 327. *В силу своих полномочий рукоположенного священника истинной католической церкви Иисуса Христа, Сына Бога Отца... Да будет так.* — И без того искаженная формула благословения Церкви Божией во Христе вместо «Аминь» неожиданно завершается ритуальным масонским восклицанием.

С. 331. *...в поте лица своего ел хлеб...* — Быт. 3: 19.

С. 337. *...Стив был убит на равнине Меггидо...* — Место, где состоится Армагеддон, Последняя битва сил добра с силами зла в конце времен (Откр. 16: 14–16).

С. 343. *...расступилась... как воды Чермного моря...* — Чермное море (церк.-слав.) — «Красное море»; топоним, употребляемый в синодальном переводе Библии для обозначения места, где по приказу пророка Моисея воды расступились перед израильтянами, бежавшими из Египта, а потом сомкнулись, утопив войско фараона (Исх. 13: 18 — 14: 30).

С. 345. *...если бы святая Иоанна была столь же стойкой в вере... она погасила бы пламя костра, на котором сгорела.* — Имеется в виду Жанна Д'Арк (1412–1431), сожженная на костре как еретичка, но в 1920 г. канонизированная Католической церковью и причисленная к лику святых.

С. 346. *...в Евангелии от Марка в главе двенадцатой, стих двадцать третий.* — Здесь снова якобы «ошибочная атрибуция» библейской цитаты (см. выше примечание к с. 241), должно быть Мк. 12: 25: «Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как ангелы на Небесах».

«Ибо в воскресении не женятся...» <...> ...я сам слышал, как Он это говорил. Саддукеям. — См. беседу Иисуса с саддукеями, изложенную в Мф. 22: 23–30 и Мк. 12: 18–25; саддукеи — одна из политических и религиозных группировок в Иудее II в. до н. э. — I в. н. э., объединявшая высшее жречество, знать и землевладельцев.

С. 352. *Камера сенсорной депривации* — камера, изолирующая человека от любых ощущений, разработана американским врачом-нейропсихологом Джоном Лилли в начале 1950-х гг.

С. 355. *Том Свифт* — юный гений-изобретатель, герой многотомной серии книг для подростков в жанре приключенческой фантастики, издаваемой в США с 1910 г.

...прилететь на семьсот сорок седьмом. — Имеется в виду пассажирский самолет «Боинг-747», запущенный в эксплуатацию

в 1969 г. и на момент написания романа бывший самым большим пассажирским авиалайнером, предназначенным для дальних беспосадочных перелетов.

С. 356. *Господь всесильною рукой творит Свои дела.* — Строка из христианского гимна «Господь всесильною рукой» (англ. «God Moves in a Mysterious Way») на слова английского поэта Уильяма Купера (1731–1800) (перев. Д. Ясько); английская фраза синонимична выражению «неисповедимы пути Господни». Ср.: «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11: 33).

С. 357. *Ашмедай* — он же Асмодей, могущественный демон, один из семи князей ада, упоминается в неканонической ветхозаветной Книге Товита.

С. 360. «*Округлые, крепкие и хорошо упакованные*». — Рекламный слоган сигарет «Лаки Страйк» в конце 1940-х гг.; в 1947 г. стал первой строкой популярной песни кантри-певца Мерла Трэвиса, почти полностью состоящей из различных рекламных слоганов.

С. 364. *Дагвуд* — общее наименование многослойных сэндвичей огромного размера, получивших имя в честь Дагвуда Бамстеда, персонажа комик-стрипа «Блонди» (Blondie), публикующегося с 1930 г.

С. 365. ...*в клубах «Кроули и соратники» и «Нероновы лавры и фиги»*... — Названия клубов указывают на предосудительный характер их деятельности; английский оккультист Алистер Кроули (1875–1947) и римский император Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68) стали символами разнузданной распущенности.

С. 367. ...«*почитай отца твоего и мать твою*». — Пятая из десяти Заповедей Моисеевых, приведенных в Исх. 20: 2–17: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» — и Втор. 5: 6–21: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

С. 369. ...*после полуночи через спальню можно было прогнать целое стадо гусей, я бы все равно не проснулся*. — Намек на известный исторический анекдот о том, как гуси спасли Рим от штурма: услышали тихо карабкающихся на Капитолийский холм галлов, подняли гогот и разбудили горожан.

С. 371. *Сатана Мекратриг*. — Этот титул Князя Тьмы упоминается также в романе Джеймса Блиша «Черная пасха» (1968) из

дилогии «После такого познания» (название дилогии — цитата из стихотворения Т. С. Элиота «Геронтион»: «После такого познания что за прощение?» (перев. А. Сергеева)), однако представляет собой искаженное «Сатана мекатриг» (см. одноименный рассказ английского писателя Израэля Зангвилла в сборнике «Трагедии гетто» (1899)), что на иврите означает «дьявол-адвокат».

...Первого Падшего Престола... — Здесь Престол — один из чинов ангельской иерархии, см. выше примечание к с. 323.

С. 374. ...колоссальные бронзовые створки, изукрашенные барельефами не хуже врат Гиберти... — Лоренцо Гиберти (ок. 1378—1455) — итальянский скульптор и ювелир; создал бронзовые рельефы врат флорентийского баптистерия со сценами по мотивам Евангелия, а также жизнеописаний апостолов и Отцов Церкви (северные врата) и сценами из Ветхого Завета (восточные, или «райские» врата).

...традиционное изображение дьявола на бутылках слабительной минеральной воды «Плут» или на жестянках пикантного мясного паштета... — Имеются в виду торговые марки популярного в начале XX в. слабительного средства «Pluto Water», названного по имени Плутона, римского бога преисподней, и мясных паштетов компании «Underwood Meat Spreads», в логотипах которых использовалось стилизованное изображение дьявола.

С. 375. Я стал братом драконам и другом совам. Книга Иова 30: 29. — Еще одна «ошибка» в библейской цитате (см. выше примечание к с. 375); должно быть: «Я стал братом шакалам и другом страусам» (Иов. 30: 29).

С. 377. ...умом не дорос... до Дэниела Уэбстера. — Дэниел Уэбстер (1782—1852) — американский политический деятель, знаменитый юрист и оратор, идеализированный образ которого выведен в рассказе Стивена Винсента Бене «Дьявол и Дэниел Уэбстер» (1936).

С. 377—378. ...папы Александра Шестого — самого знаменитого хапуги в истории человечества. — Имеется в виду Родриго Борджиа (1431—1503), которого противники именовали «чудовищем разврата» и «аптекарем Сатаны»; по слухам, ради личной выгоды и наживы он не гнушался убийств и отравлений.

С. 388. ...я скован на тысячу лет, и низвержен в бездну, и заключен. — Парафраз Откр. 20: 2—3: «Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тыся-

ча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время».

...не хожу по земле и не обхожу ее. — Парафраз Иов. 1: 7 и Иов 2: 2: «И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее».

...брошусь, как там в песне поется, «в яростный бой, Гарвард!»... — Строка из пародийной песни болельщиков спортивного клуба Гарвардского университета («Fight fiercely, Harvard!»), написанной в 1945 г. Томом Лерером (р. 1928), математиком и популярным автором сатирических песен.

С. 392. ...и как трубы вострубили... и как вся стена обрушилась до своего основания. — Парафраз Нав. 6: 19: «Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ [весь вместе] громким [и сильным] голосом, и обрушилась [вся] стена [города] до своего основания, и [весь] народ пошел в город, каждый со своей стороны, и взяли город».

...банда оборванцев-оки... — Оки — презрительная кличка разорившихся оклахомских фермеров.

С. 394. «Отче наш, сущий на Небесах! ...да будет воля Твоя и на земле, как на небе...» — Матф. 6: 9–10.

С. 397. ...ты вовсе не собиралась лететь на шабаш? {...} Мы с Израфелем вовсе не так близко знакомы для этого. {...} Израфель? Я думал, он на Небесах. / — Это его крестный. Трубач. — Израфель — вестник Судного дня в исламской эсхатологии, который звуками трубы воскресит мертвых для Страшного суда; упоминается в каббалистических и оккультных учениях; ему посвящено одноименное стихотворение Эдгара Аллана По, известное русскому читателю в переводах В. Брюсова и К. Бальмонта.

С. 401. Какой-то ученый сказал: «Бог не играет в кости со Вселенной». — Вошедший в поговорку парафраз высказывания Альберта Эйнштейна.

Телеология — онтологическое учение о целесообразности бытия, оперирующее наличием воли сверхразумного Творца; выражается в идеалистической антропоморфизации природных явлений и процессов, якобы возникающих для осуществления предустановленных целей.

С. 402. ...«птичка в клетке золоченой, ах, несчастное создание». — Парафраз строки из сентиментальной баллады на стихи Артура Лэмба и музыку Гарри фон Тильзера «She's Only a Bird in a Gilded Cage, a Beautiful Sight to See» (1900) («Она как птичка в клетке золоченой, ах, прекрасное создание...»).

С. 409. *А может, на несколько циклов отправить тебя к Гларуну?* — Гларун — божественная сущность, впервые упомянутая Хайнлайном в рассказе «Они» (1941). Также см. примеч. к с. 105.

С. 412. *Шабесгой* — иноверец, которого нанимают для выполнения запрещенной в субботные дни работы (*ивр.*).

С. 413. *...не заграждать рта волу, когда он молотит?* — Втор. 25: 4.

С. 419. *...стала послушницей-экдисиасткой...* — Слово, образованное американским писателем-сатириком, редактором и критиком Генри Луисом Менкеном (1860–1956) от греческого ἑκδυσίς (экдисис), означающего «линька, сбрасывание верхних слоев, шелушение», юмористически употребляется в значении «исполнительница стриптиза».

Сэмюэл Клеменс выразил это так: «Там, где была она, был рай». Омар Хайям сформулировал эту мысль чуть иначе: «Я не стану и думать о рае ином». Браунинг назвал это «*Sittit Wit*». — Приводятся цитаты из «Дневника Евы» Марка Твена (перев. Т. Озерской), «Рубайят» Омара Хайяма (перев. Г. Плисецкого) и стихотворения Роберта Браунинга «Поцелуй» (перев. Я. Фельдмана).

А. Питчер

Хайнлайн Р.

X 15 **Иов, или Комедия справедливости : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер ; под ред. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Звезды мировой фантастики).**

ISBN 978-5-389-14555-9

Классический роман зрелого Хайнлайна, задуманный им еще на заре писательской карьеры; идею подарил такой же молодой Айзек Азимов, а реализовал ее Хайнлайн спустя почти полвека, вдохновляясь религиозно-философскими сатирами Вольтера и Марка Твена. Итак, познакомьтесь с Алексом Хергенсхаймером. В Полинезию он прилетел на дирижабле «Граф фон Цеппелин» и путешествует по островам на круизном судне «Конунг Кнут». Согласившись участвовать в ритуале хождения по огню, Алекс не сгорел и не обжегся, лишь ненадолго потерял сознание. Но почему, когда он очнулся, все называют его «мистер Грэхем»? Почему «Конунг Кнут» выглядит совершенно иначе и почему в этом мире нет ни одного дирижабля?..

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ИОВ, ИЛИ КОМЕДИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анна Быстрова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.04.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ № 3765/18.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AFA-22815-01-R

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Классический роман зрелого Хайнлайна, задуманный им еще на заре писательской карьеры; идею подарил такой же молодой Айзек Азимов, а реализовал ее Хайнлайн спустя почти полвека, вдохновляясь религиозно-философскими сатирами Вольтера и Марка Твена. Итак, познакомьтесь с Алексом Хергенсхаймером. В Полинезию он прилетел на дирижабле «Граф фон Цеппелин» и путешествует по островам на круизном судне «Конунг Кнут». Согласившись участвовать в ритуале хождения по огню, Алекс не сгорел и не обжегся, лишь ненадолго потерял сознание. Но почему, когда он очнулся, все называют его «мистер Грэхем»? Почему «Конунг Кнут» выглядит совершенно иначе и почему в этом мире нет ни одного дирижабля?..

Перевод публикуется в новой редакции.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Cover Art © Michael Whelan

ISBN 978-5-389-14555-9

01

9 785389 145559

www.azbooka.ru